

Гуськов, А.М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации.

Оглавление:

Под грифом «сугубо лично»

От автора

Глава 1. Возмужание

Московское детство

Рабфак

Путевка в жизнь: Бердянск

Встреча с Лазарем Кагановичем

Неожиданное направление в органы НКВД

Глава 2. Литва

Первое спецзадание

«Губайтис» из «Совгума»

Ценный агент «Грейтас»

Во главе уездного отдела НКВД. Установление советской власти

Депортация

Новогодний «подарок»

В комиссии по репатриации

На новом месте. Биржай

Война!..

На Восток из немецкого тыла

Глава 3. В боях за Родину

В особом отделе 269-й дивизии

Немецкий шпион Иванов

Ликвидация вражеского десанта

В 307-й стрелковой дивизии. Роковая переправа

Первые наступательные операции, первые ранения

Москва, Кремль. Орден Красной Звезды

Глава 4. На Северном Кавказе

Начальник ОО Грозненского особого оборонительного района

Разгром бандгруппы Реккерта

Борьба с немецкой пропагандой и разведкой

Первая радиоигра с противником

«Часовщик» - резидент Абвера - «Дело Юшкевича»

Возвращение в НКВД СССР

Инцидент по дороге в Орджоникидзе

Секретное совещание у И.А.Серова. Приезд Л.П.Берии. Операция НКВД «Горы»

Во главе Особого отдела 8-й дивизии войск НКВД

«Дело «Гурьянова»

Конец «Пирата»

Особый отдел Северо-Кавказского округа НКВД

У начальника КРО МВД СССР. Второй орден Красной Звезды

Глава 5. В действующей армии

3-й Белорусский фронт

Операция «Багратион»

Подвиг Юрия Смирнова

Освобождение Минска. Капитуляция и пленение 4-й немецкой армии

Освобождение Вильнюса

Предотвращение теракта против заместителя наркома МВД СССР. Орден Отечественной войны 1-й степени

Штаб в Шиловоте. «Мировой судья»

Восточно-Прусская операция

Кведнау. Снайпер-нацист

Штурм Кенигсберга и Пиллау

Победа!

Последний аккорд войны

Глава 6. Схватка с "Лесными братьями"

Снова в Литве. Борьба с националистическим подпольем

Банда Пранаса Шилейкиса

Смертельный риск. У «лесных братьев»

Бесстрашный «Владас». В роли британского офицера

Ликвидация банды Пранаса

Глава 7. Вехи послевоенных лет

Особый отдел войск охраны тыла Южной группы войск

КРО МВД СССР. Спецкомандировка в Магадан

Высшая школа МВД СССР

«Ленинградское дело»

Глава 8. "Волга, Волга..."

Во главе УМВД Горьковской области

Урок по хлебозаготовке

«Волынка» (бунт) в Буреполомском лагере

Личным примером

Глава 9. Горячий воздух Азербайджана

Инструктор ЦК

Встреча с М.А. Сусловым («Будем поддерживать!»)

Министр внутренних дел Азербайджанской ССР

Темное наследие Багирова

XX съезд КП Азербайджана

Очищение. Председатель КГБ Азербайджана

«Холодная война» с Мустафаевым

Глава 10. На верхних "этажах" оперработы

Во главе военной контрразведки страны

Опыт международного общения

Венгерские события. 1956 год

Спецоперация в городе Печ

На Московской земле. Орден Красного Знамени». Руководство оперработой

Приложение

Глава 11. "Холодные" шестидесятые (страницы истории)

Краткая автобиография (из личных записей А. М. Гуськова)

Жизненные эпизоды. Воспоминания супруги А.М.Гуськова

Петров Николай Федорович (генерал-майор)

Климанов Николай Федорович (полковник)

Вареник Григорий Васильевич (полковник)

Митин Михаил Васильевич (полковник)

Алексеева Зинаида Павловна (стенографистка, инвалид ВОВ)

Белых Николай Васильевич (вольнонаемный)

Операция «БУМЕРАНГ»

Трагедия на Байконуре 24 октября 1960 года

Глазами американцев

Вторые похороны Сталина

Встреча с «Янгом» в Арбатском переулке

Пеньковский (версии разоблачения)

Операция "Анадырь"

Смена председателя...

Версия генерала В.Е.Семичастного

Версия генерала В.И.Алидина "Закулисная борьба... за обладание властью"

Заговор или террорист-одиночка?

"Комсомольская атака" на КГБ

Сведения о деятельности советской контрразведки (за 1957, 1967 гг.) из секретных отчетов председателей КГБ при СМ СССР в ЦК и Политбюро ЦК КПСС.

Комментарии

Глава 1. Возмужание

Глава 2. Литва

Глава 3. В боях за Родину

Глава 4. На Северном Кавказе

Глава 5. В действующей армии

Глава 6. Схватка с "Лесными братьями"

Глава 7. Вехи послевоенных лет

Глава 8. "Волга. Волга..."

Глава 9. Горячий воздух Азербайджана

Глава 10. На верхних "этажах" оперработы

Глава 11. "Холодные" шестидесятые. Страницы истории.

Фотографии. Часть 1

Фотографии. Часть 2

Под грифом «сугубо лично»

Предлагаемая вниманию читателя книга является прежде всего важным историческим и автобиографическим документом, поскольку написана человеком, прошедшим многолетнюю школу жизни, познавшим многие секреты и особенности оперативно-чекистской работы. Целый ряд лет он возглавлял всю военную контрразведку нашей страны. Это было непростое время - 1959 - 1964 годы, когда Комитет государственной безопасности после радикальных «реформ» рвавшегося в «большую политику» А.И.Шелепина возглавил генерал-полковник В.Е.Семичастный. Именно на этот период пришлось важнейшие события периода «холодной войны», но - не только мрачного, драматического характера. Достаточно вспомнить такую историческую дату, как 12 апреля 1961 года - полет в космос первого космонавта Земли - Ю.А.Гагарина!

Совсем не случайно жанр книги определен как «исповедь военного контрразведчика». Действительно, все изложенное здесь как бы написано под грифом «сугубо лично» и отличается исключительной искренностью, даже в тех случаях, когда автор говорит о вещах глубоко индивидуального плана или признается в допущенных им досадных промахах и ошибках. Дело в том, что изначально Анатолий Михайлович намеревался посвятить воспоминания своим детям и внукам и только позднее решил обратиться к широкой отечественной аудитории, справедливо полагая, что полученный им профессиональный и жизненный опыт может быть полезен молодым чекистам, а также представителям подрастающих поколений российской молодежи и всем, интересующимся историей отечественных органов государственной безопасности.

В ценности такой информации не приходится сомневаться, ибо она предоставляется читателю, как говорится, из первых рук.

Почти 40 лет прослужил в органах госбезопасности генерал-майор А.М.Гуськов.

После окончания Московского нефтяного института с должности главного инженера Бердянского крекинг-завода он был направлен в 1939 году по специальному партийному набору на работу в Народный комиссариат внутренних дел. Закончил Высшую школу НКВД СССР, получив высшее военное образование.

В годы Великой Отечественной войны А.М.Гуськов находился в действующей армии с первых и до последних дней. Войну закончил в Кенигсберге в звании подполковника.

После войны работал на ответственных постах в системе госбезопасности: начальником Горьковского областного управления МГБ; зам. зав. сектором административного отдела ЦК КПСС; министром МВД, а затем председателем КГБ Азербайджанской ССР, был членом бюро ЦК КП Азербайджана, депутатом Верховного Совета СССР; затем - первым заместителем и, наконец, начальником 3-го главного управления КГБ при СМ СССР (военная контрразведка).

Обладая высоким профессионализмом, большими организаторскими способностями, отличаясь исключительной чуткостью, вниманием к людям и высокой требовательностью к собственным делам и поступкам, А.М.Гуськов оставил о себе в тех подразделениях, где служил и работал, самую добрую память. Его всегда отличали и отличают такие качества, как честность, твердость духа,

принципиальность, строгое следование законности и вместе с тем доброта, гуманность, чувство товарищества.

Под руководством Анатолия Михайловича прошло становление нескольких поколений оперативного и руководящего состава чекистов разных профилей, но, прежде всего, военных контрразведчиков. Он руководил и принимал личное участие в разработке и проведении масштабных оперативно-чекистских операций как в СССР, так и за его пределами. Под его руководством были успешно осуществлены мероприятия по разоблачению и пресечению преступной деятельности иностранных агентов, проведено расследование многих военно-технических аварий и катастроф (включая трагедию на Байконуре в 1960 году) и т.д., и т.д.

За свои заслуги перед государством генерал А.М.Гуськов награжден восемью боевыми орденами и более чем двадцатью медалями, а также знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» и «Почетный сотрудник контрразведки».

Возвращаясь к книге воспоминаний А.М.Гуськова, со своей стороны, считаю необходимым особо отметить следующее. При всем объеме, разнообразии и ценности сведений, которые приводит А.М.Гуськов (а они касаются таких острых сегодня тем, как, например, депортация литовцев и чеченцев с их исконных территорий проживания, борьба с националистическим подпольем и сепаратистскими элементами, противостояние вражеским диверсиям, террористическим группировкам и т.д.), при всем этом очень жаль, что здоровье не позволило Анатолию Михайловичу завершить написание разделов своей книги, посвященных его работе в должности начальника третьего главка КГБ при СМ СССР, а затем во главе особого отдела КГБ по Московскому военному округу. Фактически вне описания автора остались такие важнейшие события, как участие органов возглавлявшейся им военной контрразведки в обеспечении мероприятий по скрытной переброске войск, вооружения, ракет класса «земля - воздух» и «земля - земля» с ядерными боеголовками на Кубу (в процессе «Карибского кризиса» 1962 года), как пресечение шпионской деятельности ряда крупных агентов ЦРУ и МИ-6 (Попова, Пеньковского, Чистова, Шаповалова и др.).

Наконец, Анатолий Михайлович не оставил нам своих впечатлений о людях, с которыми ему довелось в те годы близко контактировать и работать. Речь идет не только о таких руководящих сотрудниках центрального аппарата КГБ, как председатели Комитета госбезопасности - В.Е.Семичастный, Ю.В.Андропов, зам. пред. С.К.Цвигун, начальники 3-го управления - И.А.Фадеекин, Г.К.Цинев, В.В.Федорчук, начальники УКГБ по Москве и Московской области - М.П.Светличный, С.Н.Лялин, но и о видных военных и государственных деятелях. Среди таковых можно назвать сменившего Н.С.Хрущева в 1964-м нового главу партии и государства Л.И.Брежнева, с которым Анатолий Михайлович встречался много раз, маршалов Советского Союза Г.К.Жукова, А.М.Василевского, Р.Я.Малиновского, К.К.Рокоссовского, главного маршала авиации К.А.Вершинина, с которым автора книги связывала давняя дружба. Можно также назвать командующего Московским военным округом дважды Героя Советского Союза генерала армии А.П.Белобородова, которого Анатолий Михайлович знал еще с военной поры, и многих других.

Чтобы как-то восполнить этот досадный пробел, Управление военной контрразведки ФСБ России совместно с Обществом изучения истории отечественных спецслужб (президент - кандидат историч. наук, генерал-лейтенант А.А.Зданович), при любезном участии супруги Анатолия Михайловича - Раисы Ивановны Гуськовой (разделяющей с ним все радости и беды вот уже 46 лет, из которых 15 она проработала вместе с мужем в органах госбезопасности), приняли решение дополнить настоящую книгу разделом, в который включены материалы, на наш взгляд, достаточно объективно отображающие

факты и события «холодных шестидесятых», так или иначе связанные с жизнью и служебной деятельностью моего глубоко уважаемого старшего коллеги и предшественника А.М.Гуськова.

Мне отрадno сознaвать, что большой жизненный и профессиональный опыт такого человека, как А.М.Гуськов (в этом году ему исполняется 90 лет!), востребован нынешней плеядой российских чекистов, военных контрразведчиков и в более широком плане - огромной аудиторией наших соотечественников, что большое количество людей, искренне заинтересованных в познании истории органов государственной безопасности нашей страны, могут сегодня беспрепятственно удовлетворить свой живой интерес. Бесспорно, публикация этой книги не пройдет для них незамеченной, ибо такого рода издания довольно редки и всегда являются заметным событием в научной и культурной жизни.

А. Г. Безверхний, генерал-полковник

От автора

Человеку, никогда не занимавшемуся литературной деятельностью, не так-то просто взяться за перо и изложить волнующие душу мысли о пережитом.

Во-первых, страшит возможность неудачи рассказать интересно и доходчиво о виденном, о событиях, участником которых ты являлся, а, во-вторых, вызовет ли сюжетная основа рассказа интерес у читателя. Как в первом, так и во втором случаях работа покажется никчемной, и на душе останется горькое разочарование.

Поэтому, не ставя перед собой задачу создания литературного произведения, я считаю своим долгом поделиться, пусть даже с узким кругом лиц, воспоминаниями об отдельных событиях в истории нашей Родины, свидетелем и участником которых мне посчастливилось быть.

Жизнь каждого человека складывается из тысяч сегодня, и хотя в ней не найдешь и одного дня, который бы прошел мимо человека, не затронув, не задев его разума и чувств, а вот не всякий из них оставляет о себе след.

Зато иные дни, а порою часы и минуты, врезаются в память и остаются с тобой навсегда. Вот об отдельных остро запомнившихся событиях и пойдет речь в моих воспоминаниях.

Пройдут годы и человечество, безусловно, достигнет такого состояния в своем развитии, когда войны будут исключены из жизни людей. А ведь самой кровопролитной и разрушительной войной в истории человечества была война 1941-1945 гг., о которой люди, родившиеся после ее окончания, знают только по книгам и кинофильмам. Ужасные события, которые пережили люди нашего поколения в период этой войны, еще долго будут предметом пристального изучения последующих поколений. А героизм и самоотверженные действия на фронтах будут всегда служить примером для подражания. Возможно тогда и моя капля труда и переживаний будет приобщена ко многому написанному и показанному.

Я глубоко верю, что если не дети, то внуки заинтересуются своей родословной, им захочется знать, а что же делали их предки, какая жизнь выпала на их долю? С моей точки зрения, дети должны хорошо знать свою родословную, это воспитывает не только уважительное отношение к прошлому, но и повышает их ответственность за свою жизнь.

Глава 1. Возмужание

Московское детство

Родился я 3 сентября 1914 года в Москве. Здесь и прошли мои детство, отрочество и юность - на фабрике имени М.И.Калинина, что расположена на Варшавском шоссе, в доме №7. В крохотной комнатухе «на спальне», как именовались дома текстильщиков, построенные задолго до революции, прожил до двадцати лет. Эти «спальни» представляли собой семейные общежития. Коридорная система по пятнадцать комнат на этаже, каждая размером около десяти квадратных метров, но в такой комнате проживали семьи, состоявшие из пяти-восьми человек.

Коридоры были завалены всякой рухлядью: ящиками или сундуками с картошкой, тазами и корытами для стирки белья, мешками со всяким старьем и другими давно потерявшими былое назначение вещами. Короче, от коридора шириной три метра оставался узкий проход, едва позволявший разойтись идущим друг другу навстречу людям.

Наша комната № 11 располагалась в полуподвальном помещении, из окна были видны только ноги прохожих и глухой забор, отделявший корпуса текстильной фабрики имени М.И.Калинина. Семья состояла из пяти человек: отца с матерью, одна сестра старше меня, другая моложе. Родители: отец Михаил Родионович, 1889 года рождения, и мать Васса Карповна, 1887 года рождения, заслуживают большого уважения и о них я обязан сказать несколько благодарных слов.

Оба они начали трудовую жизнь на фабрике; мать с 1905 года, а отец с 1907 года. Там же, в 1908 году, поженились и создали семью. Но судьба не баловала их легкой жизнью. С 1911 года и до 1914-го отец служил в царской армии в Хамовнических казармах. С самого начала первой мировой войны (1914 год) он был направлен на фронт, где и находился вплоть до Великой Октябрьской Социалистической Революции. За боевую доблесть на фронте был награжден двумя Георгиевскими крестами, которые в последующие годы входили в арсенал моих игрушек. Сразу же после революции отец вступил в Красную Армию и прослужил до 1923 года. Таким образом, более двенадцати лет он находился в армии и демобилизовался с серьезным заболеванием легких (туберкулез). Более года находился на излечении в различных лечебных учреждениях, а затем снова вернулся на родную фабрику, где и проработал до ухода на пенсию в 1951 году. Об отце могу сказать, что он по характеру был человеком мягким, добрым и скромным. За всю свою жизнь я не слышал от него ни одного грубого слова. Никогда не видел его в пьяном виде, хотя он любил немного выпить в хорошей компании. Все рабочие на фабрике относились к нему с большим уважением, он никогда ни с кем не вступал в ссору. Как ему это удавалось, трудно объяснить.

Мать была воистину главой семьи. Она отличалась волевым характером, высокой требовательностью к себе и ко всем членам семьи. Но ее строгость тесно сочеталась со справедливостью. Малейшая неправда приводила ее в состояние раздражения и обиды. Мама редко прибегала к излишней ласке, чаще проявляла строгость и, надо отдать ей должное, крепко всех нас держала в руках до самого конца своей жизни. От природы она была умной женщиной, чрезвычайно воспитанной и культурной, поэтому не выносила никакой грубости, серости, от кого бы это ни исходило. На работе она была скоро замечена как человек способный, хотя образование имела не более трех классов сельской школы. Но она постоянно занималась самообразованием, систематически читала газеты и книги. Работала она сортировщицей шерсти, затем долгое время старшей. В 1924 году по ленинскому призыву вступила в члены ВКП(б). В 1932 году была выдвинута на должность заместителя управляющего трестом шерстяных фабрик.

Проработав на этой должности три года, она попросила вернуть ее на фабрику имени М.И.Калинина. Ее просьбу удовлетворили и назначили начальником сортировочного цеха (или участка). На этом посту работала до 1950 года и, имея стаж работы 45 лет, ушла на пенсию.

В моей памяти о родителях осталось много хороших воспоминаний. Во-первых, их личное безупречное поведение в коллективе и дома, нравственная чистота и кристальная честность, доброе отношение к людям. За двадцать лет, прожитых в доме родителей, у нас не было серьезных конфликтов. Они никогда не поучали меня длинными нотациями, хотя я в молодости не отличался спокойным характером. Напротив, в гуще фабричных ребят, моих сверстников, я был в числе заправил и нередко задавал тон хорошим и плохим проделкам. Однако в школе до шестого класса я учился отлично. Гордостью моих родителей было следующее обстоятельство: после окончания пятого класса классная руководительница, Надежда Николаевна, на родительском собрании обо мне сказала: «Толя Гуськов - способный мальчик и ему надо дать дорогу». И вручила маме похвальную грамоту за отличные успехи. Помню, когда пришла мама с собрания, то не могла скрыть слов умиления и не говоря ни слова поцеловала меня и плакала от радости. После этого родители стали относиться ко мне с каким-то особым чувством, гордились мною, в разговорах со знакомыми рассказывали в подробностях о заявлении учительницы. И вскоре все знакомые знали о моих успехах. Поэтому, видимо, многие мои шалости прощались.

В седьмом классе наступил резкий перелом к худшему. Среда заедала. Не хотелось учиться, многократно прогуливал, не появлялся по три-четыре дня, увлекаясь футболом, в который мы играли в тот период времени до полного изнеможения. Так продолжалось до наступления зимы. В середине учебного года все это сказалось на моей успеваемости. В школу были вызваны родители, которым было объявлено, что я растратил все прежние успехи, часто не посещаю уроки, плохо себя веду. И как результат по всем предметам у меня были только удовлетворительные оценки, а по поведению «неудовлетворительно». Далее директор школы Иван Иванович Хаканов заявил: «Если ваш сын не изменит своего поведения, будет поставлен вопрос об исключении его из школы».

Мне не хочется описывать всех проделок, которые я тогда устраивал, как-то стыдно за прошлое, но поведение действительно заслуживало самых решительных мер наказания. В доме назревал скандал с родителями. Больше ругала мама, упрекая в том, что я подрываю авторитет семьи и родителей. Единственный раз за всю жизнь она ударила меня полотенцем по спине, что вызвало у меня только улыбку. Отец однажды позвал меня в магазин и как-то по дороге между прочим сказал: «Были и у меня в твоём возрасте грехи. Но отец однажды позвал меня в поле пахать и там так отлупил вожжами, что вся спина была синяя. Мне тогда это пошло впрок, я был дурным и малограмотным, а ты ведь учишься в седьмом классе. Подумай, может, ты идешь не той дорогой, не хочешь учиться - иди работай».

На следующий день после этого разговора я узнал от ребят, что нужно, чтобы встать на учет на бирже труда, достал необходимые документы. Когда меня поставили на учет и сказали: «Ждите повестку», - я был бесконечно рад и не чувствуя земли под ногами прибежал домой. Радость этого события была для меня так велика, что я с трудом сдерживал себя, чтобы не похвастаться родителям, но все-таки опасался отрицательной реакции с их стороны, особенно мамы.

А между тем учебный год заканчивался, свое положение я значительно поправил, но учителя, зная мои прошлые проступки, выше оценки «хорошо» не ставили, а некоторые твердо придерживались «тройки». И так семь классов я закончил с успеваемостью три с половиной балла.

В летний период как всегда уезжал к бабушке по отцу в Серебрянопрудский район Московской области, деревня Лишняги. Я очень любил бабушку и называл ее мамой. Очевидно, эта любовь была взаимной. Таким образом, у меня было две мамы - одна в деревне, другая в Москве.

О доме бабушки и вообще о пребывании в деревне у меня остались самые прекрасные воспоминания. Великолепная местность, полноводная спокойная и прозрачная река Полосня, заливной «Попов» луг, окаймленный горами с альпийскими травами и изумительным разноцветьем. Этот луг перед сенокосом представлял собой сказочный ковер, а на горах - обилие ягод клубники. В двух километрах находился сосновый лес. Все это создавало увлекательные забавы: купанье, рыбалка, походы в лес за ягодами и грибами, всевозможные игры и, конечно, походы по чужим садам, хотя сады были почти у каждого жителя деревни. Эта местность полюбилась мне с детства, и теперь, мне кажется, лучше ее нет ничего на свете. Но к этому я еще вернусь.

Приехав из деревни в Москву в конце августа 1929 года, я получил повестку с биржи труда явиться на улицу Осипенко, 42 в школу ФЗУ завода «Мосэлектрик» для сдачи экзаменов. У меня начиналась новая жизнь.

Экзамены я успешно сдал и вскоре начал учиться в ФЗУ на базе семилетки в группе токарей по металлу. Специальность токаря мне очень нравилась, и в то время она высоко котирировалась среди рабочих-металлистов. Учеба в ФЗУ у меня с самого начала пошла хорошо, а к середине первого года по теории я был в числе отличников, а по работе в числе хорошистов. На таком уровне я оставался и до окончания ФЗУ. На выпускных экзаменах преподаватель математики Сергей Васильевич Лебедев, которого обожала вся наша группа за веселый и добрый характер, индивидуальный подход к каждому ученику, имел со мной очень теплый разговор. Когда я, как обычно раньше других, выполнил контрольное задание, он подошел ко мне, проверил решение и сказал:

- Ну, Анатолий Михайлович, ты просто молодец! Тебе надо серьезно подумать о дальнейшей учебе. Зайди ко мне после экзаменов.

Сергей Васильевич каждого ученика называл каким-либо ласкательным именем: Петухова - Петушок, Сибирякова - Сибирячок, и т.п. А меня почему-то первым в моей жизни начал называть по имени и отчеству. Это всегда вызывало у ребят веселый смех.

После экзаменов он посоветовал мне пойти на рабфак при Московском нефтяном институте имени Губкина, где он преподавал математику. Я очень внимательно отнесся к его совету и дал слово обязательно прийти туда учиться. Так и сложилось.

Рабфак

Работая токарем на заводе «Мосэлектрик», я поступил на четвертый курс рабфака (занятия проводились вечером). На заводе дела тоже шли хорошо. При выпуске из ФЗУ мне дали четвертый разряд, а через полгода присвоили пятый и перевели к токарю-нормировщику помощником. Дядя Коля, как звали моего нового наставника, проработал токарем много лет и собирался уходить с работы по возрасту. Поэтому меня перевели к нему подучиться работать, а затем назначили на его место токарем-нормировщиком. В мою задачу входило устанавливать нормы времени на изготовление тех или иных деталей. И по этим нормам устанавливались расценки для оплаты рабочим за одноименную работу. Мне она была очень полезна во всех отношениях. Во-первых, работа была самая разнообразная, т.е. одни и те же детали вытачивать почти не приходилось, во-вторых, у меня был отдельный застекленный «кабинет» куда кроме нормировщика никто не входил. Наконец, в третьих, рабочий день не всегда был полностью заполнен. Нередко 1-1,5 часа мне удавалось выкроить на занятия, ибо другой возможности заниматься не было. Из дома я уезжал на завод в 6.30 утра, работал до шестнадцати часов, а с 17 до 22.30 учился на рабфаке. Домой появлялся около 24.00. И так шесть дней в неделю. Было, конечно, тяжело, но молодость и появившееся большое желание учиться помогали преодолевать эти трудности.

В 1932 году я вступил в комсомол, но активного участия принимать в общественной работе не мог, так как продолжал работать на заводе в вечернюю смену после учебы.

Первоначально успеваемость в институте была невысокой, но нельзя сказать, что я отставал. Держался, что называется, середняком, чаще всего были оценки «хорошо», реже «удовлетворительно» и очень редко «отлично».

Хочу рассказать об одном курьезном случае, который произошел со мной по комсомольской линии. Тогда, как мне кажется, комсомольская работа была ключом. Общеинститутские собрания проходили в актовом зале вместимостью человек на семьсот по несколько часов. Речи ораторов были страстными, взволнованными. Однажды меня вызвали в комитет комсомола и поручили выступить на очередном общем собрании с докладом по военно-спортивной работе. Я попытался отказаться, ссылаясь на занятость по работе, но спорить тогда было бесполезно. Надо и все. Разговор окончен. Мне, никогда публично не выступавшему на таких собраниях, задача показалась невероятно трудной. Несколько дней я ходил под моральным грузом и никак не мог найти нужного выхода из создавшегося положения. Но вот настал день собрания. Отступать некуда. Мое сердце трепетало, как осиновый лист на ветру. Как мог я подготовить свой доклад, но трусость взяла верх. Я сбежал с собрания. Докладчик закончил выступление, председатель собрания объявляет, что слово для доклада предоставляется товарищу Гуськову, но увы... В зале тишина. Где же содокладчик? И кто-то из моих друзей выкрикивает:

- Он заболел.

Как же вдруг заболел, когда он был сегодня на занятиях? На следующий день я был вызван в комитет комсомола, где мне устроили настоящую баню, которая запомнилась на всю жизнь.

Время шло. Закончен первый курс, затем второй. В период обучения на 1-2-м курсах студенты мужского пола проходили высшую вневойсковую подготовку с выездом в военные лагеря. Наш институт был приписан к артиллерийскому корпусу, который дислоцировался около города Тамбова, станция Рада.

Много забавных историй происходило в период лагерных сборов, которые продолжались по два месяца каждый

год. Лагерная обстановка как-то здорово сближала студентов. Здесь проявлялись с очевидной наглядностью достоинства и недостатки каждого человека, рождались комические истории, возникала крепкая дружба. В лагерях у меня завязалась дружба с Артемом Осипьяном, который был моим командиром отделения. Артем был необычайно душевным, кристально чистым человеком. Мы очень крепко уважали друг друга.

На третьем курсе сочетать учебу с работой стало невозможно, потому что предстояла практика в городе Баку на нефтеперерабатывающих заводах продолжительностью 4 месяца. Пришлось бросить токарное дело и просить стипендию, которую мне сразу же установили, так как успеваемость моя была хорошей. Но заниматься дома у меня не было возможности. Моим ближайшим другом по институту и группе был Владимир Петров. Он являлся «парттысячником», то есть был членом партии и посылался на учебу от партийной организации. В тот период времени он был секретарем факультетской парторганизации. Ввиду недостаточной подготовки до института учиться ему было тяжело, поэтому я оказывал ему посильную помощь, он часто приходил в наш дом и видел условия моей жизни. Вот тогда-то он и помог мне устроиться в студенческое общежитие. Другим «влиятельным» лицом оказался муж моей двоюродной сестры Зинаиды Лаврентьевны - Рыков Василий Михайлович, который учился в горном институте и по партийной линии имел определенное отношение к распределению мест в общежитии.

Итак, осенью 1934 года, забрав деревянный чемоданчик с книгами и тетрадями, я ушел навсегда из отчего дома.. Правда, родители были весьма обеспокоены этим событием, переживали, старались как-то помочь мне, но это было на первом этапе.

Поселился я в студенческом общежитии на Извозной улице и, надо сказать, по сравнению с жизнью дома, довольно комфортабельно. Мне с одним товарищем дали проходную комнату 16 кв. м. на двоих, через которую был вход в маленькую, метров 8 комнату. Там проживал студент дипломник Горного института. Я получил впервые в жизни персональную кровать, письменный стол с настольной лампой, шкаф для одежды на двоих, пару стульев и полную самостоятельность. Нет нужды говорить о том, каково было тогда питание в студенческой столовой. Можно только сказать одно - лишнего веса ни у кого не наблюдалось.

Изредка ко мне в гости приезжали родители и восхищались, как хорошо я устроился. С собой всегда привозили чего-нибудь съедобного, исходя, конечно, из своих скромных возможностей.

С ноября 1934 года по февраль 1935 года я проходил практику на нефтеперерабатывающих заводах в городе Баку. Впервые так далеко уехал я от дома и, конечно, все увиденное произвело неизгладимое впечатление. С Баку же впоследствии был тесно связан и пережил там много важных и волнующих событий.

3-й курс прошел для меня весьма успешно, успеваемость была наполовину отличной и хорошей. Со второй половины учебного года меня выбрали старостой группы. И что очень важно, в этом году мне довелось несколько раз публично выступать на собраниях, и я как-то почувствовал, что это у меня получается не хуже, чем у других моих однокурсников.

За время летних каникул 1935 года я пригласил своего друга Володю Петрова поехать на отдых в деревню к моей бабушке. Он с удовольствием принял это предложение, и вскоре мы уже были там.

Надо отдать ему должное - он полностью разделял мою любовь к этому краю. Тогда я имел фотоаппарат, недурно фотографировал и обрабатывал пластинку и фотобумагу в совершенно примитивных условиях. Лето в тот год было исключительно теплым. Мы целыми днями проводили время на лугах и на речке, кристально чистой и в меру теплой, с обилием рыбы и раков. Вокруг нас сколотилась большая ватага деревенских и приехавших из Москвы ребят. Помимо обычных забав и фотографирования мы читали им произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого. Сочиняли стихи и эпиграммы на отдельных наших спутников, ходили помогать колхозникам убирать сено и хлеб.

Два месяца пролетели как один день. В Москву вернулись загорелые до черноты, отдохнувшие и насладившиеся природой.

4-й и 5-й курсы я закончил по всем дисциплинам на «отлично». Преддипломную практику проходил на Константиновском нефтеперерабатывающем (масляном) заводе в 7 км от города Тутаева Ярославской области.

Впервые приехав в Ярославль, я увидел матушку-Волгу. Она произвела на меня сильное впечатление, особенно в районе Константиновки. Берега Волги окаймляли прекрасные сосновые рощи, вода чуть желтоватая, но удивительно прозрачная, течение спокойное, но мощное.

Вскоре туда же приехал и мой друг Володя Петров. Бывало на лодке поднимаемся вверх по течению Волги до Тутаева, выпьем там пива с воблой, а затем ложимся в лодку и по течению приплываем в Константиновку.

Но кончилась практика. Собрав хороший материал, всю энергию направил на написание дипломного проекта и, как результат, на полгода раньше своей группы защитил его на «отлично».

Путевка в жизнь: Бердянск

По окончании института я получил назначение на Бердянский крекинг-завод. Для справки замечу, что в тот период времени в нефтеперерабатывающей промышленности Советского Союза крекинг-процесса еще не было, поэтому в СССР были закуплены 5 крекинг-заводов, один из которых был построен в Бердянске, на высоком берегу Азовского моря. Он как бы господствовал над городом, расположенным внизу, непосредственно на побережье. Тогда в Бердянске помимо этого строили моторостроительный завод. Других крупных предприятий не было.

Город был небольшим, но чистым, все здания покрашены в белый цвет, в городе много садов и декоративной зелени. Только дом, построенный для работников нашего завода, был кирпичного цвета и поэтому резко отличался от всех окружающих.

Пришел я с предписанием на работу в качестве инженера к директору завода Ивану Степановичу Дееву, впоследствии очень близкому мне человеку. Он тепло принял и после официальной беседы сказал:

— Пока поместим вас в общежитие, но скоро дадим комнату. Ну, а теперь вам нужна, наверное, грузовая машина, чтобы перевести вещи?.

Я несколько смутился и ответил:

— Нет, не надо. Вещи здесь у Вас за дверью.

Иван Степанович широким жестом распахнул дверь кабинета, и видит - в уголке приемной стоят два стареньких чемоданчика.

— Это и есть Ваши вещи?

— Да, - смущаясь ответил я. Он искренне рассмеялся и сказал:

— Ну ничего, это дело наживное. Все еще впереди.

На следующий день я был уже на работе. Завод был в основном смонтирован американскими специалистами, но все многочисленные коммуникации были открыты в траншеях, поэтому я сразу начал со всей бригадой инженеров и операторов изучать схему завода, и так как немного владел английским языком, многое спрашивал у американцев.

По условиям договора о продаже нам крекинг-завода в задачу американцев пуско-наладочные работы не входили, что для некоторых обернулось трагедией.

Американские специалисты (а их было человек шесть) как только закончили монтаж оборудования, поспешили убраться восвояси. Мне довелось поработать вместе с ними около двух месяцев. И вот наступил самый ответственный момент - пуск завода. А крекинг-процесс проходит при высоком давлении 40-45 атм. и при температуре 700 - 7500 °С. Поэтому к пуску готовились тщательно и все бригады очень волновались. Нас охватило какое-то чувство неуверенности в успехе дела, которого никто по существу не знал. Начали первый пуск рано утром, вызвав две бригады сменных инженеров и операторов. Первоначально все шло хорошо. Циркуляция обеспечивалась по всем агрегатам. Потом стали поднимать температуру в печах и давление во всей системе. И когда температура была близка к 5000 °С, а давление в системе достигло 30 атмосфер, вдруг нас оглушил сильный взрыв, и огромный

фонтан пламени вырвался из печи, вся установка окуталась клубами дыма и пара, исчезла видимость. Все, кто был близко от пламени, бросились бежать в противоположную сторону. Придя в чувство и поняв в чем дело, мы принялись останавливать насосы, качавшие мазут в печь, и включили систему пожаротушения. Но не сразу удалось потушить этот сильный пожар. Прибыла вся пожарная служба завода, города, и только общими усилиями удалось ликвидировать огонь.

Когда все успокоились, осмотрели установку. Настроение было подавленным. Только что смонтированный завод теперь выглядел каким-то обгорелым скелетом. Но глаза страшатся, а руки делают. Осмотр позволил совершенно точно определить и причину пожара. У крекинг-печи вырвало ретурбент (деталь, соединяющая две параллельно идущие трубы), и нагретый мазут под большим давлением вырвался фонтаном и загорелся от соприкосновения с воздухом. Немедленно была создана восстановительная бригада, и со следующего утра закипела работа. Было невероятно трудно: не было запасных деталей, не было спецоборудования, металла и других материалов.

Но все трудности преодолевались. Одно только обстоятельство беспокоило всех. Горотдел НКВД вел расследование аварии, каждый день на допрос вызывались все новые и новые люди. Примерно неделю спустя пришли утром на работу и узнали, что арестованы зам. главного инженера завода, начальник крекинг-цеха как виновники пожара. Внутренне мы протестовали против такой несправедливости, ибо они не могли предвидеть наступивших последствий, ведь у вырванного ретурбента были оторваны лапки, а это брак металла и только. Но никто техническую сторону дела не исследовал. Нам казалось, что скоро разберутся и наших товарищей освободят, но этого не произошло.

А ремонт тем временем подходил к концу. Признаться по совести, мне этот ремонт был как нельзя на руку. Все аппараты и коммуникации я изучил на зубок, так как являлся руководителем одной из сменных бригад. Начальником цеха был назначен Сергей Николаевич Варфаломеев, ранее работавший в Грозном или Уфе старшим оператором, специального образования не имел, практик был опытный, заместителем главного инженера назначили вновь прибывшего из Баку Сурена Манукяна, ранее работавшего сменным инженером на нефтеперерабатывающем заводе имени Андреева. Закончили ремонт завода весной 1938 года. По всей вероятности это был апрель. Кругом все расцвело, стояла чудесная весенняя погода. На новый пуск рано утром собрались все технические силы завода во главе с директором И.С. Деевым. Поначалу все шло по плану, у каждого уже теплилась надежда, что вот-вот заработает крекинг-установка и мощной струей побежит бензин в резервуар. Но этому вновь не суждено было сбыться. Неожиданно в колонне эвапоратора вспыхнуло пламя и пошло гулять по всей территории. К чести инженерно-технического персонала мы хорошо подготовились к тушению пожара и на сей раз без паники ринулись тушить вместе с пожарной командой. Несколько напряженных минут, и пожар был потушен. Но аварийная остановка привела к закоксованию труб крекинг-печи, а это означало месячную остановку на чистку, не считая ликвидации причин пожара.

Как выяснилось, причиной пожара явился некачественный монтаж оборудования. В частности, крышка люка колонны эвапоратора вместо шести болтов была закреплена только тремя. Поэтому ее сорвало, и вспыхнул пожар. Опять горотделом НКВД проводилось расследование и через несколько дней были арестованы главный инженер завода А.В. Глузбанд и начальник цеха Варфаломеев. Настроение у всех было чрезвычайно подавленное. Каждый думал, что такая участь может коснуться и его. Все как-то притихли, между собой откровенных разговоров не вели. Каждый остерегался проявлять интерес к случившемуся.

Встреча с Лазарем Кагановичем

Видимо, около месяца пошло на чистку печи. И вот опять предстоит пуск. Все инженеры волнуются. Буквально за два дня до пуска вызывает меня к себе директор и так таинственно говорит:

- Ты знаешь, Анатолий, нам предстоит серьезное дело.

Я спешу подтвердить, понимаю, мол, Иван Степанович, предстоит пуск.

- Да, - говорит, - так, но вот тебя решили назначить начальником цеха.

От неожиданности я чуть было язык не прикусил. Оторопел и ничего не могу сказать. Потом наконец выпалил:

- Вы что хотите от меня избавиться?.

Он посмотрел мне в глаза и сказал:

- Я не думал, что ты такой трус. Уж если придется, то пойдем вместе, но тебя в обиду никогда не дам.

Как мог я пытался отказываться, но Иван Степанович встал, подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал:

- Не старайся доказывать не нужное. Я только вернулся из Горкома партии и вопрос этот согласован. Давай лучше поговорим по делу.

Попросил секретаря принести нам чаю и завел речь о том, как лучше нам пустить завод. Дело осложнялось еще тем, что зам. главного инженера Манукян оказался человеком малоподготовленным и серьезной помощи оказать не мог.

Так мы просидели допоздна. Затем он вызвал машину и повез меня показывать будущую 2-комнатную квартиру. Осмотрев квартиру, он сказал:

- Ну как, подходит?.

Я ответил, что для меня она слишком велика. Я не привык к такой роскоши.

- Подожди как еще привыкнешь, будешь просить большую. Предела хорошему не существует.

- Хороша квартира, но надолго ли? - глупо пошутил я.

Иван Степанович повернулся ко мне лицом и строго сказал:

- Волков бояться - в лес не ходить. Запомни, что страх — самый большой источник пороков. Ну, теперь тебе, наверное, нужна машина для переезда? - и улыбнувшись, пожал мне руку, сказал:

- Всегда надо смотреть вперед, а не назад.

Переселился я в новую квартиру, получив напрокат казенную мебель: кровать, стол, стулья, шкаф и т.п. Купить тогда собственную было не так-то просто. Квартира из двух смежных комнат площадью 35 кв.м. казалась настоящим дворцом. Так еще не приходилось мне жить. Надо бы радоваться, да наслаждаться жизнью, а у меня в душе было полное смятение. Очень тревожило осложнение дел с пуском установки. Тысячу раз я задавал себе один и тот же вопрос: неужели, если будет очередная авария, посадят и меня? При одной этой мысли замирало сердце, и тут же спрашивал себя: «Ну, а за что? В чем моя вина?».

В горячей работе все эти мысли забывались и уходили в сторону, а работали тогда буквально день и ночь. И вновь настал, как я считал, роковой день. Надо пускать завод. Казалось, все проверено многократно, облазали все аппараты, коммуникации, опробовали каждую задвижку, болты крепления.

Без преувеличения можно сказать, что мы заново после американцев провели весь монтаж крекинг-установки. И тем не менее уверенности, а главное, душевного спокойствия, не было. Но отступить было некуда.

Начинается очередной пуск. Теперь уже три смены инженерно-технического персонала крекинг-завода из четырех находились на своих рабочих местах. Командовать пуском директор поручил мне. Сам он находился в операторной, но в мои действия не вмешивался, а периодически повторял: «Спокойно, спокойно и еще раз спокойно».

Видимо у каждого человека бывают счастливые события, которые мы просто называем счастьем. Правда, иные скептики не верят в счастье и говорят, что «о счастье и черте говорят все, но никто их не видел». Конечно, в жизни каждого человека, как и в поезде, жестких мест больше, чем мягких. Но все же есть счастье, которое дается не богом, а создается самим человеком.

Несомненно, наш коллектив создал своими руками это счастье, которого хватило на всех. В этот день мы пустили завод. Довели до требуемых параметров все показатели. И вот уже сбылась мечта - бензин пошел в резервуар! Сколько было радости. Мы брали его руками, даже умывались, смывая черные мазутные пятна с лица. Несколько дней я не уходил с завода домой, жил в кабинете, где оборудовал кровать, а завод все работал, набирая с каждым днем мощность. Через неделю мы уже получили товарную продукцию установленного качества, а через две-три недели достигли проектной мощности. Народ почувствовал уверенность, дежурные инженеры стали самостоятельно регулировать работу установки, добиваясь лучших показателей, что раньше категорически запрещалось. Первый цикл до плановой остановки проработал полностью 25 дней и выполнил установленный план по объему продукции, т.е. бензина, почти на 100%.

Теперь-то мы уж знали крекинг-установку как свои пять пальцев. Правда, научились на своих собственных ошибках и дорогой ценой, но что сделаешь, каждое новое дело требует жертв. Нам тогда казалось, что пострадавшие за первые неудачи строго не будут наказаны и они вот-вот должны вернуться. Но этого, к сожалению, не случилось. Радовало тогда то, что работа завода налаживалась с каждым месяцем, мы не только выполняли, но и значительно перевыполняли задания. Рабочие и инженерно-технический состав всего завода стали хорошо зарабатывать, получать премии. Я уже, по моим представлениям, был сказочно богат. Ко мне в гости на лето приехали мои родители, сестра Анна, и всем хватало места в квартире, все были накормлены и напоены, да еще каждый с гостинцами отправлялся домой. О нашем заводе писала не только городская, но и областная газета. Я приглашался дважды в радиостудию для выступления по местному и областному радио, был избран вторым секретарем горкома комсомола.

3 сентября 1938 года мы собрались отметить день моего рождения, мне исполнилось 24 года. Были приглашены гости, все сослуживцы с завода. И вдруг, в конце рабочего дня, вызывает меня Иван Степанович, поздравляет с днем рождения и так, улыбаясь, говорит:

- А тебя срочно вызывают в Москву.

- Это еще зачем? - сорвалось у меня с языка.

Тогда он усадил меня в кресло и сказал:

- Я внес предложение назначить тебя главным инженером завода. Вот поэтому и вызывают в Москву, чтобы посмотреть, годишься ты для этого или нет.

Признаться, это не вызвало тогда чувства радости или гордости. Я отчетливо понимал, что не созрел для такой должности, да и опыта инженерной работы кот наплакал. Но возражать не стал, так как знал характер Ивана Степановича. Если он сказал, значит, уже все всесторонне обдумал и другого решения быть не может. Я в тот период уже стремился подражать ему, и не только в этом, а буквально во всем. Это был мой глубоко уважаемый наставник. Несмотря на кажущуюся строгость, его сердце было так щедро на тепло и доброту, что буквально не было ни одного хорошего человека на заводе, которого не согревало бы оно в трудную минуту. Его все любили на заводе. Он пользовался большим авторитетом в городском и областном комитетах партии, а также в Москве, в ВСНХ.

На следующий день я отправился в Москву. Подъезжая к столице, я не мог оторваться от вагонного окна. Сердце мое стучало от радости встречи с Москвой. Как дороги мне были знакомые улицы, дома. Родители к тому времени переехали на ул. Якиманку, д.37.(затем - ул. Димитрова и вновь Якиманка), где занимали комнату 19 кв.м. в квартире из шести аналогичных комнат. Но теперь их было только трое. Сестра Анна вышла замуж и жила отдельно.

На площади Ногина, где размещался ВСНХ, сначала побывал у кадровых работников, заполняя, как мне тогда казалось, ненужные анкеты. И каждый принимавший как-то таинственно говорил: будете на приеме у руководства.

Дня через два группа из шести человек, кандидатов на должность главных инженеров, среди которых я был самым «зеленым», была принята Л.М. Кагановичем. Минут 10-15 он очень хорошо и доходчиво говорил о нужде промышленности в хороших специалистах, пожелал нам успехов в освоении производства, постоянно учиться и учить других. Затем выразил надежду, что мы оправдаем оказанное нам доверие.

Пробыв 3-4 дня в Москве, я почувствовал, что меня тянет обратно в Бердянск. Теперь там была моя жизнь, все мои друзья, интересы и помыслы. И несмотря на то, что мне разрешил Иван Степанович побыть пару дней у родителей, я поторопился уезжать. Когда вернулся в Бердянск, меня впервые в жизни встречал водитель Виктор Иванович на новенькой автомашине М-1. Он первый поздравил меня с новым назначением.

Итак, открылась новая трудовая страница в моей жизни.Начиная все буквально с нулевого цикла, многому учился у других, старался воспринимать все, что мне казалось полезным.

Через неделю работы в новом амплуа на наш завод прибыла группа студентов-дипломников из Московского нефтяного института, которые учились на два курса ниже меня. Руководитель практики, преподаватель технологии нефти был крайне удивлен, увидев меня в роли главного инженера, а студенты, прибывшие на прием, бесцеремонно обращались ко мне: Толя.

4 января 1939 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б), а через некоторое время, в связи с организацией Запорожской области, которая выделилась из Днепропетровской, был избран делегатом и участвовал в 1-й областной комсомольской конференции. На этой конференции был избран в состав пленума обкома ВЛКСМ. Когда, как и другие кандидаты в члены обкома, я рассказывал свою биографию и заявил, что работаю главным инженером завода, это вызвало бурные аплодисменты у присутствующих делегатов.

Неожиданное направление в органы НКВД

1939 год был для меня хорошим, всюду хвалили, на работе дела шли хорошо, меня знали все руководители городских организаций. И вдруг... В августе меня вызывают в горотдел НКВД. Причем этот

вызов мне показался каким-то необычным. Начальник горотдела, которого я знал по фамилии и несколько раз видел в президиуме на городских собраниях и совещаниях, позвонил мне вечером часов в 10 домой и очень вежливо сказал:

- Я прошу вас завтра утром в 10.00 зайти ко мне.

Не скрою, этот звонок вывел меня из равновесия, но чувствовал я себя уверенно и ничего плохого ожидать не мог. Тогда для меня это была область сплошной неизвестности и какой-то таинственности. Поэтому чувство беспокойства, конечно, появилось. Не раздумывая долго, я позвонил на квартиру Ивану Степановичу и сообщил о состоявшемся разговоре. Он болел ангиной и предпринять какие-либо меры по выяснению не мог. Но, тем не менее, хриплым голосом сказал:

- Не робей, это не прошлый год.

Наутро мы встретились с начальником горотдела НКВД. Впервые я имел беседу с чекистом, старшим лейтенантом госбезопасности. Сначала он поинтересовался делами на заводе, но, как мне показалось, то, что я ему говорил, его мало интересовало. Он пристально смотрел на меня и как бы невзначай обронил: «Я уже Вас давно знаю». И, прервав тем самым дальнейший разговор, сказал:

- Вас срочно вызывают в УНКВД Днепропетровской области, где будет решен вопрос о направлении вас на работу в органы НКВД.

На следующий день впервые в жизни я поднялся на самолете У-2 в воздух и прилетел в Днепропетровск.

Начальник УНКВД в белой гимнастерке, подпоясанный широким ремнем, с тремя «шпалами» в петлицах, с эмблемами на рукавах выглядел внушительно. Беседа началась с вопроса: «Вы знаете, зачем мы вас пригласили?». Я ответил, что начальник горотдела сказал о цели вызова, но у меня серьезные возражения, и я хотел бы об этом сказать.

- Какие же у Вас возражения?.

Я начал, что являюсь молодым специалистом, только начинающим осваивать американскую технику, вот поработаю немного, тогда будет видно. Начальник УНКВД остановил меня и сказал:

- Все понятно, но у нас уже нет времени, едем на бюро обкома ВКП(б).

На заседании бюро обкома на вопрос ведущего заседание секретаря, как я смотрю на то, что меня направляют на работу в органы НКВД, я опять начал лепетать, что являюсь молодым специалистом и хотел бы продолжать квалифицироваться на практике, и т.п.. Он ответил: «Там тоже нужны молодые и толковые специалисты». И далее: «Есть предложение направить тов. Гуськова на работу в органы НКВД. Кто за это прошу голосовать». Все подняли руки. «Вопрос решен».

- До первого сентября вам надо сдать дела и должность и прибыть в Москву. Подробности расскажет начальник УНКВД.

Вернулся я в Бердянск и прямо к Ивану Степановичу. Все рассказал по порядку. Он развел руками и сказал:

- Тут я бессилен что-либо сделать.

Провожали меня из Бердянска очень тепло. Трудности первого периода работы очень крепко сплотили коллектив.

1 сентября я прибыл в Москву в Высшую школу НКВД СССР. Это был специальный набор по решению ЦК ВКП (б) лиц с высшим образованием и с опытом руководящей работы.

Так началась моя деятельность в органах государственной безопасности. Пока я обучался новому делу, политические события в мире бурно развивались.

Глава 2. Литва

Первое спецзадание

Незадолго до начала Второй мировой войны империалисты Германии, Италии и Японии открыто готовились к агрессии, заявляли о своих претензиях на мировое господство. При прямой поддержке реакционных кругов Лондона, Парижа и Вашингтона, стремившихся направить удар стран фашистского блока против Советского Союза, Германия, Италия, Япония лихорадочными темпами создавали гигантскую военную машину, подчинив все сферы жизни общества: экономическую, политическую и идеологическую единственной задаче - подготовке к большой войне.

К 1939 году германский вермахт превратился в самую сильную армию капиталистического мира. Никогда еще империалистическая реакция не располагала такой военной мощью и техническими возможностями для достижения своих человеконенавистнических планов. Фашистские хищники были готовы физически уничтожить десятки миллионов людей, поработить многие народы, надеть ярмо закабаления и превратить в свой придаток народы всего мира. Но, пожалуй, самую большую ненависть фашисты питали к Советской стране, к народу, построившему социалистическое общество. С каждым годом опасность, нависшая над миром, все увеличивалась. Правительства Англии и Франции заняли провокационную позицию, рассчитанную на столкновение Германии с Советским Союзом,

чтобы потом продиктовать свои условия ослабевшим в войне государствам.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Англия и Франция поняли, что очередной жертвой окажутся они сами и поэтому в начале сентября 1939 года объявили войну Германии. Захватив всю территорию Польши, гитлеровская армия вторглась в Данию и Норвегию, Бельгию и Голландию, а 22 июня 1940 года капитулировала французская армия. При таком положении назревала опасность, что прибалтийские страны Литва, Латвия и Эстония могут быть втянуты в провокационные авантюры против СССР. Надо было оказать народам прибалтийских государств помощь, чтобы они избавились от антинародных правительств. Вот тогда-то и выпало на мою долю попасть в одну из специальных групп чекистов, которая была подготовлена и направлена в Литву для оказания помощи литовскому народу в установлении советской власти в Литве и присоединении к Советскому Союзу.

Итак, ранней весной 1940 года я оказался в буржуазной Литве. Правительство Литвы, возглавляемое президентом Сметоной, проводило враждебную политику в отношении Советского Союза несмотря на то, что с литовским правительством 10 октября 1939 года был заключен договор о взаимной помощи. Литовская буржуазия встала на путь срыва договора, на путь провокационных действий против СССР. В стране почти открыто действовали зарубежные шпионы, кишмя кишели немецкие нацисты под прикрытием Культурфербанка (Союз культуры), но жестоко подавлялись все инакомыслящие либо проявляющие недовольство политикой правительства.

Компартия Литвы находилась в глубоком подполье, а ее руководители: А.Снечкус, В.Кростинис, А.Мильвидас и К.Казлаускас были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Любая забастовка кончалась массовым арестом ее участников.

В своей подрывной деятельности против Советского Союза правительство Литвы полностью опиралось на фашистскую Германию и по существу действовало в ее интересах.

В феврале 1940 года Сметона специально направил в Германию директора Департамента охранного отделения с целью выяснить, согласна ли Германия принять Литву под свой протекторат. Более того, президент Сметона лично обращался к Гитлеру с просьбой незамедлительно ввести свои войска в Литву.

Мое положение в стране осложнилось тем, что ранее я в Литве никогда не бывал, язык, обычаи и нравы народа изучал ускоренным путем, поэтому разговорной практики с населением совсем не имел. И это, как мне казалось, было самым уязвимым местом. Что касается документов, то они, на первый взгляд, были достаточно надежны. Я имел подлинное удостоверение личности сотрудника литовской политической полиции «Совгума» на имя Алексаса Губайтиса с фотографией. Мне предстояло наладить контакты с некоторыми коммунистами Литвы, находившимися на свободе, и получить от них необходимую помощь в работе.

Второй задачей было выявление наиболее реакционных представителей буржуазных партий и карательных органов. Наконец, необходимо было тщательно изучить политические процессы, происходившие в этот период времени в стране, воздействовать на них так, чтобы помочь свержению профашистского строя и установлению Советской власти в Литве. Но для этой цели нужно было обзавестись надежными людьми, через которых можно было бы проникнуть во все государственные органы власти, в руководство буржуазных партий и систематически получать интересующую информацию. Дело это было чрезвычайно сложным и требовало неимоверно больших усилий. А если к этому добавить, что у меня совершенно не было опыта в такой работе, то становится понятным, какие трудности возникали на каждом шагу. Но оказывается, нет непреодолимых препятствий, если чего-либо страстно добиваешься.

Вот так и началась моя деятельность в Литве.

Поздно ночью, перейдя границу Литвы, наша группа чекистов в закрытом автобусе, который нас ждал в обусловленном месте, прибыла в советское посольство в Каунасе. Там нас полностью экипировали под местных жителей, много и долго инструктировали о положении дел в стране пребывания и после небольшого отдыха вечером следующего дня надо было выехать к месту предстоящей работы. Мне, в частности, в Зарасайский уезд, город Зарасай, что расположен в восточной части страны.

Автобус по маршруту Каунас - Укмерге - Утена - Зарасай отходил в 18.00.

Войдя в автобус, я осмотрелся, оценивая, где мне лучше устроиться. При этом старался забиться в уголок и уединиться, но, как часто бывает, возникло препятствие - таких мест не оказалось. Пришлось садиться рядом с человеком интеллигентного вида в возрасте 40-45 лет, любезно предложившего мне место у окна. Конечно же, я сразу заподозрил в нем контрразведчика «Совгума» полиции и стал лихорадочно обдумывать, как мне себя вести. Придумываю - изобразить страдальческую физиономию нездорового человека или обремененного какими-то переживаниями, с тем, чтобы никто не обращался ко мне с разговорами. Но не успели мы отъехать от станции, как мой сосед обращается ко мне с вопросами: «Вы далеко едете, где живете постоянно, где работаете» и т.д. Вот, думаю, попал прямо в пекло. Сначала

старался отвечать односложно, боясь показать свое невежество в знании языка, часто переспрашивал вопросы, притворившись, что ко всему прочему я еще и плохо слышу, но затем, осмелев, стал вступать в разговор несколько свободнее. Оказалось, что мой сосед являлся корреспондентом одной из буржуазных газет и направлялся в Зарасай по своим служебным делам. Он вскоре определил по моему акценту, что я уроженец сельской местности Зарасайского уезда. Я охотно подтвердил это и даже улыбнулся от удовольствия. О себе попутчику сказал, что еду к родителям в селение, т.к. отец сильно заболел. К концу пути мы уже «подружились», корреспондент рассказывал мне какие-то забавные истории, сам весело смеялся, а я, не все понимая, делал вид, что мне очень смешно и тоже смеялся с глупым выражением лица.

В Зарасай прибыли часов в И вечера. Кругом темно, безлюдно. Мой попутчик приглашает меня ночевать к своим родственникам, но я упорно отказываюсь, не зная, как от него избавиться. Тогда он, понимающе подмигивая, говорит, что у меня, наверное, есть здесь знакомая девушка. Я от радости, что он нашел удачный выход, киваю головой, подаю ему руку и исчезаю в темноте.

Отойдя немного от автобусной станции, подождал, пока прибывшие со мной пассажиры разойдутся, а затем стал медленно прохаживаться по улицам, читая их названия и запоминая план города, тем более, что спешить было некуда, никто меня не ждал. Спустя час на улицах города не было ни души, только одиночные полицейские с резиновыми дубинками в руках прохаживались вразвалку по освещенным участкам улиц.

Вскоре я нашел улицу, где проживал Ионас Кузма, член буржуазной правительственной партии таутиников, вступивший в нее по заданию Коммунистической партии. Ионас Кузма знал, что я к нему приду по следующему паролю: «Господин Кузма, я Алексас, прибыл из селения по поручению Ваших родителей». На его вопрос, «Что случилось?» я отвечаю: «Ваш отец заболел». Кузма: «Проходите в дом и расскажите подробнее».

Улица, на которой стоял дом Кузмы, находилась на окраине города. Все домики в этом районе были одноэтажными с приусадебными участками и садами. Ночью здесь, кроме лая собаки, ничего не было слышно. Все как бы застыло в глухом оцепенении.

Несколько раз я подходил к дому Кузмы, но каждый раз принимал решение еще раз убедиться, что за мной нет слежки. И вот решаю пойти последний раз мимо длинного забора, ограждавшего лесосклад. Когда возвращался обратно, мои шаги по тротуару так громко стучали, что мне казалось, вот-вот все должны проснуться. Видимо, я находился в высшей стадии напряжения, и окружающая тишина действовала угнетающе.

Вдруг над забором появилась лохматая голова с бородой и хриповатым ото сна голосом спросила: «Понас, кек добар валанда?» (Господин, сколько теперь времени?) Для меня это было такой неожиданностью, что от испуга потерял дар речи, никак не могу сообразить, как нужно ответить, рука невольно скользнула в карман брюк, где лежал пистолет «Вальтер». Потом, взяв себя в руки, посмотрел на часы и ответил: «Теперь три

часа». Старик, видимо, принял меня за пьяного и некоторое время наблюдал за мною. А я действительно шел какой-то неверной походкой, покачиваясь из стороны в сторону, и вновь подозрение - не является ли это слежкой за мной. Но, убедившись в абсолютной тишине, направился к заветному дому.

Позвонил в дверь, вскоре послышался мужской голос: «Кто здесь?». Ответил по заученному паролю, и вот я в доме Кузмы. Приветствуем и смотрим друг на друга в упор. Затем короткое объяснение и

начались хлопоты гостеприимного Ионаса. Ионас Кузма был человеком среднего роста, плотного телосложения, даже несколько плотноват, возраст 45 лет, лицо открытое, добродушное, держался очень скромно, даже несколько застенчиво.

Пока Ионас Кузма готовил ужин или завтрак, определить трудно, было около 9-ти часов утра, мы непрерывно вели разговор. К моему большому удовольствию оказалось, что Ионас владел, хотя и очень слабо, русским языком. Поэтому в дальнейшем разговоре мы нередко переходили с литовского на русский язык и наоборот. Это очень сильно помогало во взаимопонимании. Кстати, следует заметить, что в дальнейшей совместной работе он очень хорошо помог мне в совершенствовании разговорной литовской речи, а я, в свою очередь, освоить ему русский язык.

Семья Кузмы состояла из четырех человек - жены и двоих детей школьного возраста. Ионас посоветовал на первое время поселиться у него в доме, на чердаке, в небольшой, но удобной комнатке. Так я и поступил.

В первые дни пребывания большую часть времени проводил в городе, внимательно изучая оперативную обстановку, размещение учреждений и административных органов - полиции, прокуратуры, суда, тюрьмы, которая красовалась в самом центре города. Заходил в кафе и рестораны, столовые и даже магазины, хотя и до настоящего времени ходить в них не люблю.

Недалеко от дома облюбовал небольшое кафе, которое было при молочном магазине, и договорился с хозяйкой о ежедневном питании (завтрак, обед, ужин).

Время шло, и люди, с которыми приходилось встречаться, ко мне привыкли. Однако на разговоры я старался быть скупым и чаще пользовался ушами, а не языком. Нередко приходилось слушать чудовищные и обидные разговоры о нашей стране, о советских людях, но делал вид, что это меня не касается. Приведу к примеру один эпизод.

Сижу как-то за обедом и вижу - в магазин входит почтенная дама. Тут же завела оживленный разговор с хозяйкой магазина о разных житейских делах, а затем «по секрету» поведала неприятную новость. Она слышала от одного очень важного господина о том, что скоро могут прийти русские войска и тогда будет ужасная беда. Это ведь совершенно дикие люди, необузданные, которые живут как первобытные. Знакомый встречался с каким-то интеллигентным русским человеком и даже он, показывая на сыр, спрашивал: «Это мыло?». Вот какая отсталость царит в этой стране.

Моя «благодетельница» — хозяйка молочной, пошла еще дальше, заявив, что если русские придут, они нас ограбят и лишат жизни. Какое же кипело во мне зло и негодование к этим недалеким женщинам, но пришлось промолчать.

Несмотря на все усилия буржуазной пропаганды распространять антисоветские измышления и клевету, народ Литвы все активнее и энергичнее выступал против существующих порядков, проходили массовые митинги, но полиция каждый раз грубо вмешивалась и разгоняла их участников.

У меня с Кузмой появилось несколько надежных помощников, которые вводили в курс событий в уезде, а один из них, Иозас Юрайтис, очень способный молодой человек, по рекомендации подпольного уездного комитета компартии Литвы, учитывая сложную обстановку, был назначен моим телохранителем, верно и преданно следуя за мною всюду как тень.

Дела наши шли неплохо, были налажены хорошие контакты со многими влиятельными людьми и в силу своих возможностей я старался помочь уезному комитету компартии в организации политической агитации и распространении идей о необходимости установления советской власти.

15 июня 1940 года наши войска перешли границы прибалтийских государств и заняли несколько опорных пунктов, но не вмешивались в происходящие события. Это было событием огромного значения и послужило серьезным импульсом для подготовки свержения профашистского режима в стране. Президент Сметона почувствовал недоброе и в тот же день сбежал в Германию (Восточную Пруссию).

Через несколько дней образовалось новое правительство Литвы, которое возглавил Юстас Палецкис, впоследствии председатель Президиума Верховного Совета Литвы.

Несмотря на то, что весь государственный аппарат остался старым, порядки решительно менялись. Народ облегченно вздохнул, почувствовал близкую возможность получить долгожданную свободу. В конце июня компартия вышла из подполья, политические заключенные были освобождены.

Активность народа была ключом, но старая государственная машина продолжала работать в прежнем порядке и ритме. Реакционные элементы не собирались уступать свои позиции без боя. Трудно передать мою радость, которую я испытывал в тот период, и, не теряя времени, установил контакты с командованием ближайшего гарнизона, договорился о способах связи и взаимодействии.

Появившаяся у меня полная уверенность и торжество нашего дела породила известное ослабление бдительности в отношении с некоторыми людьми, за что чуть было не поплатился головой.

«Губайтис» из «Совгума»

Вот как это было. В Зарасайском уезде около 15% населения по происхождению были русскими и исповедовали православную веру. В городе была небольшая церковь, священнослужителем которой являлся Даниил Рукавицин. Это был крупный, лет 50 рыжеволосый мужик, с большой окладистой бородой, угрюмого и очень неприятного вида. У него была большая семья. Жил он на восточной окраине города в собственном доме, недалеко от больших озер и систематически занимался рыбной ловлей, для чего имел неплохую рыбацкую лодку и соответствующее снаряжение. Мое внимание Даниил привлек тем, что в церкви вел наглую антисоветскую агитацию и возбуждал верующих против прогрессивно настроенных элементов, считая их врагами Бога и православной веры. Все обдумав как следует, я решил «перевоспитать» попа и обратить его службу в нашу пользу. План мой был предельно прост и даже примитивен. Установив, что каждое утро, не занятое службой в церкви, он проводит на рыбалке, я решил встретиться с ним на озере и провести соответствующую беседу. Приехав на автомашине рано утром на озеро с удочками, я без труда встретился с Даниилом и познакомился, как «рыбак с рыбаком», представившись сотрудником политической полиции «Совгума» Губайтисом. После первой, довольно удачной рыбалки мы договорились встретиться через день на том же месте. Вторая встреча состоялась в установленное время. Поприветствовали друг друга. Я сказал, что мне надо с ним поговорить по душам. Отец Даниил предложил мне сесть в лодку и отплыть подальше от берега, чтобы «земля не слышала». Отплыв на 300-400 метров, я начал разговор примерно так. «Как Вы оцениваете политическое положение в стране? Как смотрите на происходящее брожение в народе против существующей власти? Ваше мнение относительно перехода границы русскими войсками?».

Даниил Рукавицин на мгновение задумался, не торопясь разбрасывая «донки», а затем, как-то побагровев, сказал: «Надо уничтожить всю эту коммунистическую тварь, вырвать с корнем, как вредную

траву. Надо беспощадно уничтожать всех главарей коммуны вместе с их потомством. Я не понимаю, что вы сидите в Каунасе и бездействуете».

«Богослужитель» выступил как самый отъявленный фашист и убийца. Он был готов уничтожить все передовое и прогрессивное. Когда я попытался сказать, что это негуманно со стороны служителя православной церкви, он еще больше рассвирепел и, не сдерживаясь, начал доказывать, что если мы не уничтожим коммунистов, то они нас уничтожат.

Выслушав такие речи собеседника, я вдруг по-русски сказал святому отцу: «А что, отец Даниил, если перед Вами не сотрудник «Совгума», а сотрудник органов НКВД?».

Мои слова, как электрическим током, ударили Даниила, в одно мгновение он схватил весло и оно просвистело над моей головой. Только инстинктивно я почувствовал недоброе и вовремя нагнул голову, чтобы избежать удара. Тут же я выхватил из кармана пистолет и, наставив на него в упор, приказал грести к берегу. Даниил, не ожидавший такого оборота дела, повиновался, и скоро мы примчались к берегу.

Разошлись молча, каждый обдумывал свой поступок. Я был крайне раздосадован и ругал себя последними словами за необдуманные действия. Подойдя к машине, я никак не мог решить, что же мне делать? Как поступить со «святым отцом»? В сознании кипела ненависть и хотелось убить его, но, поразмыслив немного и не сказав ни слова своему новому «другу», я сел в машину и убрался восвояси.

Как мне потом стало известно, Рукавицин прибыл в Литву из Петрограда вместе со своим отцом после установления советской власти в нашей стране. В самом начале войны, когда наши войска отступали, Рукавицин-старший обстреливал их из пулемета с церковной колокольни и был убит в перестрелке.

Ценный агент «Грейтас»

Бурно развивавшиеся события захлестывали, как волны бушующего моря. Особенно занимал в тот период вопрос - как полностью нейтрализовать полицию, которая была достаточно вооружена, и избежать возможного кровопролития. Дело в том, что в начале июля намечалась массовая демонстрация трудящихся по всей стране и в Зарасай на митинг из Каунаса должен был прибыть Юстас Палецкис. По линии Министерства внутренних дел Литвы шли указания полиции применять оружие в случае массовых «беспорядков», как именовались демонстрации трудящихся.

В свое время я познакомился с секретарем уездного отдела полиции, молодым офицером, которого я называл «Грейтае», что по литовски означает - быстрый. Грейтас был весьма грамотным человеком и пользовался большим авторитетом у начальника полиции и других офицеров отдела. Знал досконально все дела полиции и мог оказать нам серьезную помощь. Но он был крайне осторожным человеком и встречи со мной глубоко конспирировал. Встречаться приходилось глубокой ночью в лесу на определенном километре от города. Грейтас был исключительно честным человеком. Он передал в мое распоряжение списки личного состава полиции, данные об оружии, местах его хранения, приказы и распоряжения центральных полицейских органов по вопросам поддержания порядка, оперативные планы по разгону демонстраций и митингов. Через него мне удалось оказать необходимое влияние на руководителей полиции.

Накануне массовой демонстрации я решил пойти к начальнику уездного отдела полиции и переговорить с ним о предстоящих событиях. Предварительно этот вопрос я детально обсудил с Грейтасом. Войдя в кабинет начальника, я предъявил ему свое удостоверение и сказал, что хотел бы посоветоваться с ним

по весьма важному вопросу. Начальник полиции имел звание полковника. Это был человек лет 50, высокого роста, умеренной полноты, одет в новенький, хорошо сшитый мундир, выглядел солидно и даже несколько важно.

Он пригласил меня сесть в кресло около его стола и, когда я устроился, любезно сказал: «Я уже некоторое время тому назад знал о вашем пребывании в городе и испытывал желание познакомиться, но полагал, что наше общение может помешать вашим планам». (Эти данные ему передал Грейтас по моему заданию.) Я ответил, что мне тоже хотелось установить с ним дружбу, но события последнего времени как-то мешали этому. После обмена некоторыми любезностями я спросил: «Господин полковник, что Вы намерены делать завтра, когда начнется массовая демонстрация и митинг на площади?». Не задумываясь, он ответил, что когда находится на службе, то обязан руководствоваться указаниями вышестоящих начальников, а эти указания совершенно определены. Он нажал на кнопку звонка, вызвал Грейтаса и попросил принести папку с приказами. Вскоре приказ лежал на столе, а полковник мне пояснил, что он обязан не допустить демонстрации, а в случае необходимости вынужден будет применить оружие. Терпеливо выслушав его, я сказал: «Господин полковник, мне кажется Вы допустите серьезную ошибку в оценке политической ситуации. Ваши действия завтра могут оказаться решающими для будущего благополучия как Вас, так и вашей семьи».

«Что же по-вашему я должен делать?» - спросил полковник в недоумении. «Я вам советую не вмешиваться в происходящие события и ни в коем случае не прибегать к оружию. Неужели вы полагаете, что советские войска, находящиеся недалеко отсюда, будут равнодушно смотреть на то, как вы будете расстреливать мирную демонстрацию?». «В таком случае, - говорит полковник, - объясните мне вашу роль?». «Моя роль, господин полковник, состоит исключительно в том, чтобы избежать кровопролития и уберечь вас от опрометчивых действий. Заверяю, что если мой совет будет выполнен, Вы окажетесь в благополучном положении, и народ о вас скажет свое слово. Надеюсь, дорогой полковник, вы меня поняли правильно и поступите благоразумно. Прошу вас извинить за вторжение, мне пора. До свидания».

После встречи с начальником полиции еду к латвийской границе в районе г. Двинска на встречу с командиром двинского гарнизона и прошу его выслать несколько танков на окраину. Зарасая к 9.00 следующего дня. Моя просьба была удовлетворена, и уже в 9 часов утра три танка и грузовик с пехотой обосновались на возвышенности на окраине города.

В воскресенье в 10 часов утра началась массовая демонстрация. Я поспешил к зданию полиции и на улице встретил полковника, находившегося в окружении группы офицеров полиции. После взаимного приветствия я попросил его отойти в сторонку и сказал, что мои предположения оправдались, на окраине города стоят советские танки. Он ответил, что его работники доложили ему об этом. «Надеюсь, - сказал я, - наш договор остается в силе?». «Да, господин Губайтис, можете не сомневаться».

И действительно, демонстрация прошла исключительно организованно, народ ликовал всюду. На митинге произносились взволнованные, страстные речи и было принято решение: установить советскую власть, присоединиться к Советскому Союзу.

Таким образом, пребывание наших войск в непосредственной близости придало силу народу и профашистский режим в Литве был сброшен. Народ под руководством компартии всеобщим голосованием установил советскую власть в своей стране, а 3 августа 1940 года Литва, по ее просьбе, была принята в состав Советского Союза.

Во главе уездного отдела НКВД. Установление советской власти

Вскоре я был назначен начальником уездного отдела НКВД, и с этого момента началась моя официальная работа, но по-прежнему меня все звали Алексасом Губайтисом. Знание литовского языка и местных условий, установившиеся хорошие отношения с простыми людьми серьезно помогали мне в работе.

Итак, свергнув старое правительство, надо было срочно заменить весь управленческий аппарат и административные органы. Эта задача оказалась на редкость сложной. Ведь единственным человеком в уезде, который жил при советском власти был я. Поэтому все вопросы организации новой жизни свалились на мою голову.

Безвластие, сохраняемое даже самый короткий отрезок времени, чревато серьезными последствиями. Пользуясь безнаказанностью, враждебные и уголовные элементы начинают создавать беспорядки, совершать уголовные преступления, междоусобицы и мщение, что может привести к хаосу и не оправданным жертвам.

Так, например, было с роспуском полиции. Сразу же после установления советской власти в уезде я принял решение изъять оружие у сотрудников полиции. Теперь уже некоторые узнали, что я являюсь представителем Советского Союза и были немало удивлены, ведь совсем недавно все принимали меня за своего брата литовца.

Вместе с Иозасом Юрайтисом пришли к моему знакомому полковнику - начальнику уездной полиции. Теперь он вел себя без былого апломба, весьма скромно и учтиво. При встрече я ободряюще его поприветствовал и провел очередной раунд переговоров. На этот раз речь шла о сдаче оружия всем личным составом полиции, насчитывавшем более 300 человек. Я попросил полковника в определенный час построить весь личный состав, и сделал ряд объявлений, которые сводились к следующему:

- органы полиции ликвидируются, следовательно, все сотрудники освобождаются от своих обязанностей;
- всему составу немедленно сдать оружие и снаряжение к нему;
- все имущество полиции остается на местах и обеспечивается его сохранность;
- в уезде создается милиция и желающие нести службу по ее уставам, приказам и наставлениям могут обратиться с письменным заявлением.

Набрали мы три мешка пистолетов, а где их хранить? Никакого подходящего помещения нет, охраны также нет, но надо было действовать решительно. Погрузили мы мешки в машину и быстро уехали. Покружив по городу, пришли к мысли: отправить этот груз в селение к родителям Иозаса Юрайтиса, что в 5-6 км от города. Пользуясь наступившей темнотой, нам удалось незаметно спрятать оружие на чердаке дома отца Иозаса. Но, когда мы вернулись в город и зашли в народный дом, где проходил вечер самодеятельности, нам сообщили, что в самом большом ресторане города гуляют полицейские, бесчинствуют, стреляют, нагоняя страх и ужас на всех окружающих. Сколько их, какое количество оружия осталось у них, никто не знает, что делать?

Срочно совещаюсь с секретарем партийной организации города Петровасом, выделяем с десятка коммунистов, находившихся на вечере в народном доме, ставлю перед ними задачу и идем утихомирить разгулявшихся полицейских. В нашем распоряжении всего 2 пистолета. Ведь если бы знали, что так сложится, я мог бы вооружить не одну сотню человек.

Входим в ресторан, а там творится что-то невероятное: крики, ругань, попытки произносить речи и тосты. Заходим к хозяину ресторана и приказываем: изъять спиртные напитки и объявить всем присутствующим о закрытии ресторана. Предварительный подсчет показал, что в ресторане было 60-70 человек исключительно полицейских.

После объявления хозяина о закрытии ресторана поднялся невообразимый шум, гвалт, слышались угрозы в его адрес. Нужны были какие-то решительные меры. Но какие? Принимаю решение: войти в зал вместе с Журайтисом и предложить всем покинуть ресторан. Прибывшим вместе с нами коммунистам находиться в резерве и в случае угрозы немедленно выступить на защиту.

Наше появление произвело отрезвляющий эффект. Шум сразу же стих, некоторые встали и вышли из зала, другие начали собираться, остальная группа продолжала пока куражиться. Объявляю, что если через 10 минут присутствующие не покинут зал, то их поведение будет рассматриваться как неподчинение представителям советской власти, и вышли из зала. Спустя 15-20 минут в зале ресторана осталось 12 человек, наиболее пьяных и наглых, которые пытались забаррикадироваться и никого в зал не пускать.

Нам удалось подогнать к ресторану грузовую машину и начать операцию. В течение нескольких минут мы вывели их на улицу, усадили в машину и доставили в тюрьму, к тому времени в тюрьме находились только осужденные за уголовные преступления, и охрана пока не распускалась. Оставляю нескольких коммунистов совместно с тюремной охраной нести дежурство до утра. Утром следующего дня составили протокол о хулиганских действиях задержанных, взяли с них подписки, что больше с их стороны подобного не повторится, и отпустили с миром.

Нельзя сказать, что после этого случая полицейские утихомирились, отдельные рецидивы были, но они не носили такого массового характера, да и у нас уже появились силы, которые могли кое что пресекать в зародыше. Я имею в виду, что в уезде начали формироваться партийные и советские органы власти.

Из Советского Союза прибыли тт. Лапшов и Маевский, которые были соответственно избраны: секретарем уездного комитета партии, и председателем уездного исполкома. Я назначен начальником уездного отдела НКВД, а Ионас Кузма моим заместителем.

Депортация

Несмотря на яростное сопротивление всякого рода реакционных сил, последовательное проведение мероприятий по установлению советских порядков давало свои результаты. Постепенно начали создаваться органы управления, вокруг которых складывался коллектив активистов, наблюдался огромный политический подъем среди трудового народа. Народ наслаждался свободой, активно принимал участие во всех проводимых мероприятиях. Но не дремали и контрреволюционные элементы, которых в республике было немало.

Их подрывные действия проявлялись всюду, где была ослаблена бдительность народа и представителей советской власти. Особая активность в их деятельности началась тогда, когда по решению правительства была начата операция по депортации из республики руководителей буржуазных партий, карательных органов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата и других реакционно настроенных лиц. Они высылались в железнодорожных эшелонах в отдаленные районы вместе с семьями и имуществом до 300 кг. К проведению операции были привлечены коммунисты-активисты, сотрудники органов НКВД и милиции. Естественно, такое мероприятие активизировало подрывную деятельность выселяемых и их семей. Не обошлось и без попыток

открытого противодействия представителям народной власти вплоть до вооруженного сопротивления. Наиболее агрессивно выступающих пришлось арестовать и тем самым охладить пыл не в меру распоясавшихся.

Несмотря ни на что, дело было сделано, и атмосфера в республике несколько очистилась, но не в такой степени, чтобы можно было успокаиваться. Остались многочисленные связи выселенных, их родственники, друзья, знакомые, через которых осуществлялась активная переписка, где были не только сочувствующие, но и готовые выполнить их поручения, носившие, как правило, подрывной характер.

Положение в республике оставалось сложным и довольно напряженным. Буквально не было ни одной свободной минуты для личных дел. Единственное, что я успел к этому времени, так это создать небольшой аппарат НКВД из четырех человек, оборудовать служебное помещение, переехать с чердака Кузмы на жительство в дом мельника, который был выселен, и занять там две комнаты с отдельным входом. Но, признаться, жить там почти не пришлось, т.к. в рабочем кабинете стояла кровать и все имущество, которое укладывалось в один чемода

Новогодний «подарок»

Новый, 1941 год встречали в полной боевой готовности. Мы располагали данными о готовящихся подрывных акциях и поэтому весь аппарат, органы милиции и партийный актив были мобилизованы на их пресечение. Патрулировали по всем основным улицам, в общественных местах находились уполномоченные лица до окончания работы.

В эту новогоднюю ночь я также патрулировал вместе с Юрайтисом, ставшим к тому времени официальным сотрудником уездного отдела НКВД. Проходя мимо гимназии, мы повстречали ее директора, фамилию которого, за давностью времени, забыл. Он очень любезно пригласил нас погреться и посмотреть, как весело у них встречают Новый год. Мы зашли туда, разделись в приемной директора и направились в зал посмотреть, как танцуют. Буквально через 10-15 минут мы решили уходить, но директор пригласил выпить по стакану чая. Мы не отказались и посидели за чаем не более 30 минут. Поблагодарив за гостеприимство, мы одеваемся, и отправляемся нести службу. Выйдя на улицу, я почувствовал что-то лишнее в кармане пальто. Достая и своим глазам не верю - целая пачка антисоветских листовок. Юрайтис из своих карманов также извлекает листовки и записку с угрозами. Получив новогодние «подарки», мы стали думать, что же нам предпринять. Но, повернувшись, заметили, что на всех телеграфных столбах, идущих вдоль основной магистрали, наклеены аналогичные листовки. Мы стали их собирать и набрали около сотни, но, когда вернулись вновь к зданию гимназии, увидели на ее крыше флаг с фашистской свастикой. Вот так Новый год! Что же он нам обещает?

Обсудив наспех положение, мы поспешили в свой отдел, располагавшийся в четырехстах метрах от места событий. Принимаем следующее решение:

- группу из трех человек посылаем в гимназию снять фашистский флаг со здания, предварительно посмотрев - не будет ли кто проявлять к этому повышенного интереса; постараться сохранить отпечатки пальцев на древке флага;
- предположив, что преступники, расклеивавшие листовки, захотят убедиться в том, что они не сорваны, и придут к этому месту, мы организовали засаду в одном из домов, расположенном на основном шоссе. В задачу этих людей входило задержать и доставить в отдел НКВД лиц, которые будут подходить к столбам, где были наклеены листовки.

Наше предположение оправдалось. Спустя часа два засада задержала трех гимназистов в возрасте 15-16 лет, которые подходили к столбам и осматривали места, где были наклеены листовки. На руках задержанных была обнаружена аналогичная краска, которой, были написаны листовки, а также следы канцелярского клея. На предварительном допросе они признались, что действительно расклеивали листовки, но отвергали свою причастность к их изготовлению, показав, что они их получили от гимназиста по имени Балис. Ввиду того, что показания всех троих были одинаковы, их правдивость не вызвала сомнений. Отобрав у задержанных ребят письменные признательные показания, мы их отпустили домой с обязательной явкой на следующий день вместе с родителями. С другой стороны установили гимназиста Балиса и стоявших за его спиной двух преподавателей гимназии, которые организовали группу молодежи для ведения антисоветской работы. Вскоре оба организатора были арестованы и осуждены.

В комиссии по репатриации

В начале 1941 года между Советским Союзом и Германией было подписано Соглашение о репатриации немцев из прибалтийских республик в Германию и литовцев, латышей и эстонцев из Германии в свои республики. В соответствии с этим соглашением каждой стороной были созданы комиссии по репатриации, которые и решали все вопросы, связанные с выдачей права на выезд граждан немецкой национальности в Германию и въезд литовцам в Литовскую Социалистическую Республику.

Нетрудно понять, что руководство фашистской Германии, активно готовясь к началу войны с СССР, использовало эту операцию для массовой засылки своих шпионов и диверсантов в нашу страну. Являясь членом этой комиссии, мне пришлось много потрудиться с целью выявления подозрительных лиц среди репатриантов.

В свою очередь, мы тоже проводили работу по вскрытию замысла противника и готовили людей для этой цели. Как правило, события такого масштаба быстро обнаруживают скрытые цели каждой стороны. И вот уже в конце февраля 1941 года мы стали получать сигналы о подготовке Германией войны против СССР с указанием конкретных сроков ее начала.

Так, бывший хозяин автобусной станции в г. Зарасае, немец по национальности, в откровенной беседе со мной накануне репатриации в Германию заявил, что война начнется 15 мая. Затем, уже из Германии, по обусловленному каналу связи примерно во второй половине апреля он сообщил, что начало войны, видимо, будет 15 июня. Естественно, все эти материалы были доложены в Народный комиссариат внутренних дел Литвы, а оттуда в НКВД СССР. Более того, как мне стало потом известно, аналогичные сигналы получали наши работники и в других уездах, так что оснований для доклада в Центральный аппарат НКВД СССР было вполне достаточно.

Накануне Первомайского праздника 1941 года состоялось торжественное собрание уезда в Народном доме. Это было первое такое представительное собрание. Уездный комитет партии поручил мне выступить с докладом. Естественно, главное внимание в докладе было уделено международному положению. И как тогда часто бывало мы, ссылаясь на заявление К.Е.Ворошилова, говорили, что «если враг развяжет с нами войну, то воевать мы будем на его территории». Но до этого, как известно, нам много пришлось испытать.

На новом месте. Биржай

А между тем тучи на Западе все сгущались, все тревожнее поступали сигналы о приближающейся войне. И вот, неожиданно, в начале мая меня пригласили в Каунас, в НКВД Литовской ССР предложили

должность начальника Уездного отдела НКВД Биржайского уезда (г. Биржай). Причина - плохое положение дел в борьбе с контрреволюцией в Биржайском уезде, поэтому надо было укрепить руководство отдела.

Сдал я дела своему заместителю Кузме и через пару дней отправился в Биржай. Только приступил к исполнению в новой должности, как поступило указание из НКВД Литовской ССР о разделе НКВД на два отдела. - НКГБ и НКВД (то есть отдел госбезопасности и внутренних дел). Меня назначили начальником госбезопасности. Для отдела НКГБ был выделен дом ксендза. Это двухэтажное помещение, состоящее из 12 комнат и множеством удобств, с огромным приусадебным участком, садом и прудом общей площадью более 2-х гектаров. Вся территория была обнесена большим каменным забором. Помимо основного здания были вполне пригодные подсобные помещения: каменные сараи, погреба и все это подходило, как нельзя лучше, для наших нужд. Короче говоря, устроились мы весьма солидно, но, к сожалению, не надолго.

Биржайский уезд когда-то в прошлом был местом ссылки преступников, а спустя много лет стал краем крупных землевладельцев и кулаков. Многие руководители буржуазных реакционных партий и организаций карательных органов были выходцами из Биржайского уезда.

По сравнению с Зарасайским уездом, здесь оперативная обстановка требовала к себе более пристального внимания с нашей стороны. Поэтому, несмотря на множество организационных вопросов, которые приходилось решать, я с головой ушел в изучение этих проблем. Из 10 оперативных работников отдела четыре человека прибыли из Советского Союза, русские, совершенно не знавшие литовского языка, поэтому работали с переводчицей, которая, к слову сказать, не очень хорошо владела русским.

Чтобы немного отвлечься от тяжелых воспоминаний, расскажу о забавном случае.

В этот период времени в Литовской ССР враждебные элементы распространяли всевозможные провокационные антисоветские вымыслы и, в частности, о том, что скоро всех крестьян будут загонять в колхозы, где все будет общее вплоть до домашней утвари, носильных вещей и т.п. Ввиду этого по всей республике начался массовый убой скота. Тогда из НКГБ поступило указание срочно представить докладную записку о положении дел в уезде по этому вопросу. Во все волости уезда, а их было 14, были посланы наши представители для сбора материалов и, конечно, все они были представлены на литовском языке.

Я составил докладную записку, как это требовалось, на русском языке и начертил таблицу, показывающую, сколько было скота до установления советской власти в уезде и сколько осталось по состоянию на 1 мая 1941 года, в том числе раздельно: коров, быков, овец, свиней. Была поздняя ночь или, точнее, раннее утро, за окном было уже светло. В кабинете вместе со мной были два оперработника: русский Белоусов и литовец Марцинкявичус. Читая ответы из волостей, я никак не мог перевести слово «булас» и попросил зайти переводчицу. Когда она вошла, я попросил перевести это слово. Она задумалась, долго вспоминала и, наконец, ответила: «Это будет муж коровы». Я и Белоусов весело рассмеялись, а Марцинкявичус в недоумении смотрел на нас и все время спрашивал, что случилось? С тех пор это изречение долго оставалось на вооружении работников отдела.

Итак, прошел май 1941 года. Наступил июнь, обстановка в республике с каждым днем становилась все сложнее и сложнее. Установилось какое-то зловещее затишье как перед сильнейшей грозой. Сигналов о приближении войны становилось все больше и больше. Арестовываем нескольких агентов немецкой разведки, почти открыто занимавшихся распространением провокационных слухов и подстрекательством против органов советской власти.

По решению Советского правительства в пограничные районы Прибалтики прибывали воинские подразделения, накапливалось вооружение, в некоторых местах возводились оборонительные сооружения. Среди населения уезда происходило как бы расслоение на преданных Советской власти людей и враждебно настроенных ко всему советскому, жаждущих прихода немцев в Литву. Враждебные элементы все более нагло выступали против коммунистов, активистов, представителей советской власти. В течение десяти дней июня было совершено несколько убийств по политическим мотивам. Убийства совершались не только в сельской местности, но и в городе в дневное время.

21 июня в полдень я с водителем литовцем Владасом отправился в Зарасай. Расстояние от Биржай до Зарасая примерно, 180 км. Дорога проходила по пересеченной местности, ее состояние в тот период времени было удовлетворительное, поэтому мы добрались часа за три.

По приезде я тут же зашел в уездный отдел НКГБ и предупредил, что я прибыл сюда и буду находиться, примерно, до 12.00 часов 22 июня. Таков был тогда порядок. Вечером на ужин пришли друзья, в том числе секретарь уездного комитета партии Ковшов, председатель уездного исполкома Маевский, Кузма и другие. Долго говорили и больше всего о возможной войне, о событиях того времени, глубоко нас волновавших. Разошлись в полночь. Погода стояла прекрасная. Это была последняя предвоенная ночь...

Война!..

В 4 часа 30 минут утра раздается сильный, продолжительный телефонный звонок. Ответственный дежурный отдела НКГБ г. Зарасая сообщил мне, что началась война. Быстро собираюсь и уже в 5 часов утра выезжаю в Биржай.

Проезжая по населенным пунктам, я видел, как местные жители собирались группами, обсуждали, видимо, события наступившего дня. Не доезжая 40-45 километров до города, дорога проходила через пологий овраг, поросший густым кустарником, я почувствовал, что здесь могут оказаться бандиты и на всякий случай приготовил автомат к бою. И только я это сделал, как по машине из кустарника прогремели несколько выстрелов. Водитель затормозил машину, но я приказал ехать вперед. В это время сзади раздались еще выстрелы и мы услышали несколько щелчков по крыше машины. Выехав на открытое место, остановились, чтобы осмотреться. Беглый осмотр показал, что три пули прошли крышу машины с левой стороны выше задней дверцы. Посмотрели вокруг - все тихо и, несколько успокоившись, двинулись дальше.

Когда около 8 часов утра въехали в г. Биржай, на улицах уже был народ. Отдельные группы оживленно беседовали у домов, а также магазинов. Войдя в отдел, собрал всех работников и приказал перейти на военное положение. Никому не выходить без оружия и в одиночку. Приготовить к возможной эвакуации оперативные документы. Немедленно взять на учет все оружие в городе и подсчитать, сколько человек мы можем вооружить. После этого поехал в уездный комитет партии и договорился с секретарем, что будем формировать вооруженный отряд под моим командованием, базой которого будет уездный отдел НКГБ. Все силы и средства

НКВД и милиции поступают в мое подчинение. Партийные документы было решено переместить также к нам в отдел.

Вернувшись в отдел, я предпринял попытку связаться с руководством НКГБ Литовской ССР, но тщетно, связь не работала. Включаем радио и слышим - передают выступление В.М. Молотова, которое заканчивалось словами «Наше дело правое, победа будет за нами!». Это несколько ободряет, но

реальная действительность на месте не радует. В отдел стали поступать тревожные сигналы о вооруженных бандитских выступлениях в различных местах уезда против коммунистов и передовых людей Литвы. Обстановка заставляет весь транспорт в городе конфисковать и пригнать к нам во двор для оперативного использования.

На следующий день узнаем, что враждебные элементы пытаются захватить и ограбить отделение Госбанка в городе, принимаю решение - все деньги перевести к нам в подвал и организовать охрану. К концу второго дня собрали вооруженный отряд численностью 150 человек, куда вошли коммунисты, комсомольцы, активисты, работники милиции.

Теперь на каждый бандитский выпад мы могли быстро и оперативно реагировать, высылая вооруженный отряд на автомашинах.

С 25 по 27 июня мы вели ожесточенные сражения с бандитскими элементами на всей территории уезда. Было убито около двух десятков бандитов, захвачено с оружием в руках 22 человека. Мы тоже понесли потери: 4 человека было убито и 10 человек ранены.

28 июня особенно активно летали над нами немецкие самолеты, несколько раз бомбили город и дороги, идущие на Восток. Через наш город отходили войска, а также партийно-советский актив из западных уездов Литвы. Немцы приближались с каждым часом. Связи никакой не было, все было прервано, нарушено. Мы находились в полном неведении о положении дел на фронтах.

На Восток из немецкого тыла

К концу дня узнали, что немцы захватили Ригу и Двинск, а мы остались глубоко в тылу у немцев. В ночь с 28 на 29 июня принимаю решение отходить на Восток. Всему отряду (тогда уже было около 200 человек) была дана команда приготовиться к эвакуации, подготовить транспорт, погрузить документы, 6 миллионов рублей денег, оружие.

Поздно ночью, погрузившись на 13 грузовых и 12 легковых автомашин, отряд двинулся на восток. Рано утром 29 июня нам удалось пересечь шоссе Рига - Двинск и остановиться на отдых. Однако мы решили проверить, где находятся немцы, и послали две группы по шоссе, одну в сторону Риги, другую - Двинска. Буквально через несколько минут они вернулись и доложили, что по шоссе курсируют немецкие танки. Лишившись возможности отдохнуть после ночного перехода, мы быстро снялись со стоянки и пустились дальше к Двине по песчаной дороге, круто спускавшейся к реке.

Вскоре нашли паромную переправу и решили переправляться. Паром был небольшой и едва удерживал 4 автомашины. Во время переправы попали под жестокую бомбардировку авиации противника. 11 человек было убито и 25 ранено.

На окраине города Себежа решили остановиться и немного отдохнуть. Никогда не бывавшие в Советском Союзе некоторые друзья-литовцы, естественно, проявили очень живой интерес ко всему советскому и решили осмотреть город. Гуляя по городу в одежде иного покроя, говоря на литовском языке, они тем самым вызвали подозрение у местных жителей. Спустя некоторое время я поехал в горотдел НКГБ, чтобы связаться с Москвой и получить необходимые указания. Подъезжая к центру города, я увидел большую толпу, в ней были военные и работники милиции. Они плотным кольцом окружили группу людей и вели ее к городскому отделу НКВД. Лица у всех были суровыми и напряженными. Присмотревшись, я увидел, что конвоируемые - мои друзья. На мой вопрос «В чем дело?» ответили, что задержана группа немецких диверсантов, которых доставляют куда следует. На мое заявление, что эти люди следуют вместе со мной и никакими диверсантами не являются,

послышались голоса: «Надо брать и его вместе с ними». И только потому, что здание горотдела находилось совсем рядом, я успел зайти к начальнику отдела, представиться и приостановить возможное развитие дальнейших событий.

С трудом мы передвигались и дальше - через Великие Луки на Ржев. Во Ржеве получили указание: литовских товарищей оставить на сборном пункте для отправки на Восток, а мне вместе с другими оперработниками явиться в Москву для сдачи оперативных и партийных документов.

Глава 3. В боях за Родину

В особом отделе 269-й дивизии

2 июля утром прибыли в Москву, почти без всяких задержек сдали документы. Но когда я попросил принять 6 миллионов рублей денег, то все вдруг осложнилось. Наркомат госбезопасности принять деньги отказался, и направили меня в Госбанк. Там долго расспрашивали, как и почему я оказался обладателем такой крупной суммы денег. Пока шли переговоры, наступила ночь и нам пришлось ночевать на машинах прямо на площади Дзержинского, охраняя деньги. На следующий день, наконец, разрешилась и эта проблема, деньги были сданы, а мы с облегчением вздохнули, избавившись от «опасного» груза. В тот же день 3 июля я был вызван в Управление кадров и получил назначение - начальником особого отдела 269-й дивизии, которая формировалась под Коломной в поселке Щурово.

По приезду в дивизию успел только сформировать особый отдел, познакомиться с командованием. Через несколько дней нас погрузили в эшелоны и направили на Центральный фронт, где велись тяжелые бои под Смоленском.

По прибытии в район назначения весь личный состав принял боевую присягу по подразделениям перед строем. Это было волнующим событием, ибо мы уже слышали гром приближающейся битвы и каждый давал клятву перед лицом своих товарищей мужественно и самоотверженно вступить в смертельную схватку с врагом.

Сложность обстановки, озабоченность исполнением ответственного задания быстро сближает людей. Поэтому уже через несколько дней между командиром дивизии генерал-майором Н.Ф. Гарничем, комиссаром Д.А. Зориным и мною установились очень хорошие взаимоотношения. Это всегда помогало в разрешении любых вопросов на первом этапе боевых действий дивизии, а в последующем хорошие отношения переросли в крепкую фронтовую дружбу, помогавшую нередко добиваться важных результатов в работе, о чем будет рассказано ниже.

В течение трех дней, с 18 по 20 июля, наша дивизия вела упорные бои с сильной вражеской группировкой и понесла значительные потери. После этого нас вывели в резерв фронта для пополнения личным составом и вооружением. Но увы... не успели мы опомниться, как в начале августа дивизию погрузили в эшелоны и направили на вновь образовавшийся Брянский фронт. Экстренное создание этого фронта было вызвано тем, что крупная танковая группировка под командованием Гудериана, сломив сопротивление наших войск на юго-западном направлении и выйдя на оперативный простор, развивала наступление на Орел - Тулу - Москву.

Эшелоны должны были прибывать в район г. Почеп. Между тем, в это время я был вызван в Москву для получения указаний и к месту выгрузки эшелонов следовал на автомашине с двумя офицерами штаба дивизии.

Немецкий шпион Иванов

К месту выгрузки мы прибыли на сутки раньше, чем прибыл первый эшелон, в котором находилось командование дивизии. Разгрузка происходила на ветке, отходящей от основной магистрали, расположенной в живописном месте. Ровная, окруженная небольшими лесными массивами и кустарником поляна, покрытая густой травой со множеством различных цветов, буквально как нарядная скатерть.

Разгрузка первого эшелона производилась рано утром, когда солнце только успело взойти и приятно пригревало своими лучами. После длительного пребывания в пути под бомбежкой немецких стервятников солдаты и офицеры выскакивали из вагонов и, наслаждаясь чудесной поляной, радовались прекрасному утру нового дня. Но, к сожалению, он не обещал ничего хорошего.

Через несколько часов прибыл второй эшелон, в котором находился артиллерийский полк. Так же, как и первый эшелон, быстро начал разгрузку. Но в самый момент напряженной работы, когда на месте разгрузки было большое скопление людей и техники, появилось около 20 немецких пикирующих бомбардировщиков - «Юнкерсов» (U-87). Первыми бомбовыми ударами они подавили зенитную артиллерию, прикрывавшую дивизию с воздуха, и, построившись в круг, начали бомбить эшелон. Это было ужасное зрелище. Каждый маскировался как мог в складках местности. Я лежал в сотне метров от эшелона в траве, и с каждым ударом очередной бомбы меня подбрасывало вверх. Вагоны от прямых попаданий разлетались в щепки. Казалось, время остановилось, конца бомбежки не будет и вообще не останется никого в живых.. Но вдруг, очевидно по команде, все юнкерсы построились в звенья и улетели. Место, где стоял несколько минут назад эшелон, представляло самое печальное зрелище. Там и тут лежали убитые и искалеченные люди, горели вагоны, разбитая боевая техника. Горе и ужас охватывал каждого, оставшегося в живых.

Затем, опомнившись и придя в чувство, мы начали собирать народ, оставшийся невредимым, чтобы немедленно оказать помощь раненым. Спустя какое-то время меня отзывает командир дивизии в сторону и говорит: «Я уверен, что у нас действует крупный шпион! Идемте в штаб, я расскажу Вам подробнее». По дороге он мне рассказал, что как только разгрузился первый эшелон и подразделения заняли боевые позиции, он обратил внимание на подозрительное поведение командира батальона майора Иванова. На неоднократные вызовы в штаб он не являлся, посыльные найти не могли, и только адъютант комдива обнаружил его, когда он выходил с радиостанцией из спецмашины, в которой больше никого не было, т.к. расчет в тот момент был послан на рытье укрытий. Свое отсутствие Иванов объяснить не мог, вел себя растерянно и как-то пугливо. Это сообщение было очень важным для меня потому, что Иванов находился в поле зрения Особого отдела, но конкретных данных о его вражеской деятельности мы к тому времени не получили. Прямо надо сказать, что данных для ареста было явно недостаточно, но комдив так горячо убеждал меня, что столь неожиданный налет немецкой авиации был неслучаен, что о прибытии эшелонов сообщил немцам шпион и таковым мог быть только Иванов. Я начал верить ему и решил без промедления арестовать Иванова.

Подойдя к машине, где находился Иванов, я вызвал его через солдата-связиста, хлопотавшего у машины, и объявил Иванову, что он арестован. Отобрал оружие, снял снаряжение и сам доставил в Особый отдел. Тут же начал допрашивать Иванова.

Спустя буквально, несколько минут он признался в шпионской деятельности и сообщил, что по его сигналу бомбили наш эшелон. Иванов происходил из района немцев Поволжья, в совершенстве владел немецким языком, до войны систематически приезжал в Москву и встречался с представителем

немецкой разведки, работавшим под дипломатическим прикрытием. Незадолго до начала войны он имел последнюю встречу с работником посольства Германии, от которого получил конкретные задания и способы их выполнения.

На следующий день Военный трибунал приговорил Иванова к расстрелу.

С чувством огромной признательности и благодарности я вспоминаю при этом о замечательном комдиве, работавшем ранее в ЧК под руководством Ф.Н.Дзержинского, который своим проницательным умом и великолепной интуицией преподавал мне серьезный урок в начале войны

Ликвидация вражеского десанта

Пережив первую неудачу при разгрузке под Почепом, командование дивизии сделало много правильных выводов на будущее. Не теряя ни секунды времени, начали «зарываться в землю», создавая эшелонированную систему обороны, с ходами сообщения и местами укрытия от авиации и танков противника, примерно две недели нам удалось использовать на создание оборонительных сооружений, обеспечение вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Не теряли напрасно времени и чекисты особого отдела, изучая личный состав и оперативную обстановку в окружении частей дивизии. Но спокойный интервал пролетел, как мгновение. И вот уже, как шквал ветра, как ураган накатывалась волна фашистских войск на наши позиции. Завязался кровавый бой, проходивший с переменным успехом. Нам удалось на своем участке фронта остановить немцев. Но немецкое командование, натолкнувшись на отчаянное сопротивление наших войск, ввело свежие силы и подвергло наши боевые порядки жестокой бомбардировке. С раннего утра и дотемна над нами летали самолеты противника с противным завыванием и буквально гонялись за каждой машиной, огневой точкой и даже за одиночными офицерами и солдатами. Такое моральное давление противника оказало свое действие, тем более, что среди личного состава было немало людей совершенно не обстрелянных.

В этот тяжелый момент немецкое командование выбросило в тыл дивизии группу автоматчиков, которые, замаскировавшись в перелесках, открыли огонь из автоматов.

С возникновением стрельбы в своем тылу среди солдат немедленно поползли слухи: «Мы окружены!». И это полностью надломило психологическое состояние наших войск. Сначала по одиночке, а затем группами начали отходить в тыл наши войска. Находясь на КП, командир дивизии и я с ужасом наблюдали эту картину. Я видел, как напряженно думал Николай Федорович, как он искал решение задачи, но в его распоряжении уже не было никаких резервов. И вдруг он, как бы в отчаянии, сказал: «Толя! Выручай!». Мне этого было достаточно, ибо я и сам понимал - нужны решительные действия. Очень быстро я собрал группу офицеров штаба дивизии, 5-6 чекистов особого отдела, взвод охраны около 20-25 человек с двумя ручными пулеметами и автоматами.

Я поставил задачу: ликвидировать вражеский десант. Через час мы полностью уничтожили группу из 12 человек, 8 человек убили и 4 взяли в плен, вернули бежавших с боевых позиций своих солдат и офицеров.

Когда я доложил об этом комдиву, хотя вся операция проходила у него на глазах, он был крайне взволнован, обнял меня и сказал: «Спасибо! Этого я никогда не забуду».

Спустя некоторое время я решил зайти в расположение штаба дивизии, чтобы узнать о положении дел в наших частях и подразделениях. Около одной из палаток увидел толпившуюся группу солдат и офицеров, подойдя поближе, понял в чем дело. Оказалось, что наши люди, не видевшие никогда в

непосредственной близости немцев, рассматривали их с детским любопытством и наивностью, а некоторые добряки совали немцам хлеб, папиросы. Удивительно добр русский народ: даже к врагу, который только что сеял смерть и страх в наших рядах, относились очень добродушно.

Сделав замечание находившимся офицерам и солдатам, я вошел в одну из землянок и увидел, как заместитель начальника штаба подполковник Яковлев вместе с офицером штаба, знавшим немецкий язык, допрашивал одного из взятых в плен немцев.

Немецкий солдат, эдакий «чистокровный ариец», сидел заложив ногу на ногу, нагло отвернувшись от допрашивающего, не

испытывал даже малейшего желания давать какие-либо показания. На все вопросы он отвечал только «нет», «не знаю» и т.п. Посмотрев на эту картину, я был возмущен до глубины души и громко закричал на него. Мгновенно он вытянулся как струна и встал передо мною. Я приказал переводчику задавать ему вопросы. Немец стал четко, как машина, отвечать на них. Получив необходимые данные, я передал немцу через переводчика, что если его данные окажутся ложными, он будет немедленно расстрелян. Подполковник Яковлев почувствовал себя несколько сконфуженным и стал передо мной оправдываться. На это я заметил, что на войне чрезмерная доброта к хорошему не приведет, и покинул землянку.

Рано утром следующего дня мы с комдивом выехали на машине на передовые позиции своих войск. В пути нас атаковала группа самолетов-истребителей «Мессершмитт». Выскочив из машины, мы побежали к стогам сена, а самолеты, все время преследуя нас, бросали мелкие бомбы и вели ураганный огонь из пулеметов. Вблизи комдива разорвалась бомба и он упал на спину. Подползли мы к нему с водителем и установили, что он жив, но тяжело контужен. Мы доставили его в санбат. Когда Николай Федорович пришел в себя, открыл глаза, посмотрел на меня и сказал: «Я слишком мало сделал для победы, отомсти немцам и за меня, если я не вернусь!» И снова потерял сознание. Сердце мое сжималось от боли, когда я, простившись с Николаем Федоровичем, вышел из санбата. Как-то особенно остро почувствовал, какого наставника я потерял.

Но унынию предаваться было нельзя, да и некогда. Обстановка накалялась с каждой минутой.

В 307-й стрелковой дивизии. Роковая переправа

К 29 сентября группа немецких танковых войск Гудериана, произведя перегруппировку, нацелила свой удар в направлении Орла с целью окружения войск Брянского фронта и прорыва к столице. В это время комиссар дивизии Д.А. Зорин и я были переведены в 307-ю стрелковую дивизию, которая была лучше укомплектована личным составом и вооружением.

1 октября мы прибыли в штаб 307-й стрелковой дивизии 13-й армии и представились командиру дивизии - полковнику Б.С. Лазько, от которого узнали, что 13, 3 и 50-я армии Брянского фронта оказались в полном окружении, со штабом фронта связь прекратилась.

По указанию Генерального штаба каждая армия должна была пробиваться на восток самостоятельно.

«Немецко-фашистское командование предполагало быстро покончить с 13-й армией. Но оно просчиталось. Армия продолжала организованно вести бои в окружении». Так сказано в книге «В пламени сражений», написанной группой авторов под редакцией генерал-лейтенанта М.А.Козлова.

Наша 307-я стрелковая дивизия в период окружения была выделена для прикрытия отходящих войск 13-й армии и поэтому испытывала особые трудности. Кольцо окружения с каждым днем сжималось все

сильнее. Запасы боеприпасов, продовольствия и горючего полностью иссякли. Обходились только трофейным оружием и боеприпасами, питались в деревнях. Наше движение осуществлялось на юго-восток, и к 12 октября мы находились на территории Курской области. Выпавший 8 октября обильный снег, бездорожье и непрерывное преследование противника делали наш поход невероятно трудным. Голодные, без сна, некоторые бойцы не выдерживали физического и психологического напряжения и, теряя сознание, падали в пути.

В ночь на 17 октября была назначена решающая атака для прорыва на восток в районе Нижне-Песочное на реке Свапа. 52-я кавалерийская дивизия готовилась обеспечить нашу переправу через реку. Атака была назначена на 2 часа ночи. И вот, когда 6-я, 132-я и 143-я стрелковые дивизии прорвали немецкое кольцо окружения и переправились через реку, наша дивизия оказалась в исключительно тяжелом положении. Опомнившись от внезапного удара, немцы расстреливали нас со всех сторон, а когда мы вышли в зону прорыва в дер. Хомутовка, там нам устроили настоящую ловушку. В эту памятную ночь многие воины отдали свои жизни при выходе из окружения.

Итак, когда после девятнадцатидневных непрерывных боев наша 307-я стрелковая дивизия вышла из окружения, в ее составе осталось всего 326 человек. Во время выхода из окружения командование дивизией принял на себя комиссар дивизии Д.А. Зорин, так как командир дивизии был вызван в штаб армии, а возвратиться оттуда не смог и выходил из окружения вместе со штабом армии, который находился в авангарде с другими соединениями.

Мы с Дмитрием Афанасьевичем крепко дружили еще в 269-й стрелковой дивизии и, придя в новый коллектив, поклялись не оставлять друг друга в беде. Поэтому старались держаться в непосредственной близости друг от друга, что придавало дополнительные моральные силы.

В большую беду попал и я. Это случилось так: переправа через реку Свапу осуществлялась в двух точках, расстояние между переправами было не более 150 метров. На каждой было по две лодки и небольшие досчатые плоты. Река Свапа в местах переправы была шириной 25-30 метров, глубиной 3-4 метра. На одной переправе обеспечивал порядок комиссар дивизии, на другой он поручил это мне.

В процессе переправы, когда немцы усилили огонь, я подбежал к Д.А. Зорину и посоветовал ему немедленно переправиться на восточный берег, чтобы там организовать прикрытие переправы, оставшегося личного состава дивизии. Он послушал меня и тут же переправился на противоположную сторону.

Спустя некоторое время после шквального огня немецких минометов и стрелкового оружия по переправам вдруг все стихло. Нам даже показалось, что немцы бросили нас преследовать. И в это время нам закричали с противоположной стороны: «Немцы! Бросайтесь быстрее в воду!» Я подаю команду оставшейся со мной группе солдат и офицеров 15-20 человек «В воду!» и мы поплыли. Понять состояние, в котором мы находились, теперь, вероятно, трудно - ледяная вода, предельная истощенность и усталость. Но чувство борьбы за жизнь кажется взяло верх. Несколько человек доплыли до нашего берега и тем самым спаслись от верного пленения и расправы немцев.

Командир 52-й кавдивизии вместе с Д.А.Зориным силами кавалеристов и переправившихся бойцов организовали огонь по прорвавшимся к переправе немцам и несколько отбросили их назад. После того как я переправился через реку, помню, что Д.А. Зорин и кто-то из офицеров 52-й кавдивизии уже в землянке дали мне выпить полстакана спирта, после чего я потерял сознание. Очнулся в санбате с забинтованными ногами. И как потом мне рассказали, немцы спустя 10-15 минут после завершения нашей переправы форсировали Свапу в 1 км ниже по течению и пытались зайти во фланг 52-й

кавалерийской дивизии. Но была дана команда нашим войскам отойти на 8 км и занять новые рубежи обороны. Так как я был без движения, меня погрузили на двуколку, накрыли тулупами и кошмой и доставили в ближайший медсанбат. К моему приятному удивлению, я отделался только обморожением ног, поэтому следовать в тыл с медсанбатом отказался и уже через несколько дней был в строю.

Наш отход сопровождался постоянными действиями наземных и воздушных сил противника. Накануне праздника 25-й годовщины Великого Октября мы вошли в Курск и провели там первое партийное собрание коммунистов дивизии.

Первые наступательные операции, первые ранения

В дальнейшем мы оборонялись в районах Новосиль и Верховье. 20 ноября силами нашей дивизии и приданными частями из 13-й армии был нанесен контрудар по немецким

войскам. Ст. Верховье вновь перешла в наши руки. Это была первая наша наступательная операция.

Но фашистские войска, несмотря на потери, стремились обойти с юга дивизии Западного фронта (с 11 ноября 13-я армия была передана Юго-Западному фронту), оборонявшие Москву. Врагу удалось захватить Ливны, а в начале декабря и Елец. Но несмотря на это, уже тогда мы чувствовали, что силы постепенно уравниваются и недалек тот день, когда фашисты будут испытывать горечь поражения.

6 декабря одновременно с наступлением наших войск под Москвой началась Елецко-Ливенская наступательная операция. Из района севернее Ельца в направлении Казаки, Ливны наносила удар армейская ударная группа под командованием генерала К.С. Москаленко. В состав этой группы вошли: 307-я стрелковая, 55 кавдивизия и 150 танковая бригада. Противник значительно превосходил нас по численности войск, и борьба завязалась ожесточенная. В первый день наступления мы продвинулись на запад и заняли несколько деревень. Затем наше наступление все нарастало. Бойцы, воодушевленные первой победой, демонстрировали удивительную храбрость и самоотверженность. Противник был выбит из Ельца и, опасаясь оказаться в окружении наших войск, начал отходить на запад.

До 30 декабря продолжалось наше наступление. За это время было пройдено более 100 км вперед и освобождено много населенных пунктов. При этом было очень трогательно то, что мы прошли по тем же населенным пунктам и отступая и, наступая. Поэтому местные жители нас встречали как родных, проявляя исключительную заботу о бойцах и командирах, помогая во всем, идя на отчаянные поступки по разведке в тылу противника. Многие воины нашей дивизии проявили героизм, за что были удостоены высоких правительственных наград. Эти награды были особенно дороги, так как они доставались в исключительно тяжелых боях.

Наступательный порыв был настолько велик, что наши бойцы очень часто рвались в неравный бой с противником, пренебрегая смертельной опасностью. К тому времени злость к немцам накопилась в такой степени, что она толкала людей на удивительное проявление храбрости и мужества. Во время этих первых наступательных операций не обошлось и без курьезов.

Так, произошло недоразумение ночью 21 декабря во время наступления дивизии на одну из деревень. С правого фланга нашей дивизии вел наступление дивизион «Катюш». Ночь была морозная — 25-26 градусов по Цельсию, ярко светила луна, все вокруг было покрыто бело-матовым светом. К тому времени не весь личный состав был одет в полушубки и теплые рукавицы, более половины бойцов были в шинелях.

И вот устремились к объекту наступления, прошли половину пути от исходного рубежа, уже видны силуэты домов деревни. Немцы огонь не открывают. И вдруг из глубины нашего тыла обрушился шквал огня, но, к счастью, несколько дальше и левее. Через некоторое время последовал очередной залп. Это уже в непосредственной близости от нас. Мы залегли на снегу и были просто ошеломлены удивительным зрелищем. Создалось впечатление, будто на снег выплеснули расплавленный металл из огромного ковша, который, разливаясь по поверхности, все воспламенял.

Это были залпы дивизиона «Катюш», командование которого приняло нас за немцев. Не сразу удалось установить связь с соседями и они нас долго держали в лежачем состоянии в такой мороз. Но, потом все встало на свои места, вскоре выбили немцев из деревни и, подвезли кухни, выдавали «законные» 100 граммов и, кажется, не было простуженных.

20 февраля 1942 года во время налета вражеской авиации на расположение нашей дивизии комиссар дивизии Д.А. Зорин был ранен осколком бомбы в спину и лицо, а мне

такие же осколки угодили в ногу и щеку. Нас отправили в разные госпитали и с тех пор мы больше не встречались. Знаю только, что после войны Д.А. Зорин несколько лет служил военкомом Волгоградской области.

Находясь в Тамбовском военном госпитале, я быстро поправлялся. Необыкновенно спокойная жизнь в тылу мне показалась сказочной, но, отоспавшись и отдохнув физически, заскучал по фронту и дальнейшее пребывание в госпитале стало тягостным. Через 40 дней меня выписали из госпиталя, и я убыл в Москву за получением нового назначения.

Москва, Кремль. Орден Красной Звезды

В Москве я узнал, что мне присвоено очередное звание подполковник. За время пребывания там произошло еще одно очень приятное событие. В центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении группы военнослужащих орденами и медалями. В числе награжденных орденом Красной Звезды был и я. По этому случаю небольшую группу пригласили в Кремль, где М.И. Калинин вручил нам награды. После этого Михаил Иванович стал расспрашивать о положении на фронтах и, как-то непринужденно завязалась беседа, мы почувствовали себя совсем свободно. Пользуясь обстановкой, я рассказал Михаилу Ивановичу, как еще в 1925 году во время его пребывания на фабрике имени М.И. Калинина по поручению пионерского отряда я повязал ему галстук как почетному пионеру. Тогда Михаил Иванович посадил меня рядом с собой, погладил по голове и сказал: «Молодец, расти скорее, я хотел бы видеть тебя настоящим коммунистом». Михаил Иванович очень тепло отнесся к моему рассказу, весело улыбался, спросил о моих родителях, которые к тому времени проработали на фабрике им. Калинина около 30 лет каждый. Затем он угостил нас чаем, очень интересно и образно рассказывал о многих событиях того времени.

В заключение встречи Михаил Иванович пожелал нам успехов в скорейшем разгроме ненавистных фашистов и здоровыми возвратиться домой. Сколько раз вспоминал я эту встречу, и каждый раз находил в ней все новые и новые приятные моменты.

Забегая вперед, я с горечью хочу поведать, что третья встреча с Калининым была чрезвычайно печальной. В 1946 году во время его похорон я находился в охране на Красной площади в непосредственной близости от гроба. И так же, как и многие люди нашей страны, очень тяжело переживал эту утрату.

Дорогие моему сердцу воспоминания о Михаиле Ивановиче сохранятся до конца моей жизни.

Глава 4. На Северном Кавказе

Начальник ОО Грозненского особого оборонительного района

Накануне Первомайского праздника 1942 года я получил новое назначение, которое первоначально как-то не мог уяснить и даже внутренне не получил удовольствия. Мне было непонятно, почему меня, фронтовика, прошедшего почти год по фронтовым дорогам, отправляют в глубокий тыл. Я был назначен начальником особого отдела Грозненского особого оборонительного района. Но в системе органов госбезопасности не принято спрашивать почему, по каким причинам назначают на ту или иную должность. А обычно происходит так: вызывает старший начальник и говорит: «Есть предложение назначить вас на такую-то должность, в качестве того-то. Ваше мнение?». Все, как правило, отвечали: «Согласен». На этом кончалось обсуждение вопроса. И все-таки я решил спросить своего хорошего приятеля, работавшего в Управлении кадров. Тот, выслушав меня, улыбнулся и говорит: «Ты же инженер-нефтяник, вот тебя и решили направить туда, где промыслы и нефтеперерабатывающие заводы. Будешь там бензин гнать, наверное пользы больше будет». И потом вполне серьезно заявил: «Раз посылают, значит так нужно. Надеюсь, больше вопросов не будет? А теперь пойдем ко мне поужинаем».

Во время ужина мой друг «просветил мое сознание», и на следующий день в приподнятом настроении я отбыл в город Грозный.

В состав Грозненского оборонительного района входили: 8-я дивизия войск НКВД, сформированная по указанию Ставки Верховного Главнокомандования. Эта дивизия была укомплектована пограничниками и кадровыми рабочими г. Грозного;

- 131-я стрелковая дивизия, прибывшая из Армении, под командованием полковника Арутюнова;
- 105-я истребительная авиационная дивизия ПВО;
- 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и 471-й батальон аэродромного обслуживания;
- отдельная железнодорожная бригада войск НКВД под командованием полковника Подамяко.

Позднее в состав Оборонительного района были переданы 10 артиллерийских противотанковых дивизионов.

Командующим Грозненским особым оборонительным районом был назначен генерал-майор Никольский Н.П. Признаться, у нас с самого начала не сложились с ним хорошие отношения. Мне он показался человеком своеобразным, несколько замкнутым, поэтому особого расположения мы друг другу не питали и встречались сугубо официально. В глубину его души я не проник.

Первое время командование Оборонительного района как вновь созданное формирование занималось комплектованием частей и их штабов личным составом, получало боевую технику и снаряжение, организовывало боевую подготовку. Вместе с этим очень скоро приступили к созданию оборонительных сооружений вокруг Грозного.

А мне пришлось заниматься и спецмероприятиями по всем важнейшим объектам Грозного. Здесь я встретил много друзей среди нефтяников, в том числе управляющего трестом «Грознефтезаводы» тов. В.С. Федорова, однокашника по Московскому нефтяному институту директора НПЗ №1 А.Я. Осипьяна, директора крекинг-завода Иванюкова.

Чтобы немного отвлечься от тяжелых воспоминаний о событиях в Грозном, расскажу об одном эпизоде. Не могу о себе сказать, что являюсь заправским шутником, но, признаться, шутить люблю всю жизнь. Особенно много шуточных историй было у меня с Осипьяном. Я искренне любил его всегда при жизни и свято чту память о нем после его безвременной кончины.

Итак, узнав, что мой друг является в Грозном директором Нефтеперерабатывающего завода №1, я решил позвонить ему по телефону и поприветствовать, но тут же мелькнула игривая мысль разыграть его. Услышав его голос в трубке, я нарочито строго спросил: «Это товарищ Осипьян Артем Яковлевич?».

Он со свойственной ему добротой и мягкостью ответил: «Да, это я». Тогда я ему говорю: «Вас срочно вызывает к себе начальник Особого отдела гарнизона по адресу...». Артем Яковлевич по-военному отвечает: «Есть! Буду немедленно». Но сам на всякий случай решил заехать домой и предупредить свою жену Иду Никитичну.

Через некоторое время дежурный доложил, что приехал товарищ Осипьян. Я сказал, что приглашаю. И вот входит Артем в полувоенной гимнастерке, в кирзовых сапогах, на ремне висит огромная кобура от револьвера «Наган». И, не узнав меня, докладывает: «По Вашему вызову Осипьян прибыл!». У меня с усмешкой вырвалось: «Ах, вот ты какой, Осипьян!» - и я вышел из-за стола ему навстречу. Только тогда он крикнул: «Анатолий! Вот напугал меня, подлец! Опять дам тебе два наряда вне очереди».

Дело в том, что когда мы учились в институте и проходили высшую вневойсковую подготовку, Артем был моим командиром отделения, а затем командиром взвода, когда я был командиром отделения. Ввиду того, что я был рядовым беспокойным, он постоянно грозил мне: «Гуськов! Я тебе влеплю два наряда вне очереди».

Встреча была необыкновенно приятной, и он, конечно, как бывший командир, приказал следовать к нему на квартиру. А затем в грозные дни бомбежки каждый день звонили друг другу и справлялись о положении дел. Особенно тревожными были дни 10-15 октября, когда каждый день фашистская авиация бомбила Грозный. Я часто бывал на нефтеперерабатывающих заводах и, в частности, на НПЗ №1 у Артема.

Вспоминается еще один потешный случай. Однажды приехал я на завод, и мы с Артемом пошли по его территории. Было очень жарко, пыльно и душно. Пользуясь тем, что рабочих около установок не было, мы решили искупаться в одном теплообменнике, в котором циркулировала чистая вода, охлаждавшая горячие трубы с нефтепродуктами. Вода была теплая, приятная и мы просто блаженствовали несколько минут. Вдруг завывли сирены, послышалась стрельба зенитных орудий, а затем оглушительный взрыв авиабомбы. Выскочили мы из «ванны», быстро накинули свою одежду и едва успели забежать в убежище, как на месте, где мы только что одевались, разорвалась бомба. Установка сильно пострадала и была остановлена аварийно. Но до этого периода мы еще не дошли, поэтому пойдем по порядку.

Летом 1942 года началось крупное наступление немецких войск на юге нашей страны в направлении нижнего течения Волги и на Кавказе. Потери были тяжелыми. Сердце сжималось от боли, когда мы узнавали о захвате противником все новых и новых наших городов и сел, промышленных районов и плодородных земель. Враг рвался к нефтяным богатствам Грозного и Баку.

В связи с немецким наступлением на Кавказе осложнилась обстановка на границах с Турцией и Ираном. Посол Германии Франц фон Пален, матерый разведчик, все время подстрекал политических деятелей Турции на антисоветскую деятельность. Турецкие реакционеры активно готовились к нападению на

Советский Союз. Непокойно было и в другой соседней стране - Иране. Там проводилась антисоветская пропаганда, распространялись листовки о том, что скоро немецкая армия вступит в Иран.

Наши союзники США и Англия всячески затягивали открытие второго фронта, хотя и видели, что опасность также нависла и над ними. В этот момент Черчилль настаивал на том, чтобы Советский Союз дал согласие на ввод английских войск на Кавказ, в первую очередь воздушных армий. Эту идею поддерживали и США, назвав план ввода своих войск на Кавказ операцией «Вельвет». Одновременно с этим, чтобы оказать давление на Советский Союз, были прекращены поставки вооружения и продовольствия из Англии и США.

Так, в самый напряженный период боев на советско-германском фронте за спиной Советского правительства проводились хитроумные комбинации наших союзников, больше заинтересованных в ослаблении наших сил, чем в оказании нам помощи.

Разгром бандгруппы Реккерта

Пламя войны приближалось и к Грозному. Уже в августе завязались бои на дальних подступах к городу. Обстановка с каждым днем становилась все напряженнее. Положение осложнялось тем, что в Чечено-Ингушетии гитлеровцы нашли немало единомышленников в лице участников бандитских шаек, во главе которых находились профессиональные бандиты, такие, как Х. Исраилов, М. Шерипов, их поддерживали всякие отщепенцы, дезертиры из рядов Красной Армии, ушедшие в банды с оружием.

Особую питательную среду для врагов Советской власти составляли мусульманские секты, которых в Чечено-Ингушетии было 38, они насчитывали в своих рядах более 20 тысяч человек. Среди мулл, шейхов и мюридов, выдававших себя за святых, были заклятые враги, готовые предать свой край гитлеровским убийцам.

Банды так «хозяйничали» в республике, что к осени 1942 года значительная часть соц. добра была разграблена, колхозы разваливались, так как к руководству ими приходили нередко бандиты или их пособники. Принимавшиеся партийно-советскими органами республики меры результатов не давали. Более того, появление актива в горных районах было чрезвычайно опасным. Даже воинские подразделения там подвергались обстрелу со стороны банд. Поэтому командованием было запрещено направлять в горные районы мелкие воинские подразделения.

В помощь бандитским группам гитлеровское командование перебросило в горные районы Чечено-Ингушетии фашистских диверсантов во главе с изменником Родины гитлеровским агентом О[сманом]. Губе. В августе-сентябре 1942 года были сброшены четыре десанта парашютистов численностью около 50 человек. В районе Грозного действовала крупная диверсионная банда во главе с матерым разведчиком немецким «унтером» Реккертом.

Гитлеровское командование, стремясь как можно скорее овладеть Грозным и нефтяными богатствами, поручило Реккерт и его диверсантам проникнуть в наш тыл и, заняв выгодные позиции на горе Денин-Дук и ее отрогах, используя момент внезапности, провести диверсионные акции по захвату важнейших объектов в городе.

Рассчитывая на возможную панику, немецкое командование стремилось перейти в решительное наступление. Данные об этих планах были получены Наркоматом Госбезопасности Чечено-Ингушской АССР и ОО Грозненского оборонительного района. Обменявшись информацией, мы совместно разработали план ликвидации данной диверсионной группы и проинформировали командование Грозненского особого оборонительного района, обком ВКП(б), министра внутренних дел республики.

Для проведения этой операции была создана опергруппа из работников МГБ и ОО гарнизона. Ей выделили милицмейскую дивизию под командованием генерал-майора Б.А. Орлова, истребительный батальон и батальон войск из 8-й дивизии НКВД.

Операция по ликвидации диверсионной группы прошла очень удачно. Потребовалось буквально несколько дней, чтобы разгромить эту банду и часть ее участников захватить в плен, в том числе и самого Реккерта. Проводя тщательную разведку дислокации банды и внедрив в ее состав доверенных людей, мы выяснили ее планы. 22 сентября банда должна была начать наступление в сторону села Макхеты и дальше на Грозный. К этому времени на всех рубежах, по которым должны были двигаться диверсанты, были выставлены крупные засады.

22 сентября на рассвете, маскируясь под местных жителей, взяв с собой косы, вилы, грабли, бандиты группами по 10 - 12 человек направились в сторону села Макхеты. Наши подразделения обезоружили бандитов и в короткой схватке большую часть истребили, а остальные сдались в плен.

Следствие по делу велось НКГБ Чечено-Ингушской АССР. Мы поддерживали постоянный контакт с целью получить данные о возможных забросах агентуры врага в наш тыл. Но таких данных получено не было.

Борьба с немецкой пропагандой и разведкой

Немецкая разведка в этот период времени буквально засыпала прифронтовые районы листовками, в которых назывались сроки вступления немцев в г. Грозный, Махачкалу, Баку и т.д. Всячески запугивая слабодольных людей из местного населения, определенное влияние листовки оказывали и на некоторых военнослужащих. Не случайно в директиве Главного Политического Управления Красной Армии от 17 августа 1942 года было дано предостережение: «За последние месяцы немцы усилили вражескую пропаганду среди наших войск. Наряду с известными ранее формами этой пропаганды (листки, книжки, «пропуска», инструкции по переходу на сторону немцев, фотографии с текстами, журналы на русском языке и т.д.), они широко используют громкоговорящие установки с фальшивыми подделками наших брошюр и газет». (Архив МО СССР, ф. 348, 5620, д. 75, л. 288).

Припоминается случай, когда немцы на одном из участков фронта, пользуясь недостаточной бдительностью наших солдат и офицеров, переодев роту солдат в наше обмундирование, под провокационные крики «Не стреляйте! Идут свои!» переправились через р. Терек и нанесли нашим войскам значительный урон. Этот факт был предметом серьезного разбирательства.

Имело место и такое. Группа солдат оборонительного района из шести человек, проявив трусость и начитавшись немецких листовок, решила дезертировать и уйти в горы. Прихватив оружие, продукты питания и фашистские листовки с пропусками для сдачи в плен, под покровом ночи они ушли в горы Урус-Мартановского района, рассчитывая на всемерную поддержку местных колхозников. Но, когда они появились в селении и стали спрашивать, как пройти к немцам по горным дорогам, нашлись три колхозника, которые под предлогом сопровождения их по назначению доставили в районное отделение милиции, где находилась опергруппа особого отдела. Оказавшись в ловушке, дезертиры пытались сопротивляться с применением оружия. В короткой схватке двое из них были убиты, а остальные доставлены в Особый отдел Грозненского оборонительного района и понесли заслуженное наказание. Колхозники Толаев, Бондаев и Тураев командованием Северной группы войск Закавказского фронта награждены именными часами. Для проведения шпионажа и других диверсионных актов немецкая разведка засылала в Грозный подготовленных в своих школах разведчиков-диверсантов.

Вверенный мне особый отдел Грозненского особого оборонительного района работал с предельной нагрузкой. Усиленная патрульная служба силами частей 8-й дивизии войск НКВД ежедневно доставляла к нам десятки задержанных по различным причинам. Среди них были паникеры и дезертиры, уголовные элементы и лица без определенных занятий, которые прикрывались убедительным пояснением - отходом в тыл от наступающих немецких войск.

Но нас, особистов, естественно, больше всего интересовали шпионы и диверсанты противника, которые несомненно были в людском потоке. В то время мы работали непрерывно, не зная отдыха и сна. И результаты такого труда нередко нас радовали. Очень приятно вспомнить, что тогда с моей стороны как начальника и со стороны моего заместителя, подполковника Данилова Петра Степановича, не требовалось никаких усилий, чтобы заставить так напряженно работать оперсостав. Сама военная обстановка рождала невиданный энтузиазм, инициативу и железную дисциплину. Тогда не было в нашем лексиконе таких выражений: «трудно», «не могу», «не получается». Достаточно было сказать: «Нужно». Это магическое слово делало невероятное. Однажды ночью ко мне в кабинет вошел старший следователь майор Петр Семенович Литвак. Тогда ему было 40-42 года. Это опытный работник и нам он казался стариком, особенно, когда проявлял излишнюю осторожность в решении вопросов. Он спокойно сел в кресло, стоявшее у стола, и так негромко сказал:

- «Анатолий Михайлович, вы, видно, очень хотите спать?». Я ответил: «Да». Затем, помолчав, он добавил:- «Хотите, чтобы сон, как рукой сняло?». Я почувствовал загадочность его шуток и сказал: «Петр Семенович! Ближе к делу».

Не торопясь, он сказал:

- «Три дня я работаю с одним задержанным Ковалем Николаем Григорьевичем, 1916 года рождения, уроженцем г. Ростова-на-Дону, который выдает себя за осужденного на 3 года лишения свободы за мелкую кражу (квартирная кража). Отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии в г. Ростове-на-Дону. С занятием города немцами все заключенные были освобождены, и он, как «преданный» советской власти человек, решил перейти линию фронта и податься в тыл, чтобы отбыть оставшийся срок наказания или пойти на фронт, если возьмут, доверят. До суда он, якобы, работал на заводе «Ростсельмаш» токарем, в Ростове осталась престарелая мать. Однако эта легенда, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики. В моем распоряжении нет конкретных данных о его принадлежности к разведорганам противника, но интуиция подсказывает, что дело обстоит именно так. Мои сомнения основываются на следующем:

- Чрезмерно спокойно ведет себя на допросах.

- Навязчиво признает свою вину и готовность отбывать оставшуюся меру наказания, чтобы только потом попасть в действующую армию.

- Имеет паспорт, в котором сделаны все отметки до судимости, давность которого 4 года, но слишком уж мало изношен.

- Находившийся три дня вместе с Ковалем в камере Железнов рассказал, что «К» в разговоре проявил беспокойство по поводу потери своего друга где-то недалеко от Грозного. Осторожно интересовался, скоро ли освободится Железнов, откуда он и куда намерен следовать, где проживают родственники. Далее «Ж» сказал, что, как ему показалось, «К» ночью не спит, внимательно наблюдает за всеми, находящимися в камере, что-то ощупывает в своей одежде. Таковы мои данные, - заключил Петр Семенович, - и я хотел бы знать ваше мнение.

«Во-первых, - сказал я, - вы добились своего, и я уже не хочу спать. Во-вторых, вы только посеяли сомнения, что не самое трудное дело. Главное, по-моему, состоит в том, чтобы дать исчерпывающий ответ по каждому пункту сомнения. А это задача куда потрудней, Петр Семенович! Полагаю, дебатов по этому вопросу не будет, поэтому прошу разработать план мероприятий, показать его мне и немедленно начать исполнение.

Так началась история изучения Коваля. Проведенный квалифицированный обыск помог обнаружить микроскопический кусок плотной бумаги, на котором с помощью лупы удалось прочесть: «ст. Червленая Мирза 13-69-00/20-21». Экспертиза паспорта никаких отклонений не установила. Время содержания под стражей «К» кончалось. Надо было принимать безотлагательное решение. Опрошенный «К» по обнаруженной записке показал, что вместе с ним в заключении находился парень, зовут которого Мирза Танбаев. Его родственники проживают на станции Червленая. Вместе с ним перешли линию фронта и намеревались остановиться на отдых у его родственников, но ввиду задержания «К» на окраине города, он потерял своего друга. Адреса его он не знает, известно только, что дом находится в 300 метрах от станции. Значение цифр в числителе объясняет, как пройденное расстояние от Ростова за 3 дня, а 20-21 номер домов родственников Мирзы.

Рано утром следующего дня группа оперработников вместе с «К» выехала на ст. Червленая и предложила ему под наблюдением найти дом Мирзы. Поиски ничего не дали, дома под номерами 20-21 принадлежали лицам, у которых среди родственников не было человека по имени Мирза. По нашей просьбе к этому времени на ст. Червленая прибыла еще одна группа сотрудников из НКГБ Чечено-Ингушской АССР в гражданской одежде и замаскированная под местных жителей. «К» было объявлено, что проверка его закончена и он будет направлен в ближайшее отделение милиции в их распоряжение.

В момент объявления решения на лице «К» один из сотрудников уловил мгновенную улыбку. После этого «К» был передан в железнодорожное отделение милиции, с которым заблаговременно был проведен инструктаж, а опергруппа на его

глазах «убыла» в г. Грозный.

Расчет был сделан на то, что «К», если он является шпионом разведки противника, должен бежать из милиции, так как надежной камеры для содержания задержанных там не было. Группа разведчиков в гражданской одежде с биноклями и рацией заняла наиболее вероятные направления побега «К» из милиции. Опергруппа особистов обосновалась в соседнем населенном пункте и установила радиосвязь с группой наблюдения.

Как и предполагалось, с наступлением темноты при выходе из камеры «К» сильным ударом в живот сбил милиционера и скрылся. Группа наблюдения установила, что он долго петлял по станции Червленной, а затем вышел за пределы станции и залег в винограднике. Опасаясь обнаружения, группа наблюдения на близкое расстояние к «К» не подходила. Однако это грозило опасностью потерять его из вида, ведь южные ночи темные и уйти от преследования не составляло большого труда. Был единственный шанс - пустить по следу розыскную собаку, если «К» задумает уйти. Опергруппа решила оставаться на месте до рассвета.

Нам повезло, «К» тоже решил видно отдохнуть в винограднике и до рассвета оставался на месте. Затем осторожно начал приближаться к станции. Несколько раз подолгу вел наблюдение за происходящим вокруг. Убедившись, что никого нет, он решительно направился к одному из домов и незаметно проник

во двор. Целый день велось наблюдение за этим домом но в нем, казалось, нет никаких признаков жизни. Опергруппа решила, что «К» оторвался от них, в доме его, по их предположениям, нет, запросила разрешения снять негласное наблюдение за домом и провести милицейскую операцию путем официальной проверки. Это предложение было отклонено. Учитывая, что группа изрядно устала и целые сутки находилась без питания, мы организовали для нее все необходимое, но задачу оставили прежней - вести скрытое наблюдение за домом и за всеми, кто из него выйдет.

Тем временем произвели проверку на владельца этого дома, которым оказался Наргис Занбаевич Маллаев, 1890 года рождения, работающий обходчиком участка железнодорожного пути ст. Червленая. Состав его семьи - жена и два сына. Оба сына находились на службе в Красной Армии. Старший сын - Исмаил, 1916 года рождения, окончил военное училище и был офицером, второй сын - Владимир, 1921 года рождения, призван в Красную Армию в сентябре 1941 года, до призыва работал на местном винзаводе рабочим. Исмаил Наргисович Моллаев

С наступлением темноты опергруппа заметила, как из дома вышли два человека и с мерами предельной осторожности направились в сторону железной дороги, недалеко за станцию. В двух километрах от семафора и метров 100 в сторону от железнодорожного полотна неизвестные раскопали что-то у отдельно стоящего дерева и с рюкзаками за плечами возвратились назад. Ввиду того, что наблюдение велось на большом расстоянии и в темное время, выяснить подробности этого похода не удалось. Но после этого стало совершенно ясно, что в доме действуют два человека, не считая пришедшего с работы хозяина. Получив по радиации эти данные от группы наблюдения, мы решили особистов из соседнего селения передислоцировать ближе к месту событий и разместили их на окраине станицы Черв ленной.

Рано утром следующего дня из дома, находящегося под наблюдением, вышли два офицера и направились в сторону станции. Ввиду крайне сложных условий для ведения дальнейшего наблюдения было принято решение задержать неизвестных. Для этого опергруппу особистов переместили в помещение военной комендатуры станции и как только неизвестные в офицерской форме приблизились к станции, они были задержаны и доставлены в военную комендатуру. Задержанными оказались в форме старшего лейтенанта Николай Григорьевич Коваль, в форме лейтенанта Фарид Гасанович Исмаилов, 1916 года рождения. В действительности он был опознан местными жителями как Исмаил Наргисович Моллаев. Личный обыск показал, что задержанные располагали командировочными удостоверениями, выданными командованием 11-го стрелкового корпуса (действительно существовавшего в составе Северной группы Закавказского фронта), в которых предписывалось по делам службы в течение 10 дней быть в городах Грозный и Махачкала.

Обыск, произведенный в доме Моллаева, что называется, поставил все точки над «и». На чердаке дома была обнаружена развернутая коротковолновая радиостанция, найдены шифрблокнот, запасные батареи, подготовленный текст для первой шифропередачи, множество бланков с печатями воинских частей, оружие (3 пистолета), крупная сумма советских денег (20 тысяч рублей), небольшой запас продовольствия. В тайнике, к которому накануне вечером выходили задержанные, были обнаружены два парашюта, малая лопата, две каски.

Доставленные в Особый отдел Коваль и Моллаев вместе с вещественными доказательствами теперь уже представляли собой качественно других задержанных. Старший следователь Литвак Петр Семенович не мог скрыть своего удовольствия от успешной реализации начатого им дела. И мне показалось, что он был несколько расстроен, когда я сказал, что первый допрос мы будем проводить вместе. Но, будучи человеком весьма дисциплинированным, он принял это как должное, тщательно подготовил план допроса отдельно Ковалья и Моллаева и доложил для утверждения.

Допрос «К» показал, что он морально сломлен, наличие большого количества неопровержимых вещественных доказательств его преступной деятельности говорило о необходимости дачи правдивых показаний. Путь, который привел его к тяжелому преступлению, лежал через проявление трусости и малодушия.

В начальный период войны, находясь на службе в Западном особом военном округе, он был командиром взвода. В боях в районе Гродно попал в плен к немцам и некоторое время находился в лагере для военнопленных, а затем в составе небольшой группы из лагеря был вывезен и этапирован на Украину. Там группу поместили в отдельной вилле. Всего военнопленных в указанной группе было 30 человек. Все они были разделены на 5 подгрупп по 6 человек в каждой. Это была разведывательная школа Абвера (штаба «Валли») группы немецких войск «Юг».

Первоначально пленные усиленно подвергались антисоветской обработке, каждому внушалась мысль, что только теперь надо решать вопрос о жизни или смерти, что очень скоро Советской власти наступит конец и тогда с каждого будет спрос: «А на чьей стороне ты был? За кого воевал?».

«Всех, кто воевал против Великой Германии, ждет печальный конец - пуля или виселица, в зависимости от заслуг».

Такая обработка продолжалась в течение нескольких дней, одновременно с этим офицеры разведки Абвер, проводившие работу с пленными, тщательно проверяли их показания, поведение и настроение. Затем по одиночке вызывали и предлагали сотрудничество с немецкой разведкой, за что «гарантировалась не только жизнь, но и все ее удовольствия».

Так вербовали военнопленных для обучения в немецких разведывательных школах. В одной из таких школ в районе гор. Бельцы оказались вместе Коваль, он же Кириченко, он же Приходько, и Моллаев также с многочисленными псевдонимами. Старшим разведывательной группы был Коваль, а Моллаев радистом. Задание им было разработано в Ростове-на-Дону инструктором, специально прибывшим вместе с ними, разведчиком-Абвера группы 1, группы войск «Юг» Бриком, владевшим в достаточной степени русским языком.

В задачу разведгруппы входило собирать все данные о войсках на Кавказе, в частности, в районе Грозного, Махачкалы, о железнодорожных перевозках, нефтеперерабатывающих заводах, бензонефтехранилищах, нефтепромыслах и др.

Теперь стало ясно и значение надписей на микро пленке, обнаруженной у Ковалю. Надписи означали, что передачу надо вести каждый 3-й день после первого № 1, 3, 6, 9 и т.д., 69-00 мегагерц - длина волны и 20-21 - время передачи.

Через несколько дней Петр Семенович полностью закончил следствие по делу на Ковалю и Моллаева. Наступил момент, когда дело следовало передать на рассмотрение военного трибунала, беспристрастного, объективного и строгого суда, воздававшего «по заслугам». Но, в особом отделе зародилась мысль использовать этих преступников против тех, кто сделал их такими. Мы приняли решение использовать эту линию связи для дезинформации противника.

Первая радиоигра с противником

Материалы следствия и наши планы по дезинформации я доложил командующему Особого Грозненского оборонительного района генералу Никольскому и комиссару Б.Н.Герасименко. Они

полностью одобрили наше предложение и поставили задачу начальнику штаба систематически готовить дезинформационные материалы для передачи врагу.

Работу с Ковалем и Моллаевым по дезинформации противника я поручил своему заместителю Петру Степановичу Данилову. Помню, как мы переживали за первую радиопередачу. Для нас прежде всего очень важно было исключить возможность провала нашего мероприятия. Мучали сомнения, а вдруг «К» и «М» не полностью разоружились и во время сеанса дадут сигнал, что радиосвязь ведется под нашим контролем. Тогда наши замыслы могли бы быть обращены против нас.

Но, видимо, в 1942 году немцы еще настолько были уверены в своей победе, что своим шпионам не всегда давали знаки условности на случай их разоблачения и ведения радиоигры. Первый выход в эфир был произведен 1 октября в установленное время. Радиостанция противника сразу же среагировала на позывные сигналы, приняла нашу шифротелеграмму:

«На место прибыли благополучно, условия работы трудные, финансовые затраты помогли укрепить положение. Ближайшее время выезжаем по маршруту. Просим согласия один день не работать. Казбек».

В ответной телеграмме было сказано:

«Ваши действия одобряем, не допускайте никаких отклонений, сроки надо строго выдерживать».

Несмотря на строгое указание выдерживать сроки радиопередач, мы решили 3 октября в эфир не выходить, а создать впечатление, что поездка по маршруту не простая прогулка: поспешный сбор «солидного» материала за двое суток показался бы неправдоподобным. Уместно здесь заметить и следующее. Подготовка дезинформации — дело очень сложное, тем более, когда речь идет об объектах стационарного характера. Достаточно перепроверить полученные материалы через другие источники и, нашим планам грозил неминуемый провал. Поэтому подготовленные данные многократно обсуждались штабом Грозненского особого оборонительного района, согласовывались с вышестоящими штабами и исправлялись. Надо было создать такую информацию, которая была бы близка к действительному положению, и в то же время уводила бы в сторону врага. А главное, чтобы противник был убежден в надежности своей агентурной группы. Вот чего требовалось достигнуть.

6 октября мы вновь вышли в эфир и передали достаточно «обстоятельную» информацию, в которой упор был сделан на большую перегруппировку войск, на продвижение эшелонов с боевой техникой с юга на север, а также по отдельным объектам Грозного.

В ответной шифротелеграмме фашистская разведка поблагодарила, однако вновь потребовала строго выполнять полученные указания. Нам стало ясно, что немцы требуют непрерывного потока информации неспроста. Совершенно очевидно, что они готовились к решительному наступлению на Грозный, ибо командующий 1-й фашистской танковой армией, излагая план наступления на Баку, сообщал командующему группой армии «А», что продвижение из Грозного на юг возможно с 6 сентября, а из Махачкалы - 16 сентября. Но время шло, а планы гитлеровцев не выполнялись. Это и толкнуло их как азартных игроков на отчаянные действия. 9 октября мы на связь не вышли, а 10 октября на Грозный немцы бросили 128 бомбардировщиков. Сотни бомб обрушились на город, пострадало несколько предприятий. Однако, в результате активных действий нашей зенитной артиллерии и истребительной авиации боевые порядки фашистов были расстроены, следовательно, бомбовые удары были нанесены беспорядочно, военные объекты почти не пострадали, если не считать того, что около Особого отдела

упала бомба, причинившая некоторые разрушения зданию, а два офицера и два солдата получили осколочные

ранения. Другие наши работники отделались ушибами, контузией в легкой форме. В районе нефтеперерабатывающих заводов был подожжен только 10-миллионный резервуар сырой нефти. Горел он долго, и шлейф дыма распространился до Махачкалы, т.е. на 180-200 км. К нашему удовлетворению немцы много бомб сбросили в районах, которые были указаны как важные военные объекты в дезинформации. Следовательно, они поверили данным своей разведгруппы, а, значит, поставленная нами цель была достигнута.

Но случилось совершенно неожиданное. Немцы перешли в решительное наступление, прорвали оборону на участке северо-восточнее Грозного и захватили станцию Червленную, которая являлась базой для пребывания агентурной группы. В связи с этим дальнейшая работа Коваля-Моллаева по дезинформации немцев стала невозможной. После непродолжительной дополнительной проверки поведения Коваля и Моллаева по указанию Управления Особых отделов Закавказского фронта мы передали их для дальнейшего использования в качестве агентов опознавателей. Оба они проявили незаурядные способности, полностью осознали совершенное ими преступление и честно сотрудничали с органами контрразведки. При их активной помощи были опознаны еще 6 агентов немецкой разведки, заброшенных в наш тыл. Таким образом, честным поведением, раскаянием в совершенном преступлении в результате правильного направления их усилий они в значительной степени реабилитировали свое преступное поведение и проявленное малодушие. Впоследствии они были осуждены военным трибуналом с направлением в штрафную роту.

Но вернемся к событиям в Грозном. После первой массовой бомбардировки самолеты налетали ночью 11, 12 октября и в последующие дни большими группами. Всего вражеская авиация совершила 4246 самолето-вылетов на Грозный. Город многое пережил и героически защищался, ликвидировал последствия варварской бомбежки, но жертв и разрушений было много. Советское правительство высоко оценило отвагу и мужество воинов Грозненского Особого Оборонительного района и местных партийно-советских и административных органов, наградив большую группу лиц орденами и медалями. Вторым орденом Красной Звезды был награжден и я.

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» сказано: «После пятимесячных оборонительных действий на Северном Кавказе Красная Армия остановила в ноябре 1942 года наступление врага. Все попытки немецко-фашистских войск прорваться в Закавказье оказались безуспешными. Оборона Северного Кавказа протекала в чрезвычайно сложной для Красной Армии обстановке...».

«Оборонительные операции на Северном Кавказе сыграли важную роль в летней кампании 1942 года. В оборонительных сражениях советские люди измотали врага, нанесли ему значительные потери, и остановили его наступление» (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг., т. 2, 1961. С. 467).

Да, Грозный продолжал активно защищаться. В тот момент он был подобен натянутой тетиве лука, которая вот-вот могла отбросить немцев от подступов к городу. Тяжелая обстановка, трудные дни и ночи сроднили меня с этим городом, а забот у особого отдела с каждым днем все прибавлялось. Преданные делу нашей Родины, исключительно трудолюбивые оперативные работники вверенного мне отдела Данилов, Литвак, Сащенко и другие дни и ночи посвящали своему, на первый взгляд, малозаметному,

кропотливому труду, все процессы которого, как правило, проходят вне поля зрения посторонних людей.

У нас, в особом отделе как-то сам собой выработался порядок - ежедневно собираться у меня в 22.00. На этом ночном оперативном совещании первоначально обсуждалось положение на фронте, состояние личного состава, все вновь поступившие материалы, а также ставились задачи на будущее по конкретным делам. А когда заканчивалось обсуждение служебных вопросов, разговор переходил на различные злободневные проблемы того времени.

На одном из таких совещаний начальник Особого отдела бригады железнодорожных войск Федор Иванович Сащенко поведал о своей беде. Дело в том, что у него были большие

наручные часы 2-го Госчасового завода, которые он уронил, и они прочно остановились. Купить новые тогда было почти невозможно, поэтому он стал искать мастера часовых дел. И к немалому удивлению узнал, что недалеко от штаба их бригады работает частная мастерская по ремонту часов. Хозяином являлся пожилой, ничем не приметный человек.

«Часовщик» - резидент Абвера - «Дело Юшкевича»

Когда Сащенко пришел в мастерскую, хозяин оказал ему большое внимание, охотно взялся за дело и буквально в считанные минуты ликвидировал неисправность, заменив дефицитную деталь новой. Пока производился ремонт, он активно расспрашивал, как зовут заказчика, где его семья, откуда он родом, ну и, конечно, когда же прогоним немца.

Плату за ремонт взял весьма умеренную и при этом сказал:

«Я знаю, как сейчас важно командирам иметь хорошие часы. Поэтому передайте всем вашим товарищам, у кого часы неисправны, пусть приходят ко мне. Для командиров буду делать вне всякой очереди».

На этот рассказ не замедлил откликнуться всегда веселый, большой шутник и остро слов старший оперуполномоченный по розыску Василий Иванович Белоусов. Обращаясь к Сащенко, он сказал примерно так: «Может быть поздравлять тебя и рано, но я чувствую, что ты стоишь на пороге больших событий. Дело в том, что в классической литературе по шпионажу совершенно определенно указывается, что лучшими резидентами всегда были портные, зубные врачи, модистки и, конечно, часовых дел мастера. Советую немедленно взяться за этого старикашку, и получится дело «люкс». Нужно только побольше фантазии и усердия, но по разуму».

Сащенко, будучи человеком чрезвычайно серьезным, скупым на шутки и балагурство, по возрасту значительно старше Василия Ивановича, немного обиженный, ответил: «Тебе, Василек, не повезло с выбором профессии. Твой характер больше подошел бы цирковому клоуну, а ты пришел в ЧК, скучную организацию».

После этого они обменялись еще незначительными колкостями и уже были в обиде друг на друга. Видя такое развитие событий, я вмешался в разговор и сказал: «Коль скоро у Василия Ивановича созрел блестящий план, давайте поручим ему изучить этого человека и доложить о результатах. Сколько Вам потребуется для этого времени?».

Василий Иванович не ожидал такого оборота дела и как-то растерялся, не понимая, серьезно или в шутку я говорю. Видя это, я твердо повторил: «Двух недель хватит?». Тогда он ответил согласием, но, кажется,

был уверен, что все это шутка. Однако разговор на этом прекратился, и тем самым все осталось без изменения.

В потоке многочисленных вопросов, возникавших ежедневно и даже ежечасно, я, признаться, забыл про этого «старикашку». Но в установленное время Василий Иванович пришел ко мне и доложил, что в процессе проверочных мероприятий заслуживающих материалов на старикашку не получено и проверку на этом следует прекратить. При этом он зачитал данные, полученные на Григория Николаевича Юшкевича, 1885 года рождения, уроженца г. Коростень, Черниговской области, из кустарей, украинец. Работал в различных государственных и кооперативных организациях по ремонту часов (гг. Коростень, Чернигов, Киев). Накануне войны вновь вернулся в родной город Коростень и работал в государственной часовой мастерской. Жена, Берта Семеновна, 1887 года рождения, уроженка г. Киева, из семьи служащих. Окончила музыкальную школу, работала в театрах и концертных бригадах. Брат Юшкевича - Лев Николаевич, 1889 года рождения, с 1932 года проживает в г. Грозном, имеет собственный дом и участок земли 0,2 га, работает зав. производством молокозавода. Его жена - Ольга Петровна, 1891 года рождения, домохозяйка. Две дочери Наталья, 1914 года рождения, и Серафима, 1916 года рождения. Обе замужем, живут самостоятельно. Мужья призваны в Красную Армию. Муж Серафимы окончил военное училище, является офицером.

Г.Н. Юшкевич прибыл к брату летом 1941 года, прописался на постоянное местожительства, призыву в Красную Армию по возрасту и состоянию здоровья не подлежит. Сначала работал экспедитором на молокозаводе, а затем получил разрешение на открытие мастерской по ремонту часов.

По данным райфинотдела, «Ю» налоги платит аккуратно, оборот мастерской невелик. В органах НКГБ и НКВД республики каких-либо компрометирующих данных на братьев «Ю» не получено.

Григорий Николаевич является очень общительным, уважительным и культурным человеком. Блиско знающие его люди характеризуют как отзывчивого человека, его контакты не выходят за пределы необходимых производственных связей. Мастерская пользуется хорошей репутацией по качеству ремонта часов. Причем Г.Н. весьма квалифицированный мастер, способный починить часы любой марки, находит дефицитные запасные части.

Доложив эти материалы, Василий Иванович не преминул подчеркнуть, что это будет пустышка, и далее с некоторой обидой добавил: «Не знаю, почему Вы поручили мне заниматься этим делом?». Я ответил: «Не ошибается тот, кто не работает. Ну, а материалы пока храните у себя».

С тех пор прошло какое-то время, пришел ко мне на очередной доклад Сащенко и, как всегда спокойно, без явных эмоций доложил: «А «старикашка», мне кажется, не такой уж простой и мой спор с Васильком, видимо, не кончился». Затем он рассказал, что Особым отделом бригады изучается молодая девушка Ольга Осинец, 1920 года рождения, бывшая комсомолка, украинка, которая приехала из Армавира, где остались ее мать и бабушка. Подозрения у ОО возникли в связи с тем, что она очень настойчиво добивалась устройства на работу в офицерскую столовую поваром, что ей удалось сделать благодаря помощи начальника продснабжения капитана Смолева. Ольга Осинец внешне очень привлекательна, но ведет себя скромно. Все попытки ухаживания за ней со стороны молодых офицеров остаются без внимания. Но к заместителю комбрига по тылу подполковнику Страшко, внешне не интересному, питает большую симпатию. Стараются быть в его обществе, оказывает ему заметные знаки внимания. По непроверенным данным они бывали вместе вне расположения штаба, выезжали куда-то на машине Страшко. Но самое удивительное то, что она поздно вечером дважды выходила из женского общежития

с подругой и имела тайные встречи на улице с пожилым человеком, которым по всем признакам является часовой мастер Г.Н. Юшкевич

Кроме того, Ольга Осинец поддерживает связь с подругой, работающей в столовой штаба авиационной дивизии. В один из дней она отпросилась у Страшко и ездила к ней на встречу. Подругой оказалась Марина Нечитайло, 1919 года рождения, также из Армавира. Причем время устройства их на работу в воинские части совпадает, следовательно, в Грозном они появились одновременно.

Андрей Иванович Страшко, 1907 года рождения, член ВКП(б), кадровый офицер не отличался высокой моральной устойчивостью, нередко выпивал, устанавливал случайные связи с женщинами, чрезмерно словоохотлив, тайну хранить не умеет, за что обсуждался в политотделе бригады и получил взыскание по партийной линии.

«На основе изложенных материалов, - заявил Сащенко, - можно сделать вывод, что эти связи носят не случайный характер и в них следует немедленно разобраться. Но в нашем распоряжении недостаточно оперативных сил и средств, поэтому прошу оказать нам помощь».

Просмотрев все представленные материалы, я полностью согласился с выводами Сащенко и решил создать опергруппу для всестороннего изучения всех аспектов этого дела. В опергруппу вошли мой заместитель Петр Осипович Данилов, Федор Иванович Сащенко, уполномоченный из группы розыска Сергей Иванович Волынцев, человек молодой, но очень способный. Отличительной чертой его была удивительная любовь к труду. Он не просто хорошо выполнял те или иные задания или непосредственные свои обязанности, а делал все с любовью, даже в самых малоприятных делах он мог найти что-то увлекательное, доставляющее удовольствие.

По характеру был спокойным, уравновешенным, удивительно динамичен и расчетлив, обладал прекрасными физическими данными и большой выносливостью.

С помощью Министерства Госбезопасности Чечено-Ингушской АССР в помещении часовой мастерской установили технику подслушивания, а за Юшкевичем - наружное наблюдение.

Нам казалось, что мы вот-вот возьмем «Ю» с поличным, но так хорошо и гладко бывает только в сказках. В мастерской он вел себя как самый преданный советскому народу патриот, проклинал немцев, высказывал надежду на скорый разгром фашистов, с клиентами вел дружеские беседы бытового характера. Наружное наблюдение никаких данных о связях «Ю» с посторонними людьми не давало. Он вел исключительно нормальный образ жизни: дом - работа - дом - продуктовый магазин.

Прошло некоторое время, и никаких результатов. Опергруппа в растерянности, НКГБ Чечено-Ингушской АССР требует снять технику подслушивания и наружное наблюдение. Провожу срочное совещание с опергруппой. Мнения о целесообразности дальнейшей работы по делу «Ю» разошлись. Данилов считает, что дело надо прекратить, а Сащенко и Волынцев просят разрешить продолжить работу. Принимаю соломоново решение - группу распустить, технику подслушивания и наружное наблюдение снять, а Сащенко и Волынцеву разрешить продолжать изучение «Ю» своими силами.

Решение было принято, а чувство неудовлетворительности осталось. В чем же дело? Может быть, Василий Иванович был прав и я поддался влиянию авторитета Сащенко? А какое значение имеют встречи Ольги Осинец с «Ю»? Да, видимо, просто сдавала часы на ремонт, а днем она занята на службе и договорились встретиться вечером. А есть ли у нее часы? А не является ли все это плодом чрезмерной подозрительности, выработанной сложной оперативной обстановкой в городе? Ведь такие явления у чекистов-профессионалов бывают. Дело «Ю» осталось как заноза в пальце, при малейшем

соприкосновении постоянно давало о себе знать и, кроме того, было досадно, что столько затрачено сил, а никакой ясности в дело не внесено.

Мое положение усугублялось и тем, что мнения о целесообразности дальнейшего изучения «Ю» в опергруппе, как упоминалось выше, были диаметрально противоположны. От меня ждали авторитетного решения, а я, по выражению товарищей, «тянул резину».

Когда вспоминал об этом деле, начинал критиковать себя за нерешительность, считая, что колебания простительны только маятнику. И тем не менее я чего-то выжидал. Это не было боязнью ошибиться. Скорее, это была отдаленная надежда на успех, какое-то подсознательное изучение реального. Проходили дни, недели, но дело на «Ю» оставалось без какого-либо движения, если не считать того, что Ольга Осинец часы имела и действительно сдавала их в ремонт к Юшкевичу. Когда на совещаниях вспоминали об этом деле, со стороны отдельных работников слышались колкие остроты, прежде всего в адрес Сащенко, ну а рикошетом и в мой. Я уже окончательно пришел к выводу - пора закончить с ним и прекратить ненужную полемику. Но буквально на следующий день приехал на доклад начальник Особого отдела 105-й истребительной авиационной дивизии ЗакВО майор Александр Иванович Зарубин. Недавно назначенный на эту должность, он сообщил, что получил официальное заявление от зам. начальника штаба дивизии майора П.И. Сыромятникова о подозрительном поведении повара штабной столовой Марины Нечитайло. В заявлении указывается, что между Сыромятниковым и Нечитайло некоторое время тому назад установились хорошие отношения, которые потом переросли в интимные. Два дня назад Сыромятников поздно приехал с оборонительных позиций, и Марина кормила его в столовой ужином. Во время ужина они выпили по 100 граммов водки и долго беседовали. Некоторое время спустя Марина беспричинно расплакалась и стала говорить странные вещи, что жить ей осталось немного, скоро она покончит жизнь самоубийством или ее посадят, дальше так мучиться она не может. На вопросы Сыромятникова, что произошло, она не отвечала и только бросила: «Какая я дура, лучше бы убили меня на месте!». Спустя несколько минут Марина перестала плакать, замкнулась и ни на какие вопросы не отвечала. Майор Сыромятников, испугавшись ответственности за связь с Мариной, решил обратиться к начальнику Особого отдела, который попросил его написать о случившемся.

Александр Иванович Зарубин не знал всех обстоятельств по делу Юшкевича, поэтому материал на Марину Нечитайло докладывал, как вновь поступивший или первичный. Я же, выслушав его рассказ, почувствовал огромное облегчение и произнес: «Молодец Сащенко». Александр Иванович с недоумением посмотрел на меня и спросил:

- «А при чем тут Анатолий Михайлович Сащенко?». Я повторил: «Он молодец».

Не откладывая в долгий ящик, я тут же поручил Зарубину доставить ко мне Нечитайло и отдельно Сыромятникова, но так, чтобы они друг друга не видели и не знали о вызове каждого из них в Особый отдел района.

Беседу с Мариной Нечитайло мы начали вместе со старшим следователем майором Петром Семеновичем Литваком. Нам недолго пришлось приводить ее к сознанию. Через час, вдоволь наплакавшись, она совершенно откровенно все рассказала: «Когда немцы захватили Армавир, я была в полном отчаянии и не знала, что мне делать, через несколько дней получила повестку, в которой предлагалось явиться в комендатуру. Неявка грозила арестом. В комендатуре после ознакомления с моими данными мне предложили на следующий день явиться для получения работы или направления

на курсы по изучению немецкого языка. На следующий день в числе небольшой группы 6-8 человек нас на машине доставили в какую-то воинскую часть, где разделили на две группы. Наша группа состояла из четырех человек. Кроме меня, в группе была Ольга Осинец и две девушки из Ростова. Нас принял майор немецкой армии, который сказал, что до конца войны осталось совсем немного. Скоро Красная Армия будет разбита и война кончится. Всякий здравомыслящий человек должен доказать, что он предан интересам Великой Германии и готов ей служить. В противном случае он подлежит отправке в концлагерь. Далее сказал, что нам предоставлена возможность оправдать доверие немецкого командования выполнением очень важного задания. При успешном выполнении мы будем пользоваться большими правами в Великой Германии и получим соответствующее вознаграждение. Мы очень испугались, но нас каждый день обрабатывали в антисоветском духе, а затем вызвали и предложили работать в разведке. Я дала подписку о том, что буду честно работать на немцев, но в душе думала, что, как только попаду к своим, сразу все расскажу, приму любое наказание, но от своих.

Задание мне дали следующее. Вместе с Ольгой Осинец после переброски через линию фронта добраться до Грозного и устроиться на работу в воинскую часть по своей специальности - поваром. Затем знакомиться со старшими офицерами и добывать от них секретные сведения путем осторожных расспросов, изъятия и ознакомления с документами. Все добытые материалы я должна была передавать Ольге Осинец, которая была моей напарницей. Кому должна была передавать материалы Ольга, я точно не знаю, но она мне как-то сказала, что должна установить связь с каким-то местным жителем. С тех пор, как все это со мной случилось, я очень сильно переживала, перестала спать. Меня преследуют кошмары, я не вижу выхода из создавшегося положения. Задание, которое мне дали немцы, я выполнила только в той части, что устроилась работать в воинскую часть. Никаких материалов я не собирала. Ко мне один раз приезжала Ольга Осинец, с которой мы посидели в скверике часа два и все время плакали, не зная как нам поступить. Ольга тоже сильно изменилась и страшно переживает. Она мне сказала, чтобы я задание не выполняла и забыла об этом кошмаре. Ольга предупреждала, чтобы я кому-нибудь не проболталась. Но со мной произошла такая история. Я очень крепко подружилась с майором Сыромятниковым и все время хотела ему обо всем рассказать, но боялась, что он тут же бросит меня и кончится мое очень короткое счастье, а меня отдадут под суд военного трибунала».

Затем полностью подтвердила состоявшийся накануне разговор с Сыромятниковым и наконец заключила: «А теперь арестуйте меня. Я шпионка».

Посоветовавшись, мы приняли решение: Марину Нечитайло арестовать и водворить в камеру. Время близилось к утру и мы вызвали Сащенко в отдел. Коротко рассказали ему о частичной реализации дела и поручили секретно взять Ольгу Осинец из общежития и доставить к нам. Через некоторое время мы приступили к её допросу. Теперь нас уже было трое. Я пригласил принять участие в допросе Сащенко.

Перед нами сидела, съежившись в комочек, молодая девушка, очень миловидная даже в грубой солдатской одежде. На лице ее был нескрываемый испуг и обреченность. Начиная разговор, я сказал, что нам многое известно, поэтому рекомендуем честно и полностью рассказать обо всем случившемся с нею. Она сразу же рассказала по порядку, как бы заранее подготовившись к ответу. Расхождений в рассказе с Нечитайло Мариной не было. Ответы Осинец отличались большой собранностью, последовательностью и точностью. Она показала, что являлась старшей группы. Инструктором и руководителем у них был капитан Найдорф, который русским языком владел слабо и работал с переводчицей Маргет. Далее назвала еще четырех девушек, которые обучались в их разведывательной группе.

Осинец имела задание - установить контакт с Юшкевичем в мастерской по паролю: «Вам привет из Коростеня от Николая Ивановича». В ответ он должен спросить: «А Вы давно его видели?» Ответ: «Десять дней тому назад». После этого разговор должен быть продолжен вне помещения мастерской, во время которого Осинец должна проинформировать о полученном задании и посоветоваться, как лучше его выполнять. «Ю» должен определить место и время встречи и порядок соблюдения конспирации.

За три месяца мы дважды встречались с Юшкевичем, но наши беседы носили какой-то странный характер. По всей вероятности, он очень боится. На выполнении задания не настаивает, жалуется на плохое состояние здоровья. На последней встрече прямо сказал: «Мы, кажется, идем не туда, куда следует. Давайте пока прекратим эти встречи и мой Вам совет - отойти от преступного дела». Эта встреча привела меня в еще большее смятение. Я потеряла чувство реальности, возникла навязчивая идея покончить жизнь самоубийством. Но затем, обдумав, решила замкнуться наглухо. А тут еще ухаживания некоторых поклонников. Они злили меня, и поэтому я несколько приблизилась к подполковнику Страшко, чтобы отбить их домогания. Близких отношений со Страшко у меня нет, хотя попытки с его стороны установить такие отношения были. Никаких чувств к нему не питаю. Просто с ним мне бывает как-то легче. Он веселый человек».

Показания Осинец Ольги полностью совпадали с имеющимися в нашем распоряжении данными. Таким образом, одна сторона дела стала до некоторой степени ясна. Группа Осинец деморализована и практически шпионской деятельностью не занимается.

Теперь оставалось решить очередную задачу - установить практическую деятельность Юшкевича, ведь, по имеющимся данным, он является резидентом, а, следовательно, должен существовать его канал связи с немецкой разведкой. Но об этом у нас не было никаких данных. Стали обсуждать возможные варианты наших действий. Если арестовать «Ю», то мы можем кратчайшим путем размотать весь клубок. Но, с другой стороны, арест «Ю» может насторожить его связи, более важные, чем он, и даст им возможность скрыться.

Отказавшись от ареста, следовало бы форсировать оперативные мероприятия вокруг «Ю», но показания Осинец свидетельствовали о том, что он замкнулся и не проявляет никакой активности. Поэтому второй путь мог бы быть слишком долгим.

В результате обмена мнениями пришли к выводу: Юшкевича арестовать, но арест зашифровать от окружающих его лиц тем, что он, якобы, с сердечным приступом был доставлен в одну из городских больниц, расположенную рядом с Особым отделом. На следующий день к моменту окончания работы Юшкевича в своей мастерской, подъехала опергруппа, и как только он вышел и направился в сторону дома, его пригласили в машину и доставили в особый отдел.

К этому времени в городской больнице оборудовали специальную палату, в которой, по договоренности с главным врачом больницы, должен был содержаться Юшкевич под нашим контролем. Это задача облегчалась тем, что «Ю» дважды находился в этой больнице на излечении по поводу сердечно-сосудистого заболевания, там же находилась его история болезни.

Через работницу больницы, знавшую семью «Ю», мы передали жене, что он доставлен в больницу с сердечным приступом, но ничего страшного нет, так как ему вовремя оказали медицинскую помощь.

Вскоре мы со старшим следователем П.С. Литваком пригласили на допрос Юшкевича. Но то, что мы хотели считать легендой, оказалось былью, то есть у него действительно произошел сердечный приступ, допросить мы его не смогли и тут же направили в больницу, предупредив администрацию о нежелательности навещать его родственниками.

Казалось, все уже было в руках, но как нарочно, на пути встречались непредвиденные препятствия. В этот момент прибыла комиссия из Управления особых отделов ЗакВО во главе с зам. нач. Управления полковником Казанцевым. Я доложил все материалы по наиболее важным делам, в том числе и по делу резидентуры «Ю». Полковник Казанцев одобрил все наши действия, но, как следовало ожидать, выразил неудовлетворение незавершенностью дела.

Далее сказал, что дело будет взято на контроль УОО Закфронта, поэтому все дальнейшие мероприятия нами должны согласовываться.

В составе группы работников УОО ЗакВО был оперработник, который курировал наш отдел. Это старший сержант Госбезопасности (по-новому старший лейтенант) Александр Беляков. Его от других отличали повышенная горячность и, пожалуй, известная несдержанность. Он пытался навязать руководителю группы мысль, что мы проявили непростительную медлительность в столь важном деле, как резидентура «Ю», что мы недостаточно остро оцениваем поступающие материалы и т.п. У меня с ним состоялся серьезный разговор, в процессе которого я ему посоветовал быть сдержаннее и тактичнее. На него это подействовало охлаждающе, но, видимо, он затаил недобрые чувства.

Однако все проходит. Комиссия ознакомилась с делами, нашла работу отдела вполне удовлетворительной и предложила по ряду дел доложить Управлению особых отделов ЗакВО докладными записками, в том числе и по делу «Ю». После отъезда комиссии мы провели совещание оперативного состава, на котором обсудили недостатки, указанные нам в процессе проверки, и нацелили всех офицеров на их ликвидацию.

Шли дни, а Юшкевич находился в таком состоянии, что допрашивать его было невозможно, в то же время без этого мы не могли закончить следствие по Ольге Осинец и Марине Нечитайло. И вдруг, как гром среди ясного неба, мы получаем разгромное указание из Управления особых отделов ЗакВО. В нем вся критика была сосредоточена на деле «Ю». Мы обвинялись в чрезмерной медлительности, неоперативности и чуть ли не в либерализме по отношению к опасным преступникам. Начальник ОО, то есть я, предупреждался, что если дело не будет закончено в ближайшее время, ко мне будут применены меры административного взыскания. Указание подписал начальник УОО ЗакВО генерал-майор Н.М.Рухадзе.

Не скрою, после такого «указания» настроение у меня сильно испортилось. Я долго обдумывал, как мне поступить, и пришел к выводу, что оно необъективно, и выполнение в том виде, как нам предписывалось, могло привести к нарушению социалистической законности.

Убедив себя в этом и еще раз проанализировав все наши действия, я решил с указанием никого не знакомить и положить его в сейф, чтобы оно «отлежалось», а сам между тем написал возражения по каждому пункту и приготовился к возможной защите. Однако такое положение не давало мне права бездействовать. Поэтому я сделал вид, что ничего не произошло, собрал опергруппу, занимавшуюся делом «Ю» и вместе мы разработали план его реализации. Мы единодушно пришли к выводу, что для

нас важнейшей задачей является вскрытие канала связи «Ю» с немецкой разведкой, так как без этого, естественно, резидентура

была бы безжизненной. Но, не имея никаких конкретных зацепок, мы могли только строить свои догадки и предположения на основе интуиции. Обсудив таким образом несколько вариантов с учетом имевшихся объективных данных на «Ю» и его поведение, мы предположили, что между «Ю» и немецкой разведкой должен быть связной с радистом, либо связной и радист в одном лице. Встречи с этим лицом у «Ю» могли быть только в мастерской, либо поблизости от дома, так как состояние его здоровья и характер поведения исключали возможность более активного способа связи (например, переход линии фронта, работа на рации в доме брата). Что касается мастерской, то в ней накануне был проведен негласный обыск. Признаков радиоаппаратуры обнаружено не было.

Исходя из сделанных предпосылок, мы полагали, что связник должен явиться к «Ю» в определенное время и искать с ним встречи ввиду отсутствия его в мастерской. Поэтому два наиболее вероятных места для встречи - мастерская и район расположения дома, где проживал «Ю», были взяты под негласное наблюдение.

Шел декабрь 1942 года. Но в Грозном как-то не ощущалось приближения зимы. На фронтах шли бои «местного значения», линия фронта стабилизировалась. Но чувствовалось, что затишье временное, ожидаются бурные события. Противник проводил перегруппировку войск, часть из которых передислоцировал под Сталинград. Войска Грозненского оборонительного района на ряде участков переходили в наступление, но большого успеха не имели.

Итак, дело на «Ю» меня полностью парализовало, я не мог на длительное время оторваться от него и заняться другими, может быть не менее важными делами. Но здесь над моей головой повис Дамоклов меч, и мне было совершенно очевидно, что все эти козни мстительного, малоопытного, но с претензиями на ортодоксальность Белякова, который сумел подсунуть руководству на подпись эту коварную бумагу в качестве мщения мне за откровенный с ним разговор. Какая мерзость!

Много в тот период я размышлял над тем, откуда берутся такие подлые, коварные и мстительные люди, которые, оказавшись возле крупных начальников, могли использовать их власть в своих корыстных целях? Объясняется ли это тем, что такой человек заслужил особое доверие и не нуждается в контроле, либо сам руководитель, не вникая в существо дела, полностью полагается на своих подчиненных, допуская непростительное попустительство?

А тем временем опергруппа, работавшая по делу «Ю», докладывала о полном затишье на всех участках. Правда, «Ю» стал поправляться, и у меня вызревало желание как можно скорее поговорить с ним, для чего я подготовил план беседы и ждал только разрешения врача, который лечил «Ю».

Однако события сложились так, что в наш план пришлось срочно внести коррективы, вызванные появлением новых данных следующего характера. Группа наблюдения за мастерской установила человека, который несколько раз приходил туда, прогуливался около и пытался заглянуть внутрь мастерской. Этот человек был негласно сфотографирован и взят под непрерывное наблюдение. По фотографии можно было сделать следующее предположение: человек кавказской национальности, возраст 28-30 лет, высокого роста, правильного телосложения, одет в обычную одежду городских жителей (темно-синий плащ, черная кепка, ботинки с калошами), в левой руке держал небольшой сверток в газете «Грозненский рабочий». Получив эту сводку, я, ни секунды не раздумывая, решил, что это как раз то, чего нам не хватает, приказал немедленно задержать этого человека и доставить в особый отдел.

При задержании объект наблюдения оказал вооруженное сопротивление и легко ранил в ногу одного сотрудника НКГБ ЧИ АССР.

Допрос решил провести вместе со следователем. Перед нами сидел человек, вид которого свидетельствовал о том, что он не может скрыть своей ненависти к нам. Глаза бегали с предмета на предмет, мускулы лица нервно подергивались, пальцы рук дрожали. Несколько мгновений мы молча изучали друг друга, а в этот момент с лихорадочной быстротой у меня в голове пробежали мысли - как и с чего начать? Какой метод допроса окажется наиболее приемлемым? И, сделав внешнюю оценку, я пришел к выводу, что с таким человеком мягкий тон разговора не приведет к хорошим результатам. Принимаю строгий вид и начинаю допрос. Первоначально выясняю личность задержанного.

- При задержании и обыске у Вас изъяты: паспорт на имя Сатоева Талмата, 1913 года рождения, уроженца и жителя Назранского района, селение Ногай-Юрт Чечено-Ингушской АССР, пистолет иностранной марки с 5 патронами и двумя стрелянными гильзами, охотничий нож, пять тысяч шестьсот (5600) рублей денег и личные вещи.

В протоколе обыска все это записано и скреплено вашей подписью. Вы подтверждаете это?.

- Да, подтверждаю.

- Почему при задержании сотрудниками НКГБ ЧИ АССР вы оказали вооруженное сопротивление и нанесли тяжкое ранение одному из них?.

- Я подумал, что на меня напали уголовные преступники, поэтому решил защищаться.

- Когда и зачем вы прибыли в Грозный?.

- Я прибыл в Грозный в день задержания из Назранского р-на на попутной военной машине с целью приобрести себе костюм и другие вещи.

- Почему вы не призваны в Красную Армию?.

- Я освобожден по болезни, о чем имеется дома документ.

- Гражданин Сатоев, ваши показания не соответствуют действительности. По данным органов милиции Назранского района в указанном Вами селении и районе вы не проживаете. В Грозный Вы прибыли 2 дня назад, вы настаиваете на своих показаниях или расскажете правду?.

- Я настаиваю на своих показаниях и другого сказать не могу.

- За время пребывания в Грозном, где вы побывали?.

- Я прибыл утром и сразу же направился по магазинам, был на рынке, больше я никуда не заходил.

- Вас видели на Октябрьской улице около дома № 16 два дня тому назад. Что вы на это скажете?.

- Я повторяю, что прибыл в город сегодня утром, на Октябрьской улице не был, тем более два дня тому назад.

- Вам предъявляется фотография, на которой вы изображены около дома №16 на Октябрьской улице. Что вы можете сказать по этому поводу?.

После этого вопроса Сатоев побледнел, глаза заблестели каким-то диким огнем, он вскочил со стула, схватил его и замахнулся на меня. Но в это мгновение следователь ударил его по рукам и одним махом

уложил на пол. На шум вбежали солдаты-конвоиры и все успокоились. На этом первый допрос был закончен.

После этих происшествий я невольно стал думать, что дело на «О» таит в себе неизбежное несчастье. Но, решительно отбросив всякое суеверие, готовился к следующему раунду с Сатоевым. Допрашивали в том же составе, но приняли меры предосторожности (убрали все тяжелые предметы, усилили вооруженную охрану и даже табуретку прикрепили к полу). По данным охраны, в камере предварительного заключения Сатоев вел себя очень спокойно. Ночью почти не спал. Отказался от ужина, но на следующий день завтрак съел полностью. Я тоже несколько волновался перед очередным допросом и мысленно перебирал возможные варианты его поведения. Но почему-то был уверен, что мой противник морально подавлен и будет совершать ошибки в своём отрицании преступной деятельности. Тем не менее, я был уверен, что работа с ним будет очень трудной, и на легкое достижение успеха не рассчитывал. Второй допрос я начал следующим образом:

- Вчера мы остановились на том, что вам была предъявлена фотография, на которой вы изображены на Октябрьской улице около дома №16. Расскажите о цели вашего пребывания там.

Сатоев не проронил ни единого слова, сидел с поникшей головой более часа. Все мои попытки заставить говорить ни к чему не привели. Мое терпение было на пределе, но я понимал, что мой срыв может привести только к проигрышу. Поэтому принимаю решение допрос прекратить и объявляю:

- Видимо, Сатоев, вам еще следует подумать наедине. Давайте сделаем перерыв до вечера.

После этого я позвал к себе старшего следователя отдела Литвака Петра Семеновича и, подробно рассказав ему о допросах Сатоева, спросил:

- «Ну а теперь скажите откровенно, в чем моя оплошность?».

Немного подумав, Петр Семенович ответил:

- «Не нашли ключа к его языку, а где он лежит я пока не знаю. Если поручите вести следствие мне, я попытаюсь найти.

Дело прошлое, но это предложение я принял с облегчением, как тяжелую ношу сбросил с своих плеч, но мысленно дал себе зарок тщательно следить за ходом следствия, выявить и проанализировать свои ошибки, ибо это в некоторой степени било по моему престижу. Итак, все карты передаю в надежные руки Петра Семеновича.

После окончания вечернего допроса Петр Семенович доложил мне, что орешек очень трудный, но все-таки мы кое о чем поговорили. Это уже маленький сдвиг.

Около недели Сатоев упорно сопротивлялся, придумывал каждый раз все новую и новую версию, но потом сник под давлением своих противоречивых показаний и имевшихся неопровержимых улик и начал давать показания.

Суть его первоначального признания состояла в том, что он прибыл в Грозный по заданию немецкой разведки четвертый раз для встречи с Юшкевичем. Первый раз они встречались в августе месяце около его дома, тогда он передал ему инструкцию по работе и десять тысяч рублей денег. Второй раз встреча состоялась в сентябре, сначала в районе дома «Ю», а затем в его мастерской. Во время этой встречи «Ю» сообщил для немецкой разведки, что он установил контакт с «Розой» и «Наташей», которым помог

устроиться в воинской части, дал задание по сбору данных о войсках в районе Грозного. Это сообщение передавалось по рации в разведцентр.

Однако от шефа разведки была получена шифротелеграмма, в которой он выразил недовольство работой «Ю» и предупреждал его о необходимости более энергично выполнять задание. Третья встреча намечалась на начало октября, но от «Ю» не поступило обусловленного письма о готовности на встречу, поэтому, по заданию центра, пришлось приезжать без его ведома. Юшкевича нашел в больнице, где он находился на излечении. Он заверил, что как только выйдет из больницы, начнет активно работать и представит добытые материалы. Однако времени прошло много, «Ю» на встречи не вызывал, а из центра поступали грозные указания, в которых говорилось, что если «Ю» решительно не поменяет своего отношения к выполнению заданий, к нему будут приняты строгие меры. Я был уполномочен центром в случае отказа «Ю» от активной работы убить его. Моя встреча с «Ю» не состоялась, так как ни в мастерской, ни дома его не было. Я являюсь связником разведгруппы, которую возглавляет Сеид. Других данных о нем я не знаю.

В группу входит также радист Хасан. Наше постоянное место дислокации в горах в районе Махачкалы. Никаких подробностей о себе и деятельности разведгруппы больше не рассказывал. Замкнулся наглухо, и даже всемогущий Петр Семенович стал разводить руками, заявив: «Ну и кавказец, вот характер!».

Много времени было посвящено тому, как дальше вести следствие. Все, кто имел прямое отношение к этому делу, внутренне хотели одного - поскорее завершить его. Несомненно, это отрицательно сказывалось на качестве следствия и проводимых следственных мероприятиях. В результате поспешности была допущена еще одна ошибка. Учитывая признательные показания Сатоева и его согласие показать место дислокации шпионской группы, мы, достаточно не разработав плана, решили провести эту операцию. Возглавлял группу мой заместитель Данилов. Наши сотрудники с Сатоевым прибыли в район расположения шпионской группы к наступлению темноты и шли по краю горного ущелья. Вдруг Сатоев неожиданно рывком прыгнул в ущелье и попытался скрыться. Боясь упустить преступника, наши сотрудники открыли огонь, и пулей в голову Сатоев был убит.

Когда опергруппа по возвращении доложила о случившемся, я чуть было не упал в обморок. Нет, я их не ругал, а вытащил из сейфа указание с угрозой руководства Управления особых отделов и спросил: «Почитайте и скажите, что мне делать?».

Настроение у всех было подавленное. Оставалась последняя надежда на Юшкевича, то есть на его искреннее признание, после чего дело следствием надо было заканчивать.

И надо же случиться такому стечению обстоятельств - утром следующего дня умирает Юшкевич.

Такова развязка столь много обещавшего когда-то дела. Да, уж поистине, поспешишь - людей насмешишь. Трудно сейчас передать те чувства, которые охватили каждого, кто принимал участие в этом, но мне было особенно неприятно. Теперь я не только не протестовал против указания по делу, но считал, что меня действительно следует наказать хотя бы за то, что не смог должным образом организовать работу по серьезному делу. Но что же у нас осталось? Только две горе-шпионки: Ольга Осинец и Марина Нечитайло. Как с ними поступить? Ведь преступление по статье 58 УК РСФСР (по старому уголовному кодексу) они совершили и свою вину полностью признали. А, с другой стороны, никакой враждебной деятельности против нашей страны не проводили.

Жизнь сложна, и как бы гуманно и тщательно не были продуманы статьи уголовного законодательства, они не могут охватить всего многообразия, не могут предусмотреть всех возможных превратностей

человеческой судьбы. Учитывая все обстоятельства вины Осинец и Нечитайло, на них было составлено заключение, и дело передано на рассмотрение Военного трибунала гарнизона. Они были осуждены на 3 года условно и освобождены из-под стражи.

Возвращение в НКВД СССР

Наступал новый, 1943 год. Несмотря на то, что положение наше к лучшему не изменилось, но почему-то было твердое убеждение, что теперь-то немцу не сдобровать. Это чувство уверенности передавалось друг от друга, и таким образом моральное состояние войск заметно повышалось.

Новый год встречали вместе с нефтяниками Грозного. Незадолго до этого командующим Грозненского особого оборонительного района был назначен генерал-майор Зимин Павел Михайлович, с которым у меня сложились прекрасные взаимоотношения. Павел Михайлович был высокообразованным, культурным и обаятельным человеком. Его суждения были чрезвычайно четкими, предельно лаконичными и очень доходчивыми. Меня поражала его необыкновенная способность мобилизовать весь свой штаб в единое целое для решения задач любой трудности. Несмотря на чрезвычайную занятость, мы как-то находили немного времени и для дружеского общения, откровенного обмена мнениями по самым разнообразным вопросам, а иногда просто вместе поужинать и попить чайку.

Итак, встречали новый, 1943 год. Гуляли весело, много пели, танцевали до утра. После такого гулянья требовалось как следует отдохнуть, но вдруг получаем указание войскам перейти в решительное наступление по всему оборонительному району. Здесь уж не до сна. Все завертелось, закрутилось. Войска Северной группы Закавказского фронта двинулись вперед, сопротивление врага было сломлено и началось долгожданное наступление. Все было приведено в движение, все было подчинено только одному - наступлению.

Противник почувствовал реальную угрозу окружения, начал отходить по всему фронту. Наконец-то пришло время, когда немцы бежали, как трусливые псы, бросая все на дороге. Начался окончательный закат немецко-фашистской армии.

Особый отдел не мог сразу двинуться со всем хозяйством, поэтому разделился на две части. Оперативная группа во главе с начальником отдела выступила вместе с войсками вперед, а заместитель начальника отдела со следственной группой и комендатурой остались во втором эшелоне.

Наступление непрерывно длилось 24 дня. За это время войска Северной группы войск Закавказского фронта продвинулись на 430 км, захватили большое количество оружия и других трофеев. Оперативная группа штаба и особого отдела Грозненского особого оборонительного района переместилась в г. Железноводск и расположилась в бывшем санатории (бывшем потому, что здание было приведено в такое состояние, что его скорее можно было принять за сарай). И вообще от Железноводска мало что осталось. Видимо, сложившаяся оперативная обстановка требовала реорганизации нашего оборонительного района. Поэтому поступила команда - наши соединения и части вывести из состава Северной группы войск Закавказского фронта и оставив в распоряжении ставки Верховного Главнокомандования. В приказе по этому вопросу предписывалось привести соединения и части в боевой порядок и дать отдых в течение 10 дней. После напряженной жизни в Грозном жизнь здесь нам показалась райской: пригревало солнышко, было тепло, прямо таки попали на курорт в прямом и переносном смысле слова. Для офицеров штаба и штабных подразделений на открытой площадке был дан концерт бригадой артистов.

Но рано утром следующего дня дежурный офицер сообщил, что меня срочно просит прибыть в штаб командующий войсками генерал-майор Зимин Павел Михайлович, о котором у меня сложилось самое прекрасное впечатление, как о человеке умном и тактичном, осмотрительном при принятии решения, но удивительно настойчивом и требовательном при осуществлении отданных приказаний и распоряжении. У меня с ним были очень хорошие отношения, поэтому многие взаимосвязанные вопросы решались без каких-либо осложнений. Павел Михайлович всегда внимательно относился к информации Особого отдела, полностью доверял нам и немедленно принимал необходимые меры. Мы, в свою очередь, старались Докладывать абсолютно проверенные данные и никогда его не подводил. По Правилам П.М. было при посещении воинских частей предварительно встречаться со старшим уполномоченным части. Получив от него нужную информацию о положении дел и настроениях личного состава, Павел Михайлович приходил к командованию части с подготовленным мнением, умело используя полученные сведения. Без расшифровки источников их получения принимал нужные решения. Такая система использования информации Особого отдела давала хороший, эффект для всемерного поддержания дисциплины и порядка в частях нашего гарнизона.

Итак, покой мой был прерван, я быстро собрался и отправился к командующему войсками.

Павел Михайлович, как всегда, приветливо встретив, сказал, что нам надлежит за чашкой чая обсудить одну проблему.

Когда хлопотавший здесь адъютант вышел, он мне сказал: «Получено очень важное сообщение из Москвы, в котором мне, вам и начальнику политотдела предлагается срочно прибыть в город Орджоникидзе».

Павел Михайлович вытащил из железного походного шкафа документ и передал мне. В этом документе говорилось, что наши войска выведены из подчинения Северной группы ЗакВО и передаются в подчинение НКВД СССР. В связи с этим 8 дивизий войск НКВД, отдельная железнодорожная бригада и отдельные части предлагалось немедленно вернуть в Грозный, на прежние места дислокации. Эшелоны подавались на следующий день.

Обсуждая документ, мы никак не могли понять в чем же причина такого поворота. Высказывали всякие предположения, которые в последствии совершенно не подтвердились.

Срочно собираемся в путь. Павел Михайлович и полковой комиссар Герасименко в тот же день отправились на двух машинах по маршруту через Минеральные воды - Беслан - Орджоникидзе. Я в сопровождении командира взвода старшины Ивана Петровича Стрельцова, автоматчика Василия Кондрашкина и водителя Степана Олейника решил ехать через Кисловодск - Нальчик - Орджоникидзе, считая, что этот путь короче, и, по моим расчетам, мы должны были прибыть в Орджоникидзе раньше, чем командующий.

Инцидент по дороге в Орджоникидзе

В начале пути все шло хорошо: проехали Кисловодск, выехали на дорогу, ведущую к Нальчику и, казалось, действительно мы выиграли во времени. Настроение у всех было хорошее, как никак двигались не на фронт, а в тыл. Как сейчас помню, нас в пути развеселил Кондрашкин, солдат родом из Рязанской области, отчаянный воин, немножко рыжеватый и чуть-чуть конопатый, большой весельчак и шутник.

В дороге он обращается ко мне и говорит: «Товарищ начальник! Вы знаете почему немцы не могли взять Рязань». Я ответил, что видимо, не хватило силенок. «Нет, не потому, - говорит Кондрашкин. - Когда

немцы подошли к Рязанской области, рязанцы начали отходить на Восток, а так как почти все они ходят в лаптях, то на земле оставили множество отпечатков, похожих на танковые гусеницы. Немцы, увидев это, сказали: «О, тут нам русские хотят устроить ловушку, смотрите, сколько прошло здесь техники!» и... повернули назад. Так мои земляки отстояли свою землю».

При этом он сам заливался звонким смехом, глядя на него смеялись и мы.

Незаметно доехали до Нальчика и после кратковременной остановки двинулись на Орджоникидзе. Доехали до переправы через реку Терек. Деревянный мост был весь изранен снарядами, авиабомбами и хотя он еще держался, переезжать через него было крайне опасно. Недолго думая, мы сделали пешую разведку. Все прошли туда и назад, хотя мост качался... Возвращаться не было смысла, решили переправляться. Но, чтобы не провалиться всем в Терек с большой высоты (метров 20-25), Степан Олейник решил ехать один. Ловко маневрируя мимо пробоин, ему почти удалось достигнуть противоположной стороны берега, но в самый последний момент, когда осталось всего каких-то 5-7 метров до берега, доски проломились, машина провалилась задними колесами и легла «на живот». Вокруг не было ни единой души, а день уже клонился к концу. Солнце скрылось за горами и светлого времени оставалось около часа.

Мобилизовав все наличные силы и имевшийся инструмент, вырубili несколько тонких деревьев и с помощью рычагов стали вытаскивать выдавшую виды нашу «Эммочку». К наступлению темноты мы уже переправились, и на душе стало у всех легко. Мрачен был только Степан Олейник. Он был немногословным человеком вообще, а тут как воды в рот набрал, все крутился вокруг, лазил под машину, ощупывал и на мой вопрос: «Все ли в порядке?» отвечал: «Нет». Затем завел машину, проехал несколько метров и сказал мне: «Товарищ начальник, ехать нельзя, полетела «коничка» (коническая шестеренка заднего моста).

Вот тут-то мы и загоревали. Надо было где-то организовать ночевку. Стрельцова и Кондрашкина посылаю на разведку, а мы с Олейником остались у машины, в которой был весь наш скарб, документы, запасы боеприпасов. Наступила темнота, рев Терека стал каким-то зловещим, минуты казались часами, донимал холод и голод. Наконец-то послышались голоса, узнаем своих и подаем сигналы синими подфарниками. Стрельцов Иван Петрович докладывает, что в километре отсюда есть небольшой населенный пункт. Обращались в несколько домов с просьбой переночевать, но хозяева не соглашались, очень все напуганы, затем один, хорошо говорящий по-русски, рассказал, что сегодня в селении была хорошо вооруженная банда, отбирала продовольствие у всех жителей и пригрозила расстрелом каждому, кто будет против нее. Численность банды 12-15 человек.

Принимаю решение: продвигаться к населенному пункту и там на месте договориться о ночлеге. Наверное, более километра «тащили» на себе машину. Затем я зашел к хозяину дома и обстоятельно поговорил с ним. Оказалось, что два его сына находились в Красной Армии. Старшего, по его словам, назвал Владимиром в честь В.И. Ленина. Не помню его имени и фамилии, но человеком оказался порядочным. Он сказал, что пока мы будем находиться в моем доме, никто не должен вас тронуть, это святой закон горцев. Но я боюсь, что банда находится где-то близко и может причинить вред машине, поэтому вам надо принять меры предосторожности.

У нас был ручной пулемет, 3 автомата, 3 пистолета «ТТ». Решаем: поочередно поужинать и занять круговую оборону вокруг дома, который стоял на окраине селения метрах в ста от других домов. Ночь прошла спокойно, и мы даже смогли по одному подремать в машине. Но как только рассвело, в селении

появились бандиты. Видимо, они получили сигнал о пребывании в селении малочисленной группы военнослужащих на автомашине, так как шли смело нам навстречу. Впереди было трое, а на расстоянии 40-50 метров еще 9 человек, вооруженных винтовками и обрезами. Старшина Стрельцов выдвинулся вперед, маскируясь за каменным забором с ручным пулеметом, и крикнул: «Стойте! Стрелять буду!». На окрик бандиты открыли огонь и попытались сразу, бегом преодолеть расстояние до нашей автомашины. Мы тут же открыли огонь из пулемета и трех автоматов. Бандиты явно не ожидали такого шквала огня, дрогнули и повернули назад. Смотрим: падает один, второй, третий и, наконец, четвертый... Остальные, пользуясь складками местности, отступили из селения и ушли в горы. Преследовать их мы дальше не стали. Из четверых, оставшихся на поле боя, трое были убиты, а четвертый тяжело ранен. Собравшимся жителям населения приказали троих убитых похоронить, а четвертого передать в отделение милиции. Но везти было не на чем и некому, поэтому поместили его в доме одного из жителей селения.

После всех этих дел приступили к ремонту машины. Трое под руководством Степана Олейника работали, а я стоял с автоматом часовым у машины.

К полудню ремонт был закончен, машина снова заработала, как и прежде. На радостях мы пообедали, хозяин дома угостил нас хорошим вином и отправились дальше. К исходу дня мы были уже в Орджоникидзе. В пограничном училище я встретил Павла Михайловича, который основательно поволновался в связи с моей задержкой.

Секретное совещание у И.А.Серова. Приезд Л.П.Берии. Операция НКВД «Горы»

Павел Михайлович сказал, что нас ждет заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Серов И.А. Не теряя времени, я привел себя мало-мальски в порядок после столь трудной дороги и мы отправились на прием. Ждать нам не пришлось ни одной минуты. Серов И.А. я видел тогда впервые. Невысокого роста, светлый шатен, очень подвижен, речь быстрая, с небольшим акцентом на «о». После короткого знакомства с каждым, он предупредил нас о соблюдении строжайшей тайны. Затем сказал, что есть решение правительства о выселении чеченцев с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахстан (операция НКВД «Горы», инициированная январским постановлением ГКО СССР - примеч. ред.). Объяснялось это тем, что многие из них уклонялись от службы в Красной Армии, сотрудничали с гитлеровцами, уходили в горы и занимались бандитизмом. Операция должна быть проведена в один день. Все семьи чеченцев должны быть погружены в эшелоны и немедленно отправлены. Положением предусматривалось, что каждая семья могла взять с собой груза не более 300 кг. Времени для подготовки к операции оставалось немного, поэтому сосредоточение оперативных групп и войск должно было производиться незамедлительно. Операция назначалась на 23 февраля 1943 года.

Затем Серов И.А. ответил на ряд вопросов и в заключении сказал, что скоро сюда приедет Л.П. Берия, который будет руководить всей операцией.

На мою долю выпала обязанность провести часть этой операции в г. Грозном, для чего была создана специальная оперативная группа. Вскоре прибыл Берия и созвал совещание по этому вопросу. На этом совещании мне присутствовать не пришлось, так как я срочно был вызван в Управление ОО ЗакВО в связи с выходом из их подчинения. Но когда я прибыл, начальник ОО ЗакВО генерал-майор Н.М. Рухадзе был на совещании у Берия... Поэтому я был принят его заместителем полковником Казанцевым. Он очень любезно поговорил со мной, и был несколько удивлен тем, что меня вызвали «за 1000 верст», чтобы объявить о выходе отдела из подчинения УОО ЗакВО.

Так закончился мой визит в Тбилиси и всякие контакты с Управлением особых отделов ЗакВО, чему в душе я был очень рад из-за неприятностей по делу «Ю».

К 23 февраля во всех районах Чечено-Ингушской АССР были расквартированы войска и подготовлены эшелоны на станциях погрузки. В районных центрах и селениях было объявлено о проведении собраний, посвященных 25-й годовщине Красной Армии с обязательной явкой на них всего мужского населения. Когда мужчины собрались, их незаметно окружили подразделения войск, предложили погрузиться в машины и отправили в сопровождении на станцию погрузки. После этого забирали семьи и также доставляли на станцию погрузки в эшелоны, где они и воссоединялись. В один день в основном была закончена эта операция. Конечно, вывезли далеко не всех чеченцев, оставшиеся в большинстве своем ушли в горы и скрывались там, либо вливались в действующие в горах банды... Обстановка в горных районах республики была чрезвычайно сложная. Дело доходило до того, что банды нападали на малочисленные воинские подразделения, передвигавшиеся по горным дорогам.

Может быть акция по выселению чеченцев с исконных земель была жестокой, но бесспорно и то, что среди них немало было пособников немцев, участников бандитского подполья, на борьбу с которым приходилось выделять значительные силы Красной Армии, милиции и органов госбезопасности. С позиций мирного времени это выглядит грубым нарушением социалистической законности, так как преступление против Советского Союза совершала какая-то часть народа, а не весь народ. Так почему же все были подвергнуты столь суровому наказанию за преступления соотечественников? Более того, немало чеченцев сражались в рядах Красной Армии и проявили себя достойным образом. Но, с другой стороны, дерзкие вооруженные выступления против представителей партийных, советских организаций и воинов Красной Армии в самый тяжкий для страны период не могли не вызвать чувства гнева у честных советских людей. Видимо, этот гнев и был советчиком у руководителей того времени. Но Советское правительство поправило эту несправедливость, вернуло всех чеченцев в свои родные края, возвратило им все имущество. Молодое поколение об этом, наверное, знает только по рассказам стариков.

Спустя некоторое время после проведения операции по выселению чеченцев как-то все более или менее стабилизировалось. В Грозном наводился повсеместный порядок, восстанавливались все пострадавшие от фашистской бомбежки промышленные предприятия и нефтяные промыслы, убирались улицы, ремонтировались пострадавшие дома. Ввиду того, что прежнее здание Особого отдела пострадало во время бомбежки и ремонтировалось, наш отдел переехал в здание Грозненского нефтяного института и занял один отсек на 4-м этаже. Всего мы занимали 8 аудиторий для оперативного состава и один большой лекционный зал, где разместился взвод охраны. Рядом с залом была расположена темная кладовая, которую командир взвода приспособил для хранения взводного имущества. Не знаю, с ведома ли командира взвода, или самостоятельно, мой водитель Степан Олейник, имевший удивительную способность создавать различные запасы для автомашины, приспособился хранить в этом помещении бензин.

И вот однажды один из солдат, разыскивая что-то в этой кладовой, зажег спичку и неосторожно поднес ее к бачку с бензином. Мгновенно вспыхнул этот бачок, а испуганный солдат попытался вынести его из темной комнаты и уронил, разлив бензин по всему полу коридора. Огнем охватило большую площадь, и положение создалось критическое. Хорошо, что почти весь личный состав Особого отдела находился на месте. Все выскочили из кабинетов, растерялись и бездействовали. Тут, видимо, сказался мой прежний опыт по тушению нефтяных пожаров, и тогда я дал команду: «Всем взять одеяла, плащпалатки и смело тушить!». В это время огонь полыхал вовсю, пламя охватило весь широкий коридор, зашло в ряд кабинетов и вырывалось из окон. Кто-то из посторонних сообщил в городскую пожарную команду,

но к ее приезду пламя нами было потушено. Правда, не обошлось без ожогов среди личного состава, немало было испорчено одеял и плащ-палаток, но, к счастью, пожар большого ущерба не причинил.

Пока я командовал наведением порядка после такого «ЧП», мне позвонил командующий и вполне серьезно спросил: «Анатолий Михайлович! Вы живы? Мне доложили, что сгорел весь Особый отдел». Я ответил, что данные сильно преувеличены, но действительно было серьезное возгорание, с которым мы сумели справиться. Больше всех пострадал виновник пожара, солдат Бовшик, которого пришлось отправить в госпиталь. Всем остальным пострадавшим помощь была оказана силами нашего медсанбата. Этот неприятный случай некоторое время был предметом для острых шуток в наш адрес. Но, как говорят, ни одна самая удивительная новость во время войны не живет дольше недели. Вскоре все об этом забыли, вышел из госпиталя солдат Бовшик, раны его зажили, и он вновь приступил к своей службе.

Во главе Особого отдела 8-й дивизии войск НКВД

Но вернемся к работе Особого отдела, к нашим повседневным делам, которые были всегда на первом плане. В связи с организационными мероприятиями по линии командования как-то совсем разладилась уже налаженная работа нашего штаба Грозненского особого оборонительного района. Многие части вышли из подчинения района и были отправлены на фронт, другие выполняли специальные задания за пределами города, а в Грозном оставалась только 8-я дивизия войск НКВД (шестиполкового состава) и несколько специальных подразделений. Но главное состояло в том, что особый отдел подчинили отделу контрразведки НКВД СССР, но никаких представителей не было видно, никто не интересовался состоянием нашей работы. Меня также никто не тревожил. А в работе органов Госбезопасности такое состояние необычно, так как ни посоветоваться, ни обсудить какой-либо оперативный вопрос было не с кем. Признаться, такое неопределенное положение дезориентировало или, точнее, лишало целенаправленности в работе, тем более, что в системе МВД ранее мне не приходилось работать и никого из руководящих работников этого министерства я не знал. Проявить же инициативу самому мне казалось нескромным, так как я полагал, что руководству виднее, что и как надо делать.

Короче, работали, как и прежде, но оперсостава стало несколько меньше, поэтому прежнее напряжение спало. Между делами появились незначительные просветы, когда можно было хоть чуть-чуть уделить время для написания писем. Весна в Грозном была в разгаре, все кругом цвело и, казалось, не было тех тяжелых событий.

Накануне Первого мая поздно вечером мне позвонил командующий Павел Михайлович Зимин, поздравил с наступающим праздником Первомай и затем сказал, что если я могу сейчас приехать, то он был бы рад меня видеть. Я немедленно собрался и через 15-20 минут был у него.

Павел Михайлович, как всегда, в тщательно отглаженном костюме, до блеска начищенных сапогах, аккуратно подстриженный «под бобрик», встретил меня с добродушной улыбкой и, конечно же, пригласил «отпить чайку».

Первоначально говорили о всевозможных наших внутренних делах, обсудили положение на фронтах. Затем Павел Михайлович, прищурив свои острые карие глаза, с хитринкой спросил:

- Анатолий Михайлович, а вы не получали никакой информации обо мне?.

Я удивился и выпалил:

- Да что вы, Павел Михайлович, о какой информации может быть речь? Мне кажется, я вас лучше знаю, чем себя.

Павел Михайлович, уже с нескрываемой улыбкой сказал:

- Я тоже думал, что вы как чекист все обо мне знаете, и мне никогда не доведется сказать вам что-нибудь новое. А на проверку оказывается, что вы не все знаете, поэтому должен Вам сказать, дорогой Анатолий Михайлович, я уезжаю из Грозного. Только что получена шифровка с вызовом в Москву на переговоры в связи с назначением на новую должность.

Эта новость очень сильно меня огорчила. Я так привык, подружился и глубоко уважал Павла Михайловича, что расставаться с ним мне было очень тяжело. Долго мы сидели в ту ночь вдвоем, перебрали в своей памяти все пережитое за короткий и очень бурный промежуток времени. На прощанье мы дали друг другу слово, что бы ни случилось с каждым из нас, мы должны непременно поддерживать связь и укреплять нашу дружбу.

Сразу же после Первомайских праздников Павел Михайлович Зимин уехал в Москву, а спустя несколько дней мы получили приказ о расформировании Грозненского особого оборонительного района и особого отдела в том числе. На месте оставалась только 8-я дивизия войск НКВД, на укомплектование которой и был мобилизован офицерский состав штаба района в том числе и оперативный состав Особого отдела. Таким образом, я стал начальником ОО НКВД 8-й дивизии войск НКВД.

Спустя несколько дней прибыл из Москвы новый командир 8-й дивизии войск НКВД полковник Булыга Андрей Евстафьевич. Тогда ему было 42 года. Много лет он прослужил в пограничных войсках и в оперативно-чекистском отношении был достаточно хорошо подготовлен.

Первое время он скрупулезно изучал задачи, выполняемые дивизией, положение дел в каждой части и подразделениях, вникал во все детали службы и боевой подготовки войск. Большую часть времени он проводил в войсках и очень редко появлялся в штабе. Такое поведение комдива некоторым офицерам штаба показалось несколько странным. Уже поползли всякого рода кривотолки, что комдив не любит штабную работу, а больше предпочитает командовать подразделениями, называли его «солдатский полковник».

Но, как потом мы убедились, это был неплохой метод знакомства с войсками. Андрей Евстафьевич уже через месяц был полностью в курсе дел, знал особенности службы каждого полка, офицерский состав, а в отдельных случаях сержантов и рядовых.

Первоначально у нас были официальные отношения. Мы пристально приглядывались друг к другу, а затем как-то незаметно установились хорошие взаимоотношения.

Впоследствии, спустя 10 лет, мы встретились с ним в Баку при весьма интересных обстоятельствах, но об этом будет рассказано позже.

Все лето 1943 года наша дивизия в основном занималась борьбой с бандитами в Чечено-Ингушетии, очищала Грозный и его пригороды от враждебных элементов, осевших после заброски немцами в тыл наших войск, а также от бандитских элементов и их пособников в горных районах, избежавших выселения.

Нет необходимости говорить, какая это сложная задача! Мне кажется, гораздо хуже, чем непосредственное ведение войскового боя. В последнем случае ты знаешь, где противник, примерные его силы, наиболее вероятные пути его наступления, его тактические приемы. О бандитах же, как правило, ничего не знаешь. В любой момент и в самом неожиданном месте можешь подвергнуться их нападению.

В горах Чечено-Ингушетии мне пришлось пройти начальную школу ведения борьбы с бандитами, впоследствии это очень здорово пригодилось

«Дело «Гурьянова»

В сентябре 1943 года я получил приказание явиться в Москву в отдел контрразведки МВД СССР. Сборы были недолги. Как всегда, с собой взял своего постоянного спутника старшину Стрельцова Ивана Петровича, тем более, что его семья проживала в Павлово-Посадском районе, а он ее уже давно не видел. К тому времени поезда из Грозного в Москву ходили через Астрахань-Сталинград-Борисоглебск-Рязань, и продолжительность такого рейса составляла 4 суток. В связи с этим в дорогу пришлось основательно запастись продовольствием, так как в пути приобрести что-нибудь съестное было очень трудно. Правда, по продовольственным аттестатам можно было пообедать или получить еду сухим пайком, но на крупных станциях всегда было много народу, да и ассортимент продуктов оставлял желать много лучшего.

Наступил день отъезда, погрузились мы на поезд Тбилиси-Москва в купированный вагон. Для того времени это был максимум возможного. Мы надеялись как следует отоспаться, но этому не суждено было сбыться. С нами разместилась пожилая женщина с дочерью, у которой был годовалый сын. Так что было довольно весело, и этот маленький пассажир сумел нарушить все наши планы. Сначала мы старались не обращать внимания на его крики, затем закрывали уши подушками, но это не помогало. Тогда Иван Петрович начал устанавливать контакт с «молодым человеком». Он изобретал ему различные игрушки из картона, бумаги и других подсобных материалов, забавлял его и, когда наш спутник, наигравшись, засыпал, мы тотчас же старались воспользоваться этим затишьем и растягивались на верхних полках.

Так прошел первый день нашего путешествия. Поздно ночью в вагоне разразился скандал, драка, все пассажиры были подняты, проводники вызвали начальника поезда, а последний на одной из станций пригласил военный патруль.

Выйдя из купе, мы увидели старшину военно-морского флота, богатырского телосложения, грудь которого украшали два ордена и какой-то блестящий силуэт (под золото) подводной лодки. Моряк был изрядно пьян, кричал, что он Герой Советского Союза, указывая на силуэт лодки, что он проучит каждого, кто осмелится ему перечить, и т.д. Около него находились капитан и два солдата из комендатуры ст. Астрахань. Капитан долго уговаривал моряка и, наконец, успокоив, отправил спать.

Как мы потом установили, моряк ночью пьянствовал с ехавшим в соседнем купе грузинами, у которых был большой запас вина и закуски. Затем из-за чего то повздорили и учинили скандал. Моряк загнал их в купе и почувствовал себя победителем, начал безобразничать в вагоне, нагоняя страх на всех остальных пассажиров. Вскоре все успокоилось, и мы снова устроились спать.

На следующий день утром, приведя себя в порядок, готовились завтракать. У нас были американские продукты, поступавшие к нам по лендлизу и расфасованные в коробки. Разложив все это на чемодане,

мы налили в кружки по 100 граммов и собирались уже чокнуться, чтобы выпить «за победу», главный тост того времени. Вдруг, как с неба свалился, в дверях нашего купе стоял беспокойный моряк и, бесцеремонно взяв одну из коробок, нагло ждал нашей реакции. Я посмотрел на него и твердо сказал: «Положи на место».

На это он ответил грозно: «Не очень-то командуй, а то я тебе устрою неприятность». Я еще раз повторил, уже более твердо: «Положи на место».

Это, видимо, подействовало на него отрезвляюще, он положил коробку и, отходя, пробормотал: «Мы еще встретимся и поговорим».

Позавтракав, мы с Иваном Петровичем вышли в коридор вагона и, закулив, поглядывали в окно. Смотрим, моряк опять навеселе, ходит по вагону, никого не признавая и запугивая нервных. Приглядевшись к нему внимательно, Иван Петрович сказал мне: «Товарищ начальник, по-моему этот старшина находился у нас в особом отделе как задержанный без документов, проходил фильтрацию и был освобожден, но одет он тогда был в общевойсковую форму рядового солдата». Это было, когда опергруппа находилась в Железноводске, а Данилов и следственная группа с арестованными оставалась в Грозном.

Видимо, он почувствовал наше пристальное внимание к нему и стал избегать прямых встреч с нами. Интуиция мне подсказала, что этим человеком следовало бы немедленно заняться. Учитывая, что до Сталинграда оставалось примерно 2 часа езды, мы наскоро разработали такой план: попросили наших соседей перейти в служебное купе, о чем договорились с проводниками, а моряка тем временем пригласили к нам, проверить с пристрастием его документы.

Когда мы очень спокойно попросили его зайти в наше купе, он как-то на мгновение растерялся, что не ускользнуло от наших глаз, но, спохватившись, вновь принял воинственную позу и весьма неохотно подошел, как бы спрашивая: «Ну что вам еще надо?». Затем, когда он по нашей просьбе вошел в купе, Иван Петрович закрыл дверь и защелкнул замок. Я предъявил ему свое удостоверение и потребовал его документы. Иван Петрович взял его кортик и попросил отцепить, а я расстегнул кобурку своего пистолета. Сел наш моряк на скамейку, и руки его задрожали. Достал он свои документы и передал мне. При

беглом рассмотрении они выглядели вполне убедительно, поэтому требовалась тщательная экспертиза. Отступать было нельзя, поэтому я вытащил лист бумаги и начал составлять протокол задержания.

На мои вопросы: кто он и где проходит службу, моряк назвал себя Гурьяновым Георгием Николаевичем, 1915 года рождения, уроженцем г. Мариуполя, где проживал вместе с родителями. В начале войны был призван на черноморский флот, в 255-ю бригаду морской пехоты. В боях за Севастополь был ранен, находился на излечении в Краснодаре, затем переведен в Орджоникидзе, и после выздоровления получил месячный отпуск и отправился к сестре в Махачкалу, но та эвакуировалась, поэтому решил приехать в Москву к дяде по отцу. Гурьянов предъявил справку, что является старшиной 255-й бригады морской пехоты Черноморского флота. На вопрос, не задерживался ли он ранее в Грозном Особым отделом, ответил отрицательно. В этот момент в разговор вступает Иван Петрович.

- Вы говорите неправду, я хорошо помню, когда Вы находились в камере предварительного заключения, но тогда были одеты в красноармейскую форму без всяких знаков различия.

- Что вы на это скажете, Гурьянов? - спрашиваю я.

Моряк в некотором замешательстве, но упорно отказывается. Я прошу предъявить документы на два ордена, которые у него на груди: орден Красного Знамени и орден Красной Звезды. Гурьянов заявляет, что документы потеряны в госпитале.

Тогда тем более, - заявляю я, - нам необходимо во всем разобраться. Соберите вещи и в Сталинграде мы вместе выйдем из вагона.

Гурьянова мы доставили в комендатуру, где его взяли под охрану. Затем я связался по телефону с начальником Особого отдела гарнизона и попросил его срочно приехать на вокзал.

Сдали мы старшину вместе с постановлением на задержание с последующим этапированием в распоряжение ОО Грозненского гарнизона.

В вагон мы садились, когда поезд уже тронулся. Все пассажиры встретили нас с радостью, так как мы их избавили от беспокойного попутчика.

Поехали дальше, а Гурьянов не выходит из головы. Достаточно ли основательно мы провели операцию по его задержанию? А если человек пострадает незаслуженно? Не является ли совершенное результатом повышенной горячности и превышением власти? В какой-то степени эти сомнения помог рассеять Иван Петрович. Несмотря на недостаток образования, он обладал очень цепкой памятью, мудрой рассудительностью и глубоким пониманием своего служебного долга. Так же, как и я, находясь под впечатлением проведенной операции, он вспоминал все новые и новые детали пребывания Гурьянова в Особом отделе. Спустя некоторое время он четко восстановил в своей памяти, что Гурьянов действительно проходил проверку в Особом отделе, которую проводил молодой оперработник Квитчастый. Но ввиду того, что Иван Петрович выезжал тогда с группой в Железноводск, причину освобождения Гурьянова из-под стражи не знал.

На следующий день прибыли в Москву. Два-три дня потребовалось на знакомство с руководством и отчеты о работе. На приеме перед отъездом начальник ОКР МВД «Смерш» генерал-майор Смирнов Владимир Иванович сказал, что 8-я дивизия войск НКВД выведена из состава действующей армии, так как будет выполнять спецзадания по Северному Кавказу.

Ввиду того, что подобные дивизии сформированы в гг. Орджоникидзе и Махачкале, они полагают создать на Кавказе Особый отдел округа для приближения руководства особыми отделами соединений.

Признаться, что эта новость не только не обрадовала меня, а сильно огорчила.

В самом деле в разгар войны оказаться в стороне от решающих событий. Это был тяжелый удар. Что касается округа, то это меня никак не волновало.

Из Москвы на этот раз возвращались в плохом настроении, а тут еще сверлила мысль о Гурьянове: где он находится,

как начать расследование, что имеется на него у нас в Особом отделе?

В Грозный прибыли поздно ночью, нас встретил мой заместитель И.С. Данилов. Посидели за ужином, рассказали ему московские новости, а затем я спросил: «А Гурьянова этапировали к нам из Сталинграда?». Петр Семенович ответил, что мы с ним будем иметь большую неприятность. Дело в том, что он находится под стражей уже 10 дней, прокурор гарнизона санкцию на арест не дает из-за отсутствия состава преступления и я взял на свою ответственность содержать его под арестом без

санкции прокурора. Не знаю, почему Вы его арестовали, у нас на него нет никаких данных. Чтобы прекратить этот малоприятный разговор, я сказал, что утро вечера мудренее, завтра будем разбираться.

Утром следующего дня вместе с комдивом выезжаем в одну из частей разбираться с «ЧП». Один солдат из автомата ранил другого. Возвратясь в Особый отдел, подумал о Гурьянове, но чувствовал, что разговор у нас с ним будет тяжелым и решил отложить его до утра. Только принялся за рассмотрение поступившей почты, пришел старший следователь Литвак И.С. и доложил, что в Особый отдел доставлены два диверсанта, задержанные нарядом дивизии на железной дороге между г.г. Хасавьюртом и Грозным. Диверсанты были задержаны в момент закладки мины под полотно железной дороги в ночное время.

Конец «Пирата»

Это дело я изложу конспективно, так как подробное описание заняло бы много страниц. На допросе задержанные показали, что они являются жителями Сунженского района. Диверсию пытались совершить в порядке мести за выселение своих соотечественников чеченцев. Мне показался этот выпад бандитов из числа местных жителей очень дерзким, поэтому я попросил Петра Семеновича исследовать вопрос, не посланы ли эти диверсанты немецкой разведкой. Еще несколько дней работы, и картина открылась по-иному.

В действительности, накануне нашего наступления немецкая разведка предприняла активные меры по заброске к нам шпионско-диверсионных групп в расчете не только получить широкую информацию, но и совершать диверсионные акты, затормозить движение войск, выводить из строя технику. С такой задачей в начале января группа, состоящая из пяти человек была заброшена в район Хасавьюрта. Группу под названием «Пират» возглавлял моряк Зеленухин Георгий, по кличке «Юр». В нее входили два радиста и задержанные подрывники. Главная задача группы состояла в том, чтобы вести постоянную разведку за движением эшелонов, следующих из Закавказья к линии фронта, и по специальной команде устраивать диверсии, подрывая эшелоны.

Но случилось так, что руководитель группы во время ведения разведки был схвачен войсковым нарядом и задержан оперуполномоченным нашего Особого отдела, где и находился около двух недель. За время его отсутствия группа прекратила активную деятельность и находилась на своей базе, где хранились радиостанции, боеприпасы, различные документы, а также 50 тысяч рублей денег.

Когда «Юр» возвратился на место дислокации, группа ушла в горы и провела ряд сеансов радиосвязи с разведцентром, а спустя некоторое время вновь приступила к сбору разведданных, выезжая по маршруту Хасавьюрт-Грозный-Махачкала. В конце июля был проведен последний сеанс радиосвязи с разведцентром, так как вскоре после этого их база была обнаружена органами Госбезопасности Дагестанской АССР и два радиста арестованы.

В это время по заданию разведцентра трое из шпионско- диверсионной группы готовились провести диверсионный акт и с боеприпасами переехали ближе к железной дороге. Одну диверсию этой группе удалось совершить: был взорван местный состав, паровоз и шесть платформ с углем. В связи с этим была усилена охрана железной дороги, а прилегающие к ней районы прочесаны оперативно-войсковыми нарядами.

Диверсионная группа, потеряв связь с разведцентром и обнаружив арест своих радистов, решила уйти в горы и соединиться с бандами. Там они обеспечили себя новыми документами и

частично изменили легенды. Для закрепления своих позиций в банде они совершили два убийства: председателя колхоза и сотрудника милиции.

«Юр», будучи властолюбивым человеком, на положении рядового бандита в банде оставаться не пожелал и тайно бежал оттуда в Махачкалу. Здесь он приобрел морской костюм и перешел на морские документы, еще раз изменив легенду проживания. Затем, чтобы окончательно замести следы своих преступлений, решил уехать в Москву, где, якобы, проживал его дядя. Купив билет, он оказался в одном с нами вагоне. Вот уж поистине - надо же такому случиться!

Когда мы устроили очную ставку «Юру» с задержанными диверсантами, все стало на свои места. Они полностью признались в совершенных преступлениях и вскоре были осуждены Военным трибуналом к расстрелу.

Таким образом было завершено очередное дело, но вскоре возникали новые в самых различных вариациях преступной деятельности со стороны попавших в поле зрения Особого отдела лиц, которые после тщательной проверки, следственных и оперативных мероприятий держали ответ за содеянное перед Судом Военного трибунала и получили соответствующее возмездие за совершенные преступления против нашего народа, против Родины.

Особый отдел Северо-Кавказского округа НКВД

Несмотря на то, что фронт откатывался все дальше от Грозного, контрразведывательная работа не затухала, хотя несколько и снизилась общая напряженность в работе отдела.

В конце ноября 1943 года получили из Москвы приказ о создании Особого отдела Северо-Кавказского округа НКВД и подчинении ему Особого отдела нашей дивизии.

Начальником Особого отдела округа был назначен полковник Одинокоев Александр Иванович. Вскоре он прибыл, обосновался в Грозном и приступил к исполнению своих обязанностей. Александр Иванович был из когорты старых чекистов. К тому времени он проработал в ВЧК-НКВД-НКГБ около 20 лет. Ему было 47-48 лет, образование не более 7 классов, но он, несомненно, обладал большим опытом чекистской работы. Правда, не весь его опыт можно было считать полноценным, ибо прошел он через годы нарушения социалистической законности (1937-1938) и, безусловно, не полностью смог освободиться от груза негодных и осужденных приемов в работе.

После непродолжительного общения с Александром Ивановичем у меня сложилось о нем мнение как об отсталом человеке, с невысокими личными качествами, низкой культурой и упрямым, мстительным характером. Может быть, такое мнение сложилось и потому, что до некоторой степени было уязвлено мое самолюбие. Ведь с момента организации Грозненского особого оборонительного района военную контрразведку возглавлял и представлял я. Меня хорошо знали в местных партийных, советских и хозяйственных органах, министерствах Госбезопасности и внутренних дел Чечено-Ингушетии, весь командный состав войск, я пользовался авторитетом среди оперативного состава. И вдруг, когда уже миновало тяжелое время для Кавказа, появился старший начальник. Не разобравшись в оперативной обстановке, он пытался насаждать свои порядки, которые противоречили нашим. Все, что не вписывалось в рамки его мышления, он считал крамолой и прибегал к устрашающим средствам - взысканиям и разносам, а как стало известно позднее, и проявлению мщения.

Такие методы руководства мне казались безнадежно устаревшими. Поэтому без промедления я восстал против них. Мое настроение передавалось и оперсоставу, и, как результат этого, отношения с Особым отделом округа складывались явно ненормальные. Несколько непродуманных попыток Александра

Ивановича оказать на меня давление обернулись серьезной неприятностью для него, так как его «твердые» требования вошли в противоречие с приказами вышестоящих органов. Поэтому мне без труда удалось заставить его немедленно отступить.

Потерпев неудачу подавить мое сопротивление грубым нажимом, он предпринял попытки установить со мной «дружеские» отношения, но я в его дружбе не нуждался, да и понимал его неискренность, поэтому дал ему откровенно понять, что из этой затеи ничего не выйдет.

После этого Александр Иванович стал избегать встреч со мной, в нашем Особом отделе не бывал, к себе не приглашал, но козни свои начал строить через подчиненных направленцев. Чувствуя свое превосходство, я смело шел на всякого рода обострения во взаимоотношениях с ним и потешался, когда Александр Иванович оказывался в тяжелом положении.

Однажды, в начале 1944 года после очередной стычки Александр Иванович, потеряв чувство самообладания, заявил мне:

- Я больше так работать не могу! Завтра же подам рапорт о переводе в другое место.

В ответ на это я не менее дерзко заявил:

- Я уже давно пришел к этому выводу и рапорт мною написан. Поэтому не затрудняйте себя такой сложной работой.

У начальника КРО МВД СССР. Второй орден Красной Звезды

И действительно, на следующий день я направил рапорт в Отдел контрразведки МВД СССР с просьбой перевести меня на работу в действующую армию.

Вскоре последовал вызов в Москву на переговоры. В Москве мне был вручен второй орден Красной Звезды, которым я был награжден за проведенную работу в Грозненском особом оборонительном районе.

В беседе с начальником отдела контрразведки МВД СССР генерал-майором Смирновым Владимиром Ивановичем я откровенно рассказал, чем вызван мой рапорт о переводе и высказал свое мнение об Александре Ивановиче Одинокове. Владимир Иванович внимательно выслушал меня и сказал: «Во-первых, я советую не обострять отношений с товарищем Одиноквым, чтобы все это не привело к неприятным последствиям. Ваша просьба будет удовлетворена в ближайшее время. Во-вторых, мы видимо серьезно ошиблись с назначением Одинокова и будем поправлять его».

Такой оборот дела меня обрадовал и, возвращаясь в Грозный, я в вагоне имел предостаточно времени все обдумать и сделать некоторые выводы из сложившейся обстановки, помня, что контакты с собственной совестью всегда полезны.

Прежде всего я осудил свое недоброжелательное отношение к Александру Ивановичу, полагая, что его назначение произошло по вине кадровых работников, которые, не изучив личных качеств, выдвинули его на ответственную должность. Он, как мне казалось, был не причем. Неприязненные отношения, сложившиеся между нами, уже толкали в объятия склоки. А ведь склока, рассуждал я, делает человека глухим к голосу разума. Каждому, вступившему в такие отношения, кажется, что он ведет борьбу за правое дело, а в действительности скатывается в трясину мелочности, озлобленности от всего наносного, и я решил поправить создавшееся положение.

Приехав в Грозный, я встретился с Александром Ивановичем и, будучи в хорошем настроении, рассказал ему о пребывании в Москве, новостях, которые узнал, а затем пригласил его к себе домой. Он охотно согласился и вслушивался буквально в каждое мое слово.

Во время ужина я, по простоте души, рассказал А.И., что внутренне раскритиковал себя за неправильное к нему отношение и осуждаю некоторые свои поступки. Я не сомневался в том, что он сделает то же самое. Одинокое сияло от удовольствия и по всей вероятности в душе торжествовал свою победу, но упорно молчал. Не дождавшись самокритики от собеседника, я решил тогда высказать критику прямо в глаза, но в доброжелательном тоне. Он весь изменился, то бледнел, то багровел, в душе у него назревала буря, но пойти в открытое наступление он не осмеливался. Мне стало понятно, что моя затея урегулировать отношения мирным путем полностью провалилась. Более того, А.И. мои искренние высказывания принял за капитуляцию и признание моей вины. Он рассудил, что я испугался и пошел на «мировую», чтобы замолить свои «грехи» перед ним. Такое поведение вывело меня из равновесия и я заявил: «Вы человек с темной душой, поэтому не можете понять моего искреннего желания отбросить все наносное и установить настоящие отношения. Поэтому не хочу больше Вас видеть». Так мы с ним расстались в тот памятный день.

Но не таков был мой противник, чтобы на этом успокоиться. Он решил использовать свою власть, чтобы нанести мне решающий удар. Для этого он задним числом сфабриковал приказ, в котором объявил мне выговор «за игнорирование указаний Особого отдела округа» и направил его в Москву в расчете на то, что это помешает моему переводу на новое место службы. Однако, этот злополучный приказ был доложен генералу Смирнову, который был мною соответствующим образом подготовлен к возможным поступкам Одинокое. Поэтому реакция с его стороны была весьма отрицательной. Приказ Одинокое он отменил, а ему объявил взыскание за необъективность. Так провалилась попытка мести со стороны А.И.. Узнав об этом, я встретился с Одиноким и нелитературно обругал его. Так мы расстались навсегда.

Может быть, сам по себе этот пример и не играет значительной роли в моей жизни, тем не менее я привел его потому, чтобы показать все превратности человеческого существования, которое порою может быть испорчено отдельными лицами с «нечистыми душами». Вот уж поистине - опасайся того, кто тебя боится, что подлая душа всегда предполагает самые низкие побуждения у самых благородных поступков. Я часто с горечью размышлял над тем, откуда берутся в наше время подлые, коварные и мстительные люди, оказавшиеся облеченными властью? Рождаются ли как закономерность в сложностях человеческого бытия или всплывают на поверхность в особых условиях при значительных изменениях ситуации (как например, в 1937 - 1938 гг.). Не смог я тогда дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, видно недостаточно был зрел, не обладал большим жизненным опытом. Последующая жизнь дала мне еще несколько подобных примеров, о которых будет рассказано. Но столь сложный вопрос, как перевоплощение человека с изменением его положения, остался для меня не решенным в полной мере и до сегодняшнего дня.

Глава 5. В действующей армии

3-й Белорусский фронт

В начале мая 1944 года меня вызвали в Москву. Отправились в путь, как всегда, вместе с Иваном Петровичем Стрельцовым. Через несколько дней меня назначили начальником отдела контрразведки войск охраны тыла 3-го Белорусского фронта. В пределах доступного меня ознакомили с перспективой

3-го Белорусского фронта. В тот период штаб войск охраны тыла дислоцировался в непосредственной близости от штаба фронта в районе деревни Алексеевки, неподалеку от Смоленска. Поезда в Западном направлении ходили медленно, так как нередко подвергались бомбежке авиацией противника, так, до Смоленска мы добирались больше суток. Вместе с нами в купе ехал дважды Герой Советского Союза летчик майор В.Д. Лавриненков, с которым мы как-то сразу познакомились и разговорились. Он оказался интересным собеседником.

Прибыли мы в Смоленск рано утром, но, несмотря на это, на станции чувствовалось большое оживление, маневрировали паровозы, хлопотали интенданты, разгружая вагоны с продовольствием. Мы с Иваном Петровичем отправились к военному коменданту, чтобы узнать, не пришла ли машина из штаба войск охраны тыла фронта, так как о моем приезде туда позвонили по телефону «ВЧ». На мой вопрос военный комендант показал площадку, замаскированную среди деревьев, метрах в 300-х от станции, где находились все прибывавшие туда машины из частей и соединений фронта.

Чтобы не тащить с собой чемоданчики с несложным фронтовым имуществом, мы решили оставить их у коменданта, а сами отправились разыскивать машину. Только мы подошли к стоянке, как раздалась команда «воздушная тревога». Завыли гудки паровозов, вдали слышались разрывы зенитных снарядов, а через одну-две минуты появились немецкие бомбардировщики. Сколько их было, теперь трудно сказать, но казалось, что бомбы падают с неба, как град. Правда, теперь уже, не как в 1941 году, зенитная артиллерия вела яростное сражение с самолетами и один за другим, объятые пламенем, падали фашистские стервятники на землю. Мы в это время находились вместе с водителями и разными посыльными в специально отрытой около стоянки траншее. Немецкие бомбардировщики, попав под сильный огонь зенитных батарей, потеряли управление, нарушили строй и бомбы сбрасывали беспорядочно. Вскоре появилась большая группа наших истребителей, зенитный огонь прекратился, и начался воздушный бой. Еще несколько немецких самолетов было сбито в районе ст. Смоленск. Затем, затихая, бой откатился на запад. Среди водителей мы нашли того, кто прибыл встречать нас, ефрейтора Савина, который сказал, что вместе с ним прибыл и заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» войск охраны тыла 3-го Белорусского фронта майор Суховилин Владимир Алексеевич, который пошел куда-то наводить справки о прибытии поездов из Москвы и пока не вернулся. Несмотря на то, что немецким стервятникам не дали нанести прицельный бомбовый удар по ст. Смоленск, тем не менее, этим налетом вреда было причинено немало. Там и тут были видны пожары, горели вагоны, несколько бомб разорвалось на железнодорожном полотне, вблизи здания станции, причинив ему серьезное повреждение. Вскоре на стоянку прибежал майор Суховилин, познакомившись с которым, мы отправились вместе к коменданту станции, так как подъехать туда было нельзя.

Но коменданта на месте не оказалось. Как выяснилось, он был контужен во время бомбежки и отправлен в госпиталь. В здании комендатуры все было перевернуто до такой степени, что своих чемоданов мы там не нашли. Так и пришлось ехать к новому месту службы буквально с «голыми руками».

Да, неприветливо встретил нас 3-й Белорусский. Но я лично на него не в обиде, ибо ровно год спустя довелось отпраздновать вместе с воинами этого фронта самый великий праздник - День Победы.

Отдел контрразведки войск охраны тыла 3-го Белорусского фронта занимал несколько землянок в сосновом лесу, как всегда на некотором удалении от штаба. Там все было организовано по особому микропорядку, который укоренился в особых отделах за время войны - своя столовая, свой «штаб», своя охрана, система связи, транспорт и т.д.

Как всегда, первые дни были до предела заняты знакомством с командованием, с личным составом отдела контрразведки, а затем уже с оперативным хозяйством. Командующим войсками охраны 3-го Белорусского фронта был генерал-лейтенант Любый Иван Семенович, начальником политотдела полковник Николаев Владимир Васильевич и начальником штаба полковник Греков Кирилл Александрович.

Чтобы понять сложность моих взаимоотношений с командованием в первый период времени, надо заметить, что мой предшественник полковник Борисов был освобожден от занимаемой должности за нездоровые отношения с командующим войсками. Дело дошло до того, что Борисов писал в Москву всевозможные доносы на командующего, касающиеся его личного поведения. Доведенный до предела терпения И.С.Любый, в свою очередь, обратился к министру внутренних дел с просьбой освободить его от должности или убрать Борисова. Приняли второй вариант - убрали Борисова. Поэтому первый вопрос, который задал мне Иван Семенович, как будем работать, как с Борисовым или по иному? Я ответил, что по шаблону не действую, придерживаюсь партийной принципиальности в оценке деятельности и поведения каждого человека. Мой ответ был явно не по вкусу Ивану Семеновичу, поэтому первое время у нас были весьма прохладные отношения.

Эту же линию строго выдерживал и Кирилл Александрович Греков, начальник штаба, который во всем подражал командующему.

Несколько другую позицию занял Николаев Владимир Васильевич, которому я дал прозвище «товарищ Волк». Он с самого начала знакомства проявил ко мне доброжелательное отношение, а затем постепенно между нами установились дружеские отношения.

Несколько слов хочется сказать о Любом И.С. Это был всесторонне образованный человек с живым, ясным умом, смелый, с быстрой реакцией. Он хорошо владел разговорной речью, тонко и остро высмеивал грубые недостатки окружающих его людей. По натуре властолюбив, самонадеян и возражений со стороны подчиненных не терпел. Окружал себя «верными» людьми в надежде «не выносить сор из избы», а в «избе» было кое-что недозволенное. В вопросах оперативной службы войск разбирался хорошо, но иногда допускал ненужную поспешность при расследовании сложных дел.

Николаев Владимир Васильевич в противоположность Любому И.С. был человеком спокойным, уравновешенным, политически подготовленным, но менее эрудированным, недостаточно решительным. Как человек добрый, общительный, умел налаживать и поддерживать дружбу.

Независимо от сложившихся взаимоотношений все вопросы текущего порядка разрешались нормально, и некоторая настороженность И.С. Любого не мешала делу.

Операция «Багратион»

А тем временем Ставкой Верховного Главнокомандования, Генеральным Штабом совместно с командующими 1-м Прибалтийским, 3-м, 2-м, 1-м Белорусским фронтами разрабатывалась наступательная операция по разгрому немецко-фашистской группы армии «Центр» с целью полного освобождения Белоруссии. «План Белорусской операции был рассмотрен и уточнен 22-23 мая на совещании в Ставке, где присутствовали Верховный Главнокомандующий, его заместители, командующие и члены военных советов фронтов» (История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг, Т.4, с 158).

Этот план носил условное название «Багратион». Замысел операции состоял в том, что две группы фронтов - группа «А» (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский), и группа «Б» (2-й и 1-й Белорусский)

наносили удары по флангам войск противника, оборонявшегося в Белорусском выступе, а затем должны были наступать в общем направлении на Бобруйск-Минск.

Перед войсками 3-го Белорусского фронта стояла задача разгромить Витебско-Оршанскую группировку врага и выйти на р. Березина. Наши войска к началу наступления были пополнены личным составом, хорошо оснащены боевой техникой, боеприпасами и всем необходимым для боевой деятельности. Учитывая важность предстоящей операции, к ее началу велась тщательная подготовка. Все было подчинено этой задаче.

Немаловажным мероприятием в системе подготовки было проведение дезинформации противника, благодаря чему удалось ввести его в заблуждение и произвести необходимую перегруппировку войск. В этом мероприятии принял участие и наш отдел контрразведки «Смерш», направляя своих людей за линию фронта с заранее подготовленными легендами.

Подготовка к наступлению завершилась в день третьей годовщины начала Великой Отечественной войны. В ночь на 22 июня был передан по радио, а утром опубликован в центральных и фронтовых газетах документ огромной политической важности - «Три года Отечественной войны Советского Союза», в котором подводились военные и политические итоги трех лет героической борьбы Советского народа и его Вооруженных сил против фашистских агрессоров.

В результате проведенной боевой учебы и разъяснительной работы войска были хорошо подготовлены к наступлению и горели желанием скорее освободить от врага родную землю.

23 июня началось наступление наших войск. На широком фронте велась невиданная канонада. Тысячи орудий и пулеметов извергали мощные заряды и посылали их на вражеские позиции. Вслед за артиллерийской подготовкой последовала авиационная обработка расположения войск противника. Завершив артиллерийскую и авиационную подготовку, наши войска прорвали оборону противника и устремились на Запад.

За три дня наступления войска 3-го Белорусского фронта взломали вражескую оборону в 100-километровой полосе между Западной Двиной и Днепром, продвинувшись на 30-50 км.

За шесть дней наступательных боев войска фронта разгромили Витебскую и Оршанскую группировки войск врага, продвинулись на 150 км, вышли на Березину, нанеся противнику большие потери.

Такое стремительное наступление свидетельствовало о том, что в 1944 году значительно выросло искусство генералов и офицеров в руководстве войсками, повысилось воинское мастерство солдат и сержантов, наступательный дух армии был чрезвычайно высок.

Подвиг Юрия Смирнова

Здесь мне хочется привести пример исключительной стойкости и доблестного выполнения своего воинского долга рядовым 77-го гвардейского стрелкового полка 26-й гвардейской дивизии Юрием Смирновым.

24 июня при прорыве вражеской обороны севернее Орши он добровольно вызвался участвовать в танковом десанте, перед которым стояла задача перерезать в тылу противника автомагистраль Москва-Минск. В районе деревни Шалашино Смирнов был тяжело ранен, упал с танка и попал в плен. Гитлеровцы притащили его в штабной блиндаж, пытали, стараясь получить необходимые сведения, но верный воинской присяге, Смирнов отказался отвечать на их вопросы. Тогда гитлеровские палачи распяли израненного и измученного пытками воина, на стене блиндажа. В лоб, в ладони и ступни

солдата вбили гвозди. Он погиб смертью героя, не выдав военной тайны. Вскоре наступавшие войска нашли труп рядового Смирнова. Потрясающая весть о новом злодеянии гитлеровцев быстро облетела все полки и дивизии 3-го Белорусского фронта. Воины давали клятву отомстить за мучительную смерть своего товарища. Юрию Смирнову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В каждом городе, каждом населенном пункте, оставленном оккупантами, мы обнаруживали бесчисленные следы преступлений гитлеровцев: сожженные и разрушенные до основания дома, трупы расстрелянных и повешенных советских людей. Все это вызывало глубокое возмущение воинов и порождало массовый героизм.

Освобождение Минска. Капитуляция и пленение 4-й немецкой армии

Здесь мне хочется привести пример исключительной стойкости и доблестного выполнения своего воинского долга рядовым 77-го гвардейского стрелкового полка 26-й гвардейской дивизии Юрием Смирновым.

24 июня при прорыве вражеской обороны севернее Орши он добровольно вызвался участвовать в танковом десанте, перед которым стояла задача перерезать в тылу противника автомагистраль Москва-Минск. В районе деревни Шалашино Смирнов был тяжело ранен, упал с танка и попал в плен. Гитлеровцы притащили его в штабной блиндаж, пытали, стараясь получить необходимые сведения, но верный воинской присяге, Смирнов отказался отвечать на их вопросы. Тогда гитлеровские палачи распяли израненного и измученного пытками воина, на стене блиндажа. В лоб, в ладони и ступни солдата вбили гвозди. Он погиб смертью героя, не выдав военной тайны. Вскоре наступавшие войска нашли труп рядового Смирнова. Потрясающая весть о новом злодеянии гитлеровцев быстро облетела все полки и дивизии 3-го Белорусского фронта. Воины давали клятву отомстить за мучительную смерть своего товарища. Юрию Смирнову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В каждом городе, каждом населенном пункте, оставленном оккупантами, мы обнаруживали бесчисленные следы преступлений гитлеровцев: сожженные и разрушенные до основания дома, трупы расстрелянных и повешенных советских людей. Все это вызывало глубокое возмущение воинов и порождало массовый героизм.

Освобождение Вильнюса

Разгром Витебско-Оршанской, Могилевской и Бобруйской группировок врага создал благоприятные условия для решения нашими войсками еще более сложных задач, в частности, в короткий срок разгромить вражеские дивизии восточнее Минска. Все это происходило настолько быстро, что штабы фронта и охраны тыла едва успевали перемещаться на новые командные пункты. Уже 3 июля войска 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта заняли Минск. Штаб фронта и штаб охраны тыла несколько отстали от передовых частей, но оказались впереди, то есть западнее окруженной 4-й немецкой армии. И вот здесь-то сложилась довольно пикантная обстановка. Большая часть окруженных немцев оказалась в двух группах, которые с боями начали продвигаться в западном и юго-западном направлениях, стремясь пробиться к своим. Одна группа под командованием генерала Траута 6 июля предприняла попытку прорваться на Дзержинск, но была разгромлена войсками 2-го Белорусского фронта.

8 июля вместе с начальником войск охраны тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Любым И.С. мы прибыли в район предстоящей дислокации штаба, деревню Самохваловичи. Вместе с нами

прибыли небольшая группа офицеров штаба и особого отдела, батальон связи и половина взвода особого отдела под командованием старшины Стрельцова И.П.

Дни стояли жаркие, на дорогах пыль стелилась длинными шлейфами, поэтому все были грязными, уставшими, но счастливыми. При виде воды так и хотелось броситься в ее объятия, чтобы насладиться прохладой и свежестью.

День клонился к концу, солнце скрылось за лесом. Комендант штаба отвел несколько домиков для Особого отдела, и мои ребята уже хлопотали по размещению оперсостава и солдат взвода. Готовили условия для размещения второго эшелона, а также соображали насчет обеда. У начальника войск хозяйство было более солидное, чем у начальника особого отдела, поэтому мне пришлось наскоро пообедать у него.

Я вернулся в расположение Особого отдела, солнце закатилось, но было светло и душно. Стрельцов И.П., присмотрев небольшое озерцо, предложил мне пойти помыться. Я с удовольствием принял это предложение, и вместе с группой офицеров Особого отдела из 5-6 человек отправился купаться. Когда закончили купанье, уже стемнело. И вдруг мы видим, как выходит из леса толпа вооруженных людей. Присмотрелись - немцы! Их больше сотни... что делать? Отступить некуда, да и нельзя. Командую - «За мной!» - и навстречу немцам. Кричим: «Хенде хох!». Немцы поднимают руки и сдаются в плен, многие уже раньше бросили оружие, остальные складывают его в указанном нами месте. Приводим эту группу в расположение Особого отдела, подсчитали - 192 человека! Куда девать пленных? Кому охранять? Срочно принимаем решение - поместить в сарай. Вскоре еще одна группа немцев в количестве 300 человек вышла на деревню с другой стороны и также была нами пленена. Заполнили еще один сарай. Побежал я к начальнику войск, чтобы попросить подкрепления для охраны пленных, и вижу, что там происходит тоже самое, т.е. загоняют пленных в сарай. Там уже было пленено около 900 человек.

Ночь провели без сна. Все бывшие в наличии люди, вооруженные автоматами, находились в оцеплении деревни и охраняли пленных.

Рано утром появились новые группы немцев, но при виде наших солдат, отстреливаясь, уходили в лес. Провели воздушную разведку, которая показала, что большая группа немцев из 4-й армии под командованием генерала Мюллера пыталась прорваться на Запад через реку Птичь, но, попав под стремительные удары 50-й армии, была разгромлена, генерал сдался в плен.

Приняв условия капитуляции остальных войск 4-й армии, он подписал приказ о немедленном прекращении сопротивления. Этот приказ был доведен политорганами советских войск до окруженных немецких солдат, после чего началась массовая сдача в плен.

Как потом мы узнали, 17 июля 1944 года по центральным улицам Москвы под конвоем советских солдат прошли 57600 пленных, захваченных в Белоруссии, где в том числе были и «наши» пленные.

Немецко-фашистская армия потерпела в Белоруссии катастрофическое поражение. Разгром противника в районах Витебска, Бобруйска и Минска образовал в центре германского фронта гигантскую 400-километровую брешь, заполнить которую в короткие сроки гитлеровцы не могли.

Предотвращение теракта против заместителя наркома МВД СССР. Орден Отечественной войны 1-й степени

Используя благоприятную обстановку, войска 3-го Белорусского фронта наносили удар в направлении Вильнюс - Лида. Особенно сильные бои развернулись в районе города Вильнюс. Придавая большое значение этому важному узлу обороны, прикрывавшему подступы к Восточной Пруссии, немецкое командование сосредоточило в Вильнюсе крупную группировку войск. Но наши войска окружили город и в течение нескольких дней разгромили фашистские войска, оборонявшие Вильнюс.

На следующий день после освобождения Вильнюса «Правда» писала: «Вильнюс - древняя столица Литвы, колыбель государственности и культуры литовского народа, возвращен Красной Армией литовскому народу, возвращен великой советской семье народов. Освобождение Вильнюса произведет большое впечатление на все народы мира... Весть об этом вдохновляет население Риги и Таллина».

Фашисты сильно разрушили и разграбили Вильнюс. Поэтому жители города радостно встречали своих освободителей.

Штаб в Шиловоте. «Мировой судья»

Войска нашего фронта продолжали победное движение вперед.

С 23 июня по 15 июля продвинулись на Запад почти на 500 км. Для меня лично освобождение Вильнюса и вообще возвращение в Литву было особенно приятным. Ведь отсюда ровно три года назад пришлось отступать в чрезвычайно трудных условиях. И вот я снова здесь. Знание литовского языка делает меня своим человеком среди местных жителей. С каждым днем все больше и больше людей обращается ко мне по самым различным вопросам.

Через несколько дней в Вильнюс прибыл заместитель наркома внутренних дел СССР Серов И. А. и вызвал меня к себе. Теперь мы с ним встретились как старые знакомые. В беседе Серов рассказал мне о цели своего приезда (это было правительственное задание) и просил вызвать еще трех «толковых» оперативных работников для исполнения отдельных поручений. На следующий день вместе с тремя сотрудниками отдела я вновь прибыл в резиденцию Серова.

Получили задание, которое выполняли в течение недели. Я по распоряжению Серова проживал в этой же резиденции, а мои сотрудники разместились в небольшом домике неподалеку. С заданием мы успешно справились.

Пока мы выполняли специальное задание, наши войска продвинулись далеко вперед и уже находились в районе города Мариамполя. На радостях мы решили коллективно поужинать. Запас провизии у нас был, нашлось кое-что и выпить. Ужинали в доме, где проживали оперативные работники. Пировали, не торопясь, с наслаждением, с чувством исполненного долга. Разговорились, и в первую очередь, конечно, о том, что война подходит к концу. Скоро фашистам будет «капут», таково было единодушное мнение. Один из моих помощников Миронов, подойдя к открытому окну, вдруг сказал: «Обратите внимание;

вот этот офицер с двумя солдатами несколько раз попадал мне на глаза и каждый раз в районе дома, где проживает тов. Серов. Мне они кажутся подозрительными». Кто-то сказал, что если пропустить еще по одному шкалику, то все будут казаться подозрительными.

Но Миронов не унимался и, обращаясь ко мне, спросил: «Товарищ начальник, можно я проверю у них документы?» Я сказал, что не следует, так как Вы немного выпили и заниматься в таком виде проверкой несерьезно. «Тогда, разрешите, я прослежу, куда они пойдут». Я согласился, и он отправился на улицу.

Прошло минут 30-40, на дворе стемнело, а Миронова нет. Тогда я посылаю второго работника Данилова. Пропал и второй посланец. Проходит минут 30-40, а их нет, хотел было послать третьего и последнего, но вдруг появляются оба и докладывают, что в результате наружного наблюдения им удалось установить, что группа, состоящая из офицера - лейтенанта, одного сержанта и двух рядовых солдат, обосновалась недалеко отсюда, во дворе разрушенного дома, и ведет себя крайне подозрительно. Это выражалось в том, что прежде чем войти во двор, они долго проверялись, затем входили в полуразрушенный дом с тыловой стороны по одному. Когда вошли трое, четвертый замаскировался в развалинах и вел наблюдение за окружающей обстановкой. Оба мои посланца наблюдали эту картину и настоятельно предлагали рано утром провести проверку этих военнослужащих. Я дал согласие несколько отложить отъезд в войска и осуществить предлагаемую операцию. Коллективно мы выработали план действий и легли спать, с расчетом встать с рассветом и начать операцию. Нашим планом намечалось: рано утром взять эту группу под наблюдение, и, когда они выйдут из своего помещения, взять их, доставить на нашу базу и здесь тщательно проверить их документы и имущество трех вещевых мешков. Для подкрепления, мы взяли группу солдат из подразделения, которое охраняло дом, где проживал И.А.Серов.

Операция по задержанию прошла успешно, и вся группа была доставлена в расположение нашей базы. Автоматы, которыми были вооружены солдаты, и пистолеты у лейтенанта и сержанта мы предусмотрительно отобрали и взяли их под охрану. Лейтенант по фамилии Безбородько предъявил документы, свидетельствующие о том, что он является офицером связи штаба 50-й армии. Документ не вызывал никаких сомнений в подлинности (бланк и печать отвечали всем требованиям). На вопросы Безбородько отвечал четко и ясно, и показалось, что наша затея, как мыльный пузырь, вот-вот лопнет и оставит мокрое, неприятное пятно. Документы остальных военнослужащих также не вызвали подозрений. Оставалось проверить их вещевые мешки. И вот тут-то, что называется, нам повезло. Из них мы извлекли три мины с часовым механизмом. Начался активный допрос по существу обнаруженного и стало ясно, что мы имеем дело с немецкой диверсионной группой.

Составлена эта группа была из числа советских военнопленных, причем воинские звания их соответствовали тем, которые они имели до пленения в Красной Армии.

Безбородько показал, в частности, следующее: в плен к немцам попал в 1942 году, скитался по различным лагерям в Пскове, Резекне, Даугавпилсе. В конце 1943 года в лагерь прибыли немецкие офицеры разведки Абвер. Стали вызывать на беседу по одному. Интересовались буквально всем прошлым, наличием родственников, убеждениями, взглядами на жизнь, на войну, планами на будущее, а затем предложили «сотрудничать с Великой Германией в борьбе с большевиками».

«Рассчитывая как-нибудь вырваться из плена, я дал согласие». Вскоре вместе с другими пленными, отобранными абверовцами, Безбородько отправили на Рижское взморье, в разведовательно-диверсионную школу. Его зачислили в группу диверсантов-подрывников. После окончания школы в начале 1944 года была сформирована разведовательно-диверсионная группа из 6-ти человек, которая предназначалась для заброски в тыл советских войск в районе города Смоленска. С этой целью их хотели перебросить в город Витебск, но по каким-то причинам выброска не состоялась, их группу расформировали и длительное время он находился в резерве. А затем началось наступление Советских войск и они отошли вместе с немцами в Вильнюс.

В Вильнюсе его вызвал офицер Абвера майор Гердт и сказал, что назначает Безбородько старшим диверсионной группы, познакомил с составом группы, то есть с остальными тремя задержанными, и поставил задачу: после того как немецкая армия оставит Вильнюс, наша группа, соответствующим образом экипированная, должна остаться в Вильнюсе и «раствориться» среди русских войск. Затем, пользуясь имеющимися документами, устанавливать наличие крупных штабов и, проникая в них, совершать диверсионные акты. Им удалось установить штаб тыла 3-го Белорусского фронта, но трехдневная подготовка к тому чтобы подложить там мину, не увенчалась успехом. Тогда они обратили внимание на особняк, что находится поблизости отсюда.

Наблюдение за этим особняком показало, что он усиленно охраняется, поэтому они предположили, что в нем работают и живут крупные военные руководители. Тогда они решили в ближайшие дни тщательно изучить возможность проникновения туда.

У диверсантов была изъята крупная сумма денег (около 20 тыс. рублей), много пустых и заполненных бланков.

Показания других трех диверсантов были аналогичны, поэтому сомнений в их правдивости у нас не возникло.

Так, профессиональная наблюдательность нашего сотрудника Миронова помогла обезвредить диверсионную группу врага.

Надо заметить, что катастрофическое положение фашистской Германии и близкий ее крах облегчали разоблачение враждебных элементов, подобных описанной группе. Все члены группы начали давать показания буквально на первых допросах, причем всячески стараясь доказать, что они не совершали никаких преступлений против Родины и задания фашистской разведки по существу не выполняли. Однако на вопрос: «Почему же не явились с повинной?», - неизменно отвечали, что боялись сурового наказания за совершенное.

Материалы следствия по группе диверсантов были мною доложены Серову И.А. Несмотря на свой сухой характер, прочитав все очень внимательно, он в шутку сказал: «Я уж теперь не знаю, кого мне благодарить, Бога или контрразведку «Смерш».

Ну, а тов. Миронова все-таки следует наградить». Он попросил пригласить его и лично вручил ему прекрасные наручные часы. За успехи в борьбе с подрывной деятельностью вражеских элементов я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Завершив дело с диверсионной группой, мы отбыли к своим войскам.

Восточно-Прусская операция

Штаб войск охраны тыла расположился недалеко от города Мариамполя в деревне Шиловота. В этой деревне нам довелось находиться относительно долго, с августа и почти до конца 1944 года. Поэтому устраивались капитально. Наш особый отдел занимал шесть домиков. В одном проживали начальник и заместитель начальника Особого отдела, два домика занимали оперативные работники, два - взвод охраны и один использовался как камера предварительного заключения, в которой содержались арестованные и задержанные.

Подробно об этом я рассказываю потому, что все наши домики в силу хуторной системы, которая существовала по всей Литве, находились друг от друга на значительном расстоянии - 300-400 метров и это создавало немало трудностей. Пока обойдешь бывало все домики, полдня пройдет, но это

компенсировалось постоянным общением с личным составом, чего так нам не хватало в боевой обстановке. Как правило, весь личный состав разбивался на две группы: штабная оперативная группа из 6-7 оперативных работников во главе с начальником особого отдела и второй эшелон, в состав которого входили следователи, комендант, взвод охраны, арестованные и оперсостав, обслуживающий тыловые подразделения. Эту группу возглавлял мой заместитель майор Суховилин Владимир Алексеевич.

Пока находились на «стационарном» положении, воины отдыхали, наслаждались передышкой, приводили в порядок свое боевое снаряжение и обмундирование, с жадностью читали газеты, журналы, книги, писали письма родным, перечитывали в который раз ранее полученные от жен и матерей, от любимых, с нетерпением ждавших их возвращения.

Да, это были минуты глубоких размышлений о смысле жизни, об оценках совершенных поступков. Несомненно, война ожесточает людей, лишает их счастья, обычных человеческих отношений и чувств, и все-таки ей не все подвластно. Станным казалось, что люди, не успев отдохнуть от невероятного напряжения, уже строили планы на будущее. В этом, видимо, состоит жизненная сила наших людей.

Мне в этот период было не до отдыха, так как на мою долю выпала честь выступать в самых различных ролях - то в роли защитника, то в роли прокурора, а порою в той и другой одновременно.

Приход Красной Армии в Литву после 3-летней немецкой оккупации вызвал у большинства населения чувство огромной радости. Какая-то часть очень сильно опасалась мести и преследования за сотрудничество с немцами. О будущей жизни у большинства литовцев не было никакого представления, ведь с приходом немцев в Литву вернулись все или почти все капиталисты и помещики, получив вновь свои фабрики, заводы, поместья, земли. Буржуазные порядки были полностью восстановлены, а теперь все это рухнуло, и что будет дальше - неизвестно. К тому же гитлеровская пропаганда непрерывно распространяла всякого рода версии о «зверствах» советских войск, утверждая, что как только Красная Армия займет тот или иной город, все население соберут на площади, отделят тех, кто был партизаном, боролся против немцев, а всех остальных расстреляют. Многие интеллигенты и служащие, напуганные этим, убежали вместе с гитлеровцами или скрывались.

Органы Советской власти еще не были восстановлены и поэтому бесчисленное количество всевозможных вопросов, которые возникали у населения, приходилось разрешать военным властям. А так как молва о подполковнике, знавшем литовский язык, распространилась молниеносно, работы мне было по горло. Порою приходилось разрешать не только правовые, но и конфликтные дела. С одной стороны, это мне очень мешало заниматься своими делами, но с другой, во многом помогало. В общении с людьми я получал такие сведения, которые не всегда добудешь оперативным путем. Например, выявлял многих немецких пособников, бандитов, антисоветски настроенных лиц, бандпособников, и др.

Нередко у моего домика с раннего утра выстраивалась очередь на прием, и я старался не только выслушать каждого, но и оказать возможную помощь нуждавшимся, что возвышало авторитет Красной Армии в глазах народа и развеивало провокационные версии немецкой пропаганды. Много было интересных, а порою и забавных случаев, когда в результате знания литовского языка было посрамлено недоверие к солдатам и офицерам Советской армии со стороны отдельных местных жителей Литвы.

Один из таких примеров имел место в период размещения взвода охраны в одном из отведенных домов. В доме проживали муж с женою, пожилые люди лет шестидесяти. Дом состоял из двух изб, а

между ними сени. Мы попросили хозяина одну избу освободить полностью и все, что они считали для себя нужным, забрать из нее. Все это они сделали с помощью солдат очень быстро. В избе остался один большой сундук. И вот хозяева разговаривают между собой. Хозяин: «Этот сундук, я думаю, можно оставить здесь. Может быть, не возьмут ничего». Хозяйка: «Ты что, старый, с ума спятил. Эти русские жулики, все разворуют. Надо все из него забрать, а сундук пусть здесь остается».

Я находился в этот момент рядом и все отлично слышал. В очень спокойном тоне на литовском языке я им сказал: «Вы напрасно беспокоитесь, наши солдаты ничего вашего не возьмут. Они честные люди». Это произвело на них сильнейшее впечатление. Они стали извиняться передо мной за допущенное недоверие к нашим солдатам, просили меня простить их. Хозяин, будучи крайне взволнован, заявил, что это все старуха наговорила, а он готов во всем нам помогать и т.д. Мне с трудом удалось их успокоить и на этом исчерпать инцидент.

Другой пример. Однажды, проезжая на машине мимо хутора, мы заметили большой сад и обилие яблок. Я как большой любитель яблок попросил Ивана Петровича Стрельцова, моего постоянного адъютанта, зайти к хозяину и попросить продать нам немного яблок. Стрельцов отправился к дому, а мы остались на дороге, выйдя из машины. Через несколько минут возвращается мой посланец и говорит: «Ничего не получается. По-русски он не понимает, показываю на яблоки, а он машет рукой, и закрыл дверь». «Пойдем тогда вместе», - говорю я. Приходим к дому, постучали в дверь. Выходит хозяин, зло смотрит на нас и молчит. Я поприветствовал его по-литовски, но он, видимо подумал, что это весь мой словарный запас и недоверчиво ответил на приветствие. Но, когда я заговорил более обстоятельно, хозяин был «сражен». Он схватил мою руку и начал трясти в приветствии, приговаривая: «Откуда Вас Бог послал?», «Кто вы такой, откуда?» и т.п. Мы тут же были приглашены в дом, представлены хозяйке и их детям (2 сына и дочь лет 14-16). Была подана команда готовить ужин, так как солнце уже клонилось к западу. Все мои попытки отказаться от ужина не привели к успеху. Пришлось согласиться. Ужин был отличный.

Когда мы ужинали, хозяин насыпал нам полную машину яблок и взял с меня слово, что мы к нему непременно еще приедем. Из разговоров я понял, что они радуются приходу наших войск, но о будущем не имеют никакого представления, голова забита различными домыслами и слухами. С военными говорить не могут, так как не знают русского языка, никаких представителей литовских властей не было, газет также нет. Живут в полном неведении, поэтому ждут неприятностей отовсюду. И действительно их понять можно было. С Казисом Жемайтисом, так звали моего нового знакомого, мне в последствии довелось встречаться много раз. Несмотря на то, что его хозяйство было выше среднего, к Советской власти он был настроен весьма положительно и оказывал нам активную помощь. Полагаю, что наше знакомство оказало на него положительное влияние.

В Литовской ССР за время передышки наших войск жизнь постепенно налаживалась, формировались местные партийные, советские и административные органы. Упорядочивалась экономическая жизнь в городах, восстанавливались промышленные предприятия. Однако отдыху скоро пришел конец.

3-му Белорусскому фронту предстояло решать чрезвычайно важную задачу - разгромить одну из крупных группировок противника, группу войск «Центр». Ликвидировать гнездо «реакционного пруссачества», выйти к морю и овладеть Восточной Пруссией с важнейшими военно-морскими портами - Кенигсбергом и Пиллау.

Не вдаваясь в подробности разбора этой операции, скажу только, что по своим масштабам она была одной из самых крупных операций, проведенных в период Великой Отечественной войны. К этому

следует добавить, что Восточно-Прусская операция 3-м Белорусским фронтом проводилась во взаимодействии с другими фронтами - 1-м Прибалтийским и 2-м Белорусским.

Подготовка фронтов к наступлению проводилась в течение полутора месяцев. В этот период времени осуществлялась перегруппировка войск, пополнение личным составом, вооружением, боеприпасами и продовольствием. Для достижения внезапности наступления сосредоточение и передвижение войск производилось ночью и в пасмурную погоду с применением различных способов маскировки. Кроме этого, в этот период проводилась активная разведка противника, его сил и средств.

Накануне нового, 1945 года весь оперсостав Особого отдела собрался у меня в доме на совещание. Обсудили все вопросы, а затем организовали встречу Нового года.

Почти все произнесенные тосты сводились к одному - скорейшему разгрому врага. Настроение у всех было приподнятое, так как все мы знали о предстоящем сокрушительном наступлении наших войск. И вдруг... в самый разгар нашего пира раздается оглушительный разрыв авиабомбы, которая упала в 50-60 метрах от нашего дома. Дом зашатался, стол опрокинулся, свет погас. Нас разбросало во все стороны. Многие получили ушибы разной степени. К счастью, тяжелых ранений никто не получил. Праздничное настроение было несколько испорчено, но это добавило еще ненависти к злейшим врагам.

13 января началась долгожданная операция, теперь уже на территории противника.

Немецкие милитаристы превратили Восточную Пруссию в важнейший стратегический плацдарм для нападения на Россию и Польшу. Еще в XIII-XV вв. «псы-рыцари» Тевтонского ордена совершали отсюда разбойничьи походы против славянских и прибалтийских народов.

В период первой мировой войны с этого плацдарма немецкая армия начала наступление на Польшу, а в 1918 году оккупировала Прибалтику. Прусские юнкеры вместе с промышленными и финансовыми магнатами помогли Гитлеру захватить власть и начали подготовку ко второй мировой войне.

В 1941 году с того же плацдарма началось вторжение немецко-фашистской группы армии «Север» и части сил группы «Центр» в Советский Союз.

На территории Восточной Пруссии в районе г. Раценбурга располагалась ставка гитлеровского верховного командования «Вульфшанце» («Волчье Логово»).

Восточная Пруссия была важным военно-промышленным районом Германии, крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции.

Германское командование стремилось превратить Восточную Пруссию в неприступную крепость. Еще задолго до войны гитлеровцы создали здесь мощную глубоко эшелонированную систему долговременных укреплений. Все хутора, замки, жилые дома были приспособлены для обороны. Глубина оборонительных сооружений достигала 150-200 км. Восточно-Прусская группировка войск насчитывала около 800 тысяч солдат и офицеров, 8200 орудий, 700 танков, 515 самолетов. Фашистская авиация, имея много хорошо оборудованных аэродромов, проявляла большую активность в период подготовки советских войск к операции, совершала налеты на многие наши объекты.

Наконец настал тот долгожданный день. И грянул бой, жестокий и бескомпромиссный. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление, порою предпринимали контратаки, борьба носила ожесточенный характер.

За первые два дня войска продвинулись на 5-6 км, тогда немецкое командование ввело в бой свои главные резервы: моторизованную дивизию «Великая Германия», дивизии тяжелых танков типа «Тигр» и многое другое, но, несмотря на это, советские воины проявляли мужество и отвагу, занимали один опорный пункт за другим. За шесть дней наступательных боев войска продвинулись на 50 - 60 км.

Вот она - Восточная Пруссия. После разрушенных и бедных населенных пунктов Белоруссии и Литвы территория ее даже при наличии серьезных следов только что прокатившихся боев выглядела во всем внушительно, здесь всюду наблюдались богатство и достаток.

Населенные пункты представляли собой небольшие городки или точнее помещичьи усадьбы и состояли, как правило, из большого дома помещика, окруженного садами и декоративными деревьями, многочисленных хозяйственных построек и поселка для рабочих.

Все было сделано капитально, расчетливо, красиво. В домах была хорошая мебель, изящная посуда, гобелены и ковры, радиоприемники и радиолы, музыкальные инструменты (в основном пианино). Чувствовалось, что все это создавалось не своими руками, а награблено за счет эксплуатации других народов. Обилие прекрасных дорог с твердым покрытием позволяло проехать практически всюду, к любому населенному пункту, отдельно стоящему дому в любом направлении. Домашние животные и птицы отличались чистопородностью и отличной упитанностью. Вся природа носила на себе печать хорошего ухода и рачительного хозяйствования. И все это было теперь брошено. Немецкие власти угоняли в глубь своей страны не только немцев, но и всех насильно согнанных на каторжные работы в Германию советских людей.

Вокруг все опустело. По полям металась стада коров и табуны лошадей, стаи кур, уток и гусей. У наших хозяйственников появились новые заботы. Вот уж поистине «посеешь ветер, пожнешь бурю». Теперь фашистская Германия в полной мере пожинала эту бурю. Как долго пришлось нам ждать этого счастливого момента, как много тяжелых дорог нужно было пройти до этого решающего рубежа. Но, несмотря на все пережитые трудности, наши воины были неустрашимы и буквально рвались в бой за окончательную Победу. Это, пожалуй, был тот момент, когда военное искусство генералов и офицеров, военных контрразведчиков, боевая выучка, помноженная на храбрость и мужество солдат и сержантов, достигли своего апогея. И ни у кого не было ни малейшего сомнения в том, что окончательная Победа очень близка. Мы понимали, что враг опасный, коварный, опытный, способный на самые подлые поступки, поэтому постоянно напоминали всему личному составу войск о необходимости быть бдительными, внимательными и чрезвычайно осторожными. Всех оперативных работников мы обязывали разъяснить это во всех частях и подразделениях.

Кведнау. Снайпер-нацист

Надо сказать, фактов, свидетельствующих о коварных происках фашистов, было уже предостаточно. Много встречалось «мин- сюрпризов», которые закладывались немцами в оставленных домах, домашнем имуществе, радиоприемниках, коврах, посуде и т.п. И неосторожное прикосновение к ним приводило к печальным последствиям. Нередко оказывались отравленными вода, продукты питания, спиртные напитки. Устраивались скрытые хорошо замаскированные гнезда, откуда снайперы убивали, как правило, наш командный состав. Не уберется от неприятностей и наш Особый отдел, хотя все оперативные работники были достаточно опытными в борьбе с немецкими спецслужбами.

Произошло это в самом начале апреля 1945 года. Тогда войска 3-го Белорусского фронта активно готовились к штурму Кенигсберга. Особый отдел располагался в 12 км от Кенигсберга, в местечке Кведнау. Ранним утром, когда солнышко начинало приятно пригревать, а в воздухе чувствовалась весна,

чекисты вверенного мне отдела после завтрака решили покурить на солнышке, человек 6 или 8 удобно расселись около дома на скамеечках и наслаждались природой. Вдруг один из них, капитан Геривенко Иван Петрович, упал на землю, и кровь ручьем брызнула из его головы. Оказалось, что снайпер с чердака дома, находившегося в 300-400 метрах, из винтовки с оптическим прицелом угодил в лоб Ивана Петровича. К счастью, пуля прошла под определенным углом и, пробив лобовую кость и не задев мозгового вещества, вышла. В бессознательном состоянии доставили Геривенко в медсанбат, а сами всем составом отдела и взвода охраны начали поиски преступника.

Спустя часа два нам удалось захватить немца, лет 25, переодетого в гражданскую одежду, на двух костылях и без одной ноги (до коленного сустава). Он оборудовал огневую точку на чердаке полуразрушенного 5-этажного дома, где были заложены продукты питания и боеприпасы, винтовка снабжена оптическим прицелом. На допросе немец сразу же признался в том, что он стрелял в советских воинов по меньшей мере 10-12 раз, накануне вечером и сегодня утром. На вопрос, кто ему поручил совершать террористические акты в тылу наших войск, он, не задумываясь, ответил, что это делал по собственному убеждению, так как ненавидит русских и всю свою жизнь посвятит только борьбе с ними. Но мы не позволили ему продолжать это злодейское дело.

Так, Иван Петрович Геривенко, пройдя почти всю войну, буквально за месяц до Победы «выбыл из игры», и отправился в глубокий тыл, в Москву, на излечение. Спустя 4 месяца он вышел из госпиталя и ныне проживает и работает в Москве с боевой отметиной на лбу.

Штурм Кенигсберга и Пиллау

6 апреля начался ключевой этап операции «Бастион» - штурм Кенигсберга.

В военной литературе эта операция многократно и обстоятельно описана, поэтому мне нет необходимости пытаться повторять написанное. Однако, как очевидец этой операции, не могу не сказать о ней несколько слов. За все время войны мне не приходилось видеть ничего подобного. Сначала по Кенигсбергу открыли огонь артиллерия. Несколько часов над городом стоял непрерывный гул, подобно сильнейшему летнему грому. Все вокруг было окутано дымом и пламенем.

Затем непрерывными волнами шли наши бомбардировщики и штурмовики, обрушивая огневые и бомбовые удары на город. Земля буквально содрогалась после каждого удара, хотя мы находились примерно в 2-3 километрах, но все это очень сильно ощущали.

За первый день штурма наша авиация совершила 4758 самолето-вылетов, сбросив огромное количество бомб на город и его крепостные сооружения.

Под прикрытием авиации и артиллерии советская пехота и танки продвигались к центру Кенигсберга, отбивая яростное сопротивление противника. Бои не прекращались ни днем, ни ночью.

Кульминационным моментом был день 8-го апреля. В этот день наша авиация нанесла такой мощный удар по городу, что от него мало что осталось. Было совершено более 6 тысяч самолето-вылетов. Весь город был в огне. 9-го апреля немецкие войска в Кенигсбергской крепости капитулировали. Так пала одна из главных цитаделей реакционного пруссачества.

9-го апреля советские войска очищали город от разрозненных группировок немецких войск, не желавших сдаваться.

В этот день мы с начальником войск охраны тыла 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Любым Иваном Семеновичем прибыли на двух машинах в Кенигсберг, так как получили данные о неблагополучии в городе.

Город был еще объят пламенем, догорали дома, склады и другие сооружения. На улицах продолжалась беспорядочная перестрелка. Наряду с этим отдельные военнослужащие тащили трофеи, пили спиртные напитки. Видно наступила разрядка после ужасных боев.

Пока мы пытались наводить порядок с помощью введенного полка пограничников, обстановка так изменилась, что мы оказались в огненном кольце, выехать из которого было невозможно. Несколько часов мы провели в огненном мешке, пока нас не вызволили подоспевшие наши войска.

При штурме Кенигсберга было уничтожено около 42 тыс. немецких солдат и офицеров и 92 тысячи взято в плен, захвачено огромное количество военных трофеев.

В ознаменование победы, одержанной под Кенигсбергом, президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кенигсберга», которой были награждены все участники боев за столицу Восточной Пруссии, в том числе и автор этих строк.

13 апреля наступление наших войск было продолжено, теперь уже в направлении крупного порта на Земландском полуострове Пиллау. До 26 апреля наши войска полностью очистили Земландский полуостров и тем самым завершили полный разгром немецких войск в Восточной Пруссии. На этом для фронта по существу, закончилась война. Земландский полуостров от Кенигсберга до Пиллау был усеян трупами немецких солдат и искореженной военной техникой. Такого зрелища мне не доводилось видеть за всю войну.

Победа!

Теперь все наше внимание было переключено к событиям вокруг Берлина. Мы с нетерпением ждали конца войны, который мог наступить только после взятия немецкой столицы.

И вот поздно ночью 2-го мая мы узнали, что Берлин взят, началось ликование солдат и офицеров, возникла стихийная стрельба из всех видов оружия, но пока никаких сообщений об окончательной Победе не было. Такое сообщение появилось лишь 8-го мая. И вновь салют Победы был неуправляем. Стреляли все из пушек и пулеметов, автоматов и пистолетов. Так продолжалось всю ночь с 8-го на 9-е мая.

В эту ночь в моей штаб-квартире собрались все оперативные работники отдела. Был «грандиозный ужин», пили за Победу, за будущую жизнь, за счастье, за встречу с близкими и родными. Но счастье было так велико, что мы не пьянели, точнее мы были пьяными от счастья, что дожили до Победы, пройдя суровые, долгие дни войны.

В эту ночь вспомнили все: и горе от потери друзей, и радость успехов и побед. Забыв о служебных отношениях, мы обнимались, выражая свои чувства уважения друг к другу, а некоторые плакали, не выдержав нахлынувших чувств от переживаемых событий. Каждый из нас тогда мечтал скорее вернуться с Победой домой, увидеть своих, отогреть зачерствевшую душу, приобщиться к мирной жизни и труду.

Я также не был исключением, и полагал, что уж кому-кому, а фронтовикам-то дадут хотя бы отпуск. Но все обернулось совсем не так, как нам казалось. Вот уж поистине «человек предполагает, а Бог располагает».

Последний аккорд войны

Вскоре наш отдел перебрався на новое место дислокации в Кенигсберг, где мы заняли ряд небольших (2-этажных) домиков на северной окраине города. В одном из них, на втором этаже, поселился я, а внизу группа солдат охраны и командир взвода Иван Петрович Стрельцов.

В первые мирные дни у нас установился такой порядок. Начальник войск генерал-лейтенант И.С. Любый, заместитель начальника войск по политчасти полковник В.В. Николаев, начальник штаба полковник К. А. Греков и я давали поочередно обед в своих апартаментах. Первый обед дал начальник войск Любый. Второй почему-то пал на меня. Интересно отметить, что тогда все были достаточно молоды и на досуге шалили, как дети. Мой боевой адъютант Иван Петрович, зная, что я в юные годы увлекался спортом, как-то подарил мне две пары трофейных боксерских перчаток. И вот, собравшись у меня, эти ответственные офицеры и генерал устроили настоящий турнир по боксу. Хорошо, что я вовремя остановил, а то дело дошло бы до настоящей драки. Закончив трапезу в моих апартаментах, мы решили пройти по одному гарнизону наших войск, что находился примерно в 2-3 км от дома.

Когда мы ушли, солдаты охраны, находившиеся в доме, тоже пошли ужинать на кухню, оставив в доме одного дежурного. И вдруг... наш дом взорвался, обвалилась большая часть верхнего этажа. Моей квартиры как и не было. Попытка Ивана Петровича Стрельцова обнаружить в развалинах мои вещички - успеха не имела. Пришлось мне переезжать на новую квартиру и срочно заказывать обмундирование. Таким для меня был последний «аккорд» войны.

Глава 6. Схватка с "Лесными братьями"

Снова в Литве. Борьба с националистическим подпольем

В конце мая меня вызвали в Москву для переговоров. С каким удовольствием летел я в туда - передать трудно, это необходимо прочувствовать. Пройти всю войну и остаться в живых - это великое дело. В душе у меня теплилась надежда, что мое руководство скажет примерно следующее: «Так вот товарищ Гуськов, Вы достаточно навоевались, пора вам и домой, мы подобрали должность в Москве, как ваше мнение?» Я естественно отвечаю: «Спасибо большое за заботу, я согласен, постараюсь оправдать доверие». Но этому не суждено было сбыться.

Мне была поставлена задача: отправиться снова в Литву, в Паневежиский уезд, и там возглавить борьбу с бандитизмом. Оперативному сектору, который я возглавил, придавались войска охраны тыла 3-го Белорусского фронта, состоящие в основном из пограничных отрядов. Таким образом, все руководство войск было то же, что и на 3-м Белорусском фронте.

Надо сказать, что для войск эта задача была пожалуй сложнее, чем участие в боевых операциях на фронте. На фронте ты знаешь, а порою и видишь перед собой противника, поэтому, сообразуясь с условиями местности и оперативной обстановкой,

принимаяешь необходимое решение. Другое дело на фронте борьбы с бандитским подпольем. Здесь почти нет известных элементов, т.е. по существу уравнение со многими неизвестными. Можно прочесать определенную местность и не встретить ни одного бандита, но там, где ты не ожидаешь, они появляются. Бандиты растворялись среди местных жителей, а хуторная система поселения в Литве позволяла им выбирать самые разнообразные способы маскировки. Бывало, смотришь, как

«трудолюбивый» крестьянин пашет землю на сухопарой лошаденке и в душе посочувствуешь его нелегкой судьбе, но стоит «зазеваться», и этот «трудолюбивый» крестьянин выхватит винтовку из борозды и пошлет тебе пулю в спину, продолжая пахать землю.

Штаб бандитского подполья был глубоко законспирирован, и найти к нему подходы было чрезвычайно трудно.

Первое время мы больше проводили войсковые операции, рассчитанные на захват бандитов, совершивших преступные акты против мероприятий Советской власти и партийно-советского актива в республике. Это делалось в расчете на то, чтобы показать бандитам, что здесь есть сила, которая способна привести их в чувство. С другой стороны, надо было вселить уверенность в актив республики. Конечно, бандиты и их пособники легко уходили из наших «сетей» (физическое прочесывание местности), которые мы закидывали на лесные массивы и другие места вероятного их базирования. Это был явно неудачный дебют. Отчетливо понимая это, мы стали серьезно готовиться к проникновению в руководство бандитского подполья оперативным путем. Но в составе оперативной группы, насчитывающей около 30 чекистов, было только 4-5 человек литовцев, трое из которых были начинающими оперативными работниками, и серьезных мероприятий самостоятельно проводить не могли.

Тем не менее, преодолевая трудности, мы накапливали необходимые данные о силах и средствах бандподполья, о конкретных участниках, пособниках, а главное о главарях.

Банда Пранаса Шилейкиса

В контакте с местными органами НКГБ Паневежского уезда нам удалось установить, что одну из банд в уезде возглавляет некто Шилейкис Пранас. В связи с этим мы занялись внимательным изучением его родословной. В процессе изучения было установлено: отец Шилейкиса, в прошлом крупный чиновник финансового ведомства, в 1919 году эмигрировал из Литвы в Англию. Вместе с ним выехала жена и двое детей - сын Владас, 1915 года рождения, и дочь Айна, 1913 года рождения. Третий их ребенок - Шилейкис Пранас, 1911 года рождения, был оставлен у брата, который владел хутором. Причиной этому послужил несчастный случай. Накануне отъезда Пранас сломал себе ногу, и родители вынуждены были так поступить. Далее, было известно, что семья Шилейкиса проживала в Ливерпуле. В 1930 году отец умер, и мать устроилась работать швеей на фабрике. В 1932 году сестра Айна вышла замуж за англичанина и вскоре выехала с ним в США.

Первоначально переписка между родителями и Пранасом велась систематически, присылались семейные фотографии, но после смерти отца письма приходили крайне редко, так как мать была малограмотной, и письма писал Владас, который учился в английской школе и литовский литературный язык тоже знал слабо.

В письмах, относящихся к 1939 году, Владас сообщал своему брату и дяде, что служит в Военно-Морском Флоте Англии и является младшим офицером. Это было последнее письмо, которое проследовало по каналам почтовой связи.

Пранас Шилейкис не испытывал особого тяготения к своим родителям. Дело в том, что у дяди были две дочери, которые вышли замуж, и Пранас по существу был единственным наследником весьма зажиточного хозяйства. Пранас был женат, его жена происходила из богатой семьи, была очень набожной, суеверной, детей не имела. Ввиду того, что дядя часто болел, хозяйством по существу занимались Пранас с женой и тетка, жена дяди.

Мы установили, что Пранас после окончания войны дома не бывает, скрывается в лесу, но связь с женою поддерживает через сложную систему связных, однако конкретных данных о них в нашем распоряжении не было.

Проведенное наблюдение в течение недели каких-либо важных данных не дало. Тем не менее было установлено, что на хутор за это время заходили соседи, родственники жены Пранаса (мать и сестра), привозили к больному дяде доктора из Паневежиса.

Не имея возможности длительное время заниматься изучением Пранаса и его связей, мы разработали комбинацию, которая позволила бы встретиться братьям - Пранасу и Владасу, якобы прибывшему из Англии. Для этой цели написали письмо от Владаса к Пранасу. При написании были использованы копии писем Владаса, относящиеся к 1939 году, следовательно почерк и стиль изложения полностью совпадали с прежними письмами. Содержание этого письма было следующим:

«Дорогой брат Пранас! Давно не имею от тебя никаких известий. Как ты живешь? Как твоя семья? Как живут дядя и тетя? В настоящее время я нахожусь в Москве, возможно буду в Вильнюсе. Срок моей командировки один месяц. Очень хотел бы повидать тебя, побывать в родном доме, подышать воздухом милого края. Прошу через подателя моего письма безотлагательно сообщить - возможно ли это? А может быть приедешь в Москву?

С нетерпением жду ответа. Твой брат Владас. Июль 1945 года».

Один из работников опергруппы - Адамайтис, литовец по национальности, хорошо знавший данную местность, был определен в качестве посыльного, который должен был вручить письмо кому-либо из родственников Пранаса. С наступлением темноты он подъехал на грузовой машине и, незаметно пройдя на хутор, встретил жену Пранаса. Отрекомендовался ей как дальний родственник Шилейкиса и передал ей письмо от его брата. Она взяла письмо неохотно, в разговор не вступала, и на вопрос, где в настоящее время находится Пранас, ответила неопределенно. Тогда Адамайтис сказал, что он должен получить ответ на письмо. «За ответом приходите через 3-4 дня», - сказала жена Пранаса.

С этого момента хутор Шилейкисов снова был взят под наружное наблюдение, но никаких данных о выходе членов семьи за пределы хутора не поступало, и никто из посторонних не посетил их.

Прошло 3 дня, а изменений никаких. Мы уже начали сомневаться в реальности своего плана - встречи с Пранасом. Положение осложнялось еще и тем, что наблюдение за хутором велось из небольшого лесочка, расположенного метрах в 600 от дома Шилейкисов. Приходилось пользоваться постоянно биноклем и стереотрубой. Недалеко проходила проселочная дорога, с которой весь лесочек хорошо просматривался. Поэтому длительное пребывание в лесочке наших сотрудников не могло быть незамеченным.

Во избежание расшифровки мероприятия наружное наблюдение за хутором решили снять с наступлением темноты. И вот, когда старший оперативный уполномоченный майор Данилов прибыл на машине к месту размещения группы наружного наблюдения, чтобы снять их с поста, один из разведчиков доложил, что он наблюдал, как на хутор Шилейкиса прошел какой-то человек, но видимость была плохой и достоверность этих данных вызывала сомнение.

Майор Данилов на основе этой информации принял решение оставить группу разведчиков на месте до следующего дня, а сам прибыл на командный пункт оперативного сектора и доложил мне.

Когда он вернулся в расположение группы наблюдения, рано утром следующего дня, то узнал, что с хутора Шилейкиса на рассвете вышел человек и с мерами предосторожности направился в сторону лесного массива, что находится примерно в 5 км. Два разведчика из состава группы пытались сопровождать его, но вскоре потеряли объект наблюдения из вида и вернулись на базу.

Ввиду неблагоприятных условий наблюдение за хутором было снято.

В обусловленное время наш посланец опять пришел на хутор и встретился с женой Пранаса, которая сказала, что ему нужно прийти на следующий день к часовне, что расположена у шоссе на дороге (Шауляй-Паневежис) в лесу, от 7 до 8 часов утра, где к нему подойдет человек с корзинкой в руках, и, возможно, передаст письмо от Пранаса.

Получив эти данные, мы стали соответственно разрабатывать план своих действий. Прежде всего мы предполагали, что сам Пранас, будучи опытным конспиратором, на встречу с посыльным не выйдет, а пошлет кого-либо из своих приближенных. Исходя из этого предположения, мы ставили узкую задачу - обеспечить наблюдением только место встречи, для чего в удобном месте разместили вооруженную группу оперработников, одетых в гражданскую одежду.

Смертельный риск. У «лесных братьев»

На встречу в обусловленное место, как и предполагалось, явился средних лет человек, который вел себя крайне осторожно, на вопросы отвечал односложно, но сам настойчиво интересовался у посыльного, каким образом Владас оказался в Советском Союзе, где он находится в настоящий момент, чем можете подтвердить, что письмо действительно написано Владасом, какое отношение имеет посыльный к Владасу, как давно его знает.

Ко всем этим вопросам наш посыльный был подготовлен. Разработанная ему легенда сводилась к следующему: он является Казисом Адамайтисом, сыном двоюродного брата дяди Пранаса, проживающего в Вильнюсе и работающего в городском Совете. Это соответствовало действительности, но сам Казис Адамайтис погиб в конце войны, находясь в составе 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, и его документами был снабжен наш посыльный. Как и погибший, по профессии он был шофером. Далее он рассказал, что отец по делам службы был в Москве и в гостинице случайно встретился с английской военной делегацией, в составе которой был Шилейкис Владас. Последний этой встрече был крайне обрадован, написал письмо Пранасу и очень просил передать лично, минуя почтовую связь. Отец, по приезде домой, попросил его съездить на машине в Паневежис и вручить это письмо непосредственно Пранасу. В Паневежисе он остановился в доме родственника, оттуда на попутном транспорте приезжает сюда. При себе у нашего сотрудника были только личные документы Казиса Адамайтиса, водительские права и путевка на поездку из Вильнюса в Паневежис.

Доверенный Пранаса после обстоятельной беседы с нашим сотрудником и внимательного наблюдения за местностью предложил пройти в лес, где можно встретиться с интересующим вас человеком. Отказаться было нельзя. И он отправился в глубь леса.

По радиации группа наблюдения сообщила об этом в штаб, и мне доложили о создавшейся ситуации.

Преследовать в лесу, значит провалить всю комбинацию. И в то же время было опасение, что наш сотрудник не справится со своей ролью, бандиты заподозрят в нем сотрудника органов НКГБ, и, несомненно, учинят расправу над ним.

Иду на риск и принимаю решение: засаде, не обнаруживая себя, оставаться на месте до возвращения Казиса.

Проходят томительные часы ожидания, а Казиса все нет. Уже день на исходе, все нервничают в нашем штабе, ждут от меня каких-то решительных действий, а я молчу. Наконец, мой заместитель Владимир Алексеевич Суховилин не выдерживает, приходит ко мне в кабинет и говорит: «Анатолий Михайлович! А ведь нам не простят такого бездействия, если что-нибудь случится с Адамайтисом» «И что же Вы предлагаете?» - спрашиваю я. «Я считаю, что наш план провалился...». Не успел он закончить свою мысль, как вбежал в кабинет дежурный офицер и доложил: «Товарищ начальник! Адамайтис вышел на дорогу в сопровождении двух неизвестных, которые тут же вернулись в лес. Группа разведчиков продолжает вести за ним наблюдение. Каковы будут Ваши указания?». «Разведке сопровождать Адамайтиса до прихода его в наш штаб».

Я облегченно вздохнул и, смеясь, сказал своему заместителю: «Тебе надо было бы прийти пораньше, а теперь организуй лучше ужин, а то я сегодня не обедал».

Примерно через полтора часа Адамайтис сидел у меня в кабинете, чрезвычайно уставший, но по лицу было видно, что он доволен собой. На мой вопрос: «Как дела?» он ответил: «Вискас тваркой», что означает: «Все в порядке». Затем со всеми подробностями рассказал, как он вместе с представителем Пранаса пришел в глухой лес, причем по дороге к ним присоединялись все новые и новые лица. Когда подошли к землянке, в которой состоялась встреча с Пранасом, их сопровождали уже пять человек, у которых просматривалось замаскированное оружие. В пути следования никаких разговоров не велось, не называлось ни одного имени. Затем сопровождавший его человек ввел в землянку, закрыл дверь и сказал, что здесь придется подождать, пока придет интересующий вас человек.

Спустя два часа пришел Пранас, которого он сразу узнал, так как хорошо изучил его фотографии. После приветствия Пранас не медля перешел к деловому разговору. Он тщательно расспрашивал, где я живу, кем работаю, где находился во время оккупации Литвы немцами, кем работает мой отец, как часто бывает в Москве.

По всей вероятности ответы нашего сотрудника были достаточно убедительными, а документы, которые были тщательно проверены, не вызвали сомнения. Только после этого Пранас стал подробно расспрашивать о Владасе, но Адамайтис мог о нем сказать только то, что ему сказал отец, не преминув при этом отметить, что Владас является офицером военно-морского флота Великобритании (об этом Пранасу было известно из писем Владаса довоенного времени), и, как показалось Адамайтису, это обстоятельство

явилось весомым доказательством правдивости сообщенных сведений о Владасе.

Затем Пранас как бы между прочим спросил: «А куда же может приехать Владас, прямо на хутор?». Адамайтис правильно оценил этот вопрос как возможную проверку и ответил, что ему об этом ничего неизвестно. «Сами решайте, где и когда Вам встретиться, мое дело выполнить поручение отца». Пранас долго сидел молча, напряженно думая, шевеля губами, как бы разговаривая о чем-то своем с невидимым собеседником. Затем вдруг встал, вытянулся во весь свой довольно высокий рост и, обращаясь к Адамайтису, спросил: «А Вы могли бы привезти сюда моего брата, если бы он приехал в Вильнюс?». Адамайтис уклончиво ответил, что, конечно, привезти бы мог, но на дорогах часто

встречаются милицейские патрули и поэтому нужны соответствующие документы. «Что касается меня, то я иногда приезжаю в Паневежис и знаю, как оформляются путевые листы. Мне это сделать очень просто. Что же касается вашего брата, то я не знаю, как разрешают поездки иностранцам. Об этом надо спросить у отца».

После этого разговора Пранас решительно сел за грубо сколоченный из нетесанных досок стол и начал что-то быстро писать. Писал он долго, обдумывая каждое слово, зачеркивал, снова писал, потом вдруг комкал бумагу и прятал в карманы. И начинал писать вновь на чистом листе.

Наконец две записки были написаны. Обращаясь к Адамайтису, он сказал: «Записка № 1 предназначена твоему отцу, а записка № 2 должна быть передана с надежной оказией моему брату Владасу». Затем Пранас подошел близко к Адамайтису и негромко сказал, что все известное Вам и вашему отцу будет храниться, как святая тайна. На это Адамайтис ответил, что если есть хоть малейшее основание не доверять, доверять не следует. Пранас обнял Адамайтиса за плечи и сказал: «Ведь ты же мой троюродный, а это ведь что-то значит. Наша встреча приведет нас к большой дружбе. Надеюсь, что ты мой брат и по духу?». Адамайтис под-твердил. «Ну, а теперь давай закусим на дорогу». Пранас вытащил из сумки хлеб, сало, лук и немного соли. Отрезав кусок хлеба и взяв его в правую руку, он предложил Адамайтису отломить половину куска и съесть. Когда мы разломили кусок хлеба, Пранас сказал: «Если мы едим один кусок хлеба, значит это будет клятвой на хлебе». Закончив трапезу, Пранас предложил Адамайтису собираться в обратный путь, предупредив, что его будут сопровождать «лесные братья». После этого подошел тот же человек, что встретил Адамайтиса у часовни с корзиной для грибов, и повел в обратный путь, как ему показалось, совсем другой дорогой. Поэтому определить точно место встречи на карте Адамайтис в последствии не смог.

Содержание писем, отправленных Пранасом, было следующим.

Письмо № 1 - отцу Адамайтиса Микеносу:

«Многоуважаемый дядя Микенос!

Вы мне доставили большую радость, прислав письмо от родного брата Владаса. Я очень взволнован этим событием, но никак не могу понять - может ли Владас приехать в Литву и как скоро это будет? Если Владас говорил Вам что-либо об этом, очень прошу сообщить мне. Маленькую записку я написал Владасу, и если у Вас будет возможность ее передать, буду бесконечно Вам признателен.

Заранее благодарю Вас и никогда не забуду проявленной Вами отцовской заботы.

С любовью и уважением к Вам - Пранас».

Письмо № 2 - к брату Владасу:

«Дорогой Владас!

Твое письмо - большая неожиданность. Я так взволнован, что не могу сообразить, как все происходит. Можешь ли ты приехать домой или в Вильнюс, и когда это возможно? Я просил дядю Микеносу передать тебе письмо, и, может быть, Бог даст, получить от тебя ответ. Обнимаю тебя, дорогой Владас, с нетерпением жду ответа. Пранас».

Бесстрашный «Владас». В роли британского офицера

Пока мы осуществляли эти мероприятия, несколько ограничили проведение войсковых операций против бандитов, но бандиты, что называется, не дремали. Банда Пранаса совершила налет на селение. Группа вооруженных бандитов в количестве 15-17 человек орудовала на 7-8 хуторах. К счастью, на этот раз никого не убили, ограничившись только грабежом. Забирали в основном продукты питания и ценные вещи.

Но тем не менее, население крепко запугали. Складывавшаяся обстановка вынуждала нас торопиться с проведением мероприятия. Мы прекрасно понимали, что поспешность может обернуться провалом. Поэтому во всех наших действиях чувствовалась нервозность, некоторая неуверенность и тем не менее мы решили форсировать встречу Пранаса с его «братом Владасом». Вот как это происходило.

Через неделю Адамайтис вновь прибыл на хутор Шилейкиса и передал жене короткую записку, в которой сообщалось о времени прибытия Владаса.

На этот раз жена Пранаса встретила Адамайтиса более приветливо, пригласила зайти в дом, накормила и приняла участие в обсуждении дела. Она, в частности, сказала, что Пранас будет знать о приезде Владаса, но домой не придет. Однако в любом случае сообщит, где состоится встреча.

На вопрос Адамайтиса: «Куда же привозить Владаса, на хутор или к часовне?» она ответила определенно и продолжила: «К вам сначала выйдет человек, с которым вы уже встречались, и проведет к Пранасу».

Таким образом, из ответа можно было сделать вывод, что жена Пранаса в достаточной степени осведомлена о преступной деятельности мужа, с другой стороны, в лице Адамайтиса они видели своего сторонника, что нас вполне устраивало.

Дело прошлое, но наша операция приобрела весьма острый характер. Я отчетливо представлял, что возможно придется мне побывать в роли «Владаса» в логове бандитов, а с ними шутки плохи, в случае малейших подозрений расправятся в два счета. Но коль заварили кашу, надо было расхлебывать до конца.

Накануне встречи с Пранасом «Владас» (то есть я) не сомкнул глаз, волнение было велико и по той причине, что в случае неудачи нас бы обвинили не только за недостаточно продуманное действие, но и за то, что эту операцию мы проводили без согласования с Центром.

Всю ночь я мысленно отработывал линию поведения и готовил себя к перевоплощению в англичанина. Шаг за шагом старался представить себе картину встречи: подготовить нужные слова, эмоции, показать характер морского офицера, близко связанного с разведывательными органами Англии. Паспорт английского подданного Шилийкиса Владаса с моей фотографией был изготовлен неплохо, была подготовлена и соответствующая экипировка.

В качестве меры предосторожности выставлялась вооруженная группа с радиосвязью, замаскированная неподалеку от места встречи, и две маневренных группы, по батальону в каждой, на автобронемашинах, расположенных в 10-15 километрах от места событий, охватывающих с флангов лес, в котором, по нашим данным, расположилась банда Пранаса.

На грузовой автомашине мы прибыли с Адамайтисом к месту встречи у часовни, машину замаскировали в кустах.

Спустя несколько минут, подошел известный нам «грибник» с полной корзиной грибов и поздоровался. Это был человек среднего роста, крепкого телосложения, с густой каштанового цвета бородой, возраст

которого трудно было определить, но по упругим, легким движениям чувствовалось, что ему не более 30 лет.

К нему подошел Адамайтис, поздоровался за руку и, показывая в мою сторону, сказал: «Это брат Пранаса - Владас, где будет встреча?». Незнакомец сказал, что ему приказано привести туда же, куда и раньше. Адамайтис обратился к «Владасу» и спросил, каково его мнение. «Владас» сказал, что по условиям имеющегося разрешения забираться в глубину леса он не может, это будет нарушением пределов, так как поездка разрешена только на хутор Шилейкиса.

Подумав, «грибник» сказал, что тогда придется подождать в этом лесу два часа. На что мы охотно согласились.

Замаскировавшись в густом кустарнике, мы стали наблюдать и присматриваться, но кроме птичьего концерта, ничего не слышали. Время медленно тянулось, мы непрерывно смотрели на часы, но стрелки как будто не двигались. Два часа нам показались вечностью. Но вот, наконец-то, они прошли, а вокруг никого не видно. У меня появились сомнения, что Пранас не придет на встречу, но набираемся терпения еще ждать.

Спустя несколько минут мы услышали какое-то посвистывание, а через 3-5 минут вышел все тот же «грибник», разыскивающий нас. Адамайтис вышел из кустов и пошел ему навстречу. Они обменялись короткими фразами и разошлись в разные стороны.

Адамайтис подошел ко мне и сказал, что Пранас будет здесь через несколько минут. Минуты перед встречей были особенно напряженными.

И вот как-то внезапно перед нами оказались двое, один известный «грибник», другой высокий, атлетического сложения человек, с темно-русой шевелюрой, чисто выбрит, подтянут и аккуратен в своей простой одежде. Я встал и пошел ему навстречу со словами: «Боже мой, неужели это Пранас?». Он тоже бросился нам навстречу: «Владас! Ты ли это, сколько лет мы не виделись».

Заклучив друг друга в объятия, мы находились в таком состоянии несколько секунд. А затем, освободившись, рассматривали друг друга с ног до головы. Я восклицаю: «Ох, какой ты стал Геркулес! Ну, а как твоя сломанная нога?». В ответ он говорит: «Нога в порядке, ты тоже вырос, ростом не меньше меня». Так мы несколько минут обменивались нахлынувшими впечатлениями и старались это проявить жестами, рукопожатиями, прикосновениями. Он похвалил меня, что я не забыл свой родной язык, что я настоящий литовец. Затем, попросив наших спутников оставить нас наедине, мы перешли к разговору более откровенному. Пранас рассказал, что он находится на нелегальном положении и ведет борьбу с ненавистной Советской властью. Дома он бывает редко и только ночью, остальное время скрывается в лесу, где у него и его друзей создана неплохая база, но пока они испытывают недостаток в хорошем оружии и боеприпасах.

На мой вопрос: «Насколько перспективна такая борьба?». - Пранас ответил, - «Пока это только начало, но мы не сомневаемся, что нас впоследствии поддержат многие люди. Мы также надеемся, что помощь нам придет из-за рубежа». Я тут же спросил: «А какая имеется связь с иностранными государствами?». Пранас сказал, что пока такой связи нет, но они пытаются ее наладить. «А может быть, и ты нам поможешь?». Я ответил, что имею некоторое отношение к лицам, которые могут положительно отозваться на ваши нужды, но мне надо хотя бы ориентировочно знать ваши силы и в чем вы нуждаетесь. Пранас, не задумываясь, ответил, что в настоящее время у них 24 активных бойца, да

помощников столько же, а там еще кандидаты и колеблющиеся, которые примкнут к ним, как только увидят их успехи. «Короче говоря, мне хотелось бы сейчас снарядить оружием, патронами и всем необходимым провиантом сотню человек».

На мой вопрос: «Где же вы проживаете, прямо в лесу?»- он ответил, что в лесу, но только они соорудили такие укрытия, что их не так просто обнаружить. В близлежащих лесах у нас шесть таких укрытий, в каждом из которых могут размещаться по 10-12 человек. Может быть, посмотришь одно из самых ближайших, оно отсюда в четырех километрах. После некоторого колебания «Владас» соглашается, и мы отправляемся по тропинкам густого леса. Разговор в это время велся семейного порядка. Сначала Пранас рассказывал о своей жизни, в том числе во время немецкой оккупации, как сотрудничал с немецкими карательными органами, помогая вылавливать партизан и выступавших против немцев местных жителей. «Владасу» хотелось в этот момент прикончить подлеца, но приходилось улыбаться в знак «солидарности».

«Владас», в свою очередь, рассказал о жизни в Великобритании, о службе в Военно-морском флоте, о своих родных.

Но вот и цель нашего похода.

Мы подошли к группе больших сосен и елей, вокруг которых были заросли невысокого кустарника. Обращаясь ко мне, Пранас спрашивает: «Ты замечаешь здесь какие-либо сооружения?». Осмотревшись вокруг, говорю, что ничего не замечаю. Тогда Пранас поднял деревянный настил, покрытый дерном, и передо мной открылся лаз с деревянной лестницей, уходящей вниз на большую глубину.

Пранас ловко спустился вниз и пригасил последовать за ним «Владаса», что он и сделал. Примерно на глубине четырех метров мы оказались в землянке, стены и потолок которой были выложены толстыми досками. Горел электрический свет от автомобильного аккумулятора, и два молодых человека на столе чистили оружие винтовки. По трем стенам были нары, у четвертой — стол и две скамейки.

В помещении пахло сыростью, но было довольно опрятно. На нарах лежало несколько ватных матрасов и солдатские одеяла. В одном из углов потолка виднелась труба в шесть дюймов, которая, как потом я убедился, очень искусно была замаскирована на поверхности земли среди кустарника и обеспечивала подачу свежего воздуха.

Пранас знаком дал понять находившимся в землянке молодым людям подняться наверх, что они немедленно выполнили. Оставшись наедине, «братья» поговорили несколько минут о семейных делах, а затем «Владас» высказал беспокойство по поводу нарушения установленного маршрута поездки, попросил конкретно договориться о главном.

Пранас еще раз повторил, что он хотел бы установить связь с каким-либо западным государством, которое могло оказать помощь оружием, боеприпасами, ну и, конечно, деньгами из расчета личного состава нашего отряда. Помимо этого, хотели бы наладить деловые связи с другими отрядами «лесных братьев».

Немного подумав, «Владас» сказал, что он готов принять меры по оказанию помощи через соответствующих лиц в посольстве Англии. Но так как сам сюда приехать больше не может, то надо бы найти надежного посредника для связи.

«Мне кажется, - продолжал далее «Владас», - для этой цели подошел бы Адамайтис. Как твое мнение о нем?». Пранас подтвердил, что этот человек производит хорошее впечатление и на него можно положиться. «В таком случае, - сказал «Владас, - я хотел бы, чтобы ты лично поддерживал с ним связь, так как дело будет касаться представителя посольства Великобритании, следовательно, во избежание каких-либо неприятностей поручать другим лицам такие контакты нельзя». Пранас охотно согласился. «Владас», прикинув в уме какие-то расчеты, произнося вслух английские слова, сказал: «Если через неделю Адамайтис приедет сюда с конкретными советами, ты можешь его встретить?». «Да, безусловно», сказал Пранас. «Тогда условились. Наконец, у меня еще такой вопрос. Целесообразно ли мне сейчас ехать на хутор? Не вызовет ли это подозрение у властей?» Он ответил: «По-моему, тебе не следует ехать, Я не исключаю, что за нашим хутором следят чекисты». Это согласие было так необходимо «Владасу», и он начал торопиться с возвращением. На предложение Пранаса пообедать в лесу он отказался, и попросил проводить его к машине. На обратном пути братьев сопровождали двое вооруженных автоматами. Не доходя до часовни, братья крепко расцеловались и разошлись в разные стороны, высказав взаимные надежды на скорую встречу.

Ликвидация банды Пранаса

Владимир Алексеевич Суховилин (мой заместитель) встретил меня на улице, и откровенно заявил: «Слава Богу, что вернулся живым, а то я переволновался, думая, что уж больше не увидимся».

Отдохнув малость от пережитого, на следующий день снова взялись за это дело, чтобы довести его до логического завершения. Обсудив полученные данные и складывающиеся возможности, решили: Пранаса арестовать при встрече с Адамайтисом, а охранников Пранаса окружить в лесу, взять живыми или уничтожить в случае сопротивления, для чего наметили план выставления засады и окружения.

В назначенный день встреча Адамайтиса с Пранасом произошла как и предполагалось. Адамайтис предложил пройти в укрытие, где ждал «важный человек», прибывший по рекомендации Владаса. В действительности там были три оперативных работника нашего аппарата, которые тут же разоружили Пранаса и надели на него наручники. Это произошло так мгновенно и неожиданно для него, что он не смог оказать сопротивления. После этого прочесали лес и захватили двух охранников, в том числе известного нам «грибника», третий при попытке к бегству был убит.

Итак, банда была обезглавлена, теперь дело оставалось за получением данных на всех остальных участников и проведением операции без потерь. Да, именно без потерь, ибо пройдя войну до Победы, трудно было согласиться терять прекрасных людей, мужественных защитников Родины из-за безумства кучки озверелых националистов, ослепленных ненавистью к великой советской стране.

Мы понимали, что теперь все дело за следователями, которые будут работать с арестованными. Пранаса на первый допрос вызвал я. Увидев меня, он заскрежетал зубами, и сказал: «Какой же я был дурак, что поверил всей этой комедии. Как я ненавижу себя за такую глупость». Я сказал ему: «Пранас, Ваша игра сыграна, возврата к прошлому не будет. Вы и ваши подручные много зла причинили народу. За все это придется держать ответ перед народным судом. Так наберитесь благоразумия, помогите следователю в ликвидации банды без жертв». Напряженная психологическая борьба велась часа три. После этого Пранас как-то обмяк, почувствовал бесполезность дальнейшего сопротивления и начал рассказывать все по порядку, назвал всех участников банды, сообщил о совершенных преступлениях, дислокации своих бункеров, наличии оружия, боеприпасов и о порядке несения охраны участниками банды. Затем написал письмо к своим «лесным братьям», в котором предлагал сдаться без сопротивления, что гарантировало бы им жизнь.

С таким письмом, с согласия Пранаса, к бандитам была послана его жена. Обсудив письмо Пранаса, банда сдалась без сопротивления, сдав все оружие. Так нам удалось обезвредить опасную банду, состоявшую из 21 человека, без единого выстрела.

Особый отдел войск охраны тыла Южной группы войск

Владимир Алексеевич Суховилин (мой заместитель) встретил меня на улице, и откровенно заявил: «Слава Богу, что вернулся живым, а то я переволновался, думая, что уж больше не увидимся».

Отдохнув малость от пережитого, на следующий день снова взялись за это дело, чтобы довести его до логического завершения. Обсудив полученные данные и складывающиеся возможности, решили: Пранаса арестовать при встрече с Адамайтисом, а охранников Пранаса окружить в лесу, взять живыми или уничтожить в случае сопротивления, для чего наметили план выставления засады и окружения.

В назначенный день встреча Адамайтиса с Пранасом произошла как и предполагалось. Адамайтис предложил пройти в укрытие, где ждал «важный человек», прибывший по рекомендации Владаса. В действительности там были три оперативных работника нашего аппарата, которые тут же разоружили Пранаса и надели на него наручники. Это произошло так мгновенно и неожиданно для него, что он не смог оказать сопротивления. После этого прочесали лес и захватили двух охранников, в том числе известного нам «грибника», третий при попытке к бегству был убит.

Итак, банда была обезглавлена, теперь дело оставалось за получением данных на всех остальных участников и проведением операции без потерь. Да, именно без потерь, ибо пройдя войну до Победы, трудно было согласиться терять прекрасных людей, мужественных защитников Родины из-за безумства кучки озверелых националистов, ослепленных ненавистью к великой советской стране.

Мы понимали, что теперь все дело за следователями, которые будут работать с арестованными. Пранаса на первый допрос вызвал я. Увидев меня, он заскрежетал зубами, и сказал: «Какой же я был дурак, что поверил всей этой комедии. Как я ненавижу себя за такую глупость». Я сказал ему: «Пранас, Ваша игра сыграна, возврата к прошлому не будет. Вы и ваши подручные много зла причинили народу. За все это придется держать ответ перед народным судом. Так наберитесь благоразумия, помогите следователю в ликвидации банды без жертв». Напряженная психологическая борьба велась часа три. После этого Пранас как-то обмяк, почувствовал бесполезность дальнейшего сопротивления и начал рассказывать все по порядку, назвал всех участников банды, сообщил о совершенных преступлениях, дислокации своих бункеров, наличии оружия, боеприпасов и о порядке несения охраны участниками банды. Затем написал письмо к своим «лесным братьям», в котором предлагал сдаться без сопротивления, что гарантировало бы им жизнь.

С таким письмом, с согласия Пранаса, к бандитам была послана его жена. Обсудив письмо Пранаса, банда сдалась без сопротивления, сдав все оружие. Так нам удалось обезвредить опасную банду, состоявшую из 21 человека, без единого выстрела.

Глава 7. Вехи послевоенных лет

Особый отдел войск охраны тыла Южной группы войск

Кончился июль 1945 года. Рано утром шифровальщик отдела доложил мне шифровку, в которой мне предлагалось явиться в Москву. И снова сердце радостно забило от предстоящей встречи с родным городом. И опять в сознании появились картины давно желаемого: определиться на работу дома, в

Москве. Вновь испытал волнение при встрече с руководством Управления кадров, но не суждено было сбыться моим желаниям. Мне предложили поехать в Южную группу войск на должность начальника особого отдела войск охраны тыла.

Южная группа войск дислоцировалась на территории Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. Следует сказать несколько слов об обстановке - политической и оперативной, которая тогда имела место на юге Европы. Всеми своими действиями и выступлениями той поры И.В.Сталин давал понять, что, несмотря на сокрушительное поражение, Германия скоро оправится и вместе с уже другими союзниками (Англией, Францией, США) будет представлять для СССР новую серьезную угрозу. В этой связи он рассматривал оккупированные советскими войсками страны Восточной и Южной Европы как плацдарм для создания мощного буфера, надежно прикрывающего западные границы Советского Союза. С начала 1945 г. в Югославии, Болгарии, Румынии и Венгрии полным ходом шла подготовка к открытым политическим процессам над пособниками фашистов.

Первые открытые суды прошли в Болгарии еще в декабре 1944-го, а затем с января по апрель месяца 1945 г. (за это время прошло 135 процессов, на которых были рассмотрены дела на 11 122 подсудимых, из них 2730 приговорены к смертной казни).

В Венгрии за первые 6 месяцев 1945 г. было арестовано 22 000 человек, из которых 9 000 интернированы и более 2 000 преданы «народным судам».

В Румынии, по распоряжению нового премьер-министра П. Грозы и на основании законов «О преследовании и наказании военных преступников» и «О преследовании и наказании виновников катастрофы страны» от 20-21 января 1945 г., 7 марта было публично объявлено о начале «чистки» от «фашистов» во всех сферах государственной и общественной жизни. Начали с ареста нескольких сот офицеров румынской полиции и контрразведки, «верно служивших маршалу Антонеску». 22 мая того же года к смертной казни были приговорены 29 военных преступников во главе с корпусным генералом Николае Мачичи, повинным в расстреле 20 тысяч евреев Одессы в октябре 1941 года...

В мае 1945 г. глава так называемого независимого хорватского государства Анте Павелич и десятки его сподвижников - военных преступников, хорватских фашистов (усташей) организованно и беспрепятственно пересекли австрийскую границу, оказавшись в американской зоне оккупации. После чего все попытки с нашей стороны и со стороны югославских властей установить их местонахождение никаких результатов не принесли (позднее многие из них «проявились» в Испании, Южной Америке и США).

Все это, впрочем, не помешало югославской тайной политической полиции ОЗНА, осуществлявшей «наказательную акцию», ликвидировать в течение одного 1945 года почти 200 тысяч человек, «сотрудничавших с оккупантами и являвшихся активнейшими врагами нового режима». (Из сообщения посольства СССР в Белграде В.М.Молотову от 02.1946 - АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 24 - 25.)

Говоря в целом, отношения с Югославией в тот период развивались вполне позитивно (хотя до известного конфликта и разрыва отношений оставалось всего три года). В апреле 1945-го югославская правительственная делегация во главе с маршалом Йосифом Броз Тито посетила Москву, где в торжественной обстановке был подписан важный советско-югославский договор о дружбе и взаимопомощи. На приеме делегации И.В.Сталин, в частности, заявил о необходимости создания «оборонительного союза славянских народов». «Если славяне будут едины и солидарны, - сказал он, -

никто в будущем не сможет даже пальцем пошевелить» (M. Gjilas. Wartime. New-York, 1977. P. 437-438).

Вместе с тем положение дел в странах, входящих в сферу ответственности командования Южной группы войск, оставалось крайне сложным. Наше руководство официально придерживалось курса на формирование коалиционных правительств (типа «народных фронтов»), включающих в себя основные демократические партии, в том числе, и партии коммунистического толка. Причем во главе этих правительств первоначально планировалось поставить отнюдь не коммунистов (например, в Румынии на роль премьер-министра некоторое время рассматривалась кандидатура лидера Национально-либеральной партии Г. Татареску, в Венгрии - социал-демократа З. Тильди и т.д.). Цель - устойчивое поддержание добрых отношений не только с СССР, но и с его союзниками по антигитлеровской коалиции. Однако надо признать, что несмотря на открыто провозглашаемый официальный курс, советские оккупационные власти часто реально поддерживали местных коммунистов (в ущерб представителям других партий), хотя те нередко грешили слишком радикальными решениями и действиями, направленными на построение социализма по советской, то есть - «ускоренной» модели. Все это, с одной стороны, порождало и недоверие народа к «своим» коммунистам, и дополнительные обстоятельства для внутренней нестабильности. С другой стороны, заметно активизировалась подрывная работа агентуры, засылаемой в наши оккупационные зоны англо-американскими разведслужбами, - все более явственной становилась угроза агрессии с Запада. В этих условиях особо актуальной осознавалась задача скорейшего формирования новых народных армий, способных защитить новый строй, офицерский состав которых относился бы дружески к правящим лидерам своих стран, а также к ВКП(б) и СССР. В рамках решения этой задачи в Румынии, Венгрии и Болгарии в течение всего 1945 года производились увольнения со службы, а также интенсивные аресты офицеров и унтер-офицеров, служивших в прежней армии и так и не принявших новые послевоенные политические реалии. Одновременно в лагерях, расположенных на территории оккупированных стран Восточной Европы и в СССР, проводилась активная фильтрация военнопленных из стран, бывших сателлитов гитлеровской Германии, их оперативно-агентурная обработка. Контингент, успешно прошедший такую обработку, становился основным источником кадрового пополнения новых народных армий государств, которые вскоре стали называться «странами народной демократии». В проведении указанных и иных оперативно-чекистских мероприятий в той или иной степени довелось участвовать и мне в период моей службы в Южной группе войск.

Итак, прилетели мы с Иваном Петровичем Стрельцовым в Констанцу, вышли из самолета и видим - идет нам на встречу сильно подвыпивший полковник и, представляясь, говорит: «Приветствую Вас, Анатолий Михайлович, полковник Павлов». Это был мой предшественник, заменить которого я прибыл.

Дня 3-4 мы пробыли вместе, чтобы ему сдать, а мне принять дела и должность, и ни разу я не видел его в трезвом состоянии. Наконец, я не выдержал и спросил его, почему он беспробудно пьет, что за причина? Полковник Павлов был человеком сравнительно молодым, 47-48 лет. На мой вопрос он ответил не сразу, мучительно переживал, беззвучно плакал, пытаясь взять себя в руки. Я терпеливо ждал. Наконец он как-то решительно проговорил, что жизнь его кончилась вместе с окончанием войны, возврата больше не будет, никому не нужен, никто его не ждет. Когда он напивается, то забывает обо всем. Это единственная его отрада. Все мои попытки разубедить его ни к чему не приводили. Видно пьянство, как жестокая болезнь, сильно его сковала, он потерял контроль над собой, сдерживающие центры не работали. Признаться, такого слабовольного чекиста я встретил впервые.

Какой-то неприятный осадок остался после его отъезда. К тому же все офицеры, командование войск, политотдел знали о «художествах» Павлова и куда бывало ни придешь, обязательно услышишь колющие насмешки в адрес Особого отдела.

С подобным положением мне никогда не приходилось сталкиваться. Напротив, особые отделы, которыми пришлось руководить за время войны, были в большом почете и у командования, и у политотделов, а следовательно и всего личного состава войск. Надо сказать, что оперативные сотрудники Особого отдела, как потом убедился, были неплохими, но вот недостойное поведение одного начальника отдела набросило тень на весь отдел.

На очередном партийном собрании отдела я выступил, рассказал о своих переживаниях по поводу невысокого авторитета Особого отдела и что с таким положением мириться нельзя.

Следовательно, нам надо доказать на деле, что мы обладаем не только хорошими деловыми, но и моральными качествами. Собрание единодушно поддержало мое выступление. Буквально через один-два месяца от былой недоброй славы не осталось и следа.

Рядом проведенных дел и разоблачением отдельных преступников, широкой информацией об этом командования и политотдела, публичными выступлениями руководства Особого отдела с приведением примеров недостойного поведения отдельных военнослужащих мы заставили уважительно относиться к Особому отделу и обрести ему положенную форму.

Но только мы навели порядок в своем хозяйстве, а это был уже декабрь 1945 года, как неожиданно получили приказ о расформировании всей Южной группы войск и Особого отдела. Приказом предписывалось всему оперативному составу отдела вместе с документами и делами прибыть в Москву за получением новых назначений.

КРО МВД СССР. Спецкомандировка в Магадан

Что называется, сборы были недолгими, и под новый, 1946 год мы отправились на нескольких грузовых и трех легковых машинах из города Констанца на Одессу.

Новый год встречали в Одессе. Настроение у всех было хорошее. Нам казалось, что все дела на фронтах уже закончены и дальше своего родного дома не пошлют.

На этот раз именно так и произошло. Я был назначен начальником отделения отдела контрразведки МВД СССР.

Ознакомившись с делами, стал привыкать к размеренной мирной жизни, которая продолжалась ровно год.

Наступил февраль 1947 года. Однажды меня вызывает генерал Смирнов (мой начальник) и с улыбкой говорит: «Ты, наверное, долго не привык сидеть на одном месте, поэтому хочу предложить тебе интересную поездку. Как ты смотришь на это?» Ну, думаю, опять куда-нибудь загонят, немного струсил, но, тем не менее, бодро отвечаю: «Если интересная поездка, я готов немедленно выехать»...

«Речь идет, - продолжал Владимир Иванович Смирнов, - о поездке в Магадан - «Дальстрой» со специальным заданием. Если нет возражений, то нам сегодня предстоит побывать у министра и получить конкретные указания. А пока подберите себе надежного, толкового сотрудника из своего отделения, с которым поедете в командировку, и сообщите мне о своем выборе».

Я сразу же назвал своим напарником Яшина Анатолия Михайловича, с которым у нас сложились очень хорошие отношения. Это был поистине толковый и исполнительный работник. А дружбу с начальником рассматривал, как дополнительную ответственность за порученное дело и никогда не подводил меня ни в большом, ни в малом.

В тот же день или, точнее, поздно ночью побывали с генералом Смирновым у министра внутренних дел Союза ССР Круглова Сергея Никифоровича. Это была моя первая встреча с Кругловым. Беседа была очень теплая, непринужденная. Может быть, это был момент, когда он находился под впечатлением каких-либо приятных для него событий, но Сергей Никифорович про-

явил большой интерес ко мне, расспрашивал, как я воевал на фронте и устроился после войны в Москве. Затем рассказал о предстоящей задаче, которую нам необходимо решить за время поездки, давал много практических советов и в заключение сказал: «Ну, уж если будет очень тяжело, давайте нам сигнал «СОС», поможем, а больше надейтесь на себя».

Через два дня мы направились в путь поездом Москва - Хабаровск. В тот период времени до Хабаровска поезд шел 8 суток. Учитывая, что продукты питания продавались по карточкам, немаловажное значение имел вопрос организации питания в пути. Этим вопросом занялся мой тезка, Анатолий Михайлович, получивший продукты на дорогу в известном для всех старых чекистов магазине «Стрела».

Но с самого начала пути стали появляться различные неувязки. Первая из них это то, что мы ехали в разных вагонах; я - в международном, который был в голове эшелона, а мой коллега - в мягком, находившемся в «хвосте». А так как кухня у нас была общая, то трижды в день нам приходилось воссоединяться и столько же расходиться.

На шестой день пути, когда мы отъехали от поселка Слюдянка и поезд шел с большой скоростью по берегу Байкала, на крутом повороте четыре последних вагона, в том числе и мягкий, сошли с рельс, сцепка была разорвана и они оторвались от основного состава. Каким-то чудом вагоны не опрокинулись, а буквально «зацепились» за самый гребень откоса. Когда это случилось, все пассажиры выскочили из вагонов и увидели удивительную картину. Четыре вагона наклонились над пропастью, но как бы в последний момент раздумали броситься туда, сохранив жизнь сотням человек. Случилось это на большом расстоянии от станции, и пассажирам этих вагонов некуда было деваться, а находиться в вагонах было опасно.

Стояли долго, затем прибыла аварийная служба и началась работа по установлению оторвавшихся вагонов на рельсы. Но когда все сделали, оказалось, что для дальнейшего движения оторвавшиеся вагоны, ввиду сильных повреждений, не пригодны. Администрация железной дороги приняла решение: отправить состав без них. Что же делать? Не оставлять же своего напарника в поле и, неизвестно, где потом ждать его.

Принимаем решение: срочно перебазироваться в наше купе, в котором ехал еще один ответственный работник города Хабаровска.

В течение дня мы отдыхали поочередно на одной кровати, а на ночь Анатолий Михайлович залезал в багажное отделение, что над дверью купе. Откровенно говоря, он забирался туда, как в прокрустово ложе, но другого выхода не было.

Так через 8 суток мы добрались до Хабаровска. Нас встретили работники УНКВД, отправили в гостиницу, а на следующий день мы и еще шесть пассажиров на самолете ЛИ-2 взяли курс на Магадан.

Расстояние от Хабаровска до Магадана около двух тысяч километров, а самолет имел скорость немногим более 200 километров. Итак, предстоял беспосадочный полет в течение 8-9 часов. В тех краях стояла холодная зима, и температура на высоте 2-3 тысяч метров была минус 50-55 градусов по Цельсию. А так как фюзеляж самолета был цельнометаллическим и вовсе не утеплен, к тому же скамейки были металлическими, то можно вообразить, как мы замерзли, хотя и были одеты в теплые шубы, унты, шапки и меховые рукавицы.

Приземлились в Магадане благополучно. Нас встретили представители администрации «Дальстроя» и по поручению начальника Никишова И.Ф. отогревали спиртом.

В течение месяца мы совместно с представителями администрации «Дальстроя» объехали все горнопромышленные управления и в основном задание МВД СССР выполнили.

В Магадан мы возвратились 10 апреля, впечатлений от поездки было очень много и надо было все серьезно осмыслить, чтобы доложить обстоятельно по существу дела в Москве. Поэтому мы решили собираться в обратный путь с таким расчетом, чтобы к 1-мая обязательно быть дома. Вечером 11-го апреля подготовили шифровку об окончании работы и отправили в Москву, указав, что 12-13 апреля мы вылетаем.

Просыпаемся 12 апреля, выглянули в окно, а там метет такая пурга, что ничего не видно. Пришел к нам представитель руководства «Дальстроя» и сказал, что самолет в такую погоду вылететь не может, придется ждать. Мы, естественно, интересуемся, сколько придется ждать? «В наших краях, - говорит он, - обычно бывает так: если в течение суток пурга не утихла, то она будет бушевать трое суток, затем шестеро и девять суток».

Вот тогда-то мы и загоревали. И действительно, пурга не кончилась 12-го, 13-го, а 14-го снега нанесло до 2-го этажа гостиницы, в которой мы проживали.

Вечером пурга несколько утихла, и мы отправились к начальнику «Дальстроя» генерал-лейтенанту Никишову И.Ф. Он очень любезно нас принял, похвалив, что являемся первыми представителями МВД СССР, так долго находившимися в «Дальстрое». Но эта похвала была не к месту, ибо мы пришли просить его, как можно скорее отправить нас в Хабаровск. Причем накануне сговорились об этом с экипажем самолета Б-52 (американский бомбардировщик, который был специально передан «Дальстрою» для экстренных полетов). Экипаж этого самолета: два летчика, штурман и радист проживали вместе с нами в гостинице, а их семьи в Хабаровске. Поэтому они только и ждали случая, чтобы полететь в обратном.

При нормальных условиях полет в Хабаровск обычно продолжался четыре часа. Поэтому накануне они уговорили нас пойти и попросить у Ивана Федоровича разрешение на полет и, если он даст согласие, все будет сделано, то есть расчищают взлетно-посадочную полосу, а самолет их всегда готов к полету.

Долго нам пришлось доказывать необходимость срочного вылета, но Иван Федорович стоял на своем, заявляя, что в такую погоду хороший хозяин собаку не выпускает на улицу, а они собрались в Хабаровск лететь.

После долгих споров Иван Федорович наконец согласился, но не преминул оговориться, что, если не дай Бог, что случится, то грех на душу не возьмет: «Я считал себя упрямым, а вы оказывается гораздо упрямее меня».

Рано утром 15-го апреля на расчистку взлетно-посадочной полосы в бухте Нагаево было выделено много народу, и через 2-3 часа она была готова. Самолет обслуживался прямо на старте. Пурга продолжалась, но уже появились просветы в облаках, и чувствовалось, что ее силы иссякли.

Наконец, командир самолета докладывает о готовности вылететь и мы погружаемся в самолет. Чтобы понять условия полета, необходимо пояснить. Самолет Б-52 - 2-моторный американский бомбардировщик, рассчитанный на экипаж, состоящий из пяти человек: два пилота, штурман и два радиста. Фюзеляж самолета предназначался только для бомбового груза и был соединен с пилотской кабиной лазом. Носовая часть самолета прозрачная, сделана из триплекс-стекла.

На этот раз экипаж состоял из четырех человек, не было одного радиста (слева по ходу), поэтому его место занял я, а мой тезка расположился вместе с чемоданами в бомбовом отсеке.

Итак, прощальные рукопожатия провожающих. Мы в самолете, моторы истошно загудели, самолет задрожал и стремительно рванул вперед. Сравнительно небольшой разбег, и мы отрываемся ото льда. Искусно маневрируя, летчик вел самолет очень близко от сопок, закрытых белой пеленой, и, казалось, вот-вот зацепимся за них крылом.

Но вот мы вырвались от береговой кромки и пошли над Охотским морем. Стали набирать высоту и вошли в сплошную, плотную толщу облаков. В самолете стало темно и неудобно. Зато очень четко освещались измерительные приборы. Поднимаемся все выше и выше. Вот уже 2000 метров, моторы напряженно гудят, но мы упорно идем вверх. 3 тысячи метров, а видимости никакой. Мне лично показалось, что моторы стали гудеть как-то тише и мы вроде бы висим на одном месте, но стрелка высотомера показывала, что мы медленно лезем вверх. Проходит еще несколько минут и вот уже около четырех тысяч метров. Дышать стало тяжело, а самолет как будто держит кто-то могучими руками и от этого он начал дрожать. Среди экипажа я один был человеком, не сведущим в авиатехнике, но признаться, у меня появились сомнения в надежности американской техники. По крайней мере, я ощущал, что с самолетом происходит что-то неладное.

И вдруг мы вырываемся из темноты и в глаза ударяют ослепительные солнечные лучи, а небо синее-синее. Несколько секунд трудно смотреть, а затем привыкаем к свету, и настроение у всего экипажа заметно улучшается. Под нами свинцово- черные тучи. Самолет как бы плывет по темному бушующему морю. Да и скорость полета была, по-моему, гораздо меньше положенной этому самолету. Тем не менее, на борту было все в порядке, связываемся по радиации с Магаданом и сообщаем свои координаты.

Прошло видимо не более 15-20 минут полета, как неожиданно что-то ударило по пилотской кабине на уровне головы левого летчика. Стекло пробило насквозь, нас обдало мелкими осколками, и сильнейший ледяной ветер хлынул в образовавшуюся брешь. К большому счастью, левый летчик в этот момент нагнулся к штурману и тем самым был спасен от неминуемой гибели.

Самолет закачался и начал терять высоту. «Ну, вот и все, - подумал я, - биография окончена». Смотрю, винты вращаются, летчики выравнивают самолет, и тогда мы поняли, что не все пропало, есть надежда выкрутиться из создавшегося положения.

Командир корабля, передав штурвал второму летчику, вместе со мною и радистом принялись заделывать образовавшуюся брешь в кабине. С помощью чемоданов и запасной одежды нам удалось ее заделать. Полет нормализовался, мы все успокоились и начали изучать причины случившегося. Оказалось, что, пробиваясь через толщу облаков, самолет обледенел, а когда вышел из облачности,

льдина оторвалась, и с большой центробежной силой ударила по кабине, наделав столько неприятностей.

Пережив испуг и небольшое потрясение, мы успокоились, но было очень холодно. Подлетая к устью Амура, что составляло только половину пути, мы уже «закоченели».

Чувствуя, что до Хабаровска так не дотянем, командир решил спуститься на бреющий полет и идти над Амуром до Хабаровска. Это сразу дало себя знать, ибо температура воздуха на высоте около 100 метров была минус три градуса.

Мало помалу мы начали приходить в себя, но возникла другая опасность - резко увеличился расход горючего и его могло не хватить до Хабаровска на таком режиме полета.

И, тем не менее, полетели над Амуром, имея ввиду возможную посадку в Комсомольске-на-Амуре.

Долетев до Комсомольска, экипаж решил, что горючего хватит до Хабаровска. Мобилизуем все силы, чтобы как-то согреться, путем усиленных движений, конечно, в пределах весьма ограниченного пространства, разминаем застывшие руки и ноги.

Не могу не отдать должного летчикам и штурману, они ведь замерзли не меньше нашего, а им надо было вести самолет, тем более погода нас не баловала, даже на высоте 100-200 метров местами была сплошная облачность, и трудно было ориентироваться.

Когда до Хабаровска оставалось около часа полета, мы связались с аэропортом и получили сводку погоды - минус 10 °С, идет снег, видимость 200-300 метров, посадка возможна. Приближаемся к заветной цели, запрашиваем разрешение на посадку и как обухом по голове получаем ответ: принять не можем, идет сильный снег, видимости нет, следуйте в Комсомольск-на-Амуре.

Командир корабля обращается ко мне. «Что делать? До Комсомольска не хватит горючего». Я даю указание передать: «На борту представители МВД СССР, горючее на исходе, идем на посадку, примите меры по обеспечению безопасности».

Делаем над аэродромом два круга, действительно, ничего не видно, но летчики как-то угадали, где находится взлетно-посадочная полоса, и пошли на посадку. Толчок о землю, еще, еще, и вдруг плавно покатались. Неужели все в порядке? Вокруг ничего не видно. Но потом смотрим - движется пожарная машина, к нам бегут люди и почти вытаскивают нас из самолета. Особенно в тяжелом состоянии был мой спутник, Анатолий Михайлович. Начальник аэродрома ругается, но мне пришлось, что было сил, крикнуть на него, и он замолк. В голове сверлила радостная мысль, как хорошо, что долетели, какое счастье ходить по земле.

Привезли нас в гостиницу, в номере температура +25 °С, а мы никак согреться не можем. Казалось, мы продрогли насквозь и никогда не согреемся. Но вскоре приехали два товарища из УМВД Хабаровского края, привезли с собой бутылку спирта и так согрели нас, что стало жарко. Вот это чудо-жидкость. Тут невольно вспоминаешь Омара Хайяма, так чудесно воспевшего вино и так мудро давшего совет, как с ним обращаться.

Отоспавшись вволю после тревожного полета, мы недурно устроились в вагоне скорого поезда Хабаровск-Москва, и благополучно вернулись домой.

Так закончилась поездка в самый отдаленный район Советского Союза.

Интересно, что в момент, когда писал эти строки, я получил открытку от человека, работавшего в тот период времени начальником контрразведки погранотряда в «Дальстрое» - Смирнова Бориса Федоровича, в которой он с благодарностью вспоминает наше пребывание там, как мы в чем-то оказали ему помощь. За давностью времени я не помню чем мы ему помогли, важно другое, - он более подробно воспроизводит детали, которые ускользнули из моей памяти.

Высшая школа МВД СССР

И вновь потекли дни мирного труда. Но опять ненадолго. В конце мая меня пригласил к себе заместитель министра внутренних дел Обручников Б.П. и после непринужденной беседы сказал: «У Вас за плечами высшее гражданское образование, Высшая школа МВД СССР, опыт боевой работы, не пора ли эти знания передавать другим?». «Я не совсем Вас понимаю», - ответил я. «Мы предлагаем Вам пойти на учебную работу. Конкретно - начальником кафедры специальных дисциплин Высшей школы МВД СССР». Не раздумывая долго, я согласился.

Так началась моя учебная деятельность.

Проработав год в роли начальника кафедры, я был назначен заместителем начальника Высшей школы по заочному обучению, а через несколько месяцев, в марте 1949 года, вновь переведен в Центральный аппарат МВД СССР на должность начальника отдела учебных заведений.

«Ленинградское дело»

Не успел я мало-мальски освоиться на новом месте, как вновь пригласили к министру Круглову С.Н.. На этот раз он меня встретил как давно знакомого сотрудника. Расспросил о жизни, семье. Поговорили о политическом положении в мире (конечно, больше говорил он). Затем Сергей Никифорович сказал, что Управление кадров вносит предложение о назначении меня первым заместителем начальника УНКВД Ленинградской области, но он пока этого не хотел бы, и добавил: «Вы на меня не обижаетесь за это?». «Нет, - выпалил я, - не обижусь, ибо знаю, что Вам виднее». «Тогда, - говорит С.Н., - давайте так и решим, что эта встреча была просто встречей старых знакомых». Я поблагодарил и ушел.

Как впоследствии мне стало известно, Сергей Никифорович меня здорово выручил своим предвидением.

Дело в том, что тогда уже назревало так называемое Ленинградское дело, которое, по поручению «свыше» (от группы Маленкова, Хрущева, Берия) провел министр МГБ СССР В.С. Абакумов, причинив огромный моральный урон работникам Ленинградской области. По этому сфабрикованному делу были арестованы начальник Госплана, первый заместитель председателя Совета Министров СССР Н.А.Вознесенский, бывший (до 1945 г.) секретарь Ленинградского обкома, а затем (с 1946 г.) секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам А.А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П.С.Попков и др. Многие ответственные работники Ленинградской области были арестованы и осуждены, другие сняты со своих постов и направлены в лучшем случае в отдаленные уголки Советского Союза на низовую работу.

Я избежал этой участи исключительно благодаря хорошему отношению ко мне С.Н. Круглова. Но очень скоро я опять сидел в его кабинете, и речь шла о моем назначении на должность начальника УМВД Горьковской области.

Я, конечно, согласился. Сергей Никифорович при этом сказал: «Итак, Анатолий Михайлович, Вы будете самым молодым начальником крупного областного управления, надеюсь не подведете нас». Я заверил, что буду стараться оправдать доверие.

Спустя несколько дней состоялось решение ЦК ВКП(б) о моем назначении. После этого был подписан приказ. С этого момента и до конца своей службы я входил в номенклатуру ЦК ВКП(б) - КПСС, то есть занимал должности, назначение на которые производилось решением Политбюро или Секретариата ЦК партии.

Глава 8. "Волга, Волга..."

Во главе УМВД Горьковской области

Горьком я был принят довольно радушно. Вскоре на областной партийной конференции в 1950 году был избран членом обкома ВКП(б), а на пленуме обкома - кандидатом в члены бюро обкома. Затем был избран депутатом областного и городского Советов депутатов трудящихся, и в очень короткий промежуток времени как-то вписался в активную жизнь области. Правда, тогда период времени был трудный. Работали долго, до 4-5 часов утра. Прямо надо сказать, люди работали на износ. Но никто не сетовал на трудности, а каждый тянул свою лямку молча.

Мне Горький очень понравился своим расположением на двух великих реках и как крупный промышленный центр с большой прослойкой рабочего класса. Там я прошел школу партийно-хозяйственной работы в областном масштабе, а также попробовал свои способности по руководству большим коллективом Управления. Тогда в нем насчитывалось несколько сот человек сотрудников.

Участвуя в повседневной деятельности бюро обкома партии, я занимался не только партийно-политическими вопросами, но и деятельностью различных предприятий, строительных организаций, учебных заведений, совхозов и колхозов.

Если раньше я черпал знания о сельском хозяйстве только из газет, то в Горьком пришлось вплотную столкнуться с реальной действительностью, которая во многом отличалась от моих представлений. Надо прямо сказать, что в 1950 году положение в сельском хозяйстве Горьковской области было тяжелым.

Уборка урожая и хлебозаготовки в тот год шли плохо. Была уже осень, а выполнение плана хлебозаготовок находилось под угрозой срыва.

Первый секретарь обкома партии Смирнов Дмитрий Григорьевич, обычно учитывая мою занятость по работе, не посылал ни в какие командировки. А тут, видимо, решил бросить все свои резервы на заготовку хлеба, так как из ЦК ВКП(б) шли строгие телеграммы с требованием принять все меры к безусловному выполнению плана заготовок. Как-то поздно ночью, после заседания бюро Обкома, он попросил меня задержаться и зайти к нему в кабинет.

Оставшись наедине, он мне прямо сказал, что план заготовки хлеба находится под угрозой срыва. «Я хочу просить тебя съездить в два особенно неблагополучных района. Надень свой полковничий мундир и потормози там районное начальство, может быть, выколотишь кое-что». «Хорошо, - говорю, - завтра же выеду».

Урок по хлебозаготовке

Наутро вместе со своим секретарем капитаном Балалайкиным отправились на машине сначала в Княгининский район. Прибыли в одну из деревень, где располагалось правление колхоза «Светлый

путь», остановились около правления, которое было наглухо закрыто. Тогда мы отправились пешком по деревне в направлении хозяйственного двора.

Что же предстало перед нашими глазами? Деревня будто вымерла. Покосившиеся дома с соломенными крышами выглядели угрюмо и неприветливо. Изредка попадались пожилые, плохо одетые женщины, вездесущие ребятишки и глубокие старики.

Пришли на колхозный хозяйственный двор. Здесь картина была еще более безотрадной. По всему двору валялись телеги, колеса, хомуты, дуги и др. имущество. Ни одной телеги, пригодной для поездки, ни одной упряжки, которую можно было бы одеть на лошадь. Да и лошадей не было видно.

Не было того деревенского оживления, веселого пения петухов, лая собак, которое осталось в моей памяти от посещения деревни Лишняги, где жила моя бабушка до войны.

Прямо скажу: тяжело было на душе. Да, война причинила много страданий нашему народу. В городе это как-то меньше ощущалось, а вот деревня производила тяжелое впечатление.

Эту картину забыть невозможно. Весь день мы разъезжали по колхозам района, говорили с руководством райкома партии и райисполкома, с председателями колхозов, рядовыми колхозниками и еле-еле наскребли 28 тонн зерна.

Измученные и голодные к вечеру мы приехали в районную гостиницу. Это была небольшая изба, в которой досками были сделаны перегородки и тем самым образовано несколько «номеров».

Заняв лучший из них, мы попросили заведующего гостиницей чем-нибудь покормить нас. На наш зов пришел небольшой мужичок, лысеющий блондинчик, чему-то улыбающийся и постоянно облизывающий языком губы.

На наш вопрос, что он мог бы предложить на ужин, заведующий ответил: «Товарищ полковник! Не хотели бы вы жареную курочку?». - «С большим удовольствием, - отвечаю я, - да, не забудьте, пожалуйста, хорошего чайку». «Все будет сделано», - сказал наш «благодетель» и отправился на свою половину.

Прошло не менее часа, уже стало темнеть, а о курочке ничего не слышно. Посылаю Балалайкина узнать, как дела с ужином. Но Балалайкин предпочел привести самого хозяина. И опять, облизываясь и постоянно извиняясь, он говорит нам: «Извините, товарищ полковник, курочка куда-то убежала, никак найти не можем. Может быть вы скушали бы жареного мяса с картошечкой?».

Взяв себя в руки, я спокойно отвечаю: «Сразу надо было бы предложить это. Давайте, да поскорее».

Облизываясь и отступая к двери спиной, он поспешил убратся восвояси. Мы, конечно, рассчитывали на то, что у него уже что-то есть, но все оказалось гораздо сложнее.

Минут через десять, когда наше терпение было уже на исходе, вновь появился с печальным выражением на лице и сообщил: «Товарищ полковник, мяса уже нет, осталась только одна картошка». Не сдерживая злости, я ему сказал: «Ради Бога, принесите, что у Вас есть».

И вот наш «благодетель» притащил в чугунке несколько картошин и грустно сказал: «Вот все, что осталось».

Так, пожевав картошку и запив ее чуть тепленьким чайком, мы успокоились, и легли спать.

На второй день почти также безуспешно мотались по другому району - Пушкинскому, но результатов особых не добились.

Вернувшись в Горький, я рассказал первому секретарю обкома партии товарищу Смирнову Д.Г. о своей поездке. Он от души посмеялся над тем, как нас накормил ужином «директор» гостиницы. А потом вдруг серьезно спросил: «Анатолий Михайлович, а почему Вы не принимали картошку вместо зерна?». Я удивился и сказал, что ездил на заготовку хлеба, а не картошки.

«А разве Вы не знаете, что существует эквивалентная сдача картофеля в 3-кратном объеме за зерно».

«Нет, не знаю», - признался я.

«Да, - сказал Дмитрий Григорьевич, - плохо Вы освоили сельское хозяйство. Надо почаще Вас посылать в районы».

Но этому не суждено было сбыться по ряду причин. И главным образом потому, что дел в Управлении было очень много, и порой они были очень острыми и неотложными.

«Волынка» (бунт) в Буреполомском лагере

В состав Управления МВД области входило Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), которое руководило деятельностью нескольких лагерей с численностью заключенных более 50 тысяч человек. Причем один из лагерей - Буреполомский, был особенно беспокойным, дававшим больше всего «ЧП», там содержались, в основном, особо опасные уголовники-рецидивисты, и охране было тяжело с ними справляться.

Я вместе с начальником УИТЛК (он же мой заместитель по лагерям) Сухиным решил поехать в этот лагерь и разобраться на месте в причинах такого положения.

Это была зима 1951 года, погода стояла морозная. От железнодорожной станции было 18 километров и мы по бездорожью добирались на вездеходе около трех часов. Прибыли прямо в кабинет начальника лагеря и стали заслушивать его доклад. Не успели отогреться с дороги, как вбежал дежурный офицер по лагерю и доложил, что в зоне заключенных «волынка».

Немедленно одевшись, отправились к воротам охраняемой зоны, и нашим глазам предстала такая картина. Большая группа заключенных, вооружившись самодельными средствами нападения - железными прутами, камнями, палками и другими предметами, напали на часовых, стоявших на вышках, закрыли в бараках внутреннюю администрацию лагеря и начали бесчинствовать, избивая более спокойную часть заключенных. Пришлось вызвать взвод вооруженной охраны и войти в зону, куда с оружием можно входить только в чрезвычайных случаях. Открыли ворота, и вооруженная охрана с автоматами наперевес вошла вместе с нами в зону.

Я приказал дать залп вверх, предупреждая, что в случае неповиновения будет применено оружие.

После залпа вверх в нас посыпался град камней и палок, толпа отступала, находясь от нас в десяти метрах. Малейшее промедление грозило тем, что они напали бы на нас и вооруженную охрану и завладели бы оружием со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отдаю приказ: «Огонь по нападающим!». Грянул залп, несколько человек упало, и толпа бросилась в рассыпную, еще 2-3 залпа вверх и уже на площади никого не осталось, кроме убитых и раненых, все

остальные разбежались по баракам (в этой зоне было 8 бараков). В семи бараках сразу же был восстановлен порядок, лагерная администрация освобождена и приступила к исполнению своих обязанностей.

Но один барак не «сдавался», забаррикадив двери и окна, заключенные не подчинялись требованиям начальника лагеря. Главарь уголовников, вооружившись кинжалом и сев на печь, угрожал смертью каждому, кто попытается проявить повиновение.

Таким образом, все попытки убедить в неправильном поведении не приводили к желаемым результатам. Нужно было сломить сопротивление силой.

Начальник лагеря предложил «успокоить» разбушевавшегося с помощью холодной воды. Подогнав к бараку три пожарных автомашины, через разбитые стекла окон начали окатывать ледяной водой заключенных. Бунтовщики, не сдаваясь, запели известную песню русских моряков - «врагу не сдается наш гордый «Варяг», иссякла вода, а положение не изменилось. Изучив обстановку в бараке через щели в окнах, начальник лагеря попросил моего разрешения «снять» с печи главаря с помощью ракетницы. Я дал разрешение, и главарь закончил свою подлую деятельность через несколько минут.

После этого все находившиеся в бараке сдались. Открыли барак и начали погружать заключенных в машины, чтобы отправить их в карцер, то есть в камеры для провинившихся.

Когда вытаскивали их из барака, они были похожи на сусликов. Мокрые, посиневшие, жалкие. Казалось, что, по крайней мере, у половины из их на следующий день будет воспаление легких. Каково же было мое удивление, когда на следующий день начальник лагеря доложил мне, что из 32 человек, доставленных в карцер, только у троих была простуда.

В результате этой «волынки» четверо были убиты и семь человек ранены. Немедленно доложив о случившемся министру внутренних дел СССР Круглову С.Н., я попросил немедленно выслать на место комиссию, чтобы разобраться в этом деле и дать соответствующую оценку.

Через два дня прибыла компетентная комиссия из МВД СССР, тщательно разобралась и сделала вывод, что действия руководства УМВД были правомерны и обоснованы.

Вернулся в Горький только через 10 дней вместо трех запланированных и прямо к секретарю обкома партии товарищу Смирнову Д.Г.. Рассказал ему подробно обо всем случившемся. Дослушав меня, он с улыбкой сказал: «У тебя в этом деле получается лучше, чем в сельском хозяйстве».

Личным примером

Я уже упоминал, что в тот период времени распорядок работы в органах был сильно «деформирован». Работали много, сотрудники почти не имели свободного времени, не имели возможности заниматься спортом, культурно отдыхать. А ведь прямота нашим зданием был прекрасный стадион «Динамо», который в зимний период превращался в каток, обслуживая жителей города, не имеющих отношения к этому обществу.

И вот тогда у меня зародилась мысль приобщить своих сотрудников к зимнему спорту. Конечно, официально об этом говорить было просто опасно. Могли бы посчитать подобные мысли крамольными. Поэтому решения принимались волевым порядком. Для начала я на общем собрании сотрудников заявил, что разрешаю, если найдутся желающие, два раза в неделю - во вторник и четверг, с 10 часов вечера до 12 часов ночи кататься на нашем катке. При этом директору стадиона дал команду - посторонним посетителям находиться на катке до 10 часов вечера.

Таким образом, стадион полностью предоставлялся в распоряжение сотрудников нашего Управления.

Через неделю пришел ко мне директор стадиона и доложил, что на каток в отведенные дни приходят 8-10 человек. Поэтому нужны какие-то дополнительные меры, либо все остается по-прежнему. Подумав, я решил, что на следующий вторник надо поднимать народ самому - нужен убедительный пример. О моем намерении выйти на каток очень многие узнали и ждали этого момента. И действительно, вместе с энтузиастами, приверженцами спорта, я вышел на тренировку на беговых коньках. Катался я довольно прилично, и это произвело на многих приятное впечатление, а главное, было заразительно. Если в этот день зрителей было во много крат больше, чем катающихся, то уже на следующий день все было наоборот. Пожалуй, не встали на коньки только по уважительным причинам: по болезни, недомоганию или закоренелые ненавистники спорта. Более того, пришло много жен, детей сотрудников и весь стадион огласился смехом, шутками, разговорами. С этого момента мероприятие приобрело право на существование. К спортивному отдыху был привлечен весь личный состав Управления и многие члены семей. Эти вечера были похожи на чудные праздники, играла музыка.

В раздевалке стадиона был организован буфет, шумели самовары, и после катания сам собою складывался общий ужин. Получалось все великолепно. Коллектив заметно сплотился, мне даже казалось, что многие «помолодели». И видимо не случайно, спустя много лет, мои коллеги с большим удовлетворением вспоминали об этом при встрече со мной. Так же с удовольствием вспоминаю и я об этом периоде своей жизни. Было несомненно трудно, ведь каждый день приходилось работать до 5 часов утра. И тем не менее, в летнюю пору, я любил после работы ходить домой пешком. Выйдешь, бывало, на улицу Свердлова и спускаешься к Волге, а лучи солнца уже купаются в ее темно-желтых волнах. Рабочий народ просыпается, готовится к новому трудовому дню, а ты, как бы охранявший ночной покой тружеников, сдаешь им вахту. Такое чувство всегда меня охватывало при виде утреннего города.

Как ни тяжелы были дни трудовой недели, но они кончались и наступал день отдыха - воскресенье. Такие дни проводились обычно в «Зеленом городе», так назывался дачный поселок обкома партии, где за начальником Управления была закреплена одна дача. Этот «город» расположен в сосновом лесу на реке Кудьма, которая в тот период времени была кристально чистой. Река небольшая, но довольно коварная. Ее глубина менялась от 1 до 3-4 метров, много было заводей и омутов, в избытке водилась разнообразная рыба. Так что наловить на уху не составляло большого труда. Купание в Кудьме - приятнейшее удовольствие.

Глава 9. Горячий воздух Азербайджана

Инструктор ЦК

Бурная жизнь крупного областного центра, а также повседневная нелегкая деятельность по руководству Управлением почти полностью поглощали все время. Оно так мгновенно пролетало, что не успел и оглянуться, как прошло два года.

Как-то при встрече с первым секретарем обкома партии Смирновым Дмитрием Григорьевичем он намекнул мне, что мною интересуются в отделе административных органов ЦК ВКП(б), но дальше развивать эту мысль не стал. Мне же проявлять любопытство - кто, да что, было неудобно, так на этом и закончился разговор.

Не прошло и недели после этого разговора как раздался звонок по правительственной «ВЧ»-связи, звонил помощник министра внутренних дел Союза ССР и передал, что министр просил меня прибыть в Москву на следующий день. Это было в начале декабря 1951 года.

Приехав в Москву, я сразу же отправился в министерство. Пришлось немного подождать. Часам к 11 приехал министр и сразу же принял меня. Расспросил о делах в Управлении, о жизни в Горьком, а затем сказал: «Вас хотят взять на работу в ЦК ВКП(б). Мне не хотелось бы вас отдавать, но я посчитал, что буду не прав, закрывая вам дорогу в высший орган нашей партии. Это дело чести для каждого коммуниста. Поэтому я предоставляю вам право решать этот вопрос самому».

Поговорив еще несколько минут, Сергей Никифорович сказал, что к 14 часам меня просил прийти в административный отдел ЦК ВКП(б) заведующий сектором, товарищ Фролов В.А..

Выйдя из здания министерства, я отправился гулять по Москве. Иду по знакомым улицам в раздумье и невольно вспоминаю свое детство, юные годы, когда беспечно шатался, ни о чем серьезном не заботясь. Как это было хорошо. И теперь, уже немолодого человека, чувство детской привязанности, любовь к Москве, как к любому уголку, берет верх над всеми другими соображениями. Совершенно твердо я про себя решаю, что если возьмут в ЦК, с моей стороны отказа не будет, ведь я снова вернусь домой.

В установленное время встретился с товарищем Фроловым. Беседа носила весьма общий, ознакомительный характер, хотя чувствовалось, что Василий Александрович знает мою биографию не хуже меня. Затем он позвонил заведующему отделом административных органов ЦК ВКП(б) Грому Григорию Петровичу и доложил, что я нахожусь у него. Последовало приглашение зайти и конкретное предложение перейти на работу в ЦК ВКП(б) пока на должность инструктора. «Правда, - сказал товарищ Громов, - мы Вас сильно обижаем в зарплате, но возможно, с течением времени поправим эту несправедливость. Как Ваше мнение?». Я не раздумывая, отвечаю, что согласен. Разговор перешел на конкретную основу, то есть, когда надо сдать свою должность, дела и приступить здесь к работе.

Вернувшись в Горький, сдал дела вновь назначенному начальнику УМВД генерал-майору Горбенко Ивану Ивановичу, встретил там новый, 1952 год и 2 января был уже на работе в ЦК ВКП(б).

Работа в аппарате ЦК для меня была совершенно новой, поэтому поначалу надо было научиться постигнуть истины, с которыми не доводилось сталкиваться, научиться писать толковые бумаги и многое-многое другое. Надо отдать должное хорошей организации труда, и благоприятной обстановке, которая тогда царила в административном отделе. На первых порах мне очень много и терпеливо помогали заведующий сектором Фролов В.А., заместитель заведующего сектором Петушков В.Я. и другие товарищи.

Первоначально мне было поручено наблюдать за строительством высотных зданий в Москве, и в частности, за ходом строительства Университета. Дело в том, что в строительстве Университета принимали участие заключенные, которых насчитывалось до 20 тысяч человек, поэтому интересы МВД СССР там были представлены в широком плане, ведь все руководство лагерями и их трудовой деятельностью относилось полностью к компетенции МВД СССР. Начальником строительства был генерал Комаровский Александр Николаевич, сотрудник МВД СССР, впоследствии заместитель Министра по строительству. Он часто рассказывал мне о ходе строительства, трудностях и недостатках в их преодолении и устранении.

Два или три раза мне довелось побывать на стройке МГУ. Особенно запомнилось первое посещение, когда был воздвигнут только металлический каркас основной высотной части здания и сооружен

грузовой лифт. Мы поднялись тогда на самую верхнюю площадку, соответствовавшую, если не ошибаюсь, 26-му этажу. Когда вышли из лифта на площадку, было очень страшно смотреть вниз, ветер дул так, что казалось вот-вот сбросит тебя. Я вцепился в поручни и неохотно собирался отпускать их. Правда, когда посмотрел, что сопровождающие меня строители, побывавшие на этой площадке много раз, стояли, не держась за ограду, мне стало неловко, и я тоже выпрямился и стал смотреть вдаль.

Картина была необыкновенно красивая, ведь Москву с такой высоты наблюдать не приходилось. Стройка поражала своей грандиозностью, огромным объемом земляных работ, множеством котлованов, скоплением бесчисленного количества строительных материалов. Ну а что касается людей, то они напоминали растревоженный муравейник.

Теперь, когда мне приходится проходить мимо Университета, я всегда вспоминаю ту удивительную картину, которую мне довелось увидеть. В ту пору я не мог себе вообразить, что на месте стройплощадки, состоящей из котлованов, огромных гор земли, песка, металла, щебня, кирпича и множества других строительных материалов, вырастет такое грандиозное сооружение, в котором получают высшее образование миллионы советских молодых людей, а также посланцы многих зарубежных государств.

Встреча с М.А. Сусловым («Будем поддерживать!»)

Незаметно пролетели полгода моей работы на новой месте. Я уже заметно «оперился», влился в коллектив, многое узнал, стал проявлять некоторую активность, в среде товарищей пользовался авторитетом, так как за плечами имел некоторый опыт руководящей работы в органах, а это мне во многом помогало. Короче говоря, я почувствовал себя полноправным членом коллектива.

И вот однажды вечером меня пригласил к себе заведующий административным отделом Громов Г.П. и в непринужденной беседе сказал, что, по его мнению, «инкубационный период» для меня прошел довольно успешно и пора подумать о другом. «В частности, мы решили рекомендовать вас на должность заместителя заведующего вновь созданного спецсектора по наблюдению за деятельностью 8-го главного управления МГБ. Заведующим сектором был утвержден Лукшин Василий Андреевич.

Получив мое согласие, Григорий Петрович предупредил меня, что я буду вызван на беседу к одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б). Через день или два Г.П.Громов пригласил меня вновь, и мы вместе пошли к М.А. Суслову. Прием продолжался не более 5-10 минут. Г.П.Громов доложил мои данные, дал положительную характеристику за время работы в ЦК партии и внес предложение о назначении на должность заместителя заведующего сектором. Несколько несложных вопросов со стороны М.А.Суслова и его заключительные слова: «Будем поддерживать!».

Через несколько дней состоялось решение Секретариата ЦК ВКП(б) и я приступил к исполнению обязанностей в новой должности. С заведующим сектором Лукшиным В.А. у нас сложились хорошие отношения. Он во всем доверял мне, чувствовал себя несколько слабее в вопросах оперативного порядка, поэтому многие сложные вопросы мы решали коллективно.

На новом месте диапазон действия значительно расширился. За короткий промежуток времени довелось побывать на различных совещаниях у секретарей ЦК ВКП(б), председателя КПК, встречаться с некоторыми заведующими отделов ЦК, секретарями Московского городского комитета партии и многими руководителями министерств и ведомств. Это был период весьма активной деятельности и полезного аккумулирования знаний по многим вопросам партийной, государственной и хозяйственной деятельности. Это была великолепная школа мудрости и политического возмужания. Работы было

много, времени на личные дела почти не оставалось, поэтому я не замечал, как менялись названия месяцев на календаре.

В октябре этого года на XIX съезде партии было принято историческое решение о ее переименовании в Коммунистическую партию Советского Союза - КПСС.

Серьезным потрясением для многих людей того времени, в том числе и для меня, стало сообщение о резком ухудшении здоровья И.В.Сталина, а затем и его кончина, последовавшая 5 марта 1953 года. Скорбь была всенародной. Все как-то растерялись и не могли поверить этому вполне естественному явлению. В группе работников ЦК ВКП(б) мне довелось быть в Колонном зале, где покоилось тело И.В.Сталина, и постоять в карауле.

Впервые так близко я видел знакомые с детства черты лица человека, которого боготворил и верил в него, как в святое знамя ленинизма, правды и справедливости. Почти все товарищи плакали, причем, не скрывая своих слез, они непроизвольно наворачивались на глаза. Это была поистине всенародная скорбная процессия. Что творилось на улицах Москвы и других городов нашей страны, всем известно, поэтому нет необходимости об этом писать.

После смерти Сталина наступило какое-то затишье, но постепенно люди приходили в себя. Казалось - дальше все пойдет гладко, достойные люди займут вакантную должность первого секретаря ЦК партии, и сохранится полная преемственность.

По каким-то отдельным отрывочным данным до нас доходили сведения, что в руководстве ЦК происходят важные события. В этот момент министерства МГБ и МВД были объединены в одно Министерство внутренних дел, и министром был назначен Л.П. Берия. После этого проводилась странная перетасовка кадров МГБ и МВД. Берия, пользуясь большой властью, не считался с мнением отдела административных органов ЦК ВКП(б). Вот тогда-то и началась нервотрепка.

27 июня 1953 года нас собрал заведующий отделом ЦК Дедов и сказал, чтобы после 22 часов, когда мы обычно заканчивали работу, домой не расходились и оставались на своих рабочих местах до особого распоряжения. Естественно, после такого указания мы начали строить всякого рода предположения, но не найдя ничего определенного, успокоились и продолжали работать. После 24 часов нас отпустили по домам, а на следующий день мы узнали, что накануне был арестован Л.П.Берия.

Это была приятная новость, так как я лично этого человека не терпел, хотя никогда и не сталкивался с ним непосредственно. После этого началась «эпоха ликвидации последствий враждебной деятельности Берия», прежде всего - в расстановке кадров органов МВД. Мне довелось многих руководящих работников принимать, выслушивать, как они оказались в опале, рекомендовать на прежние должности, либо на выдвижение, в зависимости от деловых качеств

Министр внутренних дел Азербайджанской ССР

Мне тогда казалось, что мое положение стабилизировалось, и каких-либо изменений по работе в ближайшее время я не ждал. Но дошла очередь и до меня. Пригласил меня заведующий отделом Дедов и повел к М.А. Сулову, секретарю ЦК ВКП(б), с которым мне уже доводилось встречаться. На этот раз Михаил Андреевич провел со мной более обстоятельную беседу. Затем сказал, что срочно нужен министр внутренних дел Азербайджанской ССР. «Изучив Ваши данные, мы считаем, что Вы подходите на эту должность. Во-первых, партийный работник, во-вторых, чекист, в-третьих, нефтяник. Все эти

компоненты как нельзя лучше подходят для этой должности. Каково Ваше мнение?». Я ответил, что еще не приходилось отказываться при назначениях на другие должности, поэтому не откажусь и на этот раз. Михаил Андреевич выразил свое удовлетворение ответом и сказал, что предложение будет вынесено на решение Политбюро ЦК ВКП(б). Вскоре состоялось решение Политбюро, и тут же последовал приказ министра внутренних дел СССР, которым был назначен после ареста Берия - Круглов Сергей Никифорович, мой старый знакомый. Когда я пришел к нему на прием, он очень тепло меня принял, рассказал о некоторых ситуациях, с которыми мне предстоит встречаться, дал много полезных советов по работе в республике. Затем вышел из-за стола, пожал мне руку, обнял за плечи и сказал: «Ну, держись, дружище! Уж если будет очень трудно, звони мне, помогу, но не ошибайся грубо». Это было 2 августа 1953 года. 3 августа в 6 часов утра с Внуковского аэродрома на самолете ИЛ-14 с огромным чемоданом я вылетел в Баку. Приземлился самолет в Баку в 15 часов вместо 14 часов по расписанию. Когда член экипажа открыл дверь самолета, с улицы пахнуло таким жаром, будто из только что натопленной печи. Температура воздуха была около + 40 °С. Выхожу из самолета, оглядываюсь вокруг, всех встречают, а меня нет. Ну, думаю, здорово ждут министра. Беру свой ставший ненавистным чемодан и направляюсь к аэровокзалу, в расчете найти какую-нибудь машину чтобы доехать до Баку (расстояние около 30 км). Вдруг ко мне подбегает молодой человек, невысокого роста и озабоченно спрашивает: «Вы товарищ Гуськов?». «Да», - отвечаю. «Давайте чемодан, здесь вас встречают два генерала». Когда мы подошли к небольшому скверу около аэровокзала, навстречу нам торопились бывший министр внутренних дел генерал-майор Емельянов и мой старый друг по войне генерал-майор Булыга Андрей Ефстафьевич, начальник пограничных войск Азербайджанского округа. Оказывается, они долго ждали самолет, сели в тени деревьев, разговорились и не заметили, как прилетел самолет. Встреча с Андреем Евстафьевичем для меня была очень приятной, и я как-то почувствовал, что здесь буду не одинок. Прибыли сразу в гостевую квартиру, которая предназначалась мне для жилья на первое время. Эта квартира, 208 квадратных метров, состояла из пяти комнат и бильярдной. В ней обычно останавливались ответственные гости из Москвы. К нашему приезду стол был накрыт с особой изысканностью и разнообразием блюд. Ввиду очень жаркой погоды к спиртным напиткам не прикасались, а пили только «Боржоми». Мой предшественник Емельянов коротко проинформировал меня о делах республики и одновременно сообщил, что 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана Якубов сегодня находится в Кировабаде, приедет поздно вечером, поэтому встреча с ним может быть только завтра. После обеда я попросил предоставить мне возможность познакомиться с городом. Ведь прошло 19 лет с тех пор, как я приехал сюда, будучи студентом Московского нефтяного института, на практику. То было веселое, беззаботное время, а теперь я прибыл на трудную и очень ответственную работу. Сопроводить меня по городу охотно согласился мой друг - Андрей Ефстафьевич Булыга. Оставшись вдвоем, мы сразу же перенеслись в годы войны, когда вели жестокие бои с фашистами на подступах к Грозному, когда вместе проводили короткие мгновения затишья, разделяя горе и радости того времени. Да, война, как никакое другое время, навсегда скрепляла дружбу боевых товарищей. Оба мы были чрезвычайно рады встрече, и нахлынувшие воспоминания о прошлом отодвинули на какое-то время дела настоящие. Весь вечер мы провели с ним на колесах автомобиля, которым управлял прекрасный водитель и человек Степан Шахназаров, проработавший со мной почти четыре года моего пребывания в Баку. На следующий день ровно в 9 часов утра я пришел в министерство к Емельянову, с которым договорились о порядке сдачи и приема дел. Сразу же попросил пригласить весь руководящий состав министерства - заместителей министра, начальников управления, отделов и служб. Когда все собрались, я сообщил им, что назначен министром внутренних дел республики, и коротко рассказал о себе. Затем спросил - есть ли вопросы, но их не последовало. Я сказал, что в процессе сдачи-приема дел постараюсь познакомиться поближе с каждым начальником, и к предстоящей встрече попросил подготовить

справки о положении дел в каждом управлении - отделе. После знакомства с руководящими работниками министерства мы созвонились с 1-м секретарем ЦК КП Азербайджана Якубовым и он пригласил нас к себе. Якубов, невысокого роста, подвижный человек раньше длительное время работал министром внутренних дел республики, а затем 2-м секретарем ЦК КП Азербайджана. После снятия с поста первого секретаря ЦК Багирова Мира Джафара Аббасовича, который бессменно проработал в этой должности 23 года, первым секретарем был избран Якубов. Нет сомнений в том, что Якубов был ближайшим сподвижником и почитателем Багирова, воздававшим в его адрес хвалебные оды. Его стиль и методы руководства были позаимствованы из арсенала последнего, правда, несколько смягчены за счет качеств личного характера. Когда мы вошли в кабинет, Якубов встретил меня почти у самой двери, долго тряс мою руку, как бы выражая свое удовольствие моим прибытием. Обменявшись обычными приветствиями, Якубов спросил: может быть пригласить председателя Совмина Кулиева и президента Гейдарова? Я ответил согласием, и он дал сигнал помощнику пригласить их. До их прихода я коротко рассказал о себе. В свою очередь, Якубов поведал о своем жизненном пути, заметив при этом, что мы где-то встречались. Стали вспоминать и установили, что действительно встречались на одном из совещаний в МВД СССР, 2-3 года тому назад. Когда вошли Кулиев и Гейдаров, Якубов представил их и после знакомства начал говорить о делах республики, о многих недостатках в промышленности и сельском хозяйстве. «В связи с этим, - заявил Якубов, - по некоторым вопросам мы обращались в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. Были на приеме у руководства. По ряду позиций нам оказана значительная помощь». При этом он, обращаясь к Кулиеву и Гейдарову, часто повторял: «Верно я говорю?» - и они дружно отвечали: «Верно».

Темное наследие Багирова

Затем Якубов заговорил о трудностях, с которыми приходится сталкиваться руководству республики при проведении тех или иных мероприятий, объясняя это тем, что сторонники Багирова мешают в работе, (он себя естественно не причислял к этой категории), пытаются подорвать авторитет 1-го секретаря ЦК, председателя Совмина и председателя Президиума Верховного Совета Азербайджана.

Положение дел в республике было действительно очень сложным. Ведь за 23 года Багиров сумел так поставить себя, что в Азербайджане он был царь и бог. Одни приближенные его буквально боготворили, другие боялись как огня, а третьи в душе ненавидели, как тирана, обладающего неограниченной властью. Приближенность Багирова к Сталину, крепкая спайка с Берия позволили ему подняться до уровня члена президиума ЦК КПСС, в состав которого он был избран на XIX съезде партии в октябре 1952 года. За время своей деятельности на посту 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Багиров натворил много тяжких дел, погубил тысячи ни в чем не повинных людей, убирал со своего пути всех, в ком видел своего потенциального врага. В республике долгое время царила обстановка страха и слепого повиновения любому указанию Багирова. Поэтому, естественно, после ухода с арены такой фигуры в партийной организации и в народе в целом происходили процессы переоценки прежних ценностей.

Приверженцы Багирова оплакивали его уход и не признавали никого другого. Люди, пострадавшие от жестокого обращения Багирова и натерпевшиеся страха, с облегчением вздохнули и не желали видеть в руководстве республики особо приближенных к Багирову лиц. Так невидимо боролись диаметрально противоположные настроения, но результаты этой борьбы весьма негативно отражались на конкретных делах республики. Заметно пошатнулась дисциплина среди партийного и хозяйственного актива, политическая атмосфера была насыщена различными слухами, сплетнями, наветами и крайне нуждалась в очистительной грозе.

На этом фоне фигура Якубова критически воспринималась многими работниками республики, не верили, что он может произвести решительный поворот к лучшему, так как он по праву считался первой рукой Багирова.

Аналогичная обстановка царила и в аппарате МВД. Старые работники, тесно связанные своей деятельностью с выполнением заданий Багирова, не просто выжидали, что будет дальше, а предпринимали активные меры для своей реабилитации, не стесняясь в выборе средств и методов для этого.

Первая беседа с Якубовым закончилась тем, что он попросил меня оказывать помощь руководству республики в наведении порядка, работать в дружбе и согласии, почаще встречаться для обсуждения назревающих проблем. Я ответил, что мне, прежде всего, надо серьезно разобраться во всех делах министерства, и, по мере своих возможностей, я, безусловно, буду помогать ЦК КП Азербайджана избавляться от всякого рода недостатков и лиц, ведущих себя враждебно по отношению к нашей партии и народу, или допускающих иные антисоветские проявления.

Так началась моя деятельность в Баку при весьма неблагоприятных условиях. Как это было не похоже на Горький. Даже наставления Сергея Никифоровича Круглова перед отъездом об обстановке в республике выглядели значительно прозрачнее реальной действительности.

Памятуя, что «кадры решают все», с первых дней начал изучать своих сотрудников, как руководителей, так и рядовых. Трудно было за короткий срок составить полное представление о каждом, недаром в народе говорят - «чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть». А в моем положении, применительно к этой пословице, надо было бы съесть соли несколько тонн. И, тем не менее, постепенно накапливалось представление о многих работниках.

Мой первый заместитель генерал-майор Атакишиев серьезно скомпрометировал себя фактами нарушения социалистической законности и, на мой взгляд, подлежал серьезному наказанию, поэтому «опора» была неподходящая.

На другого заместителя, Кулиева Нури Гасановича, хранилось следственное дело, возбужденное в связи с гибелью руководителя народной партии Южного Азербайджана Пишевари.

Это обстоятельство следует несколько объяснить, отступив от последовательности изложения.

В 1946 году из Ирана (Южного Азербайджана, г. Тебриз) перешла на территорию СССР группа членов народной партии, подвергавшаяся преследованию со стороны иранского правительства. Всего их было около 11 тысяч человек. Принятыми Советским правительством мерами они были расселены в районах Азербайджана, устроены на работу, учебу и жительство.

Во время одной из поездок руководителя народной партии Пишевари на машине в район южной границы Азербайджана его сопровождал полковник Кулиев Нури Гасанович, бывший тогда заместителем министра госбезопасности Азербайджана. Пишевари сидел на переднем сидении рядом с водителем. На совершенно безлюдной дороге водитель умудрился наехать на дорожный столб, в результате чего Пишевари стукнулся головой о лобовое стекло и был убит на месте. Кулиев поломал ноги, а водитель отделался легкими ушибами.

Для расследования этого факта, по просьбе Багирова, из Министерства Госбезопасности СССР прибыла бригада оперативных и следственных работников, которую возглавлял, бывший тогда заместителем министра Питовранов Е.П.

Расследование, на мой взгляд, велось с явно выраженным предубеждением, что водитель, фамилию которого за давностью времени забыл, по происхождению из Южного Азербайджана, но армянин по национальности, по заданию неуставленной иностранной разведки преднамеренно убил Пишевари, совершив наезд на дорожный столб. Однако эта версия вызывает сомнение. Водитель машины странно переехал с правой на левую (встречную) полосу движения. При таком положении сам водитель подвергался большей опасности.

В показаниях обвиняемого и свидетеля Кулиева Н.Г. много было противоречивых данных, но они детально не исследовались. Известно было, что накануне этой поездки водитель почти не спал ночь и, по его утверждению, он задремал за рулем, но научной экспертизы для подтверждения или отрицания этой версии проведено не было. Затем он признал себя виновным и был осужден за убийство Пишевари на 15 лет тюремного заключения. Находясь в заключении, он писал много жалоб, в которых указывал, что во время следствия его подвергали избиению, и это привело его к даче ложных показаний. Жалобы осужденного по существу не проверялись и оставались без последствий.

Кулиеву следствием не было предъявлено каких-либо обвинений, поэтому после излечения он остался на работе в органах госбезопасности.

Однако, спустя некоторое время, в связи с изменившимися обстоятельствами нам придется вернуться к этому делу.

Начальник управления МТБ города Баку полковник Керимов, ранее занимавший пост заместителя министра госбезопасности республики по следственной работе, был ближайшим подручным Багирова по ведению особо важных и секретных дел на личных врагов Багирова (а также и тех, кто не соглашался с его линией).

Начальником отдела МГБ Кировабада, второго по величине города Азербайджана, был полковник Касумов Эйюб. Это был мастер всякого рода провокационных дел, которыми нередко сопровождалась компрометация и изгнание неугодных Багирову лиц.

Касумов Эйюб знал все пороки и прегрешения многих руководящих деятелей республики того времени и по заданию «хозяина», как тогда именовали Багирова, мог использовать эти данные для создания любого «пикантного» дела (Ашраф Алиев и его жена).

Нет надобности продолжать этот список, так как он занял бы много страниц.

Но беда усугублялась еще и тем, что некоторые руководящие работники органов МГБ-МВД, серьезно скомпрометировавшие себя недозволенными методами работы, имели весьма крепкую поддержку со стороны отдельных руководителей республики. Эта проблема оказалась наиболее трудной, и ее разрешение осуществлялось в ожесточенной борьбе.

XX съезд КП Азербайджана

В декабре 1953 года состоялся XX съезд Компартии Азербайджана.

Являясь делегатом съезда, я выступил с речью, в которой рассказал о порочной практике руководства бывшего 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова, его злоупотреблениях властью, о расправе с честными, но неугодными ему людьми республики, о незаконных арестах и преследованиях.

Для примера приведу лишь один эпизод из выступления.

Вскоре после окончания войны, примерно в 1948 году, земляк Багирова, житель Кубинского района написал ему очень теплое письмо следующего содержания:

«Дорогой Мир Джафар Аббасович! Пишет тебе твой земляк и бывший товарищ... такой-то. Я прошел войну в составе Красной Армии, и, слава Аллаху, остался жив. Живу сейчас хорошо, ни в чем не нуждаюсь. Часто вспоминаю наши молодые годы, когда наряду с хорошим, были и заблуждения. Вспоминаю, как в 1918 году ты был серьезно ранен, а я сопровождал тебя на двуколке в лазарет, и ты сказал мне, что наша дружба будет вечной. Я ничего не прошу, а написал письмо под воздействием воспоминаний о нашей дружбе. Желаю много лет здравствовать и быть всегда молодым. Подпись».

Багиров, прочитав письмо, понял, что есть еще живые свидетели его преступной деятельности. Дело в том, что в этот период времени они вместе с автором письма служили в банде, боровшейся с Советской властью на Кавказе, что тщательно скрывал, добившись с помощью подставных лиц подтверждения, что он якобы являлся членом партии с 1916 года. Этим, как он считал, прикрывал этот эпизод в своей жизни «революционной деятельностью» в рядах коммунистической партии.

Багиров решил, что выход может быть только один - убрать навсегда не в меру размахавшегося земляка. На этом письме он наложил такую резолюцию:

«Товарищу Емельянову С.Ф. (речь идет о министре госбезопасности, который являлся моим предшественником). Автор этого письма несомненно ловкий шпион, который пытается втереться ко мне в доверие. Прошу принять срочные меры и оградить меня от возможных провокаций. Багиров».

Через несколько дней автор письма был арестован и помещен во внутреннюю тюрьму МГБ Азербайджанской ССР.

Когда все попытки добиться признательных показаний о том, что он является шпионом, специально подосланным к Багирову, не дали желаемых результатов, его перевели в камеру уголовных преступников, где он был убит в первую же ночь.

Таким образом, исчез и этот свидетель преступлений Багирова.

Затем в своем выступлении я рассказал об аресте бывшего министра внутренних дел республики Рзаева, привел его письма, разоблачавшие преступное поведение Багирова. Рзаев также явился жертвой мести последнего.

Мое выступление произвело сильнейшее впечатление на делегатов съезда, большинство из них заговорило в полный голос, осуждая преступную деятельность Багирова и его подручных. Резкой критике подверглись Якубов и Кулиев (1-й секретарь и председатель Совета Министров).

Но не все разделяли эту точку зрения. Были и «верноподданные», которые пытались отмежеваться от Багирова, но не осуждать его так строго.

Несмотря на предупреждения, что мое выступление предназначено только для делегатов съезда и не подлежит разглашению, через несколько дней в Баку о нем говорили очень многие.

Ко мне на прием записывались сотни людей с одной целью - выяснить судьбу ранее арестованных родственников, чаще всего родителей.

Положение мое осложнялось тем, что пока официально мы не начали еще пересмотр старых следственных дел. Эта работа только предстояла, так как ждали по этому поводу решения инстанций (вскоре оно последовало).

На XX съезде КП(б) Азербайджана 1-м секретарем ЦК КП(б) Азербайджана был избран Мустафаев Имам Дашдамирович (который при Багирове был 3-м секретарем), 2-м секретарем - Самедов Виталий и 3-м Искендеров Мамед Абдулович.

Я был избран членом Центрального Комитета, а на пленуме ЦК - членом бюро ЦК КП(б) Азербайджана.

Очищение. Председатель КГБ Азербайджана

После съезда партии подверглись чистке аппараты ЦК, Совмина, Президиума Верховного Совета республики от лиц, которые скомпрометировали себя в период пребывания 1-м секретарем ЦК Багирова.

Ситуация в этот период была чрезвычайно сложная. Многие старались представить себя противниками Багирова и, в свою очередь, очернить тех, кто им был неугоден. Приходилось очень сдержанно и осторожно высказывать свое мнение, ибо каждое мое слово воспринималось по-особому, так как все материалы находились в моих руках, и только мне представлялась возможность, используя их, получать достоверные данные.

Первый период времени после съезда бюро работало дружно, коллегиально. Были отброшены многие непригодные традиции прошлого бюро ЦК КП(б) Азербайджана. Например, раньше во время заседания бюро ЦК за столом Президиума сидели только 1-й секретарь, председатель Совмина и председатель президиума Верховного совета. Остальные члены бюро сидели в зале вместе с приглашенными на заседание, причем обычно приглашенных было довольно много — до 100 и более человек.

Этим как бы подчеркивалось неравное положение членов ЦК. Отошли в область предания и другие «методы» работы - разнос руководящих работников при всем «честном» народе, снятие с постов прямо на бюро, изгнание из республики и многое другое.

Однако старые привычки довели над некоторыми руководителями республики, сказывалось плохое воспитание, унаследованное от Багирова, которое не могло исчезнуть само собой.

Но время неумолимо бежало вперед, принося с собой все новые и новые события.

Весна 1954 года принесла мне приятную новость - я был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Нухинскому избирательному округу.

В феврале-марте пришлось много поехать по избирательному округу для встречи с избирателями. Это были очень приятные встречи. Как много нового узнал я о жизни народа в сельской местности, небольших городках районного масштаба. О взаимоотношениях старших с младшими, о восточной мудрости и гостеприимстве. Это были незабываемые дни.

В марте месяце я был избран депутатом Верховного Совета Союза ССР, а в апреле пришло решение ЦК КПСС и правительства о разделении Министерства внутренних дел на Комитет госбезопасности и Министерство внутренних дел.

Я был утвержден председателем Комитета госбезопасности Азербайджана, а министром внутренних дел республики стал мой друг генерал Булыга Андрей Евстафьевич.

Формирование двух ведомств кадрами сопровождалось незначительными усилиями, так как все вопросы с Андреем Евстафьевичем мы решали на основе взаимного уважения и практической целесообразности.

Вопреки целому ряду трудностей, мне удалось выдвинуть на руководящие посты в КГБ Азербайджана плеяду молодых, способных, перспективных и любящих свое дело работников, в том числе Али-заде Мамеда Алиевича, Мамедова Айваза Абдурахмановича, Заманова Абаса Тагиевича, Мамедова Гамбая Алескеровича, Алиева Гейдара Алиевича, Эфендиева Сами Багиевича, Самедова Гаджи Айдамировича, Гусейнова Иль Гусейна, Халыкова и некоторых других.

Говоря о трудностях, приведу лишь один эпизод, касающийся Г.А.Алиева, тогда еще совсем молодого сотрудника органов госбезопасности. В начале 1954 г. ко мне поступили сведения, связанные с его личной биографией, его моральными качествами и требующие детальной проверки. С этой целью была создана специальная комиссия, которую возглавил мой заместитель М.А.Али-заде. К сожалению, в ходе ее работы часть не самых благовидных фактов получила подтверждение. Однако, каково же было мое удивление, когда определить дальнейшую судьбу Г.А.Алиева попытались за моей спиной. Помню, я только вернулся на службу с очередного заседания бюро республиканского ЦК и отправился на проходившее во 2-м управлении партсобрание. Оказывается, там уже было рассмотрено персональное дело Гейдара Алиевича и ему грозило исключение из рядов партии со всеми вытекающими последствиями. Я предложил не делать этого и ограничиться строгим выговором с занесением в личную карточку. Вскоре меня поддержал и 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана. Это был редкий случай, когда наши оценки и намерения совпали. Замечу без ложной скромности, сегодня я не жалею о своем решении. Ведь жизнь и блестящая карьера одаренного, далеко не ординарного человека, ставшего впоследствии президентом республики, были спасены (его всего лишь на время понизили в должности), а все могло произойти совсем иначе...

В целом, мне кажется, что, несмотря на молодость поименованных выше товарищей (каждому из них было около тридцати лет), все они на редкость активно и добросовестно включились в работу и там, где не хватало опыта руководящей деятельности, помогало дружное коллективное решение вопросов. На мой взгляд, это был хороший ансамбль, оказывавший мне огромную помощь в решении всех чрезвычайно серьезных вопросов.

О том коллективе у меня сохранились самые лучшие воспоминания.

А работы в тот период времени было чрезвычайно много.

Достаточно сказать, что, во-первых, поступило указание о пересмотре всех следственных дел по политической окраске, во-вторых, Прокуратурой Союза ССР было возбуждено уголовное дело[^] против бывшего 1-го секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова и его подручных - бывшего министра госбезопасности республики Емельянова, его заместителей - Атакишиева, Маркаряна, Григоряна, Борщева.

В связи с этим я получил указание из КГБ произвести арест всей этой группы, кроме Багирова, который был арестован в Москве и этапирован в Баку.

Первым я лично арестовал своего предшественника генерала Емельянова И.С., остальных арестовали созданные опергруппы.

«Холодная война» с Мустафаевым

Но с 1-м секретарем ЦК КП Азербайджана Мустафаевым Имамом Дашдамировичем стали складываться исключительно плохие отношения, что омрачало настроение и мешало в работе.

Причина - резкое отношение с моей стороны к двум полковникам, работникам органов госбезопасности, Касумову и Керимову.

Обстановка складывалась до такой степени неприятная, что даже мелькала мысль, а не попросить ли ЦК КПСС освободить меня от занимаемой должности. Но это было бы дезертирством с трудного фронта, а с другой стороны - дало бы возможность торжествовать несправедливости. Нет, с таким положением я не мог мириться и принял решительные меры противодействия.

Завязалась жестокая и длительная борьба, сопровождавшаяся со стороны Мустафаева изощренным коварством, мстительностью и использованием своего высокого поста. На моей стороне была только правда, негибаемая воля к борьбе и активная помощь большинства руководящих работников КГБ Азербайджана.

Бывая периодически в Москве, я докладывал о создавшемся положении в Комитете госбезопасности, и в частности председателю КГБ при СМ СССР Серову Ивану Александровичу, который сочувствовал мне и обещал переговорить с секретарями ЦК КПСС. Обращался я также и к отдельным работникам ЦК КПСС, но, надо прямо сказать, не все меня правильно понимали, и их рекомендации, в основном, сводились к тому, чтобы я помирился с Мустафаевым, «ведь он же - 1-й секретарь ЦК!».

Наконец, 8 августа 1955 года, когда обстановка стала совсем нестерпимой, я обратился с письмом к первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н.С., в котором изложил факты неправильного поведения первого секретаря ЦК КП Азербайджана Мустафаева И.Д.

Суть дела заключалась в том, что Мустафаев создавал нездоровую обстановку в работе членов бюро ЦК КП Азербайджана, подавлял их инициативу и активность, допуская к людям, высказывающим несогласие с его мнениями или малейшие критические замечания в его адрес, необъективность, коварство, мстительность и преследование. Он обвинял органы госбезопасности и, в частности, председателя, то есть меня, в том, что дескать я не считаюсь с ЦК КП Азербайджана, что я выступил против указания Мустафаева об увольнении из органов по не известным никому причинам 40 сотрудников, которые, к сведению, себя не опорочили и по работе характеризовались положительно; в неправильном отношении к бывшим работникам органов госбезопасности Касумову и Керимову (которые напротив, серьезно себя скомпрометировали, допускали грубые нарушения социалистической законности, и как работники не обладали деловыми качествами). С учетом вышеперечисленного Мустафаев ставил вопрос о моем освобождении от должностей в КГБ при СМ СССР и ЦК КПСС.

Прошло несколько дней томительного ожидания - реакции на мое письмо. Трудно передать переживаемое состояние того периода, но одно только можно сказать, для такого напряжения необходимо крепкое здоровье и непоколебимая выдержка.

Наконец, мне позвонил заместитель председателя Комитета госбезопасности при СМ СССР Петр Иванович Григорьев и сказал, что весьма авторитетная комиссия по указанию ЦК КПСС вылетает в Баку

по твоему письму, будь готов держать ответ по всем вопросам. Я поблагодарил за сообщение и пробормотал: «Надеюсь, за меня краснеть не придется».

Этот разговор вселил в меня твердую уверенность в правоте своих позиций, как-то серьезно поднял мое общее настроение. Эту приподнятость заметили мои заместители Али-заде, Заманов, а также и члены бюро ЦК КП Азербайджана, в частности Рагимов, Искендеров, Ибрагимов.

Телеграмма о приезде комиссии из ЦК КПСС поступила в день, когда заседало бюро ЦК. Мустафаев объявил об этом членам бюро, и сказал, посмотрев пристально в мою сторону, что ему непонятно, с какой задачей прибывает комиссия. Я сделал вид, что ничего не знаю, и промолчал.

В состав комиссии ЦК КПСС входили: заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС Громов Евгений Иванович, заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Дроздов Георгий Тихонович, заместитель председателя КГБ при СМ СССР Григорьев Петр Иванович.

Приезд комиссии столь высокого ранга вызвал среди партийно-хозяйственного актива республики повышенный интерес, а когда стало известно, что комиссия прибыла по моему письму, началась поляризация настроений в пользу одной или другой стороны. Конечно, мои позиции были гораздо слабее. Ведь я для Азербайджана был новым человеком, не имевшим глубоких корней в народе. Мустафаев, напротив, был местным человеком, которого хорошо знал республиканский актив, он много лет находился на руководящей работе, считался крупным специалистом сельского хозяйства.

Естественно поэтому абсолютное большинство считало, что борьба закончится в пользу Мустафаева, а я потерплю поражение.

Несколько дней активной работы комиссии позволили ей внимательно разобраться в создавшейся ситуации, познакомиться с документами, поговорить со многими людьми. На основе собранного материала была составлена записка, которую комиссия вынесла для обсуждения на бюро ЦК КП Азербайджана. Два дня заседало бюро. Это поистине было тяжелейшее сражение за правду, за партийную принципиальность.

Комиссия в своем докладе руководству ЦК КПСС отметила, что в бюро ЦК КП Азербайджана сложилась явно ненормальная обстановка. Первый секретарь ЦК Мустафаев не считается с членами бюро, попирает принципы коллективного руководства, крайне болезненно реагирует на все критические замечания в его адрес.

В бюро не созданы условия для свободного обмена мнениями. Нет слаженности и организованности, много времени уделяется рассмотрению незначительных вопросов и упускаются принципиально важные вопросы.

С конца прошлого года у Мустафаева сложились совершенно ненормальные отношения с председателем КГБ Гуськовым (членом бюро ЦК), что крайне отрицательно сказывается на работе Комитета. Мустафаев обвиняет Гуськова в том, что он плохо работает, не считается с ЦК КП Азербайджана, старается уйти из-под партийного контроля. В марте месяце Мустафаев ставил вопрос перед ЦК КПСС о замене Гуськова на этом посту.

Проверка показала, что эти обвинения не имеют под собой серьезных оснований. Все члены бюро и руководящий состав отделов Комитета, с кем приходилось беседовать, отзывались о Гуськове, как о добросовестном и хорошем руководителе, выдержанном коммунисте и поддерживают его в работе.

Члены бюро ЦК заявляют, что Мустафаев вопрос о замене Гуськова внес в ЦК КПСС по своей инициативе, не посоветовавшись с бюро. Это предложение никто из членов бюро не поддерживает и считает, что для постановки этого вопроса нет причин. Таким образом, нет оснований к тому, чтобы обвинять Гуськова в неправильном поведении. При беседе начальники отделов КГБ заявили, что надо ЦК КП изменить свое отношение к Комитету и его руководителям, так как создавшаяся обстановка самым отрицательным образом влияет на работу.

Предложения комиссии:

«1. Товарища Мустафаева можно сохранить на партийной работе, ему следует помочь в исправлении недостатков и ошибок. Если судить по его поведению, то можно заключить, что критику на бюро он воспринял правильно.

2. Председатель КГБ Гуськов работу знает, с порученным делом справляется, среди партийного актива и работников КГБ пользуется авторитетом, поэтому считаем, что отзывать его из республики нет оснований. Такое же мнение о т. Гуськове высказало бюро ЦК Азербайджана.

3. Считаем необходимым поручить КПК при ЦК КПСС (т. Комарову) командировать в Азербайджанскую парторганизацию одного из членов КПК для оказания помощи в налаживании работы партийной комиссии, так как в ряде случаев недостаточно обоснованно возбуждаются персональные дела против отдельных коммунистов».

Комиссии ЦК КПСС, членам бюро ЦК КП Азербайджана, в том числе и мне, показалось, что после такого обсуждения и жесткой критики, которой подвергся Мустафаев, он сделает должные выводы и перестроится в работе, изменит свое отношение к членам бюро, прекратит войну со мною, ибо он должен был понять, что в такой войне могут быть только побежденные.

Но эти надежды были напрасны. Мустафаев затаил неистребимую злобу против меня и давал заверения исправиться только для того, чтобы удержаться на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана.

Комиссия ЦК КПСС, завершив работу, отбыла в Москву, а мы остались на месте. Надо было как-то налаживать взаимоотношения. Я, по своей наивности, рассчитывал на благоразумие Мустафаева. Но этого не случилось. Напротив, он перешел к более изощренным способам борьбы со мною. Причиной для этого послужило то, что комиссия ЦК КПСС доложила материалы проверки моего заявления на заседании Секретариата ЦК КПСС, которым было принято решение - разослать записку Комиссии во все ЦК КП союзных республик, крайкомы и обкомы КПСС.

Поступило это решение и к нам, и вот буря разразилась с новой силой.

Как только выезжаю в командировку, он тут же начинает вызывать отдельных сотрудников КГБ и, запугивая их исключением из партии, требует давать на меня какие-либо порочащие данные.

Желание Мустафаева получить на меня отрицательные данные было так велико, что порою он переходил, что называется, «в ближний бой». Вдруг пригласил вместе пообедать, усиленно угощал вином, вызывал на откровенные разговоры о членах бюро, руководящих работниках республики (председателе Совмина, его заместителях и других). Но, видя мою сдержанность, оставлял свои попытки. Моя безупречная жизнь в Баку не позволила Мустафаеву использовать коварство в целях компрометации. Но, признаться, состояние «холодной войны» сильно действовало на нервную систему, очень мешало в работе и не создавало хорошего настроения, а забот в этот период было чрезвычайно

много. Достаточно сказать, что осуществлялся пересмотр всех следственных дел по политической окраске за период с 1937 по 1953 год, количество которых исчислялось четырехзначной цифрой. Поэтому большая группа следственных и оперативных работников была занята этой работой. Следствие по делу группы Багирова отнимало также много сил и времени.

С управлениями центрального аппарата КГБ при СМ СССР были установлены хорошие контакты, что создавало благоприятные условия для творческой работы, но настроение отравлял человек, который, казалось бы, должен был всемерно помогать в работе.

Удивительное дело, но это факт, что я готов был забыть и простить Мустафаеву, если бы с его стороны проявилось какое-либо стремление к налаживанию взаимоотношений. Но он, напротив, всеми силами пытался нагнетать нездоровую обстановку. А тут вдруг ему выдался удобный случай, о котором следует рассказать.

В Азербайджан приехала группа комсомольских работников во главе с бывшим первым секретарем ЦК ВЛКСМ и будущим председателем КГБ Шелепиным А.Н. для проверки состояния комсомольской работы в республике. В составе этой группы оказался секретарь Горьковского горкома ВЛКСМ Семенов, который знал меня по работе в Горьком.

Однажды он позвонил мне по телефону и попросил согласия встретиться. Я пригласил его в КГБ, и мы побеседовали в течение 1-1.5 часов. Не знаю, как это произошло, но я ему откровенно сказал, что все было бы хорошо, но вот 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана товарищ Мустафаев ведет себя неправильно, рассказал о работе комиссии ЦК КПСС.

На Семенова мой рассказ произвел сильное впечатление, и он решил поделиться с Шелепиным. Шелепин, выслушав Семенова, пошел к Мустафаеву и все передал ему.

Через некоторое время Мустафаев позвонил мне и попросил приехать к нему в ЦК. При встрече наш разговор сложился примерно следующим образом:

Мустафаев: «Вы почему распространяете обо мне нелепые сведения?»

Я: «Этим делом я не занимаюсь».

Мустафаев: «Мне рассказал товарищ Шелепин, что вы вызвали к себе из его бригады Семенова и наговорили ему черт знает что».

Я: «Во-первых, товарища Семенова я не вызывал, он пришел ко мне сам. Ему я сказал то, что могу повторить вам в глаза. Во-вторых, мне кажется, товарищ Шелепин поступил не лучшим образом, мягко выражаясь, а если хотите откровенно - это наущничество, которое не украшает столь ответственного работника ЦК ВЛКСМ. Если вы меня пригласили для подобного разговора, то мне больше вам сказать нечего».

Мустафаев: «Я этого так не оставлю».

На этом разговор оборвался, и я ушел.

Как я был зол на себя за допущенную слабость - разговор с Семеновым. Это была моя первая серьезная ошибка в конфликте с Мустафаевым. И на этой основе состоялось знакомство с Шелепиным, о поступке которого я позволил себе отзываться весьма неодобрительно, допустив несдержанность в выражениях, что впоследствии явилось крупным препятствием на моем пути.

К слову, хочу сказать, что справедливость восторжествовала, и через год за допущенные ошибки в работе Мустафаев был снят с должности первого секретаря ЦК КП Азербайджана.

Глава 10. На верхних "этажах" оперработы

Во главе военной контрразведки страны

Однажды, воспользовавшись своим пребыванием в Москве, я, учитывая все вместе взятое, зашел к председателю КГБ Серову И. А. и так ненастойчиво попросил перевести меня куда-нибудь в Москву, если будет такая возможность. Иван Александрович, будучи человеком весьма сухим по характеру, слегка улыбнулся и сказал: «Видно Мустафаев Вам изрядно надоел». «Просто не хочу тратить силы на мышиную войну», - ответил я.

«Хорошо, - сказал Серов, - я посоветуюсь в ЦК КПСС».

Прошло 2-3 месяца после того разговора, мне уже показалось, что он забыл и все останется по-прежнему. Но как-то поздно вечером позвонил заместитель председателя КГБ Ивашутин Петр Иванович и сказал, что председатель КГБ просил меня приехать в Москву. На мой вопрос, что иметь при себе, он шутил ответил - «Голову».

В начале сентября 1956 года я прибыл в Москву на переговоры.

Вначале зашел к Петру Ивановичу Ивашутину, который прямо сказал, что речь пойдет о моем переводе в 3-е Главное Управление КГБ на должность заместителя начальника Главка. «Если не возражаете, то сейчас зайдём к Ивану Александровичу Серову». Он созвонился с Серовым и тот пригласил нас к себе. Разговор был предельно коротким. Как всегда, Серов куда-то торопился и вопрос поставил ребром: «Хотите пойти зам. начальника 3-го Главного Управления?». Я ответил немедленно - «Очень хочу!». Серов и Ивашутин засмеялись. «Тогда, - сказал Серов, - будем представлять в ЦК КПСС. А вы, - обращаясь ко мне, - побудьте несколько дней в Москве, отдохните». Я поблагодарил и вышел из кабинета.

Через 2-3 дня меня пригласили в ЦК КПСС, и вскоре был подписан приказ о моем переводе в Москву.

Не скрою, это была для меня величайшая радость.

Итак, тяжелая жизнь в Баку закончилась. Почти четыре года пролетели в горячих и холодных сражениях за правду, партийную принципиальность, за честное отношение к людям.

Опыт международного общения

За время работы в Азербайджане я многому научился. Я был на большой партийной и государственной работе, мне приходилось участвовать в решении сложных хозяйственных задач.

За это время довелось встречаться с некоторыми руководящими работниками ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, а также с главами государств и правительств иностранных государств. В том числе с Джавахарлалом Неру - премьер-министром Индии, У-Ну - главой Бирманского государства, Сукарно - президентом Индонезии, Мохаммедом Реза Пехлеви - шахом Ирана, Отто Гротеволем - председателем Совмина ГДР, Цеденбалом - первым секретарем ЦК Монгольской народной партии, председателем Народного Хурала.

В целях обеспечения безопасности высокопоставленных гостей мы заранее составляли оперативный план каждой встречи на весь период их пребывания в республике, проводившийся согласно протоколу.

Этим планом предусматривались меры охраны на объектах посещения и безопасности движения по маршрутам следования. Совет Министров республики выделял нам спецмашины, но их техническое обслуживание и обеспечение шоферами осуществлялось КГБ республики. В головной машине, как правило,

находился председатель КГБ, либо один из его заместителей с группой оперативных работников из 3-4 человек. Затем следовала охраняемая машина с гостем и сопровождающими его лицами, а за нею машина с охраной КГБ. Обычно в дни приема высокопоставленных гостей нашему брату «чекисту» приходилось переносить большие психологические нагрузки. Дело в том, что гости обычно находятся под пристальным вниманием союзного руководства, и малейшее отклонение от протокола могло привести к неприятным последствиям. Правда, в этом отношении, как правило, у нас проходило все благополучно, за исключением двух небольших приключений с У-Ну и Сукарно.

У-Ну, бывший президент Бирманского государства, прибыл в Баку летом 1955 года в совершенно диковенном костюме, невиданном в нашей стране.

На нем была одета юбка в разноцветную полоску, рубашка необычного покроя, с кружевами и разными украшениями, а на голове нечто похожее на таджикскую тюбетейку, только несколько большего размера.

По программе пребывания в Баку предполагалось посещение некоторых правительственных учреждений и мечети, где он должен был молиться.

Узнав об этом (по мерам экстренной подготовки объекта), вокруг мечети с утра собралась толпа мусульман-фанатиков и терпеливо ждала появления У-Ну.

Когда мы подъехали к мечети, толпа бросилась к машине, чтобы прикоснуться к одежде гостя. Пришлось моим сотрудникам оттеснить толпу и сопровождать его прямо в мечеть. Эта часть операции удалась нам легко. Но, когда он закончил молиться и пошел к выходу, его окружила толпа фанатиков, которую невозможно было отсечь от нашего гостя. Ну, думаю, пропала моя головушка, если что-нибудь произойдет. С большим трудом, с помощью милиции, нам удалось создать коридор от мечети до машины метров 15-20, провести по нему У-Ну и буквально втолкнуть в машину. Захлопнув дверь автомашины, я с облегчением вздохнул. Но радость моя была преждевременна.

Люди облепили машину, словно осы мед, никакие уговоры не помогали. Пришлось маневрировать тремя машинами так, чтобы расчистить дорогу основной машине. С большим трудом нам удалось это сделать, и мы вырвались из «плети» фанатиков. Других каких-либо приключений с пребыванием У-Ну не было.

На приеме, который был устроен в честь У-Ну руководством республики накануне отъезда, он вел себя очень просто, облачился в национальный азербайджанский костюм, который ему подарили, шутил, весело смеялся, спиртного совершенно не употреблял. На следующий день утром мы отправили его самолетом на родину.

Президент Индонезии Сукарно прибыл в Баку из Москвы в сопровождении ряда лиц, в том числе нашей переводчицы, симпатичной блондинки, 25-26 лет, восторженно отзывался о нашей стране, советских людях, в свою очередь и его принимали очень тепло и приветливо. Все четыре дня пребывания в Баку он не расставался с переводчицей (фамилию которой за давностью времени не помню) и вдруг накануне

дня вылета он говорит мне, что переводчицу хочет забрать с собой в Индонезию, она согласна. Ну, думаю, «брат Карно», (как его тогда называли), влюбился. Что же делать? Посоветовался с работниками Министерства иностранных дел, которые его сопровождали. И они мне рассказали, что у него на родине три жены, следовательно, будет четвертая. Надо было предпринять все меры к тому, чтобы не допустить этой поездки. КГБ СССР подтвердило мое решение. Изыскиваю возможность переговорить с переводчицей, чтобы разубедить в ее намерении улететь в Индонезию.

Беседа длилась больше часа, я постарался нарисовать ей картину неразумного поступка, сказал, что у него уже есть три жены. Неужели вы не понимаете, на что соглашаетесь? Все мои доводы собеседница не хотела принимать во внимание и только твердила, что она не может его оставить, она любит его и готова на все трудности ради этого человека.

Видя такую несговорчивость, я заявил, что самовольный выезд из своей страны будет расцениваться, как измена родине со всеми вытекающими последствиями. «Если ваше желание действительно так велико, - сказал я, - возбудите ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о выдаче вам разрешения на выезд. Без этого все ваши попытки действовать

самовольно будут пресечены на месте как намерение совершить государственное преступление. Если вы сейчас же не откажетесь от намерения выехать вместе с господином Сукарно, я немедленно прикажу отправить вас в Москву в принудительном порядке». Были слезы, тяжелые раздумья и, наконец, разумное решение: «Я не поеду в Индонезию, разрешите мне только проводить его на аэродроме».

На это пришлось согласиться.

Прибыли на аэродром, самолет готов к вылету, все обступили «брата Карно», прощаются с ним, а я глаз не спускаю с моих сотрудников, которым поручил, в случае попытки сесть в самолет, задержать переводчицу. Да и сам стараюсь быть к ней поближе.

Но вот наступил момент, когда должно все решиться - Сукарно нежно обнимает возлюбленную, она нежно целует его и они расстаются.

Ну, думаю, слава Аллаху, на этом любовь кончилась. Все обошлось благополучно.

Очень приятное впечатление осталось от встречи с председателем Совмина Германской Демократической республики Отто Гротеволем. Мне довелось сопровождать его совместно с председателем Совмина Азербайджана Рагимовым. Отто Гротеволь прибыл с женой. Его интересовали, главным образом, промышленные объекты, в том числе нефтяные камни, но уделял он также внимание и городским достопримечательностям.

Поведение Отто Гротеволья и его жены отличалось изысканной культурой, скромностью и деликатностью.

Когда мы в первый день пребывания поехали осматривать город, я пригласил из Комитета двух фотографов с фотоаппаратурой. А к обеду мне уже передали готовые цветные фотографии довольно хорошего качества для того времени. Придя на обед в гостевой дом, я вручил эти фотографии Гротеволю. Он и жена очень удивились тому, что так быстро сделали цветные фотографии, смеялись над забавными позами, искренне радовались и очень сердечно благодарили меня за подарок.

За время их пребывания в Баку я постоянно находился с ними, между нами установились очень добрые отношения. Мы как-то даже понимали друг друга, не зная соответствующего языка.

Примерно год спустя, в конце 1957 года, в ГДР выезжала наша партийно-правительственная делегация, в составе которой были Н.С. Хрущев и А.И. Микоян. В этот период времени и я выезжал в ГДР. Находясь там на приеме в честь нашей делегации в городской ратуше, я встретил О. Гротевольа и его жену. Они очень приветливо отнеслись ко мне, спрашивали, долго ли я пробуду в Берлине, и даже пригласили к себе домой. Но эта встреча не состоялась, поскольку программа пребывания была чрезвычайно насыщенной.

Может быть, прозвучит нескромно, но в Баку и в республике за это время я приобрел много настоящих друзей. Большинство знавших меня людей относились ко мне с большим уважением. Об этом свидетельствуют приемы, которые мне были оказаны во время посещения Баку в 1964 году, спустя 8 лет после отъезда, а также в 1967 году.

Во время работы в Азербайджане мне присвоили звание генерал-майора (в 41 год).

В коллективе 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР я почувствовал себя, как в раю. Там всюду царил здоровая, спокойная обстановка...

Венгерские события. 1956 год

Не успел я как следует оглядеться на новом месте, как вдруг был направлен на выполнение особого задания в Венгрию.

К концу октября 1956 года в Венгрии контрреволюционные элементы, поддержанные разведками США, Англии, ФРГ и других капиталистических стран, подняли мятеж, захватили в ряде областей и в столице Венгрии Будапеште власть в свои руки.

Говоря о Венгрии как объекте подрывной деятельности «международного империализма» надо иметь в виду, что там до 1945 года 25 лет господствовал фашистский режим Хорти. Венгрия участвовала на стороне гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Все это оставило глубокий след. Поставив своей задачей восстановление старых фашистских порядков, венгерская оппозиция в течение ряда послевоенных лет сумела перегруппировать свои ряды и организовать.

Разведки США, Англии и ФРГ на территории Западной Германии стали усиленно создавать эмигрантские контрреволюционные организации такие, как «Содружество венгерских борцов», «Движение за свободу Венгрии» и другие. Там же организовались и военные подразделения. В английскую зону оккупации Германии в конце войны была выведена целая венгерская дивизия «Сент-Ласло».

Для руководства зарубежными венгерскими военными формированиями в Мюнхене (ФРГ) был образован «Венгерский совет обороны в изгнании». На территории американской зоны оккупации Австрии возник крупный центр венгерской контрреволюционной эмиграции, при котором была создана «Венгерская канцелярия».

Большие силы венгерской зарубежной реакции были сосредоточены в США. Там обосновались бывший премьер-министр Надь Ференц и Бела Варга, занимавший в 1946 - 1947 гг. пост председателя Национального собрания Венгрии, которые возглавили контрреволюционные организации, созданные американской разведкой, «Союз американских венгров» и «Национальный комитет венгров в США».

Одновременно с этим государственные органы США приступили к формированию отдельных подразделений в составе регулярной армии США. Между зарубежными разведывательными центрами, обосновавшимися в Австрии, ФРГ, США, и контрреволюционным подпольем внутри страны

существовала хорошо налаженная связь. Одним из организаторов такой связи являлся военный атташе в Венгрии капитан Глиссон.

Подрывная деятельность иностранных разведок в Венгрии накануне мятежа приняла особенно широкий размах. Через границы огромным потоком перебрасывались люди, вооружение и боеприпасы. Они доставлялись машинами, сбрасывались с американских самолетов. В дни мятежа многие агенты иностранных разведок были переброшены в Венгрию под видом корреспондентов западных газет и телеграфных агентств.

Исключительной активностью в дни мятежа отличился английский военный атташе в Будапеште Кауми, который открыто поддерживал связи с руководителями контрреволюционных формирований, давал им советы и наставления. Он посетил генерал-полковника Малетера, командующего отрядами мятежников, и вел с ним переговоры.

Таким образом, на территории Венгрии были сосредоточены большие силы контрреволюции, хорошо вооруженные и оснащенные всем необходимым для ведения крупных военных действий и подрывных акций.

Захватив власть в стране, реакция прежде всего, свой удар нанесла по руководящему звену и активу Коммунистической партии Венгрии, а также по сотрудникам органов госбезопасности. Многие пали жертвами мятежников, а оставшиеся в живых были брошены в тюрьмы, чтобы потом можно было расправиться с ними.

Почуввав добычу, в Венгрию потянулись бывшие помещики и капиталисты, крупные чиновники, надеясь вернуть свое добро. Обстановка в стране сложилась чрезвычайно сложная.

В этот момент Политбюро ЦК КПСС вынесло решение - оказать помощь венгерским братьям в разгроме контрреволюции силами находящимися там советских войск, в помощь которым направлялась группа руководящих работников КГБ во главе с председателем КГБ Серовым И.А. В эту группу входили семь генералов: Коротков, Грибанов, Зырянов, Гуськов, Каллистов, Сладкевич, Бетин и группа офицеров чекистов.

1 ноября на центральном аэродроме (Ленинградское шоссе, где ныне здание аэропорта) мы погрузились на два самолета ИЛ-14 и взяли курс на Будапешт. На первом самолете вылетел Серов И.А. с оперативной группой, на втором - вышеуказанные генералы и несколько оперативных работников.

Подлетели к Будапешту, когда наступали сумерки, погода была облачная и дождливая. Подойдя к военному аэродрому Теккель, наш самолет пошел на посадку, но в это время с нескольких точек окружающих гор был открыт огонь из пулеметов трассирующими пулями, и нам было видно, как огненные «змейки» проходят мимо нас, едва не прошив самолета. Пришлось вновь подняться выше облаков и начать посадку с наступлением темноты. Когда приземлились, первая группа во главе с Серовым И.А. была уже на аэродроме и наблюдала за нашей посадкой.

Затем Иван Александрович, как всегда торопливо, повел группу руководителей (7 генералов) в штабное помещение нашего авиационного соединения, где и провел короткое совещание. На этом совещании была определена роль каждого из нас. Мне, в частности, досталась роль начальника южного оперативного сектора, с пребыванием в городе Печ (на границе с Югославией). И самое главное, нужно было немедленно направляться туда, чтобы по пути в г. Секешфехерваре связаться с командующим 38-й армии генерал-лейтенантом Мамсуровым и действовать с ним во взаимодействии.

Спецоперация в городе Печ

До Секешфехервара вместе с генералом Бетиным Иваном Иосифовичем добирались на бронемашине (БРДМ). Города и населенные пункты, по которым проезжали, были полностью погружены во мрак, никакого освещения не было. Однако, несмотря на позднее время, на дорогах попадались группы вооруженных людей, которые внимательно всматривались, но огня по машине не открывали. Так благополучно добрались до Секешфехервара.

После небольшого отдыха Иван Иосифович Бетин отправился в пункт своего назначения, а я остался у командующего 38-й армией, генерал-лейтенанта Мамсурова Хаджи Джиоровича. Дело в том, что от Секешфехевара до г. Печ, надо было проехать около 180 км, причем местность сильно пересеченная, горно-лесистая.

По мнению командующего, в ночное время туда проехать было трудно даже на танке, поэтому мой отъезд был отложен до утра. Обсудив все вопросы с командующим, я зашел к начальнику особого отдела 38-й армии полковнику Яковлеву, который размещался в этом здании, раньше я его не знал.

Войдя в кабинет, я увидел сидящего за столом человека, обхватившего обеими руками голову и так крепко задумавшегося, что не слышал, как я вошел в его кабинет. И только увидев генерала, встал и поприветствовал.

Мы познакомились, поговорили о делах, событиях в Венгрии и, конечно, о моем задании, которое предстояло выполнить в области и городе Печ. А задание состояло в том, чтобы внезапно ударить по контрреволюционной группе, обосновавшейся в городе, разгромить ее и освободить из тюрьмы коммунистов и работников органов госбезопасности Венгрии, которым грозила расправа со стороны контрреволюции, обезоружить местный военный гарнизон, состоящий из артиллерийской дивизии и ряда отдельных подразделений. В оперативное подчинение мне передавалась танковая дивизия из состава 38-й армии, которая должна была выйти к месту событий вслед за мной и сосредоточиться на окраине Печа.

Рано утром следующего дня в сопровождении переводчика и одного автоматчика в танке я отправился в Печ. Дорога была исключительно сложной, особенно ближе к городу, она нередко шла по глубоким каньонам, лесным массивам, порою взбираясь на крупные отроги гор. Действительно, в ночное время проехать там было бы чрезвычайно сложно. В пути следования экипаж танка дважды вступал в перестрелку с вооруженными группами людей, но вражеские пули только стучали по танковой броне, не причинив нам никакого урона.

В центр города мы въехали в тот момент, когда контрреволюционная оппозиция организовала митинг жителей. Мы, что называется, попали прямо с корабля на бал. Остановив танк в непосредственной близости от толпы людей, стоящих с черными и желто-зелеными знаменами, я вылез из люка танка, осмотрелся и приказал экипажу: в случае, если на нас будет нападение, открыть огонь из пулеметов, а если потребуются и из пушки, а сам вместе с переводчиком и автоматчиком подошел ближе к толпе.

Подойдя совсем близко, я увидел хмурые, злые лица, смотревшие на нас с затаенной ненавистью. Обращаясь через переводчика к толпе, я спросил: «Зачем собрались? Идите спокойно домой». Но на мое обращение толпа мрачно загудела. Я вижу, что нас не понимают, хотя честно говоря, мне все еще казалось, что обратиться к людям с доброй улыбкой, и они ответят тебе тем же.

Тогда я, улыбаясь, вновь обращаюсь к толпе, со словами: «Я вас очень прошу разойтись по домам». И, присмотрев в толпе мальчика лет восьми, подозвал его к себе. Вытащил из кармана красивую

перламутровую ручку и подарил ему. Толпа чуть-чуть подобрела, некоторые заулыбались, рассматривая мой подарок, но в этот момент в задних рядах толпы раздались выстрелы, и пули просвистели в непосредственной близости от нас. Тогда я подаю команду: «Отойти к танку», а затем «Огонь из пулеметов вверх».

Как только дали залп, толпа в панике бросилась врассыпную. Через 2 - 3 минуты залп повторили, и все демонстранты были рассеяны. Разогнав демонстрантов, нам необходимо было где-то организовать «рабочий пункт», штабом его назвать было бы слишком громко! По совету переводчика Харанги, который до описываемых событий работал в управлении МВД города Печ и совершенно случайно оказался в Будапеште, а затем и в нашей оперативной группе, мы решили поселиться в центре города, в гостинице. Всем находившимся там жителям предложили немедленно выехать, а администрации - никого из посторонних в здание не пускать. Обслуживающий персонал распустили по домам, оставив несколько человек для поддержания порядка. У подъезда гостиницы установили танк и боевое дежурство.

Мы рассчитывали, что вслед за нами прибудет и дивизия, которая была выделена командующим армией Мамсуровым, но никаких признаков ее приближения не было. Связь с армией осуществлялась только по рации, но ввиду значительного расстояния она постоянно нарушалась. Правда, мы все-таки узнали, что все части вышли к новому месту дислокации.

А тем временем на центральной площади, то есть в непосредственной близости от гостиницы, собирались группы подо- зрительных лиц, причем число их с каждым часом росло. Меня стало тревожить создавшееся положение. Дело в том, что рано утром следующего дня мы должны были провести всю операцию (то есть разоружить местный гарнизон, освободить коммунистов, сотрудников органов госбезопасности из тюрьмы и разгромить контрреволюционеров), а имеющимися в моем распоряжении силами таких задач не решить. Долгими и томительными, а точнее тревожными были часы ожидания подхода главных сил.

Наступали сумерки, шел нудный, осенний дождь. Подкрепившись на скорую руку, мы усилили наблюдение за окружающей местностью, а танковый расчет занял свои места в танке.

Стемнело. То там, то тут раздавались выстрелы. Свет в домах жители не зажигали, а город освещался отдельными очень редкими уличными фонарями. На улицах почти никого не было, только изредка прошагает какая-то группа людей и мгновенно исчезнет во тьме. Во всем чувствовалась таинственная напряженность, казалось вот-вот завяжется кровавый бой, поэтому все огневые средства мы привели в полную боевую готовность (танковую пушку, два пулемета, автоматы - шесть штук, ручные гранаты около 20 штук и др.). И вдруг мы ясно увидели свет прожекторов, высвечивающий дорогу в том направлении, откуда должны были подойти части дивизии. Да, сомнений не оставалось, это идут наши. Посылаю экипаж танка на встречу с частями, чтобы сопроводить ко мне командование дивизии. Минут через 15-20 два полковника, командир дивизии и заместитель по политической части прибыли в мою «резиденцию».

Пока я их ждал, набросал план действий, который зачитал им, обсудили каждый пункт и совместно наметили, кто конкретно будет руководить каждым мероприятием в отдельности. Все изложили на бумаге и я утвердил.

Важнейшее место в этом плане занимали венгерская армия и тюрьма. Надо было немедленно нейтрализовать армию и освободить местных активистов, включив их в активную борьбу с контрреволюцией.

Чтобы мне удобнее было действовать и лучше зашифровать себя как чекиста, мы организовали комендатуру, которую разместили на первом этаже гостиницы, выделив в распоряжение коменданта роту танков, группу офицеров и роту солдат пехоты. Комендантом был назначен полковник Бойцов.

В мое распоряжение прибыла группа оперативных работников в составе трех человек, которую возглавлял майор Киселев. Помимо этого прибыл и особый отдел танковой дивизии в составе 5 человек. Так что в один день мое положение сильно упрочнилось.

По плану мне вместе с командиром дивизии предстояло рано утром разоружить местный гарнизон, о котором было сказано выше. Майору Киселеву я поручил руководить операцией по освобождению активистов из тюрьмы.

Операцию было решено начать в 4 часа утра. Все наши войска заняли исходные позиции и находились в полной боевой готовности.

Ровно в 4 часа по радиации был дан условный сигнал «рассвет», и все двинулись к определенным объектам. Мы с командиром дивизии и переводчиком отправились в артиллерийскую дивизию, прямо к штабу. Недалеко оттуда сосредоточили батальон танков. Нас встретил дежурный офицер, которому я приказал поднять командование дивизии по тревоге. Но никто из них не спал, они тоже находились в состоянии какой-то тревоги, недопонимания происходящего. Когда к нам вышел командир венгерской дивизии, я отрекомендовался представителем командования Советской Армии и предложил, во избежание каких-либо недоразумений и ненужной потери личного состава, временно сложить оружие и не выпускать личный состав из гарнизона.

Надо отдать должное командованию венгерской армии - она осталась нейтральной к происходящим событиям. Что касается командира артиллерийской венгерской дивизии, то он решительно встал на сторону защиты социалистического государства Венгрии и выполнил все наши требования в полном объеме. Никаких неприятностей со стороны военнослужащих гарнизона г. Печ мы не имели. Освобождение из тюрьмы коммунистов и работников госбезопасности также прошло успешно. Майор Киселев оказался очень толковым и чрезвычайно храбрым чекистом.

За два месяца совместной работы в Венгрии он выполнил ряд ответственных поручений, проявив при этом мужество и героизм.

Вышедшие из тюрьмы коммунисты сразу же принялись за дело. Они помогали освобождать от засевших контрреволюционеров наиболее важные объекты: почту, радиостанцию, вокзал, здание обкома партии и др. В течение двух дней контрреволюционная организация в городе Печ была разгромлена, остатки бежали в леса и горы, в сельскую местность. Аресту подвергли небольшое количество лиц, так как вести следствие практически было некому.

Постепенно стала налаживаться жизнь на промышленных предприятиях и шахтах. Возобновил работу городской транспорт и коммунальные предприятия. Но все это было настолько парализовано, что восстановлению поддавалось с большими трудностями.

Вскоре мы узнали о разгроме контрреволюции в Будапеште и создании Венгерской Социалистической рабочей партии (ВСРП) и рабоче-крестьянского правительства во главе с Яно- шем Кадаром.

В г. Печ также был создан областной комитет Социалистической рабочей партии, первым секретарем которого был избран товарищ Лаки, вторым - Царт, третьим - Сиклаи.

Однако положение сильно осложнилось тем, что разгромленная контрреволюция в Будапеште бежала в основном на юг, то есть в район города Печ, чтобы в случае необходимости уйти на территорию Югославии.

По наблюдениям войсковой разведки, в горно-лесистом районе, господствующем над городом, за горою Мечек на расстоянии 10-15 км к 15 ноября сосредоточилось до 15-20 тысяч вооруженных людей. Такое «соседство» было чрезвычайно опасно, нужно было срочно принимать меры.

На вертолете совместно с командованием наших войск мы облетели район расположения вражеского лагеря и приняли решение разгромить этот лагерь минометным огнем, а с воздуха на вертолете координировать стрельбу. Подтянули оружие и ударили по самому центру этого сброда.

Многие успокоились на месте, а оставшиеся в живых были рассеяны и вся их организация была разрушена, но отдельных небольших вооруженных групп и одиночек осталось все еще много, правда они были деморализованы, некоторые из них явились с повинной, но тем не менее эта публика представляла большую опасность, так как совершала нападения на предприятия, банки, учреждения и на отдельных активистов. К тому же с помощью эмиссаров из Югославии создавались так называемые «рабочие советы», которые пытались серьезно помешать восстановлению порядка в стране.

«Рабочие советы» пытались установить контроль за деятельностью партийных, государственных и административных органов, требовали узаконить право на забастовку и многое другое, что в принципе противоречило социалистическому порядку.

У меня сохранился дневник того времени, в котором я записывал основные события дня. В связи с этим приведу несколько выдержек из дневника без поправок.

«21 ноября. Продолжалось брожение в городе, к концу дня рабочие прекращали работу и расходились по домам. В каждом отдельном случае побудителем к этому были - либо вооруженная банда, либо - «рабочий совет».

Требования «рабочих советов» уже были самые абсурдные. Например - «требовать и добиваться от правительства права на забастовку». К концу дня работал только городской транспорт и коммунальные предприятия.

Приезжала делегация, в том числе и секретарь райкома партии, по поводу освобождения членов «рабочего совета» из г. Мохач, арестованных 20 ноября с/г в составе 12 человек. (Арест был согласован с секретарем райкома партии.)

Уполномоченный правительства товарищ Катана звонил начальнику Управления полиции товарищу Немишу с просьбой освободить этих арестованных.

В середине дня был ранен в центре города офицер Венгерской армии. Предварительным расследованием установлено, что выстрел в него произвел гражданский человек из проезжающей машины. Есть некоторые косвенные данные на одного местного жителя, примыкающего к бандитским элементам. Ведем расследование».

Для того чтобы яснее представить ту обстановку, в которой происходили события, надо внести некоторые пояснения. После нанесения сокрушительного удара по контрреволюции 4-5 ноября и полного разрушения ее организационной структуры, антиконституционные выступления в стране все еще продолжались. Принимаемые меры к наведению порядка новым правительством не могли сразу обуздать всех выступающих против социалистического строя. Как было сказано выше, особой травле подвергались коммунисты и работники органов госбезопасности. Это и понятно. Борьба против коммунистической партии велась всеми недозволенными методами, чтобы лишить ее морального права руководить страной и тем самым облегчить оппозиции приход к власти. А органы госбезопасности обливались грязью для того, чтобы притупить их острое в борьбе с контрреволюцией и таким образом безнаказанно вести борьбу с социалистическим строем.

Но если коммунистическая партия Венгрии, переименованная в Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП), смогла быстро приступить к прерванной работе, то органы госбезопасности находились буквально «вне закона».

Только одно упоминание об органах госбезопасности приводило многих в ярость, поэтому всех оставшихся в живых и вызволенных из тюрьмы сотрудников госбезопасности по указанию Центра временно перевели на нелегальное положение в г. Печ. Был создан политотдел вместо органов госбезопасности. Центр тяжести борьбы с мятежниками был смещен на Управление полиции, начальником которого был Алайош Немиш, волевой, смелый и патриотически настроенный человек, беспрекословно выполнявший все мои распоряжения. Следственный аппарат Управления полиции был усилен следователями госбезопасности, но под крышей полиции.

Приведу еще одну запись в дневнике за 23 ноября 1956 года.

«В 10.00 в обкоме партии собрался партийный актив города. Около 12.00 часов в полицию явилась «рабочая делегация» в составе 7 человек, главным образом из числа уголовников и бездельников и, объявив себя членами «Областного рабочего совета», предъявила ряд ультимативных требований, в том числе: подчинить контролю упомянутого совета деятельность всех областных организаций, в том числе и полиции. Освободить всех арестованных из тюрьмы, снять с работы начальника полиции и т.д.

Если эти требования не будут выполнены, то немедленно будет объявлена всеобщая забастовка, а следовательно будет выключен свет, прекратится подача воды, газа и т.п.

По моему предложению начальник полиции Немиш поехал в Обком партии и доложил все активу, участники которого были страшно возмущены и немедленно приняли следующие меры:

- «1. Был создан военный комитет в составе 6 человек, которому поручили сформировать вооруженные рабочие отряды.
2. Взять под контроль деятельность всех рабочих комитетов, в том числе банков, почты, радиостанции, издательства газет и журналов.
3. Арестовать «рабочую делегацию».
4. О принятых мерах доложить Революционному рабоче- крестьянскому правительству и руководству Венгерской социалистической рабочей партии».

Нами были поддержаны мероприятия партийного актива. Провокаторы были немедленно арестованы. После их ареста последовало несколько телефонных звонков с провокационными заявлениями о нападении бандитов на электростанцию, почту и другие объекты.

Нами принимались необходимые меры защиты всех важных объектов.

Сегодня мне докладывали о проделанной работе руководителя политического отдела, которые одновременно жаловались на систематическую травлю работников госбезопасности. При этом показали центральную газету (орган Венгерской социалистической рабочей партии), в которой имелись статьи с нападками на работников госбезопасности: из банка позвонили в полицию и предупредили, что не выдадут деньги, если немедленно не распустят всех работников госбезопасности.

Далее, поступил приказ из Будапешта об увольнении всех сотрудников госбезопасности с 1 декабря 1956 года. А что делать со следователями? Их распустить нельзя! Они сейчас ведут все основные дела.

22 ноября в центральных газетах опубликовали ответы только что назначенного прокурора на вопросы корреспондентов. Совершенно непонятно, о чем он думал, когда говорил о том, что никого нельзя арестовывать, кроме уголовных преступников?

При таком положении непонятна наша миссия. Неразбериха и отсутствие твердых указаний деморализует работающих людей.

Постоянные уступки бастующим, которых подбивают на это провокаторы и преступники, приводят к немедленной потере всех достигнутых позиций в наведении порядка. Саботажники в лице руководителей «рабочих советов» остаются безнаказанными, более того, они с каждым днем наглеют, и такое положение может вновь привести к беспорядкам».

Признаться, все эти противоречивые указания, исходившие от центральных органов, нами не выполнялись. Всех, кто выступал с оружием в руках или вел другую подрывную работу против социалистических завоеваний Венгрии, мы немедленно арестовывали и воздавали им по заслугам. И надо сказать, настойчивая и упорная борьба за правое дело постепенно давала положительные результаты.

Мне пришла в голову идея выступить на ряде важнейших объектов перед трудящимися, в доступной форме объяснить им сложившуюся обстановку в стране и призвать включиться в борьбу с враждебными элементами и саботажниками.

Подготовил небольшой конспект и с переводчиком в военной форме отправился на шахту к рабочим. Выступление было выслушано с должным вниманием, но потом посыпались провокационные вопросы со стороны единомышленников «рабочих советов»: Почему не разрешают забастовки? Почему не дают право «рабочим советам» контролировать деятельность всех организаций, ведь власть должна принадлежать рабочим? и т.д.

Пришлось дать решительный отпор и предупредить, что эти песни поются с чужого голоса. Беседа затянулась, но мои оппоненты, в конечном счете, были идейно разгромлены, а с большинством присутствующих было найдено взаимопонимание. Уходили с собрания под одобрительные возгласы большинства присутствующих. К нашему приятному удивлению на следующий день на работу вышло около 80% рабочих шахты, вместо 20-25% до собрания. В связи с этим подобные выступления организовали еще на ряде объектов, в том числе и в учреждениях. К этому делу я подключил майора Киселева и других оперработников.

В городе стала налаживаться нормальная жизнь, если не считать отдельных проявлений бандитских элементов. Но наша радость была преждевременной.

Огорчения начались с того, что при очередной попытке провести собрание с рабочими табачной фабрики, мы потерпели полный провал. Когда рабочие, абсолютное большинство среди которых были женщины, собрались в цехе, мы вошли туда и были представлены директором фабрики. Начал я свое выступление и вдруг слышу, что мои слушательницы запели какую-то песню, как мне потом объяснили, национально-освободительного характера. Я замолчал, выждал некоторое время, но пение продолжалось. Тогда я сел на стул и сделал вид, что внимательно слушаю их пение. Все наши попытки водворить тишину успеха не имели. Тогда мы встали и пошли к выходу под ехидные выкрики и смех присутствующих. Трудно передать состояние, которое я испытал в тот момент, но этот случай запомнился мне надолго и заставил прекратить выступления.

На следующий день, 6 декабря 1956 года, в 16 часов как записано в моем дневнике:

«Работницы перчаточной фабрики в количестве 70-80 человек с черно-зелеными знаменами направились к памятнику Кошута, что находится в самом центре города, в 150 метрах от нашей гостиницы. В это время на улицах скопилось большое число зевак. Пройдя площадь, значительно выросшая толпа подошла к военной комендатуре и останови-

лась. Из толпы начали выкрикивать «Русские убирайтесь домой!», «Долой правительство Кадара!», а также хулиганскую брань. Я дал указание коменданту навести порядок. Направленный им наряд пограничников (венгров) и полиции ничего сделать не мог.

Правда, наряд совершенно бездействовал, особенно пограничники. После этого по площади прошли наши танки, что вызвало еще большее озлобление толпы. К месту событий вышел комендант города полковник Бойцов. Один из хулиганов вырвал автомат у полицейского и произвел несколько выстрелов. Он же ударил ногой коменданта. Толпа, выросшая до 500-600 человек, стала петь национально-освободительные песни, зажигать факелы из газет, кричать и хулиганить.

К этому моменту прибыло наше дежурное подразделение на четырех бронетранспортерах, которые сразу же двинулись на толпу в целях задержания наиболее наглых участников и организаторов беспорядков, при этом было дано несколько очередей из пулеметов вверх. Толпа немедленно рассеялась по прилегающим улицам и переулкам. Надо сказать, что выстрелов венгры очень боятся. Было задержано человек 25 активных участников беспорядка, но без должного оформления совершенных ими преступлений или правонарушений.

«Нами получены данные, что 7 декабря враждебные элементы намереваются устроить пожарище из коммунистических книг, других изданий и документов. Сигналы проверяются и находят свое подтверждение. Будем принимать нужные меры к предотвращению».

Конечно, все эти строки написаны наспех, в пылу боевых событий, которые требовали огромного напряжения воли и физических сил, а также оценки возможных последствий в результате принимавшихся мер. Оперативная обстановка в тот период, как видно из дневника, менялась мгновенно, и решения приходилось принимать без промедления. Отсюда были ошибки и просчеты, не всегда получалось так, как планировалось, но восстановление порядка, мне кажется, проводилось твердой рукой. Почувствовав нашу силу и неотвратимость наказания за организацию и создание беспорядков, неповиновение местным властям, организаторы и подстрекатели, видимо, не на шутку перепугались и больше массовых выходов на улицы города не было.

Областной комитет партии (ВСРП) начал последовательно и уверенно осуществлять руководство деятельностью промышленных предприятий, учреждений, средств массовой информации.

В городе восстанавливались торговля, улучшалось снабжение продуктами питания. На улицах стало оживленно, вместе с переводчиком мы нередко прохаживались по ним, а с начальником Управления полиции разъезжали по области, особенно по южным ее районам, где было еще неспокойно.

В 20-х числах декабря нас собрали для отчета в Будапеште. Судя по информации наших товарищей, аналогичное положение складывалось и в других областях Венгрии. Мы уже начали «закидывать удочки» на то, чтобы убраться восвояси. Нам руководитель пока этого не разрешил, правда, некоторых отпустил, но это, видимо, по особым уважительным причинам. Мне выпала оказия улететь в Москву только 29 декабря 1956 года - накануне Нового года.

Мы узнали, что большая группа воинов Советской армии и сотрудников госбезопасности, принимавших участие в ликвидации мятежа, награждена Президиумом Верховного Совета Союза ССР орденами и медалями. В связи с этим специальный самолет посылался в Москву за знаками.

Воспользовавшись встречей с Серовым И.А., накануне этого события я попросил отпустить меня домой. Он согласился. Я с завидной скоростью вернулся в Печ, забрал свои пожитки, распрощался с местными руководителями партийных и административных органов и спецсамолетом на следующее утро вылетел в Будапешт.

Когда сел в наш военный самолет, окончательно почувствовал, что покидаю Венгрию, так неприятливо встретившую в первый мой приезд в страну.

На Московской земле. Орден Красного Знамени». Руководство оперработой

Погода была совершенно нелетная. Стояли густые туманы, на всей трассе шел снег с дождем, но все-таки благополучно приземлились во Львове. Там меня встретил начальник Особого отдела КГБ Прикарпатского военного округа генерал-майор Кравченко Николай Григорьевич. Хорошо пообедав в ресторане, выходим на посадку, а нам экипаж докладывает, что самолет неисправен, требуется небольшой ремонт и необходимо лететь, в связи с этим, в Киев, а затем уже в Москву.

Тогда Николай Григорьевич предложил отправиться в Москву на рейсовом самолете, который вылетал уже через несколько минут. Недолго раздумывая, мы приобрели билет, и я отправился в Москву, забыв даже забрать свое «барахло» из самолета, на котором летел из Будапешта.

В 1960 году меня навестили венгерские товарищи, которые выразили благодарность за оказанную помощь народу Венгрии в 1956 году и подарили альбом с видами Будапешта. Я был очень тронут таким вниманием.

Удивительное это чувство Родины, родного города. С ним связано твоё детство, судьба твоих близких и множество неповторимых событий, которые навсегда сохраняются в памяти сердца. Оказавшись на московской земле, я почувствовал, что теперь-то, наконец, дома.

Спустя несколько дней после прибытия в Москву мне был вручен Орден Красного Знамени за активное участие в ликвидации мятежа в Венгрии.

Итак, закончилась еще одна боевая страница в моей жизни, очень хотелось бы, чтобы она была последней. Но это от меня не зависит.

По возвращении в 3-е Главное управление я был буквально засыпан вопросами, - многим оперативным сотрудникам хотелось узнать подробности происходивших событий в Венгрии. По разрешению руководства КГБ я выступил на совещании сотрудников

Управления и рассказал о деятельности южного оперативного сектора по разгрому контрреволюции с подробным разбором некоторых оперативных дел и операций. Выступление было выслушано с большим интересом и одобрением наших действий. Это, может быть, явилось причиной того, что как-то сразу ко мне потянулись оперативные работники за консультацией и решением оперативных вопросов.

Незаметно все наиболее важные дела в управлении постепенно стали переходить под мое наблюдение, по ним мною принимались окончательные решения. Признаться, я не стремился к этому, а все происходило в силу сложившихся обстоятельств. Видимо, со мной проще было решать вопросы, так как у меня был большой опыт разносторонней работы в органах, а у начальника Управления Леонова Дмитрия Сергеевича этого не было. Да и он не стремился к тому, чтобы вникать во все детали чекистской работы, а действовал с позиции крупного политработника, в целом правильно, но не конкретно. Поэтому постепенно степень нагрузки на меня увеличивалась и стремительно уменьшалась у него. Когда бывало ни зайдешь к нему, он сидит один, попивает чаек и читает газеты.

Но, видимо, почувствовав, что оказывается не в центре событий, он решил со мною строго поговорить. Дело происходило следующим образом. Я зашел проинформировать Дмитрия Сергеевича по одному из вопросов, уже решенному мною. Он выслушал и говорит: «Вы что, комиссаром в Управление прибыли?». «Нет, заместителем», ответил я. Почувствовав в его голосе повышенную раздражительность, я спросил: «А вы почему так ставите вопрос?». «Да потому, - говорит Дмитрий Сергеевич, - что вы все решаете без меня». «А разве у вас есть данные, что я неправильно решил какие-либо вопросы?». «Таких данных у меня нет, но я все-таки начальник».

- Дмитрий Сергеевич, я к вам отношусь с уважением, как к начальнику, но считаю предварительно докладывать дела, которые сам в состоянии решить без грубых ошибок, нецелесообразным, ибо это будет волокитой.

Мой начальник сбавил тон, как-то обмяк и сказал: «Я в принципе ничего не имею против, но все же надо меня информировать».

Я согласился с его просьбой, и больше никаких инцидентов между нами не было до момента, когда я принял от него дела и должность начальника Главного управления в мае 1959 года.

Вторым заместителем начальника главка был Остряков Сергей Захарович. Очень хороший человек, опытный работник, имел большую склонность писать бумаги и делал это, надо сказать, отлично.

Он умел ладить буквально со всеми сотрудниками. Пожалуй, безошибочно можно сказать, что в коллективе у него не было врагов. Сергей Захарович находил какие-то способы избегать острых, конфликтных ситуаций.

Третьим заместителем был генерал-майор Зырянов Павел Иванович, который буквально после возвращения из Венгрии был назначен начальником Главного управления пограничных войск КГБ, поэтому мне пришлось с ним часто встречаться для решения возникавших вопросов. Павел Иванович был человек весьма положительный, правда, с некоторыми особенностями характера. Между нами установились добрые отношения, которые сохранялись до конца нашей службы в КГБ.

В большом коллективе Управления нужно было правильно сориентироваться и определить, кто на что способен. Дело это не простое, требует очень больших усилий и умения, а, значит, и результат приходит, конечно, не сразу.

В должности начальника Главного управления военной контрразведки страны я проработал четыре года, а всего прослужил в органах госбезопасности 37 лет.

Почетный сотрудник госбезопасности, награжден многими боевыми орденами и медалями - всего 31.

Ушел в запас в 1970 году по состоянию здоровья в возрасте 56 лет.

Приложение

Глава 11. "Холодные" шестидесятые (страницы истории)

Краткая автобиография (из личных записей А. М. Гуськова)

Я, Гуськов Анатолий Михайлович, родился в 1914 году в Москве.

В 1935 году поступил в Московский нефтяной институт им. Губкина, окончив который работал на крекинг-заводе в гор. Бердянске Запорожской области инженером, начальником цеха, главным инженером завода.

В августе 1939 года по партийному набору был направлен в органы госбезопасности. Закончил Высшую школу НКВД СССР. После овладения литовским языком направлен на работу в Литву начальником уездного отдела НКВД.

С июня 1941 года по 9 мая 1945 года находился на фронте в составе действующей армии. Воевал на Брянском фронте в должности начальника особых отделов 269-й, затем 307-й стрелковых дивизий, 3-й бригады войск НКВД. Пришлось испытать горечь окружения в составе 13-й армии Брянского фронта, которое продолжалось 19 суток изнурительной борьбы за жизнь.

В связи с расформированием Брянского фронта и крупным наступлением немецких войск на Кавказ (враг рвался к нефтяным богатствам Грозного и Баку) был назначен начальником Особого отдела Грозненского оборонительного района Северо-Кавказского фронта, оборонительные операции на Северном Кавказе в ноябре 1942 года остановили наступление врага, нанеся ему значительные потери в живой силе и технике. Все попытки немецко-фашистских войск прорваться в Закавказье оказались безуспешными.

С 1944 по май 1945 года воевал на 3-м Белорусском фронте, занимая должность начальника Особого отдела Управления войск НКВД охраны тыла. Принимал активное участие в сражениях по разгрому Витебской, Оршанской, Могилевской и Бобруйской группировок врага, во взятии Минска, Вильнюса.

6 апреля 1945 года начался штурм Кенигсберга, продолжавшийся 3 дня. 8 апреля наша авиация совершила более 6 тысяч самолетовылетов. Весь город был в огне.

9 апреля немецкие войска в Кенигсбергской крепости капитулировали. Пала одна из главных цитаделей реакционного пруссачества.

Войну закончил в Кенингсберге, имея воинское звание подполковника. Был контужен, дважды ранен. Инвалид ВОВ 1-й группы.

После войны занимал ряд руководящих должностей.

С 1950 по 1951 год — начальник Горьковского областного управления, депутат Горьковского областного и городского советов депутатов трудящихся.

В декабре 1951 года меня выдвинули в аппарат ЦК КПСС, где работал зам. зав. административного отдела.

С 1953 по 1956 год - министр МВД, а затем председатель КГБ Азербайджанской ССР. Депутат Верховного Совета СССР с 1954 по 1958 г., член бюро ЦК КП Азербайджана.

С 1956 по 1963 годы — первый зам. начальника, начальник 3-го Главного управления (военная контрразведка) КГБ при СМ СССР.

В 1953-1970 годы - начальник ОО КГБ по МВО.

Почетный сотрудник госбезопасности, Почетный сотрудник контрразведки.

Награжден 8 орденами: двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, четырьмя орденами Красной Звезды и 29 медалями за участие в боевых операциях на фронтах Великой Отечественной войны и за достигнутые результаты в работе.

В 1970 году ушел в запас по болезни.

Присвоение званий:

Лейтенант - приказ №858 от 29.06.40 г.

Ст. лейтенант - приказ №599 от 17.02.42 г.

Майор - приказ №102 от 11.08.43 г.

Подполковник - приказ №156 от 21.02.45 г.

Полковник- приказ №823 от 10.07.50 г.

Генерал-майор- приказ №58 от 14.01.56 г.

Мне посчастливилось встречаться, иметь служебные контакты и добрые взаимоотношения со многими выдающимися людьми.

Среди них:

- ВОРОШИЛОВ Клим Ефремович

- БУДЁННЫЙ Семен Михайлович
 - ЖУКОВ Георгий Константинович
 - ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Михайлович (знакомы еще с 1945 года по 3-му Белорусскому фронту)
 - МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич
 - РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (встречался много раз как с зам. министра обороны)
 - БИРЮЗОВ Сергей Семенович (Главнокомандующий войсками ПВО, встречался многократно)
 - ЗАХАРОВ Матвей Васильевич (начальник Генштаба; встречался много раз)
 - ГРЕЧКО Андрей Антонович (Главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран - участниц Варшавского договора)
 - МОСКАЛЕНКО Кирилл Семенович (Главнокомандующий Ракетными войсками)
-
- КРЫЛОВ Николай Иванович (командующий МВО, тесный контакт)
 - ЧУЙКОВ Василий Иванович (Главком Сухопутных войск)
 - ВЕРШИНIN Константин Андреевич (Главный маршал авиации, большой друг)
 - БРЕЖНЕВ Леонид Ильич (встречался много раз)
 - УСТИНОВ Дмитрий Федорович (с 1959 по 1963 г.)
 - СОКОЛОВ Сергей Леонидович
- (тесный контакт в бытность его начальником штаба МВО)
- БАТИЦКИЙ Павел Федорович (Главком ПВО)
 - ГОРШКОВ Сергей Георгиевич (Главком ВМФ, адмирал флота)
 - БАГРА МЯН Иван Христофорович (начальник тыла Вооруж Сил)
 - БЕЛОБОРОДОВ Афанасий Павлантьевич (генерал-армии, командующий МВО, теснейший контакт в работе)
 - БАТОВ Павел Иванович (генерал армии)
 - РОТМИСТРОВ Павел Алексеевич (Главный маршал бронетанковых войск)
 - ИСАКОВ Иван Степанович (адмирал флота Сов. Союза)
 - ЕРЕМЕНКО Андрей Иванович (командующий Брянским фронтом, контакт с 1944 г.)
 - ФЕДЮНИНСКИЙ Иван Иванович (зам. командующего Брянским фронтом, зам. командующего в ГСВГ, хороший друг)
 - КОЖЕДУБ Иван Николаевич (генерал-полковник авиации, трижды Герой Советского Союза, старый друг)

- ГАГАРИН Юрий Алексеевич - первый в мире космонавт, был приглашен мною 17 июня 1961 г. для встречи с сотрудниками Управления контрразведки. В дальнейшем встречи проводились неоднократно.

Жизненные эпизоды. Воспоминания супруги А.М.Гуськова

О себе много говорить я не привыкла, поэтому буду предельно краткой.

Москва - моя малая Родина. Я родилась 14 мая 1929 года в Останкино в рабочей семье. Отец - Коршунов Иван Степанович, 1904 года рождения, вернулся с фронта и ровно через год, в мае 1946-го, скоропостижно скончался. Буквально на следующий день в нашей семье появилось пополнение - послевоенная сестренка. Мама - Коршунова Клавдия Пантелеевна, 1905 года рождения. Она стойко перенесла и папину смерть, и то, что осталась одна с пятью детьми. Время тогда было тяжелое, карточная система. У меня была так называемая иждивенческая карточка, по которой в день полагалось 400 г хлеба и немного соли. Пришлось мне как старшей среди детей (а у меня было еще два брата и две сестры) срочно устраиваться на работу.

Поначалу взяли меня табельщицей на ВДНХ, а уже в сентябре месяце я поступила на вечерние курсы стенографии, закончив которые в 1949 году была направлена на работу в органы государственной безопасности, в спецотдел "Б" МГБ СССР. Позднее, 2 июля 1959 г., наш спецотдел вместе с рядом других спецподразделений вошел в состав Оперативно-технического управления КГБ при СМ СССР.

На Лубянке я проработала в общей сложности пятнадцать лет, получила звание старшего лейтенанта. Здесь же в 1958 году и произошла памятная встреча с Анатолием Михайловичем.

Потом я работала редактором в Агентстве печати "Новости" (АПН), а вышла на пенсию с должности старшего инженера НИИ "Дельфин". Вела большую общественную работу, была заместителем секретаря парткома (помню, на учете в нашей парторганизации состояло 240 коммунистов). С 1975 года и до ликвидации районной партийной организации в начале 90-х являлась членом комиссии по загранвыездам Гагаринского РК КПСС города Москвы. Ветеран труда.

С Анатолием Михайловичем нас соединила большая светлая любовь, которая с годами не блекнет и продолжается по

сей день. Приведу несколько его поэтических обращений ко мне из нашего семейного архива.

Моя родная

Проходят чередой ночи, дни,

Одной мечтой заполнены они,

Мечтою о тебе, о нашем счастье.

Судьба моя в твоей всецело власти.

Когда звезды последней гаснет свет,

И солнце шлет нам утренний привет,

В тиши один тоскую я, не зная, -
Что делает сейчас моя родная?

Едва утихнет шумный, яркий день,
И спустится на землю ночи тень,
Сжимает сердце мне тоска ночная, -
Что делает сейчас моя родная?

Любимая, тобой душа полна,
Мечтою о тебе живет она.
Так будь же непреклонна пред судьбою,
Твой верный спутник - я всегда с тобою!" [1962 г.].

Тост на новый, 1997 год

Ах, как быстро годы мчатся,
Новый год пришел опять.
Я хочу тебе, родная,
В этот вечер пожелать:

Будь всегда со мной такой же милой,
Иногда ворчливой не всерьез,
Зная твой характер шаловливый,
Я по-прежнему люблю тебя до слез.
Будь всегда такой же молодою,

Несмотря на серебро твоих волос,
Чтобы вновь над нашей головою
Буйный ветер тучи не пронес;

Чтобы двадцать первое столетье

Ты встречала с внуком наравне

И, подняв бокал за долголетье,

Ты сказала б слово обо мне...".

Из последнего стихотворения видно, что уже в 1997 году Анатолий Михайлович из-за своей болезни не рассчитывал дожить до XXI века. Но судьба распорядилась иначе и подарила нам эту возможность - прожить вместе еще ряд незабываемых лет...

Если любишь человека, то живешь его жизнью, что я, собственно говоря, и делаю.

Анатолий Михайлович - замечательный человек, исключительный интеллект, интеллигент в высшем смысле этого слова, высокопорядочный и культурный. Он никогда не повышает голос, не унижает достоинства другого и при этом обладает железной логикой, терпеливо старается убедить своего собеседника, если тот в чем-то не прав. В молодости он так заразительно смеялся - до слез! А смех - это человеколюбие (Л.Толстой).

За 46 лет совместной жизни мы никогда не разлучались, за исключением времени его служебных командировок, отпуска всегда проводили вместе. Совершили путешествие на теплоходе "Тарас Шевченко" вокруг Европы, не раз катались по Волге - от Москвы до Астрахани и обратно. Объездили весь Кавказ и Крым, прибалтийские республики, отдыхали в Карловых Барах, Болгарии.

Анатолий Михайлович - очень внимательный муж, чуткий отец, любящий дедушка. У него прекрасные отношения с родственниками, его все любят и уважают, со всеми он находит общий язык. Одна из наших внучек, Лена, окончив институт, пошла по стопам бабушки и сегодня работает в военной контрразведке, имеет (как и я когда-то) офицерское звание - старший лейтенант. Сын закончил Ярославское высшее военное финансовое училище, также - офицер.

Как я уже говорила, мой муж - предельно скромный человек, о чем свидетельствует следующий факт. Являясь начальником военной контрразведки всей страны, он занимал трехкомнатную квартиру площадью 53 квадратных метра. Когда сын объявил, что женится, он не стал обращаться к своему руководству с просьбой о предоставлении сыну однокомнатной квартиры (как делали многие руководители, да и сейчас это практикуют), а разменял нашу квартиру на однокомнатную для сына (17 кв. м) и двухкомнатную для нас (34 кв. м), в ней мы живем по настоящее время.

Анатолий Михайлович никогда не приспосабливался к начальству, сам пробивал себе дорогу в жизни своими знаниями, умом, деловыми качествами, работоспособностью.

С самого начала работы во главе Третьего Главка КГБ у него сложились хорошие служебные отношения с его заместителями - Фадейкиным Иваном Анисимовичем и Остряковым Сергеем Захаровичем (с последним мы часто встречались даже в домашней обстановке). Сотрудники управления относились к Анатолию Михайловичу с большим уважением.

Хорошо помню, как в свое время наш дом посещало много друзей - сокурсники по институту, коллеги по работе. Были среди них и некоторые весьма именитые люди. Например, министр нефтеперерабатывающей промышленности Виктор Степанович Федоров с супругой - Викторией Николаевной, Осипьяны - Артем Яковлевич (в то время - начальник управления Комитета по внешнеэкономическим связям) с женой Идой Никитичной, Бетины - Иван Иосифович (генерал, тогда - начальник 5-го Управления КГБ) с женой Валентиной Сергеевной, генерал армии, командующий Московским военным округом Афанасий Павлантьевич Белобородов, заведующий отделом Партийного контроля ЦК Алексей Алексеевич Тужиков.

Среди тех, с кем мы дружили, было несколько семей, которые знали Анатолия Михайловича еще по тому периоду, когда он стоял во главе КГБ Азербайджанской ССР. Прежде всего, это - академик АН СССР Мусса Мирзоевич Алиев с женой Сана-ханум, Мамед Алиевич Али-Заде (генерал, министр МВД Азербайджана) и его жена Галина Салимовна, Гамбай

Алескеревич Мамедов (прокурор республики Азербайджан) и его жена Мусья-ханум и многие другие.

К сожалению, сейчас большинства из них уже нет в живых...

Как сказано в пенсионной книжке Анатолия Михайловича, он вышел в запас по выслуге лет в 56-летнем возрасте. Именно тогда он был полон творческих сил, энергии, был в расцвете своих физических возможностей. Иными словами, был абсолютно здоров, находился на пике профессиональной подготовки (не говоря уже об обладании ценнейшим опытом оперативно-чекистской работы и управления в системе органов ГБ), то есть мог принести государству большую пользу. Так что подлинные причины его увольнения никак не были связаны с "выслугой лет" или плохим состоянием здоровья. Они были в ином.

В настоящей книге воспоминаний Анатолия Михайловича упоминается, что он осудил действия Н.А.Шелепина, когда тот, находясь в Баку, передал 1-му секретарю ЦК Азербайджана Мустафаеву содержание его разговора с Семеновым. Анатолий Михайлович назвал это банальным наушничеством, которое не украшает ответственного работника ЦК ВЛКСМ. Эта несдержанность в выражениях и явилась потом крупным препятствием на пути мужа.

А события развивались так. В декабре 1958 года председателем КГБ при СМ СССР стал Н.А.Шелепин. При знакомстве его с руководящим составом Комитета, увидев А.М.Гуськова, он многозначительно заявил: "А с Вами мы знакомы". Придя домой, муж сказал мне, что "его песня спета". Но с другой стороны, Анатолий Михайлович знал, что документы на его утверждение в должности начальника 3-го Главного управления КГБ (военная контрразведка) находились в ЦК КПСС, и фактически там уже было принято положительное решение, на которое Шелепин повлиять не мог.

Тем не менее, как скоро выяснилось, новый председатель КГБ оказался человеком злопамятным. Он стал строить всевозможные козни. Организовал тщательную проверку главка по всем округам. И хотя результаты были в целом положительными, Шелепин распорядился ликвидировать главк, понизив его статус до уровня обычного управления.

Чтобы задеть самолюбие А.М.Гуськова (как начальника управления), Шелепин стал вызывать к себе на доклад начальников отделов непосредственно. Все это, конечно, мало способствовало созданию нормальной рабочей обстановки.

Или вот такой характерный случай, о котором мне рассказал муж. Как-то Шелепин вызвал Анатолия Михайловича в свой кабинет и в присутствии своих замов стал обвинять его в том, что он не ознакомил председателя с неким важным оперативным документом. На это Анатолий Михайлович доложил, что председатель с упомянутым документом ознакомлен, о чем свидетельствует его собственноручная резолюция. Документ в срочном порядке был доставлен в кабинет Шелепина. Подавая его, муж спросил: "Скажите, это - ваша подпись?". Ответ: "Что вы кричите?! Я вас не боюсь". - "Во-первых, я не кричу, а, во-вторых, я вас тоже не боюсь". Наступила молчаливая пауза. Надо думать, испытанный в тот день конфуз также не был забыт Шелепиным. Самолюбие, властолюбие и мстительность составляли постоянный набор качеств этого человека...

К началу 60-х у Анатолия Михайловича обозначился другой "враг" по службе. Речь идет о ставленнике Л.И.Брежнева генерале Г.К.Циневе. До того как возглавить 3-е Управление, Цинев в течение нескольких лет был в подчинении у Анатолия Михайловича, которому приходилось не раз делать ему замечания, касающиеся работы. Дело в том, что Цинев, будучи человеком военным, далеко не во всех оперативных вопросах разбирался грамотно.

Приведу один пример, который, как мне кажется, характеризует Цинева как человека. Как-то он с группой сотрудников Управления поехал в командировку. На вокзале, подходя к вагону, он случайно споткнулся и упал. Бывшие с ним товарищи от души рассмеялись. Вернувшись из командировки, Цинев зашел к Анатолию Михайловичу и, рассказав об этом случае, представил ему список, в котором были указаны фамилии тех, кто смеялся. Цинев просил каждого, поименованного в списке, строго наказать. Анатолий Михайлович ответил, что со стороны сотрудников было неэтично смеяться, но повода для их наказания он не видит. Цинев, закусив губу, вышел из кабинета...

Цинев, как и Шелепин, никогда ничего не забывал и всегда находил возможность свести личные счеты с неугодными ему людьми. Делать это ему было тем проще, что уже к началу 70-х он был первым заместителем председателя КГБ при СМ СССР...

Другой первый заместитель председателя Комитета - генерал С.К.Цвигун был также брежневским назначенцем, "глазами и ушами" генерального секретаря ЦК в КГБ. Все на Лубянке это хорошо знали.

Надо сказать, Анатолий Михайлович был в хороших отношениях с Леонидом Ильичем, часто с ним встречался по работе, неоднократно вместе с ним летал на самолете в различные командировки. Однако о своем знакомстве с Брежневым предпочитал не распространяться. Несомненно, что об этом, тем не менее, хорошо знал Цвигун, который "дорожил всем, что было дорого Леониду Ильичу"... и поэтому всегда общался с Анатолием Михайловичем с большим уважением. Помню, когда в 1966 году, мы посетили Баку и собирались возвращаться в Москву, Цвигун приехал на аэродром и, бурно обнимая и целуя Анатолия Михайловича, говорил о своем предстоящем назначении на должность заместителя председателя КГБ СССР (которое состоялось в мае 1967 года). Так оно и получилось в итоге. Правда, финал для Семена Кузьмича оказался трагическим. В 1982 году он застрелился на своей подмосковной даче...

Когда Анатолию Михайловичу предложили уйти в запас, он обратился к Ю.В.Андропову. Состоялся душевный, откровенный разговор. Муж спросил: "Юрий Владимирович, у Вас есть ко мне претензии?". Андропов ответил, что у него нет никаких претензий, но просил правильно понять его положение. Сказал, что ничего не может сделать, поскольку на отставке Анатолия Михайловича настаивают его заместители, а "поменять свое окружение он не в силах".

Свой уход из органов госбезопасности Анатолий Михайлович перенес стойко. Я ушла с работы и все время находилась с ним рядом. Сегодня он окружен любовью и заботой семьи. Его помнят и ценят на Лубянке. Новое руководство Федеральной службы безопасности России, Управления военной контрразведки ФСБ постоянно интересуется здоровьем Анатолия Михайловича, поздравляет со всеми государственными праздниками и ведомственными датами. Этот год у него юбилейный - в начале сентября ему исполняется 90 лет. Надеюсь, что к дню рождения эта книга станет для него самым достойным подарком.

Р.И.Гуськова

Петров Николай Федорович (генерал-майор)

Я работал в подчинении у А.М.Гуськова в течение нескольких лет и могу вполне объективно сказать, что, будучи начальником 3-го Главного управления КГБ, Анатолий Михайлович являлся в высшей степени авторитетным руководителем, пользовался большим уважением среди своих подчиненных за твердость духа, честность и принципиальность, чуткое и внимательное отношение к людям. Внешне он всегда был аккуратен, подтянут, собран, и в этом отношении являлся примером для всего коллектива Управления. Именно благодаря таким людям, как он, лучшие чекистские традиции в органах и подразделениях госбезопасности нашей страны, несмотря на большие исторические и политические перемены, не превратились в "пережиток прошлого", но привлекают и сегодня молодое поколение контрразведчиков, служат для них примером, действительно достойным подражания.

Климанов Николай Федорович (полковник)

.М.Гуськов был руководителем высочайшего класса. Обычно он вызывал к себе на доклад по определенным делам не начальников, а непосредственных исполнителей, с ними обстоятельно беседовал и брал выполнение заданий на контроль. Просил, в случае возникновения сложностей, докладывать только ему, Это очень нравилось оперативным работникам. И я вспоминаю с гордостью, что многому научился у Анатолия Михайловича.

Хорошо помню случай, как Анатолий Михайлович руководил одной разработкой. Дело было так. В НИИ аэродромного обслуживания ВВС трудился начальником аэродромного отдела воздушной армии инженер-полковник Маевский Александр Евгениевич. В разговорах с сослуживцами он часто упоминал, что является близким знакомым Л.И.Брежнева, К.Е.Ворошилова, даже направлял им телеграммы. Меня как оперативного работника это насторожило. И я доложил о своих сомнениях руководителю нашего главка А.М.Гуськову. Он вызвал начальника следственного отдела Сачкова, начальника 3-го отдела (ВВС) Жутяева и дал им задание провести расследование. В результате проверки выяснилось, что настоящая фамилия Маевского - Мотолянский, зовут его Самуил Абрамович. Перед самой войной он работал в Туле, был арестован за махинации. В начале войны сбежал из тюрьмы, а потом, явившись в одну из воинских частей, назвалсч чужим именем, присвоил себе звание техника-лейтенанта и сказал, что отстал от своей части. Ему поверили, выдали все документы и отправили в аэродромную службу. Там он благополучно дослужился до звания инженер-полковника. Расследование это продолжалось долго - под личным контролем Анатолия Михайловича. По окончании все материалы - 32 тома - были переданы в Главную военную прокуратуру. Мотолянского судил военный трибунал. Дали 11 лет тюрьмы. Я за проявленную бдительность и успешно проведенную операцию получил грамоту от главка, следователь прокуратуры по особо важным делам Дорофеев был награжден орденом Красной Звезды.

В 1965-1967 годах я был начальником особого отдела истребительной авиационной дивизии, дислоцированной в Московском военном округе. В Кубинке намечался показ новой техники для нашего правительства и правительств стран социалистического лагеря. Я доложил Анатолию Михайловичу, что у нас есть данные о том, что иностранцы подъезжают на машинах непосредственно к аэродрому, включают прослушивающую аппаратуру и мониторят наш эфир. В ответ на эту информацию было дано указание установить строгий контроль за объектом. И действительно, мы обнаружили, что они нас прослушивают.

Руководство Управления направило письмо в МИД СССР с целью пресечь незаконную деятельность иностранных представителей. Таким образом, нам удалось обеспечить необходимые условия секретности мероприятия.

Настал день показа новой техники на земле и в воздухе, которым руководил маршал А.А.Гречко, так как тогдашний министр обороны Р.Я.Малиновский был болен. Вместе с румынским руководителем Николае Чаушеску приехала его охрана, которая пыталась проникнуть на полигон и снимать военную технику. Мы ее не пустили, оставив на проходной. За подготовку и организацию контрразведывательного обеспечения этого важного государственного мероприятия я получил благодарность от Управления и грамоту от председателя КГБ.

Тогда же, в 60-х годах произошла довольно курьезная история. Я курировал УОО КГБ по Дальневосточному военному округу. Анатолий Михайлович обратился ко мне с просьбой подобрать серьезную кандидатуру из опытных офицеров-контрразведчиков дальневосточников для последующего выдвижения на новую руководящую должность.

Я такого человека подобрал и вызвал его на доклад в Москву. Прямо с аэродрома он приехал на Лубянку, и мы вместе отправились к Анатолию Михайловичу. Он задает моему "протезе" вопросы, а тот... дремлет. Беседа была быстро окончена, кандидат вышел из кабинета, я же остался. А.М.Гуськов: "Ты кого ко мне привел, пьяницу?!". Я смущенно ответил, что он сразу с самолета, мол, сказывается большая разница во времени. А так, я этого офицера проверял, человек он толковый, и я отвечаю за это. Анатолий Михайлович рассмеялся.

Вскоре офицер был назначен начальником особого отдела армии в Белорусский военный округ.

Вареник Григорий Васильевич (полковник)

До 1961 года мне пришлось работать в управлении кадров КГБ при СМ СССР и, как имеющему опыт работы во время войны в военной контрразведке "Смерш", мне было поручено осуществлять контроль за подбором и расстановкой руководящих кадров в 3-м главном управлении, начальником которого был А.М.Гуськов. Сам он очень внимательно и серьезно относился к своим кадрам. Особое внимание обращал на опыт чекистской работы в войсках, морально-политические и личные качества людей.

Затем с 1961 года я работал заместителем начальника, а с 1967 года начальником Особого отдела авиации Московского военного округа, в подчинении которого было шесть авиачастей. В эти годы А.М.Гуськов был начальником особого отдела КГБ по МВО. Имея большой опыт руководящей контрразведывательной работы в войсках, Анатолий Михайлович лично мне, в то время молодому руководителю, оказывал ценную помощь в деле руководства и осуществления оперативно-чекистских мероприятий. Помню, как он помогал мне в расследовании авиационных катастроф разведывательных и стратегических самолетов. Он чутко относился к подчиненным, вникал в их нужды, материальное

положение и жилищные условия, оказывал необходимую поддержку и содействие. Как у командования округа, так и в самом коллективе особого отдела, А.М.Гуськов пользовался заслуженным авторитетом и уважением.

После того как Анатолий Михайлович ушел в запас, я с ним поддерживаю постоянные дружеские отношения и могу сказать совершенно искренно. Близко знать такого человека, как генерал-майор А.М.Гуськов, служить и дружить с ним - не просто жизненная удача, это большая честь.

Митин Михаил Васильевич (полковник)

Мое первое знакомство с А.М.Гуськовым состоялось при весьма любопытных обстоятельствах. Он только-только возглавил особый отдел КГБ по Московскому военному округу и сразу же внес в практику важное нововведение - созыв "кустовых" оперативных совещаний начальников и работников особых отделов сразу нескольких областей, подчиненных МВО. Регламент этих совещаний был плотно насыщен - проводились не только рабочие заседания, на которых заслушивались доклады и отчеты, но также семинары, учебные и практические занятия. До Анатолия Михайловича подобной практики не было.

В 1963 году одно из первых "кустовых" совещаний прошло в городе Горьком (где Анатолий Михайлович работал во главе У МВД еще в 1950-м). В нем приняли участие начальники особых отделов трех областей - Ивановской, Владимирской и Горьковской. Помню, большинство прибывших на совещание участников остановилось в городской гостинице, а я - у родственников. На следующий день, утром приезжаю в гостиницу, поднимаюсь на второй этаж и вижу - красивый, статный мужчина пытается вставить в розетку электробритву, а она не работает. Он слегка растерялся. Я подошел и говорю: "Давайте, я отремонтирую". Он отдал мне бритву. Рядом с гостиницей находилась ремонтная мастерская, где буквально за три минуты бритва была починена. Возвращаюсь обратно в гостиницу. Владелец бритвы меня спрашивает: "Сколько я Вам должен?". "Да, ничего", - говорю. Тогда он: "Скажите хоть, кто Вы такой, откуда будете". Я представился: "Начальник особого отдела Ковровской учебной дивизии".

Через некоторое время все участники совещания направились в конференцзал областного управления КГБ. Смотрю, в президиум направляется генерал, в котором, к своему удивлению, я узнал моего утреннего собеседника...

Представив членов президиума и объявив повестку совещания, рассчитанного на два дня, генерал предложил:

"Давайте, изменим тактику ведения нашего совещания. Начнем с выступлений начальников подразделений. Пусть они спокойно, не смущаясь, расскажут, как работали, какие были достигнуты положительные результаты, какие имеются недостатки". Благодаря этому новшеству новый начальник ОО КГБ МВО получил возможность знакомиться с работой подчиненных ему отделов, что называется, из первых рук (раньше сначала всегда выступали начальники ОО областей, после чего остальным приходилось на них ориентироваться, что-то изменяя, что-то умалчивая, из-за чего так или иначе страдала общая объективность представляемой информации).

Итак, в тот день пришла очередь выступать и мне. Я обстоятельно рассказал о том, что было сделано, и высказал одно критическое замечание. Дело в том, что в нашу учебную дивизию из округа в качестве курсантов на курсы младших командиров присылали солдат из дисциплинарных батальонов, осужденных за разные преступления (такие, к примеру, как дезертирство, аморальное поведение, воровство и т.д.) военными трибуналами. К тому моменту, по моим данным, из 11 тысяч человек рядового состава дивизии 1300 составляли дисбатники, обучавшиеся на сержантов. Нетрудно

представить, чему мог научить солдат такой "сержант"! Я заметил, что происходящее - безнравственно, просто недопустимо. Генерал со мной согласился. "Не волнуйтесь, мы это учтем", - сказал он.

И действительно, больше таких "курсантов" в нашу дивизию не присылали.

Остановлюсь еще на одном памятном эпизоде.

Анатолий Михайлович проводил совещание, посвященное подготовке к Первому. Обсуждали, все ли сделано в плане мероприятий по обеспечению государственной безопасности во время празднеств. Об этом докладывали начальники подразделений, в том числе и я. Доложил. Анатолий Михайлович спрашивает: "И каков итоговый результат?". Я ответил, что результат "в сейфе", - изъято 20 единиц боевого оружия. "Что за оружие?". "Один полковник привез с Кубы американский автомат, несколько десятков гранат и патроны". - "Откуда и как вы об этом узнали?" - "Полковник, - объясняю я, - ходил в лес и там стрелял в "птичек" ради удовольствия. Местные жители обратили на него внимание, позвонили в милицию... Получив об этом полковнике необходимые данные, я пришел к нему прямо домой, представился. Тот для начала поинтересовался моими документами, а, узнав, кто я такой, спокойно, по моей просьбе, отдал мне автомат и боеприпасы".

Я уже собирался покинуть трибуну, а Анатолий Михайлович неожиданно останавливает меня и задает вопрос: "Михаил Васильевич, а скажите нам, как вы в такое трудное время умудряетесь обеспечить всех своих оперативных работников квартирами?". Говорю как на духу: "Очень просто: беру бутылку коньяку и иду к тому, кто решает эти вопросы. Коньяк, как известно, расширяет не только сосуды, но и связи!". В зале дружный хохот...

За 40 лет моей службы в органах государственной безопасности я не встречал более компетентного начальника, чем А.М.Гуськов. Во всех отношениях - замечательный человек. Я восхищен его умом, поведением, добротой. Во главу угла своей работы он ставил четкий контроль за выполнением указаний, которые давал сам. Это бесспорное достоинство руководителя такого ранга. В его приказах всегда отмечалось, кто несет ответственность за исполнение задания и в какой срок эти задания должны быть выполнены. Надо сказать, что и в постановке оперативных задач, и обсуждении сложных, требующих вдумчивого подхода вопросов, его неизменно отличал спокойный, рассудительный тон, что способствовало выработке правильных, взвешенных решений. Для Анатолия Михайловича были также характерны железная выдержка и культура в обращении с людьми, что выгодно отличало его от иных управленцев высокого звена. Он никогда не повышал голоса на подчиненных, не оскорблял их личного достоинства, а уж если и поругает, то по-отечески и без грубостей.

А какой он общительный человек, какой замечательный собеседник!.. Служить и работать с ним вместе было поучительно, приятно и почетно.

Я, пожилой ветеран госбезопасности, ничуть не сомневаюсь, что в его лице отечественная военная контрразведка имела преданного своему делу и долгу чекиста, выдающегося руководителя.

Алексеева Зинаида Павловна (стенографистка, инвалид ВОВ)

Сказать коротко об А.М.Гуськове, - как бы и ничего не сказать...

Я работала в органах госбезопасности с апреля 1941 года. В 18 лет добровольно ушла на фронт (сначала был Карельский). Потом, в 1944-м, меня вызвали в Москву в Главное управление контрразведки "Смерш" и оставили там работать. Уже после войны я вместе с мужем работала в У МВД Великолужской области. Через 10 лет это У МВД ликвидировали, мужа отправили на работу в Астрахань, а меня как

москвичку по просьбе областного руководства — в 3-е главное управление. Прибыв в столицу, 24 дня подряд я ходила в главк на предмет устройства на работу. Наконец, на 25-й день кадровик мне объявил, что я потеряла трудовой стаж, так как по Трудовому кодексу был положен перерыв не более 21 дня, после чего попросил написать новое заявление о приеме на работу. Тогда я обратилась к А.М. Гуськову. Он был возмущен таким бесчеловечным отношением, восстановил мой 15-летний стаж работы в органах и принял на работу в Управление.

Еще один конкретный пример отношения Анатолия Михайловича к подчиненным. Я с семьей (8 человек) жила в одной комнате в коммуналке. Когда Анатолию Михайловичу доложили, в каких условиях я живу, он дал указание начальнику секретариата Градосельскому лично проверить мои жилищные условия. В итоге, проработав всего один год, я получила прекрасную комнату на 4 человека площадью в 29 кв. м в двухкомнатной квартире.

Думаю, приведенные примеры говорят сами за себя. Это добрейшей и благороднейшей души человек.

У Анатолия Михайловича я работала в приемной в качестве стенографистки. С профессиональной точки зрения, мне было приятно иметь с ним дело. Грамотная речь, строгая последовательность в изложении мыслей. Записывать диктуемые им тексты было одно удовольствие. Очень многое можно сказать о нем в человеческом плане. То, что он умница, это известно всем. Ведь он руководил всей военной контрразведкой Советского Союза. И, насколько мне известно, делал свое дело успешно. Был высоким начальником, генералом. Но чтобы когда-либо повысил на человека голос... Во всяком случае, я такого не припомню. Оперативный состав Управления относился к нему с большим уважением и очень его ценил. Внешне он всегда был аккуратен, подтянут, собран. Мы все брали с него пример и гордились тем, что работаем под его началом. Жаль только, что работать с ним вместе пришлось всего несколько лет.

Белых Николай Васильевич (вольнонаемный)

.М.Гуськов был очень внимателен к своим подчиненным невзирая на занимаемые им должности. О нем можно говорить только хорошее. Добрый, отзывчивый человек. Он никогда не повышал голоса. Его уважали все сотрудники.

В особом отделе КГБ (ныне - ФСБ) по Московскому военному округу я тружусь с 1947 года и по настоящее время! До назначения Анатолия Михайловича руководителем этого отдела в 1963 году я работал квалифицированным рабочим в разных подразделениях. Зарплата была небольшая, и я подал заявление об уходе. Помню, вызвал меня А.М.Гуськов и спрашивает: "В чем у вас дело?". Я объяснил. "Подождите, - говорит, - что-нибудь придумаем". В штатном расписании отдела была должность вольнонаемного водителя для руководства. Анатолий Михайлович принял весьма неординарное решение отказаться от этой "привилегированной" штатной единицы, а вместо нее ввел должность механика телефонной станции - электромонтера, на которую зачислили меня. Заработная плата мне была заметно повышена. И вот с тех пор почти шестьдесят лет я не меняю места работы, стал старейшим сотрудником нашего отдела. И все это, можно сказать, с легкой руки Анатолия Михайловича...

Операция «БУМЕРАНГ»

Под кодовым названием "Бумеранг" рядом управлений КГБ, включая возглавляемое А.М.Гуськовым 3-е управление, была успешно осуществлена контрразведывательная операция по выявлению и обезвреживанию деятельности американского шпиона - подполковника ГРУ П.С. Попова. Материал "Бумеранг из пятидесятых" подготовлен на основе рассекреченных архивных документов Почетным сотрудником госбезопасности, консультантом ЦОС ФСБ РФ, полковником запаса Федором Сергеевым

(С.М. Федосеевым) при участии генерал-лейтенанта А.А.Здановича, ныне президента Общества изучения истории отечественных спецслужб. Журнал ФСБ РФ "Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки" № 5-6, 1993. С. 54-66.

16 октября 1959 года в Москве во время передачи шпионских сведений атташе посольства США в СССР Р. А. Лэнжелли был задержан подполковник интендантской службы Советской Армии П.Попов.

Вашингтон все эти годы дело Попова, по сути, замалчивал. Отрывочные комментарии американской печати ситуацию не проясняли. Между тем само периодическое появление этих комментариев свидетельствовало о том, что "дело Попова" - отнюдь не рядовая "шпионская история" и что рано или поздно оно всплывет на поверхность.

Наконец, в Штатах вышла в свет книга Монтгомери Хайда. Должная, по сути, расставить точки над "i", книга запутала дело окончательно.

По Хайду, Попова "сдал" советский разведчик Дж.Блейк, представлявший в те годы в Западном Берлине английскую спецслужбу МИ-6: Блейк, якобы, еще в 1955 году предупредил Москву о предателе подполковнике. На самом деле Блейк в те годы о Попове слыхом не слыхал.

Фантазия Хайда достигает ошеломляющих высот в эпилоге книги: "Попова постигла участь, в прошлом уготованная таким перебежчикам. Его жизнь окончилась трагически. Он был живым брошен в горящую топку на глазах своих коллег".

Попытаемся на основе документальных архивных материалов воссоздать эту во многих отношениях поучительную историю, очистив ее от домыслов и догадок.

1

Сначала несколько слов о практике вербовочной работы разведки США. Как явствует из архивных материалов советской контрразведки и еще недавно секретных американских документов, спецслужбы США, несмотря на активное использование получивших бурное развитие в 50 - 70-е годы технических средств, не только не ослабляли, а всемерно наращивали усилия на главном и наиболее трудном направлении работы — в агентурной, или иными словами "живой", разведке, вербуя все новых агентов на месте или засылая их извне. Тут все объясняется просто: "техническая" разведка, рисуя общую картину, неспособна передать настроения в обществе, спектр мнений, расстановку политических сил и другие важные детали, по которым можно прогнозировать развитие событий, раскрывая намерения и планы потенциального противника¹.

Уже в начале 50-х годов Аллен Даллес, один из "отцов" ЦРУ, много лет стоявший во главе этого ведомства, так формулировал его задачи: "Тайный сбор информации (шпионаж) должен оставаться основным видом деятельности разведки". Это требование наложило свой отпечаток на тогдашнюю структуру ЦРУ: в его составе было образовано специальное подразделение, ставшее со временем ведущим: департамент тайных операций, в обязанность которому вменили планирование и осуществление разведывательных акций против Советского Союза. Возглавил этот департамент Гарри Розицки.

Свою профессиональную разведывательную деятельность Розицки начал еще в Центральной разведывательной группе (ЦРГ), предшественнице теперешнего ЦРУ, куда перешел в 1946 году из Отдела стратегических служб — так именовалась разведка США в годы второй мировой войны. В ЦРГ Розицки занимался налаживанием работы трех секторов: советской разведки, международного коммунизма и Советского Союза; третий сектор и стал ядром департамента по СССР.

Первые восемь лет объектом внимания Розицки был Советский Союз, а конкретно — его разведывательная деятельность в Вашингтоне и Мюнхене. В пятидесятых и начале шестидесятых годов этот серьезный профессионал руководил тайными операциями против СССР, проводимыми западноберлинской резидентурой ЦРУ, считавшейся его самым крупным представительством в мире. Розицки — это можно утверждать с полным основанием — направлял действия и сотрудников ЦРУ, занимавшихся обработкой и вербовкой Попова.

Документы, о которых мы теперь знаем (их путь от "совсекретности" к общедоступности долг и труден повсюду), свидетельствуют: разработанная с участием Розицки разведывательная стратегия имела своей главной целью обеспечение преимуществ США в "холодной войне" в противостоянии СССР, "внушавшему", как подчеркивалось в реляциях ЦРУ, "страх своей агрессивностью и могуществом" и располагавшему "самой компетентной и воинственной" секретной службой. В рамках этой стратегии ЦРУ приступило к подготовке и проведению крупномасштабных тайных операций против СССР.

Документы того времени подтверждают: поскольку насаждением в СССР густой агентурной сети, которая "плотно закрывала бы основные советские районы", преследовалась характерная для периода "холодной войны" цель "решить военную задачу в условиях мирного времени", распоряжения для ЦРУ относительно советских объектов разведки исходили тогда непосредственно из Пентагона. Само ЦРУ, возникшее в 1947 году как часть военного аппарата США, функционировало тогда как оружие министерства обороны.

Ответ на вопрос о том, как практически осуществлялось "засорение" тайной агентурой территории СССР, мы находим и в архивных материалах того времени, и в высказываниях самого шефа департамента тайных операций. "В течение пяти лет после осени 1949 года вплоть до смерти Сталина, признавал Розицки, агенты ЦРУ забрасывались в Россию по суше, морю и воздуху из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана и Японии. Они выполняли разведывательные задания на территории протяженностью от Мурманска до Сахалина. В их задачу входило удовлетворение первоочередных запросов по разведке из Пентагона, что не могло быть обеспечено другими средствами, менее дорогостоящими и опасными".

Будучи заброшены в районы расположения оборонных объектов и обосновавшись в нужном месте на стратегических перекрестках страны, эти агентурные группы, имея в своем составе радистов, должны были держать штаб-квартиру ЦРУ в курсе "советских военных приготовлений".

Как показало время, задача оказалась не по плечу департаменту тайных операций. Объяснялось это рядом причин. Главной из них Розицки и аналитики ЦРУ (надо заметить, что аналитическая служба этого ведомства еще со времен Шермана Кента остается одной из сильнейших в мире) считали ту, что ЦРУ не сумело подготовить зоны для выброски агентов с воздуха и "дружественные группы приема" агентов в приграничье Западной Украины и Прибалтики. Во-вторых, вопреки расчетам довольно трудным делом оказалась легализация агентов после их проникновения в страну. Им редко удавалось "вписаться" в

советскую действительность, стать "законными жителями" тех мест, которые были определены им для оседания и действий. В-третьих, ЦРУ долгое время не могло наладить на должном уровне изготовление "документов прикрытия" с нашей бюрократией по "бумажной части" и по сию пору вряд ли кто может тягаться. Наконец, была еще причина, ставшая, по существу, роковой для департамента тайных операций: невысокая степень надежности засылаемых агентов, которых вербовали в основном среди так называемых перемещенных лиц, военных перебежчиков последних лет и в неоднородной эмигрантской среде.

2

Ясное дело, все эти манипуляции — классические схемы разведывательной работы — для нас особого секрета не составляли. Но дело тут, как говорится, не столько в условиях задачи, сколько в способностях тех, кто берется ее решать. Мы с этой задачей, в общем, справлялись неплохо. Более того, работая на опережение, перевербовывая агентов и от их имени навязывая сопернику оперативные радиоигры, советская контрразведка зачастую сводила на нет планы противника уже на начальном этапе их осуществления. Типичный тому пример — одна из разведывательных операций ЦРУ весной 1952 года, кадры для которой тщательно готовились по специальной программе в разведшколе США близ Западного Берлина.

Предполагалось, что после того как группа окажется на советской территории, каждый из агентов направится в назначенный ему пункт — один из промышленных городов Поволжья, обоснуется там и приступит к сбору интересовавших ЦРУ сведений об оборонных предприятиях и иных военных объектах. Собираемые сведения радист группы должен был передавать за кордон.

Выброска прошла нормально; группа, собравшись, направилась поездом в Москву, откуда, пополнив свой гардероб закупками советского ширпотреба, агентам предстояло разъехаться по "своим" районам. В первый же день своего появления в Москве все участники группы были арестованы.

Как это произошло?

В конце 40-х годов советской контрразведке удалось внедрить в партию возвращавшихся на родину немецких военнопленных своего агента. Потеряв в первые дни войны на территории, подвергшейся оккупации, родителей, он еще мальчишкой примкнул к местным партизанам и оказал отряду неоценимые услуги, выполняя задания в тылу противника. Втянувшись в разведывательную работу, этот человек изъявил готовность продолжить ее в новых условиях. Будучи заслан в ФРГ, агент попал в среду перемещенных лиц и, действуя согласно легенде, сумел привлечь к себе внимание американских вербовщиков, не раскусивших подвоха. С их "подачи" наш агент оказался сначала в числе слушателей американской разведшколы, а потом и в составе разведгруппы, переброшенной на территорию СССР.

Вернувшись таким необычным путем на Родину, агент условной открыткой дал знать об этом. Перед самым выездом группы в Москву оперативному работнику удалось вступить с агентом в "летучий" контакт — времени, впрочем, хватило, чтобы обговорить способ дальнейшей связи. В день прибытия в Москву агент, лучше других знакомый с местными условиями, отправился в поход по магазинам одежды: предстояло "приодеться по-местному". Отрыв от группы он использовал для второго контакта с оперативниками — здесь и был выработан во всех подробностях план захвата разведгруппы.

Все произошло, как задумали: направившуюся в ближайший магазин "Мосодежда" разведгруппу, включая и агента (чтобы не провалить его), взяли без выстрела.

Поскольку приведенный выше случай был не единственным, ЦРУ, ставшее в связи с этим мишенью для критики, опасаясь усиливающейся со стороны конгресса угрозы разобраться с причинами провалов, вынуждено было в 1953 году свернуть операции по заброске в Россию агентурных групп с радиопередатчиками накатанным воздушным путем и через сухопутные и морские границы.

Надо отдать должное Розицки, нашедшему в себе мужество признать ошибки в действиях возглавляемого им департамента тайных операций. Хотя разработанная им программа была

"первой пробой", "потери, — писал Розицки, — оказались все же слишком велики, а затраты несоизмеримы с достигаемыми результатами".

Начинается поиск иных, новых путей для внедрения агентов в СССР — теперь уже в "высшие круги закрытого общества" и установления контактов с теми, кто посвящен в секреты атомного и ракетного оружия.

"Схема" осталась прежней: поиск "нужных" людей — прямых носителей интересующей ЦРУ информации и тех, через кого можно на них "выйти", используя весь арсенал от века известных средств — от прямого подкупа до игры на личной уязвимости "подручного материала". Анализ особенности характеров и личная, до мельчайших подробностей, жизнь изучаемых "объектов" всегда составляли сердцевину этой специфической работы, которая теперь, в меняющихся обстоятельствах, просто приобретала другое качество.

3

...Подполковник интендантской службы П.С.Попов в ноябре 1951 года был командирован Главным разведывательным управлением Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, в кадрах которого он состоял, на постоянную работу в Вену. Официально Попова зачислили на офицерскую должность в советскую часть союзнической комиссии по Австрии. В круг его профессиональных обязанностей на первом этапе входило ведение разведки против Югославии.

Предшественник Попова передал ему на связь пятерых тайных агентов и в их числе некоего Фердинанда Блашица ("Ваша"), австрийского гражданина, хорвата по национальности, владельца одной частной фирмы. С марта 1952 по января 1953 года Попов имел с "Вашем" около десяти конспиративных встреч.

Все шло нормально. Но в феврале следующего года ГРУ оповестило своих венских представителей о том, что к нему поступили компрометирующие сведения относительно "Ваша". Суть их сводилась к тому, что в то время, как многие работавшие вместе с ним в Австрии в годы войны участники подпольных групп движения Сопротивления проваливались, "Ваш" каждый раз выходил сухим из воды. Возникали подозрения: не связан ли он с гитлеровцами? ГРУ предложило осторожно провести беседу с "Вашем" о его участии в Сопротивлении.

Беседа состоялась. Что-то в ней насторожило "Ваша" — он оборвал все контакты с Поповым. Лишь в ноябре Попов случайно встретил "Ваша" на улице в Вене, сделав попытку договориться о возобновлении сотрудничества. "Ваш", хотя и не сразу, согласился. Условились провести очередную встречу в начале

декабря. "Ваш", по уговору, должен был "подхватить" Попова в условленном месте, подъехав на своем автомобиле.

Когда деловая часть разговора подходила к концу (Попов принял от "Ваша" подготовленное им агентурное донесение на хорватском языке — оно касалось американских военных перевозок из итальянских портов в ФРГ через Австрию), возле автомобиля неожиданно появились двое неизвестных в штатском. Распахнув дверцы с обеих сторон, незнакомцы плотно зажали Попова на заднем сиденье. Через сидевшего за рулем "Ваша", свободно владевшего немецким языком, они объявили Попову, что являются служащими австрийской полиции, и предложили ему проследовать с ними в ближайший полицейский участок советской зоны для установления его личности.

Когда автомашина миновала пределы 10-го района советского сектора Вены, Попов забеспокоился и потребовал объяснить, что, собственно, происходит, по какому праву он задержан и куда его везут. Один из неизвестных ответил, а "Ваш" перевел, что они направляются в Центральное полицейское управление Вены. "Ваш" в момент задержания был абсолютно хладнокровен, непрерывно подавая Попову знаки: ничего страшного, все будет в порядке.

По прибытии на место — это оказался участок американской военной полиции на Мариахильфен-штрассе — Попова провели в одну из комнат на первом этаже здания и обыскали, отобрав удостоверение личности, служебный пропуск, записную книжку и агентурное донесение "Ваша". Затем начался допрос: от Попова упорно добивались ответа, какую службу советской разведки он представляет в Вене, как давно с ней связан и с каким заданием прибыл в страну. Допрос продолжался с девяти вечера до трех часов утра, "давили" профессионально.

Похитители Попова в действительности оказались американцами; один из них свободно владел русским языком. Он прямо заявил, что слежка за Поповым велась непрерывно и им достоверно известно о его принадлежности к советской разведке; известны им и люди, с которыми Попов встречается в Вене и использует для получения интересующей Москву секретной стратегической информации, далее Попову рассказали о той "скверной истории", в которую он "дал втянуть себя": пойман в момент конспиративной встречи с поличным как шпион, пытавшийся выкрасть сведения, составляющие военную тайну Соединенных Штатов. В подобной ситуации ему грозит одно из двух: либо отправка в Штаты и там предание суду за шпионаж против американской армии, который по законам США карается смертной казнью, либо огласка в прессе: официальное сообщение о его добровольном бегстве из СССР. Наконец, его могут просто выдать советским властям как человека, попросившего политическое убежище. "Нужно ли говорить о том, на что вы в этом случае обрекаете свою семью и какая тяжелая участь ее ожидает?" — спросил в заключение американец и подвел черту: "При желании всего этого можно избежать. Нужно только быть откровеннее и сговорчивее. Все в вашей власти, и вы не можете этого не понимать".

Провокационная угроза возымела действие. Попов признался, что действительно является кадровым сотрудником советской военной разведки, направлен в Вену для работы в резидентуре ГРУ и в момент задержания проводил встречу со своим агентом. "Передо мной, — заявил потом Попов на следствии в Москве, — встала проблема: либо согласиться сотрудничать с американцами, либо отвергнуть их диктат

и тогда, как я понимал, мне грозит быть тайно увезенным из Вены. Я смалодушничал и принял их вербовочное предложение".

Получив согласие растерянного подполковника, американцы предложили перенести продолжение разговора на ближайшие дни. Попов согласился. У него, если верить его словам, появилась надежда на то, что, оказавшись на свободе, он как-нибудь выпутается из злополучной истории, из которой, как ему казалось до этого, уже не было выхода.

Вернув Попову документы и текст агентурного донесения, американцы высадили его из машины поблизости от гостиницы и условились встретиться через неделю. По пути ему показали место встречи — кинотеатр "Оне паузе". Попов кивнул.

Понятно, что к моменту начала вербовочной акции венская резидентура ЦРУ располагала необходимой суммой сведений, позволивших составить достаточно полный и достоверный портрет Попова.

Наряду с "Вашем" определенную роль в изучении личности Попова сыграла жительница Вены, 24-летняя сербка, уроженка Белграда Эмилия Коханек, работавшая референтом-переводчиком в комендатуре советских оккупационных войск в Австрии. Поначалу Попов поддерживал с ней оперативный контакт, необходимость которого обосновывал перед руководством возможностью использовать ее для наблюдения за местной югославской колонией; вскоре их отношения приняли интимный характер². Их роман с первого дня находился в поле зрения австрийской полиции, на службе у которой в качестве тайного осведомителя под псевдонимом "Анни" состояла Коханек.

Сведения об этом дошли до венской резидентуры ЦРУ. Попова "взяли на карандаш". Американцы и стали определять в дальнейшем линию поведения Коханек, через нее для них открывалась дополнительная возможность для наблюдения за Поповым, которого они прежде держали на обычном учете.

Изучив материалы, полученные в процессе разработки Попова, американцы расценили его как "объект, вполне доступный для шантажа", и решили не упустить этой возможности.

5

В течение недели, как покажет потом Попов, он колебался, не зная, как поступить, на что решиться. С одной стороны, он боялся, что американцы могут привести в исполнение свои угрозы, и тогда любая публикация в прессе о его якобы добровольном переходе на Запад тяжело отразится на положении семьи. С другой стороны, от того, чтобы сообщить о случившемся командованию, его удерживало опасение, что за этим наверняка последует увольнение со всеми из него вытекающими последствиями.

Ведь, не потребовав при задержании немедленного вызова официального советского представителя и начав давать показания в его отсутствие, он тем самым грубо нарушил общепринятые в дипломатической практике правила поведения лиц, командированных за границу. И вообще дела у Попова складывались хуже некуда: отсутствие практических результатов на порученном ему участке работы было причиной постоянных упреков в его адрес со стороны резидента. "В итоге я струсил, — скажет потом Попов на следствии, — и решил не уклоняться от повторной встречи с американцами".

В назначенное время Попов пришел на место встречи, к кинотеатру. Американцы уже ждали его; машина быстро доставила компанию в уже знакомую Попову казарму американской военной полиции. Попова пригласили к уставленному напитками и закусками столу. Вербовщики старались придать встрече непринужденный характер, "дружески" упрекали Попова в излишней предвзятости, в нежелании понять, что они, союзники, действуют здесь, в Вене, в обоюдных интересах. В какой-то момент один из американцев попытался вручить Попову "подарок" — солидную пачку денег. Попов протестующе выставил руку — щелкнул затвор фотоаппарата, вмонтированного в висевшую напротив картину. "Теперь шуметь уже поздно", — сказали Попову. Да он и сам это прекрасно понимал.

Начался деловой разговор. Тон задавали американцы. Отвечая на их вопросы, Попов покорно перечислял фамилии сослуживцев, рассказывал о характере выполняемой ими работы, сообщил об изменениях, которые произошли лично у него: в связи с нормализацией отношений между СССР и Югославией он включен в группу, ведущую разведку против ФРГ. Представленная Поповым оперативная информация сыграла решающую роль в закреплении вербовки, позволила "завязать на его шее тугой узел зависимости".

Рассиживаться за столом Попову не дали. Отвезли на машине к Венскому университету. "Следующая встреча через неделю. Мы пока кое-что проверим и уточним. Через неделю, если все будет хорошо, в вашей ситуации наступит полная ясность".

Когда спустя неделю Попов появился у кинотеатра "Оне паузе", автомашина американцев была уже на месте. Один из них сидел, как и в прошлый раз, за рулем, второй вел наблюдение со стороны. Рядом с Поповым на заднем сиденье оказался неизвестный ему человек, назвавшийся Гарри Гроссмэном³. На чистом русском языке он сказал, что давно хотел лично познакомиться с Поповым и выразить ему свои извинения за грубость и некорректность, допущенные его подчиненными, "которые превысили пределы предоставленных им полномочий".

Гроссман привез Попова на конспиративную квартиру, расположенную во французском секторе Вены, примерно в трех километрах от гостиницы, в которой квартировал Попов. Гроссман начал беседу с заверения в том, что готов дать слово не придавать значения случившемуся, сохранить все в тайне, если Попов со своей стороны твердо пообещает оказать ему кое-какое содействие в обмен на оказываемую помощь. Хитроумные увещевания Гроссмана, как заявит потом Попов на следствии, развеяли его колебания.

Как объяснил Гроссмэн, цель его разведывательной миссии состоит в том, чтобы способствовать предупреждению возможности перерастания теперешнего противостояния СССР — США в вооруженный конфликт. Для этого ему важно знать планы

оперативного использования вооруженных сил СССР, а конкретно — состояние советских военных объектов в Восточной Германии и Австрии: их дислокация, сведения о передвижении воинских частей, их численность, техническая оснащенность, состояние военных аэродромов, — словом, все, что может свидетельствовать о военных приготовлениях СССР и его обороноспособности. Всего за время пребывания в Австрии (до середины 1955 года) Попов имел примерно восемь-девять встреч с Гроссмэном: пять в 1954 году, остальные в 1955 году. Встречались они на той же конспиративной квартире во французском секторе Вены, куда Попов обычно добирался самостоятельно. До июня 1954 года Гроссмэн ограничивался устными беседами, затем на каждую явку стал приходить с карточками с занесенным на них перечнем вопросов; в эти карточки он тщательно заносил ответы Попова. Разговоры периодически возвращались к сослуживцам Попова — Гроссмэн подробно расспрашивал о каждом,

уверяя, что далек от мысли что-либо предпринимать против этих людей: главное для него — безопасность Попова.

Через Попова Гроссмэну стало известно о существовании в Бремене нелегальной резидентуры ГРУ в составе трех человек, имевших свою рацию.

Последняя встреча Гроссмэна с Поповым состоялась после возвращения последнего из отпуска в июне 1955 года. Поскольку Попову, в связи с подписанием мирного договора с Австрией и выводом из страны советских войск, предстояло переезжать на другое место службы, Гроссмэн дал ему подробные наставления относительно техники и порядка передачи в дальнейшем собираемых сведений, соблюдения правил конспирации и условий обеспечения личной безопасности. Он снабдил Попова листом бумаги для нанесения тайнописи и таблетками для ее проявления, шифровальными и дешифровальными блокнотами. По прибытии на новое место Попов должен был послать от имени "Макса" (такое имя он получил в ЦРУ) письмо на адрес проживающего в США некоего Павличука и сообщить о происшедших изменениях в его служебном положении.

Что стало с "Вашем", Попов не знал. Уничтожив после возвращения из американской военной полиции его агентурное донесение, Попов доложил начальству, что "Ваш" на встречу не явился и он исключает его из агентурной сети. Гроссмэн о "Ваше" тоже не заговаривал — только однажды как бы мимоходом поинтересовался у Попова, как он "оформил дело "Ваша", Попов рассказал. Гроссмэн согласно кивнул, и Попов понял, что тот расспрашивал его лишь для самопроверки. Весной 1955 года Попов встретил "Ваша" на одном из приемов в Доме офицеров Советской армии; оба сделали вид, что не знают друг друга.

6

...В конце августа 1955 года Попов получил назначение в ГДР, в город Шверин. Узнав об этом от Коханек, состоявшей в переписке с Поповым, Гроссмэн в январе 1956 года делает попытку связаться с ним. Для этого он направляет в Шверин женщину-связника. Оpozнав Попова по внешним приметам, женщина подошла к нему на улице и произнесла с трудом заученную фразу (русским языком она не владела), служившую паролем: "Вы "Макс"? Вам привет из Берлина от Гроссмэна". Пароль не сработал: мотив обращения показался Попову неубедительным. Опасаясь провокации, он не рискнул раскрыть себя и сказал, что никакого Гроссмэна не знает. Женщина растерялась и поспешно отошла.

Спустя несколько дней та же женщина, обогнав Попова, когда он в обеденный перерыв направлялся домой, опустила в его почтовый ящик конверт — послание от Гроссмэна, предлагавшего Попову в назначенное время быть у фотовитрины Дома дружбы, где его будет ожидать связник. Гроссмэн просил собрать для него разведывательные сведения о ходе расформирования выведенных из Австрии советских войск и степени точности сообщаемых правительством СССР цифр о демобилизации военнослужащих.

В заключение письма Гроссмэн настаивал на желательности приезда Попова в Западный Берлин. Если же в связи с осложнениями на демаркационной линии или по иным уважительным причинам Попов не сможет прибыть на встречу, он должен будет отправить по указанному адресу письмо или открытку на имя Вернера Краббе, "надежного немца", преподавателя техникума, проживавшего в пригороде Восточного Берлина. Содержание письма должно быть дружеским, произвольным. Указание в нем на

болезнь самого Попова будет означать, что с ним все в порядке, но в ближайшее время в Западный Берлин для встречи с Гроссмэном он явиться не сможет. Письмо следует подписать условной фамилией "Герхард Шмидт". Послание Гроссмэна было выдержано в тоне хотя и спокойном, но достаточно безапелляционном.

"После того как Гроссмэн установил мое присутствие в Шверине, — заявил Попов на следствии, — я понял, что отступать уже поздно, и стал беспрекословно выполнять все его распоряжения".

Встреча с человеком Гроссмэна, назвавшим себя Германом Радтке, состоялась в один из мартовских дней 1956 года. Радтке передал Попову открытый конверт с деньгами (восточные и западные немецкие марки), запечатанное письмо Гроссмэна, несколько листов чистой бумаги и пробирку с пилюлями — копиру для нанесения тайнописи и таблетки для ее проявления.

Попов встречался с Радтке несколько раз — в Шверине и Гюстрове, в ста километрах от Шверина. Явки в Гюстров были перенесены по требованию Гроссмэна: в этом городе проживали родственники Радтке и, следовательно, его периодическое появление там не могло возбудить подозрений. Связник ни разу не ушел от Попова с пустыми руками.

7

В июне 1957 года Попова перевели на работу в Восточный Берлин. Через некоторое время он посетил Западный Берлин и поблизости от театра Шиллера по телефону, который сообщил ему связник, позвонил Гроссмэну⁴. Очень скоро тот подъехал на своей машине к театру и оттуда привез Попова на конспиративную квартиру по Лютцензеештрассе, 3, где с этих пор проходили все их конспиративные встречи вплоть до отъезда Попова в ноябре 1958 года в СССР. Они встречались почти каждый месяц: в июле, сентябре, октябре и ноябре. На одной из явок осенью 1958 года присутствовал представитель ЦРУ, специально прибывший для этого из США. По тому как он, включившись в разговор, взял инициативу в свои руки, как ставил вопросы и формулировал задания, как при этом вел себя Гроссмэн, Попов понял, что этот человек — один из руководителей Гроссмэна и, видимо, немалого ранга. Его приезд в Берлин, по словам Гроссмэна, был вызван желанием поближе познакомиться с Поповым как источником важной информации в военной области и лишний раз дать понять, как высоко ценят его в штаб-квартире ЦРУ.

За время работы с Гроссмэном в ГДР Попов пополнил свой "черный список" новыми "подвигами" на ниве предательства. Выдал проходившего у него стажировку нелегала "Алешина", сообщив о том, что тот изучает радиодело и готовится обосноваться в одной из немецкоязычных стран. Оказал неоценимую услугу ЦРУ, провалив двух наших нелегалов — мужа и жену⁵. Раскрыл и другого нелегала — женщину, к сопровождению которой на Запад имел непосредственное отношение. Попов назвал Гроссмэну также адреса трех конспиративных квартир ГРУ: двух в Западном и одной — Восточном Берлине. Через Попова в руки американцев попала и другая важная оперативная информация: о структуре и деятельности зарубежных представительств ГРУ и некоторых его сослуживцах, занимавшихся вербовкой агентуры и выводом нелегалов за границу, о порядке оформления документов прикрытия для сотрудников, направляемых на нелегальную работу. Он сообщил, в частности, что двое его сослуживцев отмечены руководством ГРУ: первый за вербовку служащего паспортного отдела полиции ФРГ, второй за установление доверительных отношений с жителем Турции, перспективным в разведывательном плане. Проявив заметный интерес к этим сведениям, Гроссмэн просил Попова подумать над тем, не

повредит ли ему, Попову, если они решатся "обезвредить" немца-паспортиста, начав кампанию против него как коммуниста-подпольщикаб.

В связи с предстоящим возвращением Попова на родину он был снабжен шифровальными блокнотами и новейшими средствами тайнописи⁷. Все это вместе с наставлениями о порядке и технике поддержания сношений с разведывательным центром США было заделано, по согласованию с Поповым, в тайники, искусно оборудованные в полый части спиннинговых катушек и охотничьем ноже (Попов был заядлым рыболовом и охотником); таким же тайником служил помазок для бритья.

Какое-то время после возвращения в СССР Попов продолжал работать на американскую разведку.

Пока не попал в поле зрения органов безопасности.

8

...В январе 1958 года в Москву для работы в посольстве США в качестве атташе административно-хозяйственного отдела прибыл владевший русским языком тридцатишестилетний американский гражданин Рассел Аугуст Лэнжелли. Свидетелям встречи на вокзале бросилась в глаза деталь - она-то, собственно, и послужила исходным моментом, с которого начала раскручиваться эта история: среди встречавших Лэнжелли посольских чиновников, вопреки обычно строго соблюдаемым субординации и "табели о рангах", оказался Римстэд, кадровый американский разведчик, занимавший пост первого секретаря.

Первые результаты установленного за Лэнжелли наблюдения, целью которого было выяснить его действительное положение в посольстве, давали мало оснований для подтверждения версии о его возможной причастности к разведке. Как можно было судить по отрывочным сведениям, этот преуспевающий дипломатический чиновник, старательно стремившийся вписаться в устоявшуюся жизнь посольства, заботливый отец троих детей и внимательный муж, вел — так казалось окружающим — весьма добропорядочный образ жизни. Во всяком случае Лэнжелли делал все, чтобы не дать повода заподозрить себя в чем-то неблаговидном.

Каждое утро, в одно и то же время, одним и тем же маршрутом он направлялся из дома № 118а по проспекту Мира, где ему была предоставлена квартира, в посольство; после работы, вечерами, совершал прогулки по городу, оживленно интересуясь его достопримечательностями; в хорошую погоду выезжал с семьей в живописные места Подмоскovie. Как будто ничто не давало повода думать, что у Лэнжелли кроме обязанностей, возложенных на него как на атташе посольства, имеются какие-либо другие заботы. Но некоторое время спустя представление об этом человеке стало меняться.

На каком-то этапе Лэнжелли, видимо, решил, что ему уже удалось погасить интерес к себе со стороны органов безопасности и выйти из-под их постоянного наблюдения и контроля. Во всяком случае только этим можно объяснить наступившее заметное изменение в его поведении — он начал допускать действия, которые прямо или косвенно обличали его в принадлежности к разведке: подозрительно часто стал совершать ничем не оправданные прогулки по городу в часы, когда ему надлежало быть в посольстве при исполнении служебных обязанностей, — вещь дисциплинированному дипломатическому чиновнику не свойственная. Нередко во время прогулок его сопровождала жена, что можно было рассматривать как продуманное "прикрытие". Да и

в самом посольстве он нечасто задерживался в своем кабинете в административно-хозяйственном отделе, проводя большую часть дня в том корпусе здания, где расположены кабинеты посла, советника, военных атташе и шифровальщиков. Не остались незамеченными и его частые общения с упомянутым выше Римсэдом. В общем, создавалось впечатление, что главным для Лэнжелли были отнюдь не хозяйственные дела.

Наконец, привлек внимание неожиданный выезд Лэнжелли в апреле 1958 года на несколько дней за пределы СССР. Если учесть, что это произошло всего лишь три месяца спустя после его появления в Москве, были основания считать, что Лэнжелли сорвали с места какие-то чрезвычайные обстоятельства. Дальше — больше. По возвращении Лэнжелли вступает в тесное общение с атташе посольства по экономическим вопросам Уинтерсом — прежде такой привязанности не отмечалось. Было замечено, что кроме носивших регулярный характер встреч в посольстве они вдвоем совершали прогулки по городу, посещали парки, скверы и даже детские площадки, наведывались в рестораны и бары, явно что-то высматривая. Во всяком случае, внешне эти вояжи по Москве выглядели именно так. Сумма неожиданных совпадений дала повод предположить, что и поездка Лэнжелли за границу и его внезапное сближение с Уинтерсом имеют под собой какую-то общую почву. Факты поневоле склоняли к тому, что в лице Лэнжелли органы безопасности получили еще одного "чистого" разведчика, административная должность которого в посольстве всего лишь прикрытие.

9

Логичность этого предположения сделалась очевидностью после того, как из документов, попавших в руки оперативных работников, им стало известно, что Уинтерс в свое время служил в военно-морской разведке США, изучал русский язык в разведывательной школе в Колорадо и прошел курс обучения в Русском институте Колумбийского университета. Среди этих документов было письмо Уинтерсу из Центральной разведывательной группы⁸, свидетельствующее о том, что еще в 1947 году он оформлял свой перевод на работу в Центральную разведку.

Естественно, эта версия прошла не одну проверку, пока не были получены веские данные, серьезно поколебавшие первоначальные представления об атташе административно-хозяйственного отдела американского посольства.

Применив по данному делу комплекс оперативных мер, начиная с организации непрерывного наблюдения, оперативные работники скоро получили неопровержимые доказательства того, что Лэнжелли — кадровый американский разведчик и направлен в нашу страну для агентурной работы. В частности, удалось зафиксировать, как однажды, а именно 28 мая 1958 года, взяв с собой жену и детей, Лэнжелли на автомашине приехал к пристани "Крымский мост", откуда на речном трамвае вся семья направилась на Ленинские горы. Сойдя с катера, они поднялись по лестнице на гору, где Лэнжелли сфотографировал несколько раз стадион в Лужниках. Затем, усевшись на поляне в тени деревьев, разложили привезенный с собой провиант. Всем своим поведением Лэнжелли старался показать, будто всецело поглощен прогулкой, игрой с детьми и легким завтраком на свежем воздухе, а все остальное его ничуть не занимает. Когда, закончив пикник, они не спеша направились к деревянной лестнице, ведущей к Москве-реке, Лэнжелли, очевидно считая, что ему уже удалось выйти из-под наблюдения, улучив удобный момент, заложил под перила лестницы миниатюрный контейнер. Засечь это удалось не сразу. Собственно, закладка контейнера так бы и осталась незамеченной, если бы не ошибка самого

Лэнжелли. Рельеф местности, конечно же, не случайно выбранный для устройства пикника, не позволял сотрудникам службы наружного наблюдения постоянно держать Лэнжелли в поле зрения. Тем не менее, когда семья спускалась вниз к пристани, оперативники засекли, что Лэнжелли на ходу делает в блокноте какие-то заметки. Это навлекло подозрение - не причастен ли он к тайниковым операциям? — и послужило поводом для того, чтобы тщательно обследовать место пикника и прогулки. Интуиция не подвела — тайник в конце концов был обнаружен. В нем оказались секретные инструкции по шпионской работе, средства тайнописи и крупная сумма денег — все это предназначалось для действовавшего в нашей стране американского агента.

Стало ясно: либо Лэнжелли сам готовится выйти на контакт с агентом, либо своими действиями вызывает огонь на себя, отвлекая силы и внимание нашей контрразведки от настоящего сотрудника американской резидентуры, решающего ту же задачу.

Дальнейшие события приносили новые доказательства.

Днем 21 января 1959 года Лэнжелли дважды выезжал на автомашине из посольства для посещения магазинов. В одном из них даже купил цигейковую шапку. Но главной, если судить по его поведению, была все же другая цель — проверить, не висит ли кто "на хвосте".

В тот же день вечером Лэнжелли на автомашине, за рулем которой находилась его жена, выехал из посольства и обычным маршрутом проследовал к себе домой на проспект Мира. В пути он снова старался определить, ведут ли за ним наружное наблюдение: двигаясь на малой скорости, проезжал перекрестки в самый последний момент, когда светофор переключался на красный, явно стараясь оторваться от возможного сопровождения. На проспекте Мира, возле тогдашней станции метро "Ботанический сад", машина Лэнжелли попала в пробку. Он вышел стремительно направился в сторону метро. Жена повела машину дальше.

Спустившись на платформу, Лэнжелли последним сел в вагон поезда, но в тот момент, когда двери начали закрываться, выскочил на перрон. Походил по залу в ожидании следующего поезда. Доехал до станции "Проспект Мира". Выйдя из метро, посмотрел на часы и медленно двинулся к расположенной неподалеку автобусной остановке.

Ровно в восемь вечера с Лэнжелли поравнялся мужчина в форме офицера Советской Армии. Они прошли рядом, как бы случайно, несколько метров, в какое-то мгновение оказались совсем рядом — и здесь все и произошло: незаметно для окружающих, но только не для оперативников, Лэнжелли и подполковник обменялись какими-то предметами и разошлись. Подполковник вернулся на автобусную остановку, доехал до гостиницы "Останкино" и остался там ночевать. Проверкой по гостинице установили: Петр Степанович Попов, 1923 года рождения, подполковник интендантской службы, прибыл из Калинина. К тому времени о его связях с американскими разведчиками еще ничего не было известно. Вопреки утверждениям Хайда, автора книги о "Деле Попова", по сути рекламирующей ЦРУ (у нас такие книги называются "заказными"), Попов оказался в поле зрения органов безопасности только теперь.

Командированный в Калинин оперативный сотрудник выяснил, что Попов появился в этом городе несколько месяцев назад, прибыл из Германии, где служил в Группе советских войск. Из-за отсутствия собственной квартиры живет вместе с семьей у матери жены. На протяжении восьми лет состоял в кадрах ГРУ. С ноября 1951 года находился в служебной командировке сначала в Австрии, затем в ГДР, откуда в ноябре 1958 года отозван за "внеслужебную связь с австрийской гражданкой Коханек" и отчислен в распоряжение отдела кадров тыла Советской Армии.

Для оперативников, занимавшихся разработкой Попова, его контакт с Лэнжелли уже не казался случайным. Оставалось это доказать.

10

Чтобы не обнаружить интереса, проявляемого к Попову, не насторожить его и тем самым не повредить делу, пришлось отказаться от обычных в подобных случаях оперативных мер. Было решено не проводить негласного обыска, приносящего иногда быстрые и ощутимые результаты, — не было гарантии, что обыск для Попова, достаточно осведомленного о методах и технике ведения разведывательной и контрразведывательной работы, пройдет незамеченным. Но учитывая известные приемы работы американской разведки со своими агентами на территории СССР и, в частности, широко практикуемое использование почтовой переписки, было признано необходимым обеспечить досмотр входящей и исходящей корреспонденции Попова. Специальные контролеры получили образцы почерка Попова и его жены. Был усилен контроль за корреспонденцией, идущей из СССР по определенным заграничным адресам, которые, как было установлено, использовались ЦРУ в качестве "почтовых ящиков".

За Поповым установили круглосуточное наблюдение, ориентированное, помимо всего прочего, на то, чтобы фиксировать возможные попытки отправить корреспонденцию из других городов области и с проходящими через Калинин поездами. Контролировались его выезды в Москву. Считаясь с местными условиями, ограничивавшими возможности эффективного использования наружного наблюдения (не было гарантий, что Попову не удастся заметить слежку), пришлось, приспосабливаясь к обстановке, создавать специальные скрытые посты наблюдения — на железнодорожном вокзале, междугородной автобусной станции и автовокзале. Круглосуточно функционировал пост контроля за выходами Попова из дома, оборудованный средствами ночного видения.

Наружное наблюдение показало: Попов, выходя в город, ведет себя спокойно, каких-либо мер для обнаружения за собой слежки не принимает и почти всегда уходит и возвращается домой одним и тем же маршрутом, по наиболее освещенным и многолюдным улицам.

В паре с наружным наблюдением в разработке Попова задействовали службу радиопротиводействия: не исключалась вероятность того, что между Поповым и ЦРУ существует радиосвязь. Предположения контрразведчиков материализовались после того, как удалось зафиксировать, что радиоразведывательный центр США во Франкфурте-на-Майне с 3 января 1959 года начал регулярно проводить упрощенным методом односторонние передачи шифрованных сообщений своему агенту, находившемуся, судя по всему, на территории СССР. Передачи эти велись по субботам в 10 часов вечера и в 6 часов 30 минут утра в воскресенье⁹.

21 января 1959 года было перехвачено письмо, направленное из Москвы обычным почтовым порядком в адрес Попова. При исследовании письма в лаборатории была обнаружена тайнопись. Попова извещали о высокой оценке, которую получила в штаб-квартире ЦРУ передаваемая им информация. Ставились новые задачи по сбору секретных сведений. Воспроизводился план шифрованных радиопередач для него из радиоразведывательного центра во Франкфурте-на-Майне. Сообщался заграничный адрес, по которому ему следовало направлять в тайнописном виде шпионскую

корреспонденцию. Письмо заканчивалось просьбой срочно уведомить, куда он получит очередное назначение. Письмо сфотографировали, доставили обычным порядком по адресу и опустили в почтовый ящик дома Поповых.

Наружное наблюдение зафиксировало: после встречи с Лэнжелли 21 января 1959 года Попов еще раз появлялся в Москве — был в отделе кадров тыла и в ГРУ, общался с несколькими бывшими сослуживцами. Кроме того, в ресторане в Калинин встречался с офицером, работающим на особо важном объекте ПВО страны, несколько раз заходил на квартиру другого знакомого офицера, служившего в одном из соединений Московского военного округа.

11

Поскольку добытые в отношении Попова материалы о его сотрудничестве с иностранной разведкой больше не вызвали сомнений, а развиваемая им активность в общении с потенциальными обладателями военных тайн несла в себе серьезную угрозу интересам государства, решено было при очередном посещении им Москвы задержать его, но так, чтобы факт задержания не получил огласки.

18 февраля 1959 года Попов был задержан. При личном обыске в момент задержания у него были обнаружены: записная книжка, в которой значились домашний телефон Лэнжелли, парольный сигнал для вызова на встречу и другие личные заметки, изобличающие Попова в связи с американской разведкой; шесть листов специальной копировальной бумаги, блокнот, в котором удалось выявить тайнописный текст подготовленного для передачи Лэнжелли очередного агентурного донесения:

"Отвечаю на Ваш номер один, полученный при передаче денег и в письме тайнописью. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную встречу вызову по телефону по Вашим условиям перед отъездом из Москвы. При невозможности встретиться напишу на Краббе. Радиogramму от 4 января не принял и пока принимать не могу в комнате с семьей. О возможности приема сообщу на Краббе. Пишите мне реже. Желательно, чтобы письма были короче и примерно такого содержания: Петр Семенович, здравствуйте. Возможно, Вы меня уже забыли, но я хочу напомнить о себе и нашем знакомстве в Москве. Получил назначение в ..., но доволен этим. Сейчас уже работаю. Жена и дети занимаются по хозяйству. Все чувствуем себя хорошо. Хотелось бы узнать, как твои дела? Устроился ли с работой? Если есть время, напиши, буду очень рад. Пока, до свидания. С наилучшими пожеланиями к тебе и твоей семье. Дима. Такое письмо может получить и моя жена, которая остается пока в Калинин, и переслать мне. Относительно устройства с работой можно написать: Дорогой Петр Степанович, почему ты молчишь? Пишу уже второе письмо, а ответа не получил и на первое. А остальное, как в первом.

Копирка и таблетки у меня есть. Инструкцию по радио желательно иметь, но краткая из Берлина у меня есть. Желательно иметь адрес в Москве, но надежный¹⁰. При моем отъезде из Москвы я постараюсь все-таки два-три раза в году выезжать на личные встречи в Москву. Сердечно Вам благодарен за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения информации и, кроме того, находящимся в резерве через два месяца выплачивают только оклад по званию — это треть всего оклада, переезд тоже требует дополнительных затрат, так что еще раз Вам большое спасибо.

Что стало с моей агентурой в Б. (Берлине. — Ред.), не знаю, но предполагаю, что с ней работают другие офицеры. Желательно моих людей не трогать. С человеком Баш можете поступать по своему усмотрению, меня это мало волнует".

Далее Попов информировал о должностных перестановках в ГРУ, состоянии противовоздушной обороны границ и наиболее важных промышленных районов Севера, о передислоцировании ряда соединений ПВО, большом аэродромном строительстве для истребительной авиации.

Таким образом, были получены вещественные доказательства, обличающие Попова в шпионаже; в результате теперь уже официального обыска по месту жительства Попова в Калинин в руки оперативных работников попало все остальное: инструкция по способам связи с разведывательным центром США, план радиопередач, шифровальные и дешифровальные блокноты и проявитель для тайнописи.

Свою связь с американской разведкой, агентом которой он являлся с конца 1953 года, Попов признал на первом же допросе. В процессе следствия удалось установить, что Попов помимо упомянутых выше нелегалов, мужа и жены, выдал еще четырех наших военных разведчиков. Назвал 17 агентов из числа иностранцев, служивших для Попова источником разведывательной информации. "Сдал" американцам несколько явок, используемых ГРУ. Раскрыл (в том числе по предъявленным ему фотографиям) более 80 офицеров военной разведки, использование которых за рубежом в результате этого стало невозможным или весьма затруднительным. Сообщил особенно тщательно охраняемые сведения об организации и деятельности ГРУ, системе отбора и подготовки военных разведчиков, содержание нескольких разведывательных директив, передаваемых центральным аппаратом ГРУ. Регулярно снабжал ЦРУ секретной информацией военно-стратегического и политического характера.

12

Если верить утверждениям Г. Розицки, Попов был в те годы "самым ценным источником" сведений о Советском Союзе по военной линии. Через него американцам стали известны сведения о порядке ведения боевых действий и оснащенности танковых, механизированных и пехотных дивизий. Попов информировал американцев о возросшем количестве самоходных переправочно-десантных машин и бронетранспортеров еще за полтора года до того, как ЦРУ стало известно об этом из других источников. Попов первым передал описание нескольких систем тактических ракет, сообщил о существовании советских подводных лодок, оснащенных ракетами, о формировании дивизии тяжелых танков, а также в подробностях описал тактику Советской Армии в условиях применения ядерного оружия. Довел до сведения американцев содержание ряда строго конфиденциальных и секретных документов высших органов страны.

В сложных для получения секретной информации условиях "подобные сообщения одного человека, - отмечали в своем заключении аналитики ЦРУ, - оказали прямое и значительное влияние на военную организацию США, ее доктрину и тактику и позволили Пентагону сберечь, по меньшей мере, 500 миллионов долларов в его научно-исследовательской программе" .

Анализ сведений, которые Попов сообщил ЦРУ, показал: по роду службы он лично никак не мог располагать некоторыми из них. Указанные сведения Попов получал... от словоохотливых сослуживцев.

Итак, преступная деятельность Попова в процессе следствия была полностью доказана. Наступал самый трудный и наиболее ответственный этап работы по делу, получившему обозначение "Бумеранг". Предательство Попова могло положить начало целой цепи провалов наших разведчиков, последствия чего просчитать было невозможно, если учесть, что как сотрудник ГРУ Попов имел контакты с советскими нелегалами, которые проживали за границей по чужим паспортам под известными ему чужими именами.

Первым делом нужно было локализовать последствия предательства. Правда, существовала надежда, что американцы, делая свою игру, вряд ли сразу решатся на задержание или арест ставших известными им советских нелегалов. Но в практике ЦРУ случалось, когда они поступали и так.

Ясно было одно: даже при благоприятном стечении обстоятельств запас времени, оставшийся у ГРУ и КГБ для вызволения нелегалов, крайне ограничен. Это обстоятельство и диктовало тактику.

Руководители ГРУ в тесном контакте с КГБ прилагали огромные усилия для того, чтобы защитить наших людей, вывести их из-под удара контрразведки противника. Нужно было успеть подготовить вывод преданных Поповым нелегалов, а также осуществить отзыв проваленных им офицеров ГРУ, работающих под официальным прикрытием, но так, чтобы это не бросило тень на Попова. До поры до времени американцы ничего не должны были знать о его аресте.

По логике вещей, сам собой напрашивался вариант оперативной игры с ЦРУ с использованием Попова как своеобразной приманки. Американцы не должны были почувствовать сбой. Более того, они должны были ощутить, как активность их агента все более нарастает. Все это должно было заставить разведку США в еще большей степени дорожить безопасностью Попова — в этом случае можно было бы надеяться, что американская контрразведка, опасаясь потери суперагента, не отважится на немедленный захват выданных им нелегалов. На внезапное и быстрое вызволение нелегалов рассчитывать было нельзя. Они наверняка уже находились под контролем контрразведки, и о любом, тем более поспешном, их отъезде стало бы сразу известно ЦРУ. Нужна была крайняя осмотрительность.

Кроме вызволения нелегалов, на что, естественно, были направлены основные усилия ГРУ и КГБ, оперативная игра могла способствовать решению и других важных с точки зрения контрразведки задач: раскрытию новых методов работы резидентуры ЦРУ со своими агентами на территории нашей страны, выявлению среди сотрудников американского дипломатического представительства в Москве еще неизвестных советским органам безопасности разведчиков. В случае удачи представлялось возможным выяснить конкретные разведывательные устремления США в отношении СССР на данный момент. Словом, игра стоила свеч.

13

Началу завязывания оперативной игры, определению путей и методов ее ведения предшествовал всесторонний анализ выработанных ЦРУ с участием его московской резидентуры условий связи с Поповым на советской территории. Надо было решить, какой способ избрать, на каком варианте остановиться.

Было известно, что перед тем, как Попов отправился в 1958 году из ГДР в очередной отпуск на родину, Гроссман предупредил его: в ближайшее время Попову предстоит встретиться со специально

вызванным из СССР сотрудником ЦРУ "Даниилом". Лишь потом стало известно, что под этим именем выступал атташе посольства США Лэнжелли.

Знакомство Попова с "Даниилом" состоялось на очередной апрельской встрече, главной целью которой было знакомство Попова с системой связи, предложенной на случай, если он вдруг по каким-либо причинам не вернется обратно и будет лишен в дальнейшем возможности выезда за границу. Гроссмэн, "Даниил" участия в разговоре почти не принимал и был, очевидно, вызван больше для того, чтобы при встрече с Поповым в Москве они могли легко опознать друг друга. Гроссмэн был явно в ударе, демонстрируя "Даниилу" Попова, свой самый "крупный улов".

Пространно разъясняя важность личных контактов в разведке, он обосновывал преимущества этого способа связи наступившими и в СССР под влиянием благотворных перемен в мире позитивными изменениями в отношении властей к иностранцам. Вследствие этих изменений теперь, говорил он, изоляция дипломатических представительств в Москве стала менее жесткой, за сотрудниками посольства США не ведется глобальной слежки, как в прежние времена. Иностранным дипломатам предоставлена определенная свобода передвижения по территории страны, заметно ослаблен режим контроля за их действиями. В подобных условиях, которые вряд ли носят временный, конъюнктурный характер, подчеркивал Гроссмэн, американские разведчики могут выполнять свою миссию в СССР успешнее, а главное — с меньшим для себя риском. "Даниил", с которым Попову предстоит встречаться в Москве, продолжал он, является по своему положению малозаметным дипломатическим сотрудником, в разведывательном плане пока намеренно никак себя не проявляет и потому маловероятно, чтобы он мог попасть в поле зрения советской контрразведки. Причем личные встречи Попова с "Даниилом", объяснил Гроссмэн, планируются лишь на первое время; в последующем они обдумают более надежные в смысле безопасности способы связи — например, использование тайников. Гроссмэн счел нужным отметить, что "Даниил" много потрудился в Москве над подысканием безопасных мест для их будущих встреч и назвал некоторые из них: детская площадка в Сокольниках, общественный туалет на Пушкинской площади, музыкальный магазин на Петровке, несколько ресторанов¹¹. Что касается сигнала вызова Попова на встречи, для этого, считал Гроссмэн, могли бы быть использованы граммофонные пластинки, проигрываемые в определенное время по радио.

Личные встречи Попова с Лэнжелли было решено проводить в ресторанах "Астория" и "Арагви", Центральном детском театре и у входа на станцию метро "Проспект Мира", запасной вариант — нотный магазин на Неглинке. Для вызова Лэнжелли на встречу Попов должен будет звонить ему из любого автомата после семи вечера. Если встречу предполагается провести в ресторане "Астория", Попов должен спросить: "Борис дома?". Ответная фраза Лэнжелли "Вы ошиблись, это американский дом" будет означать, что встреча состоится в восемь вечера в первую же среду. Для вызова на встречу в "Арагви" надо произнести фразу: "Федор дома?" Точно такой же, как и в первом случае, ответ Лэнжелли будет означать, что встреча состоится в восемь вечера в первое воскресенье. Если по телефону ответит женский голос, Попов должен, не вступая в разговор, повесить трубку. Завершая апрельскую встречу, Гроссмэн вручил Попову шифрблокноты и средства тайнописи. Ему он также сообщил и два уже упоминавшихся заграничных адреса, куда ему предстояло направлять по почте исполненные тайнописью шпионские донесения: в ГДР — на имя Крабба и в США — на имя Павличука. Кроме того, Попову было передано расписание передач радиоразведывательного центра¹², которые он должен был принимать и расшифровывать с помощью шифрблокнота.

Перед самым отъездом Попова из Германии — в ноябре 1958 года — он получил указание Гроссмэна: в Москве до 20 декабря дать знать о себе "Даниилу". Было оговорено, что если к этому времени от Попова

не будет никаких известий, то с целью прояснения ситуации на его калининский адрес будет послано письмо. Боясь, что оно случайно может попасть в руки жены и вызвать у нее недоумение, Попов, опережая события, вызвал Лэнжелли на встречу по телефону в один из последних дней декабря. Встреча должна была состояться в театре Юного зрителя. Попов, однако, на эту встречу не вышел, опасаясь, что она может быть зафиксирована КГБ, и решил воспользоваться запасным вариантом - рестораном "Арагви". 4 января 1959 года в восемь вечера эта "моментальная" встреча состоялась в туалетной комнате ресторана. Произошел обмен материалами: Попов вручил Лэнжелли исполненное тайнописью сообщение о своем отчислении из ГРУ в Главное интендантское управление Штаба тыла Советской Армии, а также об изменениях, происшедших в руководстве ГРУ. Лэнжелли, в свою очередь, в коробке из-под спичек, имевшей двойное дно, передал Попову записку, обязывавшую его сообщить тайнописью по известному ему адресу Краббе о своем положении. Условились, что в очередной раз они встретятся возле станции метро "Проспект Мира", на остановке автобуса № 85 в восемь вечера. Попов хотел выяснить у Лэнжелли еще кое-какие вопросы личного характера, но тот поспешил уйти, сказав, что за ним возможна слежка.

На встрече 21 января Лэнжелли вручил Попову сверток с деньгами и заложенную в коробку спичек записку на русском языке, повторявшую просьбу сообщить в адрес Краббе о своем положении и перспективах дальнейшего сотрудничества — как они представляются Попову. В записке содержалось предупреждение, что за Лэнжелли, судя по всему, ведется усиленное наблюдение и поэтому на встречу с ним следует выходить не чаще одного раза в три-четыре месяца. Перед Поповым ставилась задача выяснить в ближайшее время, где именно строятся подводные лодки с атомным двигателем, а также собрать сведения о новых видах ракетного оружия и районах его складирования.

14

Объективно сложившаяся обстановка позволяла практически приступить к развертыванию операции "Бумеранг" с использованием в ней арестованного Попова. Незакрытым оставался один вопрос: как его использовать? Характер оперативной игры вольно или невольно подсказали действия самих американских разведчиков, тот порядок поддержания связи с Поповым, который они установили для него. Стало ясно, что практически осуществимы два пути поддержания контактов с американской разведкой в ходе предстоящей оперативной игры: либо посредством периодических "моментальных" личных встреч Попова с Лэнжелли в Москве, либо с помощью двусторонней почтовой переписки с использованием средств тайнописи и шифров.

Второй путь был отвергнут; с точки зрения достижения поставленной цели, он сулил мало надежды на успех, не обеспечивая необходимой оперативности: посылка закодированных писем "почтовым ящиком" ЦРУ в США и ФРГ требовала много времени, что затягивало оперативную игру. Кроме того, логично было предположить, что американцы, лишенные возможности лично видеть Попова, на каком-то этапе могут заключить, что он не на свободе, действует под диктовку; придя к такому заключению, они вполне могут, опередив ГРУ и КГБ, принять жесткие меры в отношении наших нелегалов.

Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание покаянное поведение Попова на следствии, оперативные работники остановились на втором варианте, то есть на личных встречах Попова и Лэнжелли. Тем более, что в этом случае открывалась еще и возможность захватить американского разведчика с поличным.

Для объяснения причин длительного отсутствия Попова в Москве (американцы не могли этого не заметить) придумали следующую легенду: Попов переведен на службу в Алапаевск — с Урала часто не поездишь.

Планом оперативной игры предусматривалось проведение нескольких встреч Попова с Лэнжелли на протяжении примерно шести-семи месяцев. Этого времени, как считали в ГРУ, было достаточно, чтобы успеть вывезти раскрытых Поповым нелегалов в страны, где они были бы в безопасности.

Самой трудной оказалась организация первой встречи. Прежде всего, важно было, чтобы подготовленная Поповым для передачи Лэнжелли информация не только не разочаровала американцев в своем агенте на новом этапе сотрудничества с ним, после отъезда в Алапаевск, а, наоборот, укрепила бы их во мнении, что многообещающие возможности, которыми Попов располагает благодаря своим связям в военной среде, растут и он по-прежнему надежен и еще более инициативен. Для этого содержащийся в информации фактический материал перемежали с ложными сведениями, тщательно "подогнанными" и вместе с тем малодоступными для проверки. Материал, прошедший тройную фильтрацию, был подготовлен с участием специалистов Генерального Штаба и Министерства иностранных дел СССР. Он должен был греть души американских разведчиков, поскольку касался вопросов, которые, как было достоверно известно, ЦРУ держало в центре внимания, проявляя к ним повышенный интерес.

Во-вторых, поскольку по условиям оперативной игры Попову предстояло лично встречаться с Лэнжелли, режим его содержания как арестанта сделали предельно мягким — на его облик не должно было отразиться пребывание в тюрьме. Пришлось прибегнуть к помощи косметолога и даже организовать Попову загородный отдых.

15

В день встречи 18 марта 1959 года Попова доставили на квартиру поблизости от ресторана "Астория". Оттуда он под негласной охраной отправился к месту встречи, назначенной на восемь вечера. Внешне он держался спокойно и уверенно. Такое его состояние, объяснил Попов впоследствии, подкреплялось сознанием того, что ему дан реальный шанс упредить опасные последствия совершенного им предательства.

Сама встреча произошла в тамбуре входа в ресторан "Астория", имевшего двойные двери и по левую руку между ними — маленькую нишу, где находился телефон. Собственно, это не было встречей в строгом смысле слова: сойдясь, Попов и Лэнжелли ничем не показали, что знакомы между собой. Обменявшись на ходу какими-то предметами, они разошлись. Если бы во время этого мгновенного контакта обмену материалами помешали бы вдруг какие-либо внешние обстоятельства, согласно оговоренным условиям связи Попов должен был пройти в ресторан, сделать официанту заказ и ровно через 30 минут повторить попытку контакта в коридоре, ведущем из зала в туалетную комнату¹³.

Наружное наблюдение за Лэнжелли в этот день зафиксировало: в 7.30 вечера он в сопровождении жены выехал на своей машине из дома, не проявляя никакого беспокойства, и к 8 часам подъехал к "Астории". Вышел из автомобиля. Подал руку жене. Как зафиксировал объектив скрытой камеры, нежно обнимая

жену, Лэнжелли тем временем осторожно извлек из кармана ее жакета какой-то предмет, а именно небольшую коробочку — через несколько минут после того, как за Лэнжелли закроется входная дверь, коробочка окажется в руках Попова, уже ожидавшего у телефона-автомата и делавшего вид, что он разговаривает с абонентом.

Действуя таким образом, Лэнжелли был уверен, что если даже за ним и ведется слежка, ему, тем не менее, удастся незаметно осуществить моментальный контакт с Поповым: сотрудники, наблюдавшие за дипломатом, практически не имели возможности появиться в тамбуре одновременно с ним.

В переданной Лэнжелли информации Попов уведомлял, что получил назначение на должность заместителя командира батальона части, дислоцирующейся в Алапаевске.

К месту службы он выедет один, без семьи, которая временно останется в Калинин. Эта деталь вводилась намеренно — для того, чтобы Попов мог оправдать свои периодические наезды в Москву.

Легенда о пребывании Попова в Алапаевске, с одной стороны, позволяла сократить число встреч с Лэнжелли, что лишало его инициативы, а с другой — облегчала возможность дезинформации ЦРУ, поскольку проверить саму легенду и определить степень достоверности сообщаемых Поповым сведений было затруднительно — Свердловская область была, как известно, закрыта для иностранцев.

Лэнжелли, в свою очередь, передал Попову блокнот, в котором было изложено задание, обязывающее его приступить к сбору сведений о намерениях советского руководства по берлинскому вопросу и признаках возможной подготовки в связи с этим Вооруженных Сил СССР к военным действиям. ЦРУ интересовали также данные о производстве межконтинентальных баллистических снарядов и местонахождении стартовых площадок для их запуска. В переданных материалах сообщался новый адрес в Западной Германии, по которому Попову предстояло направлять информацию. Лэнжелли вручил ему также очередное вознаграждение — 20 тысяч рублей.

16

Вторая встреча состоялась 23 июля 1959 года в той же "Астории". Попов передал блокнот с тайнописным донесением, в котором содержалась "информация" по интересовавшим ЦРУ военным и внешнеполитическим вопросам. Лэнжелли вручил Попову пакет с 15 тысячами рублей и в спичечной коробке очередное задание по сбору разведывательных сведений. В тексте задания говорилось: "Можно отвечать на вопросы по номерам, т.е. в ответе ссылаться на номер вопроса и давать информацию минимальным количеством слов. Нам полезно знать, от кого или как вы получили сведения, например, от человека определенной специальности, из проходивших через ваши руки документов и т.п.

РАЗДЕЛ № 1:0 вашей части: 1.1. Наименование части. 1—2 Номер войсковой части. 1.3. Подчинение (непосредственное или высшее) части. 1.4. Штатный состав части по воинским званиям. 1.5. Назначение части (чем она занимается). 1.6. С какими другими частями (подразделениями) взаимодействует при выполнении своей задачи?

РАЗДЕЛ № 2:0 районах, предназначенных для пуска межконтинентальных баллистических снарядов, сообщите следующее: 2.1. Точное местонахождение района (расстояние и направление от ближайшего населенного пункта и т.п.). 2.2. Сколько имеется пусковых площадок (установок) в данном районе? 2.3.

Время начала и окончания строительства района? Если не завершено, то дайте плановую дату окончания. 2.4. Какое количество снарядов находится в настоящее время в районе? Сколько из них готово к пуску? 2.5. О войсковой части, ответственной за ведение строительства района или за применение снарядов: сообщите

наименование и номер войсковой части, место дислокации, род войск, где проходила подготовку к настоящему назначению и когда она была закончена, непосредственное и высшее подчинение части, фамилия и звание ее командира. 2.6. Расположены пусковые площадки (установки) подземно или на поверхности? 2.7. Подходит ли железнодорожная ветка к району или в район? Если да, то какие элементы пускового оборудования помещаются в ж.-д. вагонах (например, топливо, жидкий кислород, радиолокационные средства, пульт управления и т.п.)? 2.8. О самих межконтинентальных снарядах, имеющихся в данном районе, сообщите данные, требуемые в разделе № 3".

На следующей встрече, в "Арагви", 18 сентября 1959 года, Лэнжелли вручил Попову конверт с 20 тысячами рублей и письмо, в котором сообщалось об изменениях в условиях связи:

"Первая встреча — звоните мне в любое время после 11 вечера до 8.30 утра. Лучшее время для звонка — между 7.30 и 8.30 утра. Вы спрашиваете: "Это комната товарища Павлова?" Я отвечаю: "Нет, это не гостиница "Украина". Это значит, что встреча состоится на следующий день после телефонного звонка в 8.45 утра на автобусной остановке на Кутузовском проспекте, напротив дома № 18. Я точно в это время перейду улицу, и мы оба войдем в первый подошедший автобус маршрута № 107, идущий в сторону центра. Я много раз проверял и твердо знаю, что слежки в автобусе за мной нет. На остановке не вступайте со мной в разговор. Материалы передавайте только в автобусе в удобный для меня и вас момент. После обмена материалами минут через десять первым выйду я, вам же следует ехать дальше. Запасная встреча — в тот же день в 8 вечера в туалетной комнате ресторана "Астория". Вторая запасная встреча — через день в коридоре нотного магазина. Там есть диван. Ровно в 7 часов вечера прячьте материал между сиденьем и правым подлокотником, сидя лицом к двери, затем идите к витрине. Я появлюсь в магазине в 7.05, и если от вас не последует сигнал опасности, извлеку ваш материал, заложу материал для вас и направлюсь в отдел продажи пластинок. Вы как можно скорее забирайте его и уходите".

Изменения в условиях связи были вызваны объективными причинами: семья Лэнжелли к этому времени переехала с проспекта Мира в новую квартиру в доме № 18а по Кутузовскому проспекту и, естественно, сменила номер домашнего телефона. Об этом дипломат сообщил Попову в исполненном тайнописью письме на его калининский адрес. Новый пароль для вызова Лэнжелли на встречу был избран с учетом того, что номер его теперешнего телефона ранее принадлежал гостинице "Украина".

Встречи Попова и Лэнжелли контролировались оперативной техникой и фиксировались скрытой фото- и киносъемкой. Это позволяло обеспечить абсолютную документальную точность. Как показало наружное наблюдение за Лэнжелли, на встречах, которые происходили в ресторанах, он появлялся в сопровождении Уинтерса, прикрывавшего его. Это окончательно прояснило подоплеку "дружбы" Лэнжелли с Уинтерсом: оба являлись сотрудниками одного ведомства — ЦРУ.

Мероприятия по выводу из-за границы выданных Поповым четырех нелегалов проводились в рамках операции "Бумеранг" начиная с февраля 1959 года и завершились успешно: к сентябрю удалось незаметно для противника вывести всех. Угрозу их личной безопасности и безопасности связанных с ними по работе разведчиков удалось ликвидировать. Была произведена и замена тех находившихся за границей офицеров ГРУ, в отношении которых американская разведка получила от Попова соответствующую информацию.

Основные задачи, ради которых затевалась оперативная игра, были, таким образом, решены. Но возникли, как водится, новые обстоятельства. С исчезновением из поля зрения американцев Попова и наших нелегалов появилась проблема "поставки на Запад" необходимой дезинформации, призванной ввести в заблуждение ЦРУ. Истекал и срок следствия по делу Попова. Вот почему было признано целесообразным завершить оперативную игру в октябре 1959 года задержанием с поличным сотрудника ЦРУ Лэнжелли. Известно, какое "искреннее негодование" и "возмущение" обычно выражают иностранные дипломаты, когда попадают на недозволенной деятельности. Были нужны неоспоримые доказательства. Вскоре их получили.

На последней встрече в сентябре 1959 года Попов в переданном им сообщении проинформировал Лэнжелли о том, что он якобы находится в отпуске в Калинин и намерен повидаться с некоторыми бывшими сослуживцами по ГРУ. Кроме того, ему, возможно, удастся встретиться с одним из своих знакомых — инженером НИИ, имеющим отношение к разработке ракетной техники (называлась конкретная фамилия; об этом человеке американцы знали от немецких специалистов, работавших в послевоенные годы в СССР). Такая "конкретизация" должна была форсировать интерес ЦРУ к предстоящей октябрьской встрече с Поповым при его возвращении из "отпуска" через Москву.

15 октября Лэнжелли был вызван Поповым на встречу, которая должна была состояться утром следующего дня в автобусе маршрута № 107.

Такой вариант встречи казался наиболее приемлемым: появлялась надежда, что Лэнжелли придет один: этим автобусным маршрутом он пользовался часто и чувствовал себя в безопасности.

16 октября 1959 года Попов был доставлен в район встречи на оперативной машине, замаскированной под такси. В 8.45 утра Лэнжелли, как обычно, вышел из дома и медленным шагом направился в сторону автобусной остановки на Кутузовском проспекте. Одновременно с ожидавшим его на остановке Поповым сел в достаточно заполненный пассажирами автобус. В пути следования до посольства Лэнжелли, проталкиваясь к выходу мимо Попова, скрытно обменялся с ним материалами. Для контроля за действиями Лэнжелли и Попова и обеспечения охраны последнего в автобусе среди пассажиров находились оперативники, севшие в него несколькими остановками раньше. Не доезжая двух остановок до американского посольства, Попов условным знаком дал знать оперативникам, что обмен материалами состоялся — задерживать дипломат без улик было бессмысленно.

При выходе из автобуса Лэнжелли и Попов были задержаны и доставлены в заранее подобранное близлежащее помещение. Составили, как положено, соответствующий акт. Чтобы у Лэнжелли было меньше ненужных вопросов, ему продемонстрировали кинофильм, скрытно снятый в моменты его конспиративных встреч с Поповым. Желая избежать осмотра принадлежащих ему личных вещей, Лэнжелли сразу же указал, куда именно он спрятал полученные от Попова агентурные материалы¹⁴.

"Комментарии излишни", — заметил Лэнжелли, посмотрев себя на экране.

Дальше все пошло, как говорится, своим законным путем.

МИД СССР заявил протест посольству США и потребовал, чтобы Лэнжелли покинул пределы Советского Союза, поскольку его действия несовместимы со статусом аккредитованного дипломатического сотрудника. 19 октября американец покинул СССР.

Военная коллегия Верховного Суда, рассмотрев на закрытом судебном заседании 6 — 7 января 1960 года дело Попова по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и найдя доказанной его виновность в измене Родине, приговорила Попова к исключительной мере наказания. Предательство останется предательством и в самые гуманные времена. Такова действительная история. Передергивания, раскаленная топка и прочие ужасы остаются на совести американского фантазера.

1Член палаты представителей конгресса США С. Стрэттон, адресуя 30 ноября 1978 года специальное письмо в ЦРУ, выразил серьезную озабоченность тем, что США ведут сбор разведывательной информации "почти исключительно с помощью технических средств, уделяя мало внимания классическому виду тайной деятельности — агентурной разведке". Тогдашний шеф ЦРУ адмирал Тэрнер успокоил конгрессмена: "Я заверяю вас, что это мнение ошибочно... Хотя современные технические средства и позволяют нам расширить сбор разведывательных данных, они лишь дополняют, но не замещают агентурные источники".

2Связь с Коханек Попов не прервал и тогда, когда ему в конце 1954 года после нормализации отношений между СССР и Югославией категорически запретили поддерживать это знакомство.

3Хавард Мейсои, он же Шарнхорст; родители его до революции 1917 года жили в Петербурге, затем эмигрировали в США. Во время второй мировой войны Мейсон служил в одной из американских военных миссий на севере СССР. В 50-х годах представлял в Вене, а затем в Берлине, по одним дагагым, — военную разведку, по другим — ЦРУ; имел звание майора, занимался беженцами с Востока.

4К этому времени и Гроссмэн перебрался в Берлин из Вены. Похоже, его перевод был связан с необходимостью дальнейшей работы с Поповым.

5Подробности стали известны после разоблачения Попова: именно он в ноябре 1957 года обеспечивал выезд из ГДР в США жены нелегала нашей военной разведки, обосновавшегося в Нью-Йорке. По прибытии на место она оказалась вместе с мужем (как удалось установить в результате радиоперехвата) под интенсивным наружным наблюдением ФБР. Для ведения круглосуточной слежки за ними были использованы 22 бригады подвижного и стационарного наблюдения. Наружное наблюдение за собой женщина заметила еще на аэродроме в ФРГ, а затем и в Париже. Лишь с большим трудом нелегалов удалось вывезти из США в марте 1958 года.

6Этот вопрос снова возникнет в переписке с Гроссмэном после возвращения Попова в СССР. Попов ответил, что американцы "могут действовать по своему усмотрению", его это "мало волнует".

7Тайнописная копировальная бумага, которую Попову вручили американцы, содержала химические соединения высокого качества, нам еще не известные. Во всяком случае, подобной бумаги у других американских агентов, разоблаченных в СССР, до тех пор не встречалось.

8Центральная разведывательная группа в 1947 году преобразована в ЦРУ.

9Как потом станет ясно в результате сопоставления переданных американцами Попову условий радиосвязи и материалов радиоперехвата, январские передачи 1959 года предназначались именно для него.

10Московский адрес предназначался для того, чтобы посылать по нему свои донесения, исполненные тайнописью

11Как показало позже дело Пеньковского, именно на не привлекающей внимание детской площадке была зафиксирована одна из его встреч со связником чужой разведки

12Эта односторонняя связь по радио должна была осуществляться с помощью бытового радиоприемника, изготовленного в ФРГ, в схему которого требовалось внести лишь незначительные изменения. Попову дали послушать, как будут звучать сигналы, передаваемые ему по радио.

13И на этот случай был оговорен "сигнал тревоги": если никаких препятствий для вступления в контакт нет, надо было приложить к лицу носовой платок.

14Иной была позиция Лэнжелли на спешно созванной госдепартаментом пресс- конференции по его возвращении в США. Он представлял дело таким образом, что к обнаруженным при нем шпионским материалам он никакого отношения не имеет, что эти материалы якобы подсунуты ему сотрудниками КГБ, учинившими против него провокацию. Но к этому моменту о провале ЦРУ было уже достаточно широко известно, поэтому заявление Лэнжелли не имело того эффекта, на который рассчитывали организаторы пресс-конференции.

Трагедия на Байконуре 24 октября 1960 года

В данном разделе представлены официальные материалы Государственной комиссии (в состав которой входил А.М.Гуськов) по расследованию причин произошедшего на Байконуре 24.10.1960 г. взрыва ракеты Р-16 и последующей гибели людей, хранящиеся в архиве Президента Российской Федерации и впервые опубликованные в издании "Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения" (Москва. ЦИПК РВСН. 1994), а также в юбилейном издании "Ракетный щит Отечества" (Москва, ЦИПК РВСН. 1999).

Путь первопроходцев всегда тернист и полон случайностей, часто трагических, лишаящих жизни их самих, приносящих горе и страдания их родным и близким.

В конце 50-х - начале 60-х годов решалась важнейшая государственная задача - разработка новой боевой межконтинентальной баллистической ракеты Р-16. Основные требования Министерства обороны сводились к следующему: высокая боевая готовность, способность доставлять к цели ядерные заряды большой мощности, возможность длительного пребывания на боевом дежурстве в заправленном состоянии, упрощение эксплуатации ракетного комплекса. Для разработки ракеты с использованием высококипящих компонентов топлива в Днепропетровске было создано особое КБ, которое возглавил М.К.Янгель. К созданию двигателя и систем ракеты, а также наземной и шахтной стартовых позиций привлекаются конструкторские бюро, возглавляемые В.П.Глушко, В. И.Кузнецовым, Б.М.Коноплевым, В.И.Капустиным, Е.Г.Рудяком.

Ракета Р-16 была разработана в двухступенчатом варианте с последовательным расположением ступеней и автономной системой управления. В качестве составляющих топлива были выбраны самовоспламеняющиеся при контакте между собой компоненты: горючее - несимметричный диметилгидразин (НДМГ), окислитель - азотная кислота АК-27И. Стартовый вес ракеты составлял около 148 тонн.

С переходом на высококипящие компоненты топлива потребовалось решение обширного круга проблем, связанных с повышением качества конструкционных материалов, изучением их стойкости в агрессивной среде, сохранением стабильности характеристик компонентов топлива при длительном их нахождении в баках ракет.

Параллельно с созданием ракеты на Байконуре осенью 1959 года началась интенсивная работа по строительству нового испытательного комплекса, состоящего из различных сооружений стартовой и технической позиции. Было также сформировано 2-е испытательное управление (для испытаний ракет на высококипящих окислителях) и 39-я отдельная инженерно-испытательная часть.

К октябрю 1960 года работы по строительству технической и стартовой позиций полигона, а также подготовка ракеты и наземного оборудования к пуску были завершены.

Пуск первой ракеты Р-16 был назначен на вечернее время 23 октября 1960 года. После заправки ракеты компонентами топлива в электрической схеме автоматики двигательной установки появилась неисправность, устранение которой решили произвести на заправленной ракете. Дальнейшее развитие событий показало ошибочность решения, принятого без глубокого анализа и учета возможных последствий.

Утром 24 октября работы по подготовке ракеты к пуску возобновились и велись без перерыва. В 18 часов 45 минут по 30-минутной готовности произошел преждевременный запуск двигателя второй ступени ракеты. Это привело к мощному пожару и взрыву ракеты. В это время на ярусах установщика находились расчеты, проводившие заключительные операции, на площадке возле ракеты были члены государственной комиссии, командование полигона, испытательного управления, отдельной испытательной части и др.

В результате взрыва вспыхнуло и разлилось 120 тонн ракетного топлива. Пожар бушевал в радиусе 100 метров от пускового стола. Страшная катастрофа унесла жизни 74 человек, 49 было ранено, из них 4 позже скончались в госпиталях. Среди погибших были главный маршал артиллерии М.И.Неделин, заместитель председателя Государственного комитета СССР по оборонной технике Л.А.Гришин, главный конструктор системы управления Б.М.Коноплев, заместители главных конструкторов Л.А.Берлин, В.Л.Концевой, Г.Ф.Фирсов, заместитель начальника отдела ГУРВО Н. А.Прокопов, заместитель начальника полигона А.И.Носов, начальники управлений Е.И.Осташев, Р.М.Григорьянц, ряд опытных офицеров-испытателей, представителей промышленности.

Погибли и выпускники Ростовского военного авиационно-инженерного училища (ВАИУ) старшие инженер-лейтенанты А.И.Стекольников, В. А.Мануленко и др.

Причины катастрофы изучались правительственной комиссией (в состав которой входил и генерал А.М.Гуськов). По результатам расследования был намечен ряд мер по обеспечению безопасности при отработке и испытаниях ракетной техники.

Катастрофа показала, что всякое проявление беспечности, нарушение технологической дисциплины, пренебрежение правилами и мерами безопасности при работе с новой могучей боевой техникой недопустимы.

Ниже публикуются следующие основные документы государственной комиссии по изучению причин этого происшествия: расследования причин катастрофы и принятия мер в воинской части 11284.

1. Сообщение Генерального конструктора ракеты Р-16 М.К. Янгеля в аппарат главнокомандующего ракетными войсками.
2. Выписка из протокола N308 заседания Президиума ЦК КПСС от 25 октября 1960 г. о назначении комиссии для расследования причин катастрофы и принятия мер в воинской части 11284.
3. Доклад комиссии и ЦК КПСС о рассмотрении на месте обстоятельства катастрофы при испытании ракеты Р-16.
4. Техническое заключение комиссии по выяснению причин катастрофы с изделием 8К64.
5. Доклад врио начальника НИИП-5 МО СССР (полигон Байконур) генерал-майора артиллерии Ефименко председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР Л.И. Брежневу.
6. Список личного состава трагически погибших при исполнении служебных обязанностей.
7. Список представителей промышленности, погибших 24 октября 1960 г. при исполнении служебных обязанностей.
8. Список военнослужащих и представителей промышленности, раненных 24 октября 1960 года.

№1

СООБЩЕНИЕ

В 18.45 по местному времени за 30 минут до пуска изделия 8К-64 на заключительной операции к пуску произошел пожар, вызвавший разрушение баков с компонентом топлива. В результате случившегося имеются жертвы в количестве до ста или более человек. В том числе со смертельным исходом - несколько десятков человек. Главный маршал артиллерии Неделин находился на площадке для испытаний. Сейчас его разыскивают. Прошу срочной мед. помощи пострадавшим от ожогов огнем и азотной кислотой.

Янгель

"Пурга-3" Аппарат т. Неделина

АПРФ, ф. 3. Оп. 50. Д. 409. Л. 50. Рукопись

№ 2

(Особая папка) СТРОГО СЕКРЕТНО

№ 11308/22

Тт. Брежневу, Козлову. Выписка из протокола № 308 заседания Президиума ЦК от 25 октября 1960 г.

Вопрос Министерства обороны.

Утвердить Комиссию в составе тт. Брежнева, Гречко, Устинова, Руднева, Калмыкова, Сербина, Гуськова, Табакова и Тюлина для расследования причин катастрофы и принятия мер в воинской части 11284

СЕКРЕТАРЬ ЦК АПРФ. Ф. 3 Оп. 50. Д. 409. Л. 49. Подлинник

№ 3

(Особая папка) СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

В соответствии с поручением ЦК КПСС комиссии рассмотрены на месте обстоятельства катастрофы при испытании ракеты Р16, имевшей место 24 октября 1960 года в НИИП-5 Министерства обороны СССР. Выяснением причин катастрофы с участием ведущих специалистов установлено следующее: Ракета Р-16 с 26 сентября с. г. находилась на полигоне в монтажно-испытательном корпусе. В процессе технической подготовки ракеты выявлялись отдельные недостатки в аппаратуре системы управления и кабельной сети, которые устранялись силами специалистов промышленности и военнослужащих полигона. 21 октября ракета была вывезена на стартовую позицию, а 23 октября закончены предстартовые испытания, которые прошли без замечаний. В тот же день ракета была заправлена топливом и началась подготовка ее к пуску по утвержденной технологии.

В процессе подготовки при подаче команд на подрыв пиромембран магистралей окислителя второй ступени с пульта управления была выдана ложная команда, и фактически оказались подорванными пиропатроны магистрали горючего первой ступени. Кроме того, самопроизвольно подорвались пиропатроны отсечных клапанов газогенератора первого блока маршевого двигателя первой ступени, и вышел из строя главный распределитель бортовой кабельной сети. Это обстоятельство понудило

комиссию приостановить дальнейшую подготовку ракеты к пуску до выяснения выявившихся дефектов. Утром 24 октября комиссией по пуску ракеты было принято решение продолжать подготовку ракеты к пуску, допустив при этом отступление от утвержденной технологии. Нарушение порядка подготовки изделия к пуску выразилось в том, что переустановка шаговых моторов системы управления второй ступени ракеты в исходное положение производилась при заполненной топливом пусковой системы двигателя и включенном бортовом электропитании. В результате этого произошел преждевременный запуск маршевого двигателя второй ступени, который своим факелом прожег днище бака окислителя первой ступени, а затем разрушился бак горючего второй ступени, что и привело к мощному пожару и полному разрушению ракеты на старте. (Техническое заключение по этому вопросу прилагается.)

Руководители испытаний проявили излишнюю уверенность в безопасности работы всего комплекса изделия, вследствие чего отдельные решения были приняты ими поспешно без должного анализа могущих быть последствий.

При подготовке ракеты к пуску также имели место серьезные недостатки в организации работы и режиме. На стартовой площадке при часовой готовности ракеты, кроме необходимых для работы 100 человек, присутствовало еще до 150 человек. При катастрофе погибло 74 человека военных и гражданских работников. Среди погибших председатель комиссии по испытанию Главный маршал артиллерии М.И. Неделин, главный конструктор системы управления Коноплев, заместители главного конструктора ракеты Концевой и Берлин, заместитель главного конструктора двигателя Фирсов, заместитель начальника полигона полковник Носов, начальники управлений полигона подполковники Осташев и Григорьянц. 53 человека получили разной степени ранения и ожоги. Пострадавшим немедленно была оказана медицинская помощь и организовано их лечение с привлечением крупных специалистов медицины.

Погибшие военнослужащие похоронены в братской могиле на территории полигона с отданием воинских почестей. Погибшие работники промышленности похоронены по месту жительства. Материалы о помощи и установлении пенсий семьям погибших будут представлены в Совет Министров СССР. Многочисленные беседы с непосредственными участниками испытания, очевидцами катастрофы и пострадавшими свидетельствуют о достойном и мужественном поведении людей, оказавшихся в крайне тяжелых условиях. Несмотря на серьезные последствия происшедшего события, личный состав полигона и работники промышленности способны и готовы устранить вскрытые недостатки и полностью выполнить задание по отработке ракеты Р-16.

В целях ликвидации последствий катастрофы и обеспечения выполнения задания по созданию ракеты Р-16 комиссией проведен разбор с ведущими специалистами промышленности и совещание с командным составом полигона и намечены следующие мероприятия:

- дополнительно проверить и провести стендовую отработку комплекса системы управления ракеты Р-16;
- пересмотреть и отработать порядок предстартовой подготовки и осуществления пуска ракет, ужесточить режим работы на стартовых площадках и усилить меры безопасности участников испытаний;
- повысить качество отработки и производства агрегатов и приборов в условиях КБ, институтах и на заводах;
- в течение 10-15 дней восстановить поврежденную стартовую площадку и закончить строительство и оборудование второго старта, имея в виду в ноябре месяце с.г. начать летные испытания ракеты Р-16;

- в связи с гибелью ряда ведущих специалистов принять меры к укреплению квалифицированными кадрами полигона и организации промышленности.

Проведение указанных мероприятий позволит выполнить намеченную программу по испытанию ракеты Р-16.

Приложения:

1. Техническое заключение. - 4 листа.
2. Список погибших и раненных - № 3386с-16 листов.

Л. Брежнев

А.Гречко

Д.Устинов

К.Руднев

В.Калмыков

И. Сербии

А. Гуськов

Г.Табаков

Г.Тюлин

АПРФ. Ф. 3 Оп. 50. Д. 409. Л. 51-54. Подлинник

№4

(Особая папка) СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

комиссии по выяснению причин катастрофы с изделием 8К64 № ЛД1-ЗТ, происшедшей при подготовке его к пуску в в/части 11284 24 октября 1960 года.

Изделие 8К64 № ЛД1-ЗТ на стартовую позицию было вывезено 21 октября с. г. в 8 часов. Подготовка изделия к пуску производилась без существенных замечаний до 18 часов 23 октября, после чего была приостановлена, так как при проведении очередной операции - подрыва пиромембран магистралей окислителя II ступени были выявлены следующие ненормальности:

1. Вместо пиромембран магистрали окислителя II ступени оказались подорванными пиромембраны магистралей горючего I ступени.
2. Через несколько минут после подрыва указанных пиромембран самопроизвольно подорвались пиропатроны отсечных клапанов газогенератора I блока маршевого двигателя I ступени. В результате последующего выяснения причин возникновения указанных ненормальностей 24 октября было установлено, что неверное исполнение команды по подрыву пиромембран и самопроизвольное срабатывание пиропатронов газогенератора произошло из-за конструктивных и производственных дефектов пульта подрыва, разработанного ОКБ-692 ГПРЭ. Вследствие той же причины вышел из строя главный распределитель А-120 (бортовая кабельная сеть при этом не пострадала). По решению технического руководства испытаниями, отсечные клапаны газогенератора и прибор А-120 были заменены. Кроме того, было принято решение о подрыве разделительных мембран II ступени не с пульта подрыва, а по автономным цепям от отдельных источников тока. После этого работа по предстартовой подготовке изделия была продолжена. В процессе проведения дальнейших операций по подготовке изделия 24 октября 1960 года в 18 часов 45 минут местного времени на изделии в районе хвостового отсека

II ступени возник пожар, приведший к разрушению изделия и агрегатов наземного оборудования, находившихся в это время на стартовой площадке в районе пускового стола. Пожар возник после объявления часовой готовности в процессе переустановки шаговых моторов системы управления в исходное положение. К этому моменту на борту изделия были прорваны разделительные мембраны магистралей окислителя и горючего маршевого и рулевого двигателей II ступени, проверена герметичность магистралей и по указанию технического руководства подключены задействованные на земле ампульные батареи I и II ступеней. Причиной возникновения пожара на изделии явилось преждевременное срабатывание электропневмоклапана ВО-8 наддува пусковых бачков, вызванное командой программного токораспределителя при перестановке в нулевое (исходное) положение шаговых моторов системы управления. Срабатывание ЭПК ВО-8, в свою очередь, привело к запуску маршевого двигателя II ступени. Следует отметить, что пожар на изделии мог бы не произойти, если бы в данном случае переустановка шаговых моторов системы управления в нулевое положение производилась до подключения бортовых батарей, как было предусмотрено технологическим планом. Факт срабатывания ЭПК ВО-8 и запуска маршевого двигателя II ступени комиссией был установлен путем анализа технической документации и однозначно подтвержден состоянием остатков материальной части изделия (см. акт осмотра остатков изделия).

Дополнительный анализ комплексной схемы системы управления показал, что схема не исключает возможности несвоевременного срабатывания ЭПК ВО-8 при проведении операций по подготовке изделия к пуску в тех случаях, когда может потребоваться перенастройка системы управления после прорыва мембраны и задействования батарей (например, при необходимости изменения направления стрельбы при длительных задержках и подготовке изделия к пуску при обесточивании схемы).

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. В процессе подготовки пуска изделия имел место ряд случаев, указывающих на наличие ненормальностей и дефектов в кабельной сети, бортовых батареях, пульте подрыва пиромембран и распределителе А-120 системы управления.

Руководство испытаниями не придало этому должного значения и для устранения указанных ненормальностей и дефектов без достаточной проработки и анализа последствий, допустило ряд отклонений от установленного порядка подготовки к пуску.

При проведении заключительных операций с заправленной ракетой на стартовой площадке было допущено не оправданное необходимостью присутствие большого количества людей, не занятых выполнением каких-либо операций.

2. Непосредственной причиной катастрофы явился недостаток комплексной схемы системы управления, допускающий несвоевременное срабатывание ЭПК ВО-8, управляющего запуском маршевого двигателя II ступени, при проведении предстартовой подготовки. Этот недостаток не был выявлен при проведении всех предшествующих испытаний. Пожар на изделии №ЛД1-ЗТ мог бы не произойти, если бы переустановка шаговых моторов системы управления в нулевое положение производилась до подключения бортовых батарей.

3. ОКБ-692 совместно с НИИ-944, ОКБ-586 и ВНИИЭМ доработать комплексную схему системы управления с целью обеспечения полной безопасности предстартовой подготовки изделия и надежности функционирования при подготовке и пуске.

4. ОКБ-586 и НИИ-944, ОКБ-692 внести в эксплуатационную техническую документацию изменения по результатам подготовки изделия № ЛД1-ЗТ на технической и стартовой позициях, а также по результатам доработки комплексной схемы.

Янгель

Будник

Глушко

Табаков

Иванов

Ишлинский

Третьяков

Кузнецов

Тюлин

Иосифьян

Медведев

Цециор

Дорошенко

Боков

Матренин

Воробьев

Фаворский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 409. Л. 55-58. Подлинник.

№ 5

СЕКРЕТНО Экз. № 1

Председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР Товарищу БРЕЖНЕВУ Л.И.

Гор. Москва

28 октября 1960 г.

№ 3386с

При этом представляю списки погибших и раненых при происшествии 24 октября 1960 года. Приложение. По тексту на 14 листах (Мб № 5726, 5727, 5728) - только адресату.

Врио начальника НИИП-5 МО СССР Генерал-майор артиллерии Ефименко27

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 409. Л. 59. Подлинник

Примечания:

Янгель Михаил Кузьмич (1911-1971). Главный конструктор ОКБ "Южное".

Малин Владимир Никифорович (1906-1982). В 1954-1965 гг. заведующий Общим отделом ЦК КПСС.

Брежнев Леонид Ильич (1906-1982). В мае 1960 — июле 1964 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Козлов Фрол Романович (1908-1965). В мае 1960 - ноябре 1964 секретарь ЦК КПСС.

Гречко Андрей Антонович (1903-1976). В 1957-1967 гг. первый заместитель министра обороны СССР, одновременно с июля 1960 г. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора.

Устинов Дмитрий Федорович (1908-1984). В 1957-1963 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Руднев Константин Николаевич (1911-1980). В 1958-1961 гг. и. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике - министр СССР.

Калмыков Валерий Дмитриевич (1908-1974). В 1957-1965 гг. председатель Государственного комитета по радиоэлектронике - министр СССР.

Сербин Иван Дмитриевич (1910-1981). С 1958 г. заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПСС.

Гуськов Анатолий Михайлович (род. 1914). В 1959-1963 гг. начальник Третьего главного управления КГБ при Совете Министров СССР.

Табakov Глеб Михайлович (1912-1993). В 1958-1963 гг. директор НПП-229 Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике, г. Загорск. Московской области.

Тюлин Георгий Александрович (1914-1990). В 1959-1961 гг. директор НИИ-88. г. Калининград, Московской области.

Будник Василий Сергеевич. Заместитель Главного конструктора ОКБ "Южное" по двигательным установкам.

Глушко Валентин Петрович (1908-1989). Главный конструктор по двигательным установкам.

Иванов Иван Иванович (род. 1918). Заместитель Главного конструктора по двигательным установкам ОКБ "Южное".

Ишлинский Александр Юлиевич (род. 1913). Академик АН СССР. Заместитель Генерального конструктора.

Третьяков Василий Никитич (1906-1993). В 1958-1962 гг. заместитель председателя Государственного комитета по судостроению СССР.

Кузнецов Виктор Иванович (1913-1991). Директор НИИ прикладной механики АН СССР, главный конструктор по системе управления.

Иосифьян Андроник Гевондович (род. 1905). Академик АН Армянской ССР. Директор института электромеханики Госкомитета по электротехнике.

Медведев Николай Сергеевич (1908-1967). В 1958-1965 гг. начальник отдела № 2 — заместитель главного инженера 4 управления Государственного комитета по радиоэлектронике СССР.

Цециор Зиновий Моисеевич. Заместитель главного конструктора по системе управления.

Дорошенко Инна Абрамовна. Начальник лаборатории п/я 67. г. Харьков.

Боков Всеволод Андреевич (род. 1921). Начальник отдела анализа полигона.

Матренин Александр Сергеевич (род. 1924). Начальник отдела комплексных испытаний и пуска 2 научно-испытательного управления полигона.

Воробьев Юрий Иванович (1922-1993). Заместитель начальника 1 управления ГУРВО. Фаворский Виктор Вячеславович (род. 1924). Начальник отдела 1 управления ГУРВО

Ефименко Григорий Ерофеевич (1917-1983). В 1960-1961 гг. начальник штаба полигона.

СПИСОК

личного состава трагически погибших при исполнении служебных обязанностей

№ п/п Воинское звание / Занимаемая должность / Фамилия, имя. отчество / Год рождения / Партийность / Семейное положение и состав семьи

1. Главный маршал артиллерии, главнокомандующий Ракетными войсками НЕДЕЛИН Митрофан Иванович

2. Инженер-полковник, зам. начальника 4 управления ГУР- ВО ПРОКОПОВ Николай Афанасьевич, 1920, член КПСС, Женат: жена - ПРОКОПОВА Мария Яковлевна, дочь - Валентина, 1949 г.р., дочь - Лариса, 1955 г.р.

3. Инженер-полковник, зам. начальника части по НОИР НОСОВ Александр Иванович, 1913, член КПСС, Женат: жена - НОСОВА Ирина Алексеевна, сын - Виталий, 1944 г.р., сын - Юрий, 1947 г.р.

4. Инженер-подполковник, начальник 3-го отдела АЗОР- КИН Александр Григорьевич, 1919, член КПСС, Женат: жена - ЖУКОВА Любовь Ивановна, дочь - Татьяна, 1945 г.р., дочь - Тамара, 1947 г.р.

5. Инженер-подполковник, начальник 2 управления ЕРИЕ- ОРЬЯНЦ Рубен Мартиросович, 1920, член КПСС, Женат: жена - ЕРИЕОРЬЯНЦ Ольга Васильевна, сын - Арам, 1947 г.р.

6. Инженер-подполковник, начальник 23 отдела ЛЕОНОВ Василий Дмитриевич, 1922, член КПСС, Женат: жена - ЛЕОНОВА Вера Алексеевна, сын - Владимир, 1947 г.р., сын - Алексей, 1951 г.р.

7. Инженер-подполковник, начальник 1-го управления ОС- ТАШЕВ Евгений Ильич, 1924, член КПСС, Женат: жена - ОС- ТАШЕВА Клара Михайловна, сын - Владимир, 1953 г.р, сын - Леонид, 1954 г.р.

8. Инженер-подполковник, зам. начальника 24-го отдела СА- КУНОВ Андрей Васильевич, 1922, член КПСС, Женат: жена - САКУНОВА Анна Николаевна, сын - Игорь, 1949 г.р.

9. Подполковник, командир дивизиона ШМЕЛЕВ Сергей Иванович, 1924, член КПСС, Женат: жена - ШМЕЛЕВА Любовь Григорьевна, дочь - Нина, 1952 г.р., сын - Сергей, 1956 г.р.

10. Майор, начальник хим. службы в/ч 14332 МАХНО Владимир Владимирович, 1919, член КПСС, Женат: жена - МАХНО Екатерина Еригорьевна, сын - Валерий, 1949 г.р., дочь - Галина, 1954 г.р.

11. Инженер-майор, зам. командира дивизиона в/ч 14332 МАГ- НИТСКИЙ Борис Николаевич, 1924, член КПСС, Женат: жена - МАГНИТСКАЯ Нина Степановна, дочь - Елена, 1953 г.р.

12. Инженер-капитан, зам. командира в ч 14332 АГЕЙ Владимир Михайлович, 1927, член КПСС, Женат: жена - АГЕЙ Елена Дмитриевна, дочь - Наталья, 1958 г.р.
13. Инженер-капитан, начальник группы 22-го отдела ИНЬ- КОВ Геннадий Александрович, 1930, член КПСС, Женат: жена - ИНЬКОВА Алла Евгеньевна, сын - Александр, 1953 г.р., сын - Анатолий, 1958 г.р.
14. Капитан, начальник группы в ч 14332 РОДИОНОВ Павел Емедыноипч, 1927, член КПСС, Женат: жена - РОДИОНОВА Тамара Ивановна, сын - Владимир, 1954 г.р.
15. Инженер-капитан, инженер 24-го отдела КАЛАБУШ- КИН Александр Кузьмич, 1927, член КПСС, Женат: жена -
КАЛАБУШКИНА Тамара Георгиевна, дочь - Марина, 1953 г.р., дочь - Татьяна, 1959 г.р.
16. Инженер-капитан, начальник группы 21-го отдела КРИ- ВОШЕИН Виктор Михайлович, 1926, член КПСС, Женат: жена - КРИВОШЕИНА Зинаида Александровна, дочь - Татьяна, 1951 г.р., дочь - Ирина, 1954 г.р.
17. Капитан, зам. начальника группы в ч 14332 КОВТУ- НЕНКО Ивагі Никифорович, 1929, член КПСС, Холост: отец - КОВТУНЕНКО Никифор Филиппович, 1890 г.р.. мать - Наталья Петровна, 1895 г.р.
18. Старший лейтенант, начальник расчета в/ч 14332 ГАРАСЬКО Николай Васильевич, 1934, член ВЛКСМ, Женат: жена - ГАРАСЬКО Зинаида Михайловна, дочь-Елена, 1957 г.р.
19. Старший лейтенант, начальник расчета в/ч 14332 ДИ- ДЕНКО Леонид Федорович, 1936, член ВЛКСМ, Холост: отец- ДИДЕНКО Федор Тихонович, 1888 г.р., мать - Анастасия Алексеевна, 1898 г.р.
20. Старший инженер-лейтенант, инженер 22-го отдела ГЛУШЕНКО Эдуард Трофимович, 1937, Кандидат в члены КПСС, Холост: Отец - ГЛУШЕНКО Трофим Андреевич, 1909 г.р.. мать - Валентина Михайловна, 1917 г.р.
21. Старший инженер-лейтенант, старший инженер лаборатории 23-го отдела ЗАРАЙСКИЙ Игорь Иванович, 1937, член ВЛКСМ, Холост: отец - ЗАРАЙСКИЙ Иван Васильевич, 1906 г.р., мать - Вера Дмитриевна, 1910 г.р.
22. Старший инженер-лейтенант, начальник лаборатории 23-го отдела КНЯЗЕВ Александр Иванович, 1933, член КПСС, Женат: жена - КНЯЗЕВА Галина Ивановна, дочь - Ольга, 1956 г.р.
23. Старший инженер-лейтенат, инженер 22-го отдела КУЧИН Иван Павлович, 1932, член КПСС, Женат: жена - КУЧИНА Аля Музафаровна, дочь - Наталья, 1956 г.р., сын - Сергей, 1960 г.р.
24. Старший инженер-лейтенант, старший инженер 22-го отдела МАНУЛЕНКО Владимир Алексеевич, 1935, член ВЛКСМ, Разведен:сын - Алексей, 1955г.р. проживаете матерью; мать- МАНУЛЕНКО Екатерина Васильевна, 1912 г.р.
25. Старший инженер-лейтенант, старший инженер 22-го отдела СТЕКОЛЬЩИКОВ Александр Иванович, 1933, член ВЛКСМ, Женат: жена - СТЕКОЛЬЩИКОВА Валентина Яковлевна.
26. Техник-лейтенант, старший техник 23-го отдела БРИ- ЦЫН Иван Гршорьевич, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - БРИЦЫН Григорий Дмитриевич, 1906 г.р., мать - Александра Алексеевна, 1910 г.р.
27. Инженер-лейтенант, инженер 22-го отдела КУПРЕЕВ Марат Тимофеевич, 1937, член ВЛКСМ, Женат: жена - КУПРЕЕВ А Тамара Владимировна, сын Альберт, 1960 г.р.

28. Техник-лейтенант, начальник расчета в/ч 14332 КРЕ- ЧИК Анатолий Дмитриевич, 1939, член ВЛКСМ, Холост: мать КРЕЧИК Анна Ивановна, 1904 г.р.
29. Техник-лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 ЛЫСЕНКО Михаил Павлович, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец-ЛЫСЕНКО Павел Климентьевич, 1917 г.р.
30. Техник-лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 МИЛОГЛЯДОВ Виталий Ксенофонович, 1939, член ВЛКСМ .Холост: дядя - ГРИЩЕНКО Григорий Демьянович, 1913 г.р.
31. Техник-лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 МОЧАЛИМ Петр Васильевич, 1936, член ВЛКСМ, Холост: мать - КИРСАНОВА Ольга Сергеевна, 1904 г.р.
32. Инженер-лейтенант, инженер 24-го отдела МИРОНЕН- КО Эдуард Федорович, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - МИРОНЕНКО Федор Климентьевич, 1902 г.р., мать - ЖУКОВА Ольга Андреевна, 1905 г.р.
33. Техник-лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 НЕМЕНКОВ Валентин Семенович, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец- НЕМЕНКОВ Семен Павлович, 1905 г. р., мать - Феония Кондратьевна, 1906 г. р.
34. Инженер-лейтенант, Инженер 23-го отдела СИНЯВСКИЙ Валерии Михайлович, 1936, член ВЛКСМ, Холост: мать - СИНЯВСКАЯ Анна Ивановна, 1903 г. р.
35. Техник-лейтенант, Начальник пожарной команды в/ч 14332 СВИРИН Михаил Андреевич, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - СВИРИН Андрей Яковлевич, 1917 г.р., мать- Анна Кузьминична, 1915 г.р.
36. Техник-лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 КАРАКУЛОВ Евгений Александрович, 1939, член ВЛКСМ, Холост: мать - НАЗАРОВА Елизавета Ивановна ,1914 г.р.
37. Старший лейтенант, старший техник-бортового журнала в/ч 14332 НОВИКОВ Николай Константинович, 1933, Кандидат в члены КПСС, Женат: жена - НОВИКОВА Галина Николаевна, сын - Андрей, 1959 г. р.
38. Сержант, командир отделения ПОЛЕШКО Александр Игнатьевич, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец - ПОЛЕШКО Игнат Федорович, мать - Анна Ефремовна.
39. Ефрейтор, Электрик-приборист МАЛЫШЕВ Алексей Александрович, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - МАЛЫШЕВ Александр Васильевич, мать - Любовь Павловна.
40. Сержант, командир отделения расчета УВАРОВ Анатолий Петрович, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - УВАРОВ Петр, мать - УВАРОВА М.А.
41. Сержант, командир отделения шлемофонной связи ЮДИН Александр Васильевич, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец - ЮДИН Василий Васильевич, мать - Пелагея Федоровна
42. Сержант, командир отделения электрик КОЗЛОВ Евгений Петрович, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец - КОЗЛОВ Петр Васильевич, мать - Евгения Ивановна.
43. Сержант, командир отделения МИРОНОВ Никонор Николаевич, 1937, член ВЛКСМ, Холост: отец МИРОНОВ Николай Константинович, мать - ЗИМИНА Феоктиста Яковлевна
44. Рядовой, водитель ПУГАРЕВИЧ Валентин Иванович, 1940, Б/п, Холост: отец- ПУГАРЕВИЧ Иван Георгиевич, мать - ВОЛЫНЕЦ Анна Федоровна
45. Рядовой, электрик ГЕРАСЬКИН Василий Федорович, 1940, член ВЛКСМ, Холост: мать- ГЕРАСЬКИНА Ирина Кузьминична

46. Рядовой, наводчик БОРОВКОВ Виктор Никонорович, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец - БОРОВКОВ Н.М., мать - БОРОВКОВА М. Ф.

47. Рядовой, водитель ШМАКОВ Георгий Васильевич, 1938, член ВЛКСМ, Женат: жена - БЫКОВА Любовь Евгеньевна, отец- ШМАКОВ Василий Евгеньевич, мать - БЕРЕЗОВСКАЯ А. Е.

48. Сержант, командир отделения старший механик установщика КРАЕВСКИЙ Владимир Георгиевич, 1939, член ВЛКСМ, Холост: отец - КРАЕВСКИЙ Георгий Николаевич, мать - Полина Матвеевна

49. Младший сержант, командир отделения старший механик стола КОРОЛЕВ Евгений Павлович, 1938, член ВЛКСМ, Холост: мать - КОРОЛЕВА Ефросинья Васильевна

50. Рядовой, механик стола МАКАРОВ Виктор Иванович, 1940, член ВЛКСМ, Холост: родителей нет

51. Рядовой, механик установщика СТУКОВ Геннадий Акимович, 1940, член ВЛКСМ Холост: мать - СТУКОВА Е. А.

52. Рядовой, электромеханик ХУДЯКОВ Владимир Дмитриевич, 1940, член ВЛКСМ, Холост: родителей нет

53. Рядовой, шофер-механик МАРКОВ Александр Леонидович, 1940, член ВЛКСМ, Холост: отец- МАРКОВ Леонид Семенович, мать - Валентина Трифоновна

54. Ефрейтор, шофер-механик ДОРЖЕЕВ Алексей Андреевич, 1938, член ВЛКСМ, Холост: отец - ДОРЖЕЕВ Петр Степанович, мать - Елизавета Алексеевна

55. Рядовой, старший механик обмывочной машины ЗАМСКИЙ Леонид Максович, 1940, член ВЛКСМ, Холост: отец - ЗАМСКИЙ Макс Лазаревич, мать - ШЛЕМОВИЧ Лидия Иосиповна

56. Рядовой, шофер-механик СИЗЫХ Василий Иванович, 1938, Б/п Холост: родителей нет

57. Рядовой, телефонист КОБЗАРЬ Владимир Иванович, 1939, член ВЛКСМ, Холост: мать - КОБЗАРЬ Татьяна Семеновна

Врио начальника войсковой части 11284 генерал-майор артиллерии Ефименко

28 октября 1960 г.

АПРФ. Ф. 3. Он. 50. Д. 409. Л. 69-74. Подлинник

№ 8

СЕКРЕТНО

Экз. № I

СПИСОК

военнослужащих и представителей промышленности, раненных 24 октября 1960 года

№ п/п Воинское звание / Занимаемая должность / Фамилия, имя, отчество / Год рождения /

Партийность / Степень ранения

1. Зам. председателя Государственного комитета Совета Министров по оборонной технике ГРИШИН Лев Архипович, 1920, член КПСС, ожог II-III-IV степени лица, головы, шеи, левой половины грудной клетки, живота, ягодиц. Открытый перелом обеих костей правой и левой голени. Ампутация левой нижней конечности на уровне средней третьей голени.
2. Генерал-майор артиллерии, начальник войсковой части 11284 ГЕРЧИК Константин Васильевич, 1917, член КПСС, ожог II-III степени лица, шеи, волосистой части головы, голеней, задней поверхности бедер, ягодиц, поясничной области, кистей рук.
3. Полковник, командир в/ч 14332 КАБАНОВ Анатолий Александрович, 1923, член КПСС, ожог II степени обеих кистей рук и затылочной области головы.
4. Подполковник, старший адъютант главкома Ракетными войсками САЛЛО Николай Михайлович, ожог II степени нижних конечностей, лица, головы, ожог II-IV степени кистей/
5. Подполковник, Начальник 24-го отдела ТИТОВ Сергей Дмитриевич, 1924, член КПСС, ожог 1-й степени лица, обеих кистей, обоих бедер.
6. Подполковник, начальник 21-го отдела СТОЛБОВОЙ Борис Николаевич, 1920, член КПСС, ожог II степени ягодиц, левой голени, кистей рук.
7. Капитан, начальник группы в/ч 14332 СИМОНЯН Арам Мордеросович, 1929, член КПСС, ожог I-II степени головы, лица, верхних и нижних конечностей, крайне тяжелое состояние.
8. Капитан, старший оперативный уполномоченный КГБ ШКУРАТОВ Николай Григорьевич, 1919, член КПСС, ожог I и II степени кистей рук и волосистой части головы.
9. Капитан, начальник группы в/ч 14332 АНАШ- КИН Василий Федорович, 1926, член КПСС, отравление газами.
10. Капитан, заместитель начальника группы в/ч 14332 ШИКУТЬ Георгий Иосифович, 1931, член КПСС, ожоги I и II степени лица, глаз, кистей.
11. Инженер-капитан, начальник группы 24-го отдела ПАВЛОВ Станислав Николаевич, 1931, б/п, ожог I, II и III степени лица, головы, шеи, правой кисти, бедер и голени.
12. Майор, старший оперативный уполномоченный КГБ САЛЕЕВ Михаил Васильевич, 1921, член КПСС, ожог II степени правой кисти и затылочно-теменной области.
13. Капитан, помощник начальника штаба по режиму в/ч 14332 ЕРЕМЕНКО Иван Иванович, 1927, член КПСС, ожог II степени правых ушных раковин, затылочной области.
14. Инженер-капитан, инженер 24-го отдела ТАЛДЫКИН Виталии Сергеевич, 1930, Кандидат в члены КПСС, ожог II степени обеих кистей, обеих ушных раковин.
15. Капитан, начальник группы в/ч 14332 НАСТЕНКО Михаил Сергеевич, 1926, член КПСС, отравление газами, ушиб правого бедра.

16. Старший лейтенант, командир взвода связи в/ч 14332 МАСЛОВ Анатолий Васильевич, 1933, член ВЛКСМ, ожог I-II степени шеи, лопаток, левой руки, левой ноги, правой стопы, правой кисти.
17. Старший лейтенант, начальник расчета в/ч 14332 ЕРМОЛАЕВ Мирон Кондратьевич, 1926, член КПСС, отравление газами.
18. Старший лейтенант ШЕСТАКОВ Феликс Андреевич, 1934, член КПСС, отравление газами.
19. Старший лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 СУЧКОВ Борис Алексеевич, 1931, б/п, ожог I-II степени обеих кистей, отравление газами.
20. Старший лейтенант, старший техник расчета в/ч 14332 АЛЬБЕРТИН Анатолий Викторович, 1932, член КПСС, ожог I-II степени головы, ягодиц, коленных суставов.
21. Старший лейтенант, начальник расчета АНАНИЧ Арнольд Михайлович, 1934, член КПСС, ожоги II степени ягодиц, левого бедра, левой голени.
22. Старший лейтенант, старший оператор в/ч 14332 КОЛЬЦОВ Станислав Иванович, 1932, б/п, ожоги II степени левого плеча, обеих голени, спины, правой кисти.
23. Старший инженер-лейтенант, старший инженер 24-го отдела БОЙКО Владимир Иванович, 1931, член КПСС, ожог II степени правой кисти.
24. Лейтенант, старший техник по ведению технической документации 24-го отдела МИЗГИРЕВ Валентин Васильевич, 1933, член КПСС, ожог I и II степени обеих кистей, плеча, лица, шеи, груди, бедер.
25. Старший лейтенант, заместитель начальника группы ДУ САВКУ ЕВ Амин Мухарбекович, 1929, член КПСС, ожог I и II степени лица, ягодиц и голени; отравление газами.
26. Техник-лейтенант, старший техник в/ч 14332 ДЕР- КАЧ Геннадий Петрович, 1940, член КПСС, ожог I и II степени головы, шеи, обоих плеч, кистей, левой ноги, правую бедра.
27. Техник-лейтенант, старший техник в/ч 14332 ХРАМ- ЦОВ Владимир Михайлович, 1939, член ВЛКСМ, ожог I и II степени кожи спины, области затылка и обеих кистей.
28. Инженер-лейтенант, инженер 24-го отдела ПОПОВ Виталий Гаврилович, 1938, член ВЛКСМ, ожог I и II степени головы.
29. Лейтенант, секретарь комсомольской организации в/ч 25653 ФРИДРИХСОН Георгий Карпович, 1936, кандидат в члены КПСС, ожог I и II степени правого бедра, правой голени, лица, шеи, ушных раковин, перелом костей левой стопы.
30. Лейтенант, начальник расчета в/ч 14332 БЕЛЕНКОВ Павел Устинович, 1936, член ВЛКСМ, ожоги I и II степени лица, головы, третьего пальца левой кисти.
31. Сержант, командир отделения - старший наводчик СИМ- КИВ Ярослав Стахович, 1938, член ВЛКСМ, ожог II-III степени нижних конечностей, обеих кистей, лица и волосистой части головы.
32. Ефрейтор, старший механик ШУШАРИН Виктор Петрович, 1939, член ВЛКСМ, ожог I-II-III степени правой кисти, левого предплечья, шеи, ягодиц, бедер, голени, верхней половины спины.
33. Рядовой, шофер-механик БУРЛУЦКИЙ Виктор Васильевич, 1939, член ВЛКСМ, отравление газами.

34. Ефрейтор, шофер-механик ЯМЩИКОВ Алексей Иванович, 1939, член ВЛКСМ, ожог I степени лица, левой кисти, правой кисти, разлитой бронхит, очаговая пневмония.
35. Ефрейтор, старший механик КАЗАРИНОВ Георгий Борисович, 1940, член ВЛКСМ. Ожог I и II степени ягодиц, нижних конечностей.
36. Рядовой, механик КОМАРОВ Владимир Маркович, 1939, член ВЛКСМ, ожоги I и II степени обеих кистей.
37. Ефрейтор, старший механик УСОВ Владимир Иванович, 1940, член ВЛКСМ, ожог II степени правой ушной раковины и теменной области.
38. Рядовой, механик заправки ЧЕТВЕРТАКОВ Юрий Кузьмич, 1939, член ВЛКСМ, ожог I и II степени живота, ягодиц, бедер.
39. Рядовой, шофер КОКОРНИКОВ Алексеи Степанович, 1939, член ВЛКСМ, ожог I и II степени ушных раковин.
40. Рядовой, механик ДМИТРИЕВ Владимир Семенович, 1940, член ВЛКСМ, ожог I и II степени кистей, ушных раковин.
41. Рядовой, шофер БАБЕНКОВ Анатолий Семенович, 1939, б/п, отравление газами.
42. Сержант, командир отделения-старший механик ТАРА- СЮК Василий Прокопович, 1939, член ВЛКСМ, ожог I степени кистей обеих рук, лба; отравление газами.
43. Служащий промышленности, инженер МЯГКОВ Николай Васильевич, ожоги I-II степени головы и нижних конечностей.
44. Рядовой, механик ТРЕТЬЯКОВ Владимир Михайлович, 1939, член ВЛКСМ, ожог II степени пальцев правой кисти.
45. Служащий промышленности, инженер ВОЛОБУЕВ Николаи Кириллович, ожог I и II степени лица, обеих кистей, правой голени, коленных суставов.
46. Служащий промышленности, инженер АСТАХОВ Александр Николаевич, ожог I и II степени лица, ягодиц и голеней.
47. Служащий промышленности, инженер ЛУАРСАБОВ Константин Александрович, ожог I и II степени пальцев обеих кистей, пяток.
48. Служащий промышленности, инженер ХОМЕНЯ Андрей Семенович, ожог I и II степени обеих кистей, лица, шеи, затылочно-теменной области.
49. Служащий промышленности, инженер КРАСНОВ Анатолий Константинович, ожог II степени правой кисти и правой половины лба.

Итого:

Военнослужащих - 42, представителей промышленности - 7.

Врио начальника войсковой части 11284 генерал-майор артиллерии Ефименко

28 октября 1960 г.

Глазами американцев

Как вспоминает Р.И.Гуськова, 1 мая 1960 г. Анатолий Михайлович находился среди почетных гостей на Красной площади в Москве. Вдруг ему передали срочное сообщение (это было известие о том, что самолет-разведчик ВВС США U-2 сбит советской ракетой под Свердловском), и он, по заданию правительства, срочно вылетел на Урал, где очень оперативно вместе с уральскими товарищами собрал необходимые данные о всех обстоятельствах этого инцидента, останки подбитого самолета, содержащуюся в нем специальную аппаратуру и, захватив самого Пауэрса со всей его шпионской атрибутикой, вылетел в Москву. 5 мая Н.С.Хрущев сделал первое официальное заявление о сбитом над территорией СССР американском самолете (не упомянув о живом летчике), а 11 мая он посетил московский парк культуры им. А.М.Горького, где обломки сбитого U-2 были выставлены на "всеобщее обозрение".

(Норман Польшар, Томас Б. Ален. Энциклопедия шпионажа. М., "КРОН-ПРЕСС", 1999. С. 469-470)

ПАУЭРС, Фрэнсис Гэри (1929-1977).

ПАУЭРС, Фрэнсис Гэри (1929-1977).

Пилот американского самолета-шпиона U -2, сбитого ракетой класса "земля —воздух" 1 мая 1960 года около Свердловска (СССР).

В 1950 году Пауэре окончил колледж "Миллиган", штат Теннесси, и, поступив на службу в ВВС США, стал учиться на летчика-истребителя. В 1956 году он уже в чине капитана стал участником программы полетов на U-2, руководимой ЦРУ. Незадолго до этого пилоты Центрального разведывательного управления начали облеты территории Советского Союза, поднимаясь в воздух с авиабаз в Пакистане и Норвегии. Прикрытием летчиков U-2 служило НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), на которое они якобы работали.

После специальной подготовки в Неваде Пауэрса направили на базу U-2 в Инджирлик (Турция), откуда он затем несколько раз поднимался в воздух, совершая полеты вдоль советско-турецкой границы. В 1960 году его перевели в Пакистан, где поставили задачу впервые углубиться в воздушное пространство СССР. 1 мая того же года (в день одного из главных советских праздников) Пауэре взлетел из Пешавара (Пакистан). Пролетев 3788 миль (6060 км), из которых 2919 миль (4670 км) над территорией Советского Союза, он должен был приземлиться в Будё (Норвегия).

Среди прочего ЦРУ надеялось получить снимки объектов, так или иначе связанных с развитием технологии межконтинентальных баллистических ракет. Облет СССР, состоявшийся 5 апреля, выявил строительство пускового комплекса в Тюра-Таме. Президент Эйзенхауэр распорядился совершить второй контрольный полет над тем же местом, но крайним сроком проведения операции назначил 1 мая, после чего полеты U-2 должны были на время прекратиться. Дело в том, что на 16 мая была запланирована парижская встреча Эйзенхауэра, премьер-министра Великобритании: Гарольда Макмиллана, французского президента Шарля де Голля и советского лидера Никиты Хрущева, а после этого должен был состояться беспрецедентный визит Эйзенхауэра в Москву. Американский президент не хотел допустить срыва этих мероприятий.

Позднее Пауэре утверждал, что перед полетом его заверяли: на высоте в 68 000 футов (20,4 км) U-2 не сможет достать ни советский истребитель, ни ракета. Однако над Свердловском он был сбит. Летчик катапультировался и благополучно опустился на землю, где его до приезда милиции задержали гражданские лица.

Когда все сроки вышли, а U-2 так и не прибыл в Норвегию, в ЦРУ заподозрили неладное. Результаты радиоперехватов подтвердили, что русские пытались перехватить над своей территорией какой-то самолет. Тогда, решив, что Пауэре погиб, сотрудники Центрального разведывательного управления запустили в действие операцию ПРИКРЫТИЯ. ВВС США объявили, что запаздывает с прибытием и, возможно, пропал без вести американский самолет разведки погоды из НАСА, производивший изучение верхних слоев атмосферы и вылетевший с территории Турции.

5 мая Хрущев сделал весьма эмоциональное заявление, в котором сообщил, что над СССР был сбит самолет-шпион, и осудил "американские агрессивные круги", которые пытались этой провокацией сорвать встречу в верхах. В ответ представители Соединенных Штатов упрямо повторили версию о научно-исследовательском самолете НАСА, добавив, что летчик, возможно, потерял сознание из-за отказа кислородной системы в кабине и предоставленный самому себе самолет случайно, в режиме автопилота, нарушил воздушное пространство СССР.

6 мая Хрущев снова выступил с заявлением. На этот раз он сказал, что летчик "живехонек и не рыпается". И добавил, что умолчал об этом накануне намеренно, так как в противном случае американцы "сочинили бы еще какую-нибудь басню".

Тем временем в Вашингтоне Аллен У. Даллес подал в отставку с поста директора Центральной Разведки, но отставка не была принята. В конечном итоге Эйзенхауэр взял ответственность за все происшедшее на себя, заявив, что просто шел на "всевозможные меры для предупреждения внезапного нападения на Соединенные Штаты".

Хрущев приехал в Париж, но отказался принять участие в конференции, если Эйзенхауэр не принесет своих извинений. Визит американского президента в Москву был отменен.

А в Москве между тем готовился показательный судебный процесс над Пауэрсом. Из американских журналистов на нем был аккредитован репортер Си-би-эс Сэм Джафф. Перед отъездом в СССР он прошел инструктаж в ЦРУ. В книге Майкла Р. Бешлоса "Первомай: Эйзенхауэр, Хрущев и история с U-2" ("Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair", 1986) говорится, что Джаффа в ЦРУ "снабдили материалами о советском шпионаже, чтобы Соединенным Штатам было чем ответить в том случае, если Хрущев осудит полет U-2. И сказали, что в своих репортажах ему следует называть Пауэрса не шпионом, а пилотом-разведчиком". В Москву Джафф отправился вместе с женой сбитого летчика Барбарой. По словам репортера, она сказала ему, что ненавидит Пауэрса, но будет его поддерживать ради соблюдения внешних приличий.

Вскоре состоялся открытый процесс. Пауэрса судили по обвинению в шпионаже и приговорили к десяти годам тюрьмы. 10 февраля 1962 года он был обменен на советского разведчика Рудольфа Абеля, находившегося в заключении в Соединенных Штатах.

Пауэре был отмечен наградой Центрального разведывательного управления, удостоился личной похвалы от Даллеса и устроился летчиком-испытателем в корпорацию "Лок-хид". Втайне от него жалование шло от ЦРУ. Когда он узнал об этом, то сразу уволился.

Позднее Пауэре летал на вертолете в качестве наблюдателя за дорожным движением.

1 августа 1977 года во время очередного патрулирования дорог он разбился над Лос-Анджелесом.

Сам о себе: Фрэнсис Пауэрс "Операция "Оверфлайт"

(Публикуется по изданию "Фрэнсис Пауэрс: "Все это было напрасно" в журнале ФСБ РФ "Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки"

№ 3, 1993. С. 53 - 67).

Имя американца Фрэнсиса Пауэрса, пилота шпионского самолета "У-2", сбитого над Уралом, стало известно 30 с небольшим лет назад. Осужденный за свою шпионскую деятельность, Пауэрс отбывал наказание во владимирской тюрьме. Затем его, как известно, обменяли на советского разведчика Рудольфа Абея. О себе, об истории того печально закончившегося полета, о своем видении России и мира Пауэрс написал книгу "Операция "Оверфлайт". Читателям нашей страны она до сих пор не известна.

СУД

Ослепленного вспышками ламп и телевизионных "юпитеров", меня под охраной провели на деревянную скамью подсудимых. И только тогда я смог оглядеться.

Это было не судебное присутствие, а огромный концертный зал. Вдоль стен возвышались белые колонны. Между ними с потолка спускалось более пятидесяти ярко горящих люстр.

Главные участники процесса, в том числе и я, находились в одном конце зала, на сцене. Мой защитник Гринев занял место за столом перед скамьей подсудимых. На противоположной стороне расположился государственный обвинитель Руденко. В центре сцены на возвышении сидели трое судей, все в военной форме. За ними на стене виднелся огромный государственный герб. Число зрителей, заполнивших остальную часть зала и несколько балконов, приближалось к тысяче. Гринев не предупредил меня. А ведь это было похоже на суд в Карнеги-холле.

Я боялся сцены, как школьник, и очень нервничал. Накануне мне выдали двубортный синий костюм в еле заметную полоску, который оказался на несколько размеров больше. Костюм плохо сидел на мне, и от этого ощущение неловкости усугублялось. Я напряженно вглядывался в зал, чтобы увидеть свою семью, но не смог разглядеть ее в такой массе людей.

Ко мне обратился судья-председательствующий. Судебное заседание, сказал он, будет вестись на русском языке с синхронным переводом на английский, французский, немецкий и испанский. Есть ли у меня какие-либо возражения против переводчиков? Я ответил отрицательно.

Заметив, что все сидят, я тоже сел на скамью. "Подсудимый, — сказал председательствующий, — вы обязаны стоять, когда суд обращается к вам".

Я еще переживал неловкость этого замечания, а судья уже задавал мне вопросы о моем имени, национальности, времени и месте рождения, семейном положении, роде занятий. Он также спросил, получил ли я копию обвинительного заключения. Затем представил четырех свидетелей. Я узнал их: это были люди, оказавшие мне помощь, когда я приземлился на поле. За ними пришла очередь примерно дюжины экспертов, которых я раньше ни разу не видел.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вы также имеете право дать отвод экспертам.

Я заколебался. Как я мог дать им отвод, не имея ни малейшего представления о том, кто эти люди, каковы их квалификация и показания? Сообщить мне об этом было обязанностью защитника. Но Гринев хранил молчание.

Подсудимый Пауэрс: — У меня нет возражений.

Затем секретарь суда полностью зачитал обвинительный акт.

Председательствующий: - Подсудимый Пауэре, вы слышали обвинительный акт. Понимаете ли вы, в чем вас обвиняют? Поняли ли вы это?

Подсудимый Пауэрс: — Да.

Все шло слишком гладко. Это был не суд, а представление. Мне не хотелось в нем участвовать.

— Обвиняемый Пауэрс, признаете ли вы себя виновным?

— Да, признаю.

После этого судья объявил двадцатиминутный перерыв. Когда меня уводили, я заметил Барбару, махавшую мне из ложи на другом конце зала, и в первый раз увидел здесь свою семью. До этого никто из моих родителей никогда не бывал за пределами США. Они выглядели такими одинокими, такими чужими в этой незнакомой стране, что у меня комок подступил к горлу. Я был благодарен за перерыв, мне не хотелось, чтобы столько людей видело мои слезы.

Во время перерыва переводчик рассказал, что на суде присутствует несколько сот иностранных журналистов. "Интерес настолько велик, - сказал он, — что целые толпы людей пришлось отправить назад. Работники телевидения снимают весь судебный процесс, чтобы затем показать его по советскому телевидению и в кинотеатрах". Что же касается помещения, где происходит суд, оно известно как Колонный зал.

Вернувшись на скамью подсудимых, я отметил еще одно различие в ведении судебного процесса в СССР и США. Первым лицом, свидетельствующим здесь против обвиняемого, оказывался сам обвиняемый.

Обвинитель Руденко задавал вопросы.

— Подсудимый Пауэрс, когда вы получили задание нарушить воздушную границу СССР?

— Утром 1 мая.

Если здесь находился представитель ЦРУ — а я был уверен, что в этой огромной толпе обязательно должен присутствовать по крайней мере один такой человек, — он знал, что это ложь. Я надеялся, что, восприняв это как предупреждение, он внимательно выслушает мои ответы на последующие вопросы, особенно когда речь пойдет о высоте полета.

После дополнительных вопросов было установлено, что приказ о полете исходил от полковника Шелтона, что он был командиром подразделения "10-10" в Адане (Турция), что полет я начал в Пешаваре (Пакистан).

— Каким образом самолет "У-2" оказался на аэродроме в Пешаваре?

— Он прибыл на аэродром накануне вечером, 30 апреля.

— Его пилотировал другой летчик?

— Да.

— Но его прислали для того, чтобы вы летели в СССР?

Я понял, что это ловушка. На всех допросах я утверждал, что узнал о предстоящем полете лишь за два часа до вылета. Меня пытались заставить дать иные показания.

— Мне важно установить, что самолет, на котором летел подсудимый Пауэрс, не имел опознавательных знаков. Почему на нем не было опознавательных знаков?

— Я не уверен, что их не было.

— Но вы только что сообщили суду, что не видели никаких опознавательных знаков.

— Я не искал их.

— Кроме того, вы заявили, что отсутствие опознавательных знаков имело целью скрыть национальную принадлежность этих самолетов.

— Повторите, пожалуйста, вопрос.

— В ходе предварительного следствия вы заявили, что отсутствие опознавательных знаков имело целью скрыть национальную принадлежность этих самолетов.

Руденко говорил неправду, и мы оба знали это.

— Я не помню.

Я понимал, что полет на самолете без опознавательных знаков является нарушением международного права, и не был уверен, что такое признание не ухудшит моего положения и не скомпрометирует США. Во время допросов я настаивал на том, что все "У-2" в Адане имели знаки, показывающие их национальную принадлежность. Это была правда, по крайней мере, отчасти. Подобные знаки имелись на хвосте самолетов. Перед каждым полетом-вторжением их удаляли. Но я не намеревался признаться

в этом. Не было у меня и желания изменить свою версию теперь, хотя я не знал, какие части самолета сохранились. Поэтому я и оговаривался, что до полета знаков не заметил. Только увидев обломки самолета на выставке в Парке имени Горького, я представил, на каких частях машины знаки должны были бы остаться сравнительно неповрежденными.

Как и многие заявления, сделанные мной во время допросов, эта выдумка оказалась связанной с другой ложью.

Если бы я признал, что иногда на самолетах имелись опознавательные знаки, а иногда нет, меня могли бы спросить, сколько и когда я видел таких самолетов. Это, по крайней мере, дало бы ключ к ответу на вопрос относительно количества и времени перелетов границы.

Вполне возможно, что я видел в этих вопросах гораздо больше хитрости и коварства, чем их было на самом деле, но в тот момент каждый из них казался ловушкой.

Выяснив время взлета и пересечения советской границы, Руденко спросил о главном. Я ждал этого вопроса и боялся, что его не зададут.

— На какой высоте вы должны были лететь?

— На максимальной. Высота меняется в зависимости от запасов топлива. По мере сгорания топлива самолет набирает большую высоту.

— Какую?

— Максимальная высота составляет 68 тысяч футов.

Через несколько минут, выяснив все, что касалось моей маршрутной карты, запасных аэродромов, посадочной техники в Будё, скорости самолета и т.д., он вернулся к этому вопросу.

— На какой высоте проходил полет?

— Полет начался примерно на высоте 67 тысяч футов, а по мере сгорания топлива я поднялся до 68 тысяч.

Руденко стремился уточнить все до конца. Это доказало бы, что в СССР действительно имеются ракеты, способные достигать значительной высоты. Ради разнообразия мы пришли в этом вопросе к полному взаимопониманию.

— На вашем самолете имелась фототехника для ведения воздушной разведки. Какие указания вы получили?

— Я не получал никаких специальных инструкций по пользованию этим оборудованием. Я должен был включать или выключать эти приборы, когда нужно.

— С какой целью вы включали приборы?

— Мне показали, как это делать. На карте было отмечено, в какой момент включить аппаратуру.

— Подсудимый Пауэрс, вы, очевидно, знаете, с какой целью вы должны были выключать и включать приборы?

— Я вполне мог догадаться, с какой целью включал и выключал приборы. Однако, чтобы быть точным, я должен сказать, что не знал этого.

— Подсудимый Пауэрс безусловно знал об этом оборудовании?

— Раньше не знал. Но сейчас, когда результаты налицо, я больше знаю о том, для чего предназначено это оборудование.

— Я думаю, подсудимый Пауэрс не сомневался с самого начала своего полета в том, что это был разведывательный самолет?

— Нет, не сомневался.

— На вашем самолете обнаружено оборудование для радиоразведки, а также магнитофонные записи сигналов различных советских радиолокационных станций. Так ли это?

— Мне говорили, что там были магнитофоны, но сам я не в курсе дела. Я не знаю, как выглядит большая часть всего оборудования, кроме тех устройств, которые я видел здесь.

— Но вы, подсудимый Пауэрс, прошли достаточную подготовку, чтобы знать, что подобное оборудование предназначено для специальных разведывательных полетов.

— До этого я ничего не знал об оборудовании.

— Но вы были в достаточной степени информированы о том, что этот полет преследовал разведывательные цели?

— Я не видел других причин для такого полета. Прошу убрать софиты, мне слепит глаза.

Председательствующий: — Прошу убрать свет...

Большая часть присутствующих не могла знать, что эта была старая словесная баталия, одна из тех, которые, подобно битвам гражданской войны, вспыхивают вновь и вновь. На допросах я настаивал на том, что никогда не видел специального оборудования, точно не знал, для чего оно предназначено, не был проинформирован, что цель моего полета — разведка, хотя на этот счет у меня и имелись подозрения. Утвердительный ответ на любой из этих вопросов породил бы такие вопросы, на которые мне не хотелось отвечать.

Короче говоря, я был не шпионом, а просто "воздушным жокеем", которому платили за полеты по определенному маршруту и который включал и выключал аппаратуру, как было указано на карте, не имея понятия о последствиях своих действий и не испытывая при этом любопытства.

Я считал, что на допросах мне удалось сделать свои ответы правдоподобными и даже убедительными. Однако сейчас, в отрыве от контекста, мои слова звучали чрезвычайно неубедительно. И все же, привыкнув к этой версии более чем за тысячу часов интенсивных допросов, я не собирался менять ее, чтобы представить Руденко точные факты. Я думал о том, как чувствуют себя мои родители. Как они, должно быть, смущены и испуганы, видя, как их единственного сына судят в Москве за его образ жизни, обвиняя в шпионаже. И Барбара со всеми ее проблемами и слабостями, о чем думает она? Больше всего на свете я хотел облегчить их положение. Но я ничего не мог.

Больше всего я беспокоился о том, какое впечатление произведет на них приговор. Чем дольше я находился на скамье подсудимых, тем безнадежнее казалось положение.

...Затем последовала попытка заставить меня подтвердить, что устройство для создания помех радиолокационным станциям перехвата предназначалось для отклонения удара зенитных ракет, а также ракет класса "воздух—воздух". Кроме того, от меня хотели добиться признания, что, отмечая на своей карте неуказанные аэродромы и записывая другие наблюдения, я сознательно и намеренно занимался шпионской деятельностью.

— С какой целью вы делали эти заметки?

— Мне было приказано заносить все, что отсутствовало на моей карте. Это "привычка пилота".

— Привычка, которая имеет своей целью шпионаж?

— Я занимался этим и над территорией США.

— Но я спрашиваю вас о полете над территорией СССР. Следовательно, это было вторжение с разведывательным заданием?

— Думаю, что да.

— Вы не отрицаете, что незаконно вторглись в воздушное пространство СССР?

— Нет, не отрицаю.

Говорить иначе, принимая во внимание доказательства, было бы смешно.

— Следовательно, это вторжение преследовало шпионские цели?

— Думаю, что так.

Не получив явного признания, Руденко избрал другой путь.

— Вы заявили здесь, а также во время предварительного следствия, что включали и выключали аппаратуру над определенными пунктами.

— Я делал так, как было указано на карте.

— Не зная, что представляет собой специальная аппаратура?

— Я никогда ее не видел.

— С такой же легкостью вы могли бы нажать кнопку и сбросить атомную бомбу?

— Могло быть и так. Но это не тот вид самолета, который сбрасывает подобные бомбы.

Прокурор Руденко был задет. Я это уловил. Он допрашивал меня более двух часов. И каждый раз приходилось вставать. Я очень устал и умственно, и физически. Усталость быстро переходила в депрессию. Я должен был заставлять себя не терять бдительность, внимательно выслушивать каждый вопрос и тщательно обдумывать каждый ответ, чтобы не допустить промаха. И снова:

— На какой высоте находился ваш самолет, когда его настигла ракета?

— Он находился на максимальной высоте, примерно 68 тысяч футов.

(Если и теперь Управление [имеется в виду ЦРУ - ред.] не получит сообщения, оно не получит его никогда!)

Затем Руденко перешел к блоку подрыва. Я был уверен, что он начнет утверждать, будто я не воспользовался этим устройством, опасаясь за свою жизнь, но он поступил иначе. Вместо этого он стал спрашивать об аварийно-спасательном снаряжении.

— С какой целью вам дали бесшумный пистолет на десять патронов?

— Для охоты.

— И с этой же целью вас снабдили 205 патронами?

— Да.

— Насколько я знаю, принято охотиться с охотничьими ружьями.

Чего он добивался, упоминая о пистолете? Какую бы цель он ни преследовал, я хотел опередить его.

— Кто дал вам булавку с ядом?

— Мне дал ее полковник Шелтон во время инструктажа в Пешаваре.

— С какой целью?

Мы вернулись к знакомой теме. Я прекрасно знал, что он имел в виду.

— На тот случай, если бы меня арестовали и пытали, а я не смог бы вынести пыток и предпочел умереть.

— Это означает, что ваше руководство отправляло вас в этот полет, не заботясь о вашей жизни?

— Мне, в общем-то, предоставлялось самому решать, использовать ли булавку.

Но вам дали булавку с ядом?

— Да.

— Они хотели, чтобы вы взорвали самолет, погибли сами и уничтожили все следы?

— Нет, мне не говорили, чтобы я покончил с собой.

— Но вам дали булавку, чтобы вы покончили с собой?

— В случае пыток.

— Вам говорили, что в СССР применяют пытки?

— Я не помню, чтобы так говорили, но я ждал этого.

— Вас пытали?

— Нет.

— Как к вам относились во время допросов?

— Ко мне относились очень хорошо.

По сравнению с тем, что я ожидал, это была действительно правда. Затем было доказано, что самолет "У-2", который мне показали в Парке имени Горького, — тот самый, на котором я летел из Пешавара, хотя, как я отметил, он несколько изменился. Потом Руденко возвратился к подробностям моего контракта с ЦРУ.

— Кто подписал контракт со стороны Центрального разведывательного управления?

Наконец-то!

— Я точно не помню, но, кажется, это был Коллинз. Он подписал контракт в моем присутствии, но там были и другие лица, которые также подписывали этот документ.

Коллинз не подписывал контракта, но это был единственный доступный мне способ вернуть это имя.

Затем Руденко пытался заставить меня признать, что я, подписывая контракт, знал о предстоящем участии в перелетах-вторжениях. Ему это не удалось, и он перешел к Инджирлику и подразделению "10-10". И опять была предпринята попытка рассматривать эту операцию как военную.

— Каковы были цели и задачи, поставленные перед подразделением, в котором служил подсудимый?

— В общих чертах, они сводились к сбору информации вдоль границ СССР. Кроме того, мы занимались метеоразведкой и определяли уровень радиоактивности.

— Кто непосредственно руководил подразделением "10-10"?

— Непосредственное руководство подразделением "10-10" осуществлял военный, но я не знаю, кому он подчинялся.

— Но это был военный?

— Командир подразделения был военным. Но служащие подразделения были по большей части гражданскими лицами.

Руденко не принял во внимание этой оговорки. "Кто посещал базу?" — поинтересовался он. Я повторил имена, которые уже упоминал во время допроса.

— Итак, военными базами интересовался лично кардинал Спеллман?

— Я говорил, что он интересовался военнослужащими, а не базами.

— Кардинал Спеллман давал свое благословение тем, кто участвовал в шпионских операциях?

— Он был видным священнослужителем. Думаю, он не размышлял слишком много над тем, чем занимается тот или иной человек, а скорее, над тем, что он из себя представляет.

После целого ряда вопросов, в ходе которых было установлено, что, несмотря на наличие у меня удостоверения, указывающего на мою принадлежность к НАС А, я не имею к этой организации никакого отношения, председательствующий объявил перерыв "до дневного заседания".

Из зала меня провели в хорошо обставленную приемную. Здесь стояла кушетка, на которой я мог при желании отдохнуть. Меня ждал завтрак: свежие фрукты, которых я не видел с тех пор, как оказался в России, бананы и ломоть арбуза.

На стуле лежал журнал "Нью тайм". Он издавался в Москве на английском языке и был явной имитацией "Тайма". Я стал листать его в надежде отыскать какие-нибудь сообщения из внешнего мира, но один из охранников через переводчика велел мне отложить журнал.

— Почему? — спросил я.

— Потому, — сказал он, — что чтение за едой плохо отражается на пищеварении.

Его замечание впервые за день вызвало у меня улыбку. Но ненадолго. Моя подавленность усиливалась. Первое заседание суда началось в 10 часов утра и продолжалось около четырех часов. Большую часть этого времени я провел на ногах. Такого сильного душевного напряжения я не переживал ни разу с момента моего пленения. Были минуты, когда я готов был воскликнуть: я виновен! Приговорите меня к смертной казни и положите конец этому фарсу!

Я не ожидал, что суд превратится в представление. В некотором смысле мои ответы не имели никакого значения. Я присутствовал здесь просто как символ. И они хотели использовать этот символ, чтобы поставить Соединенные Штаты в затруднительное положение, судить мою страну от лица мировой общественности. Я не желал принимать в этом участия. Я хотел положить конец такому суду.

Такая возможность представилась, когда меня после завтрака вывели на улицу.

Сидя на скамейке и греясь на солнце в окружении охраны, я увидел перед собой безлюдную стоянку для автомашин, а дальше — свободную улицу. Впервые с момента моего задержания мне выпал случай бежать.

Чем дольше я сидел, тем привлекательней представлялась мне эта мысль. Прошло много лет с тех пор, как я в колледже занимался бегом, но, глядя на своих охранников, я понял, что смогу обогнать их.

В меня будут стрелять? Вероятно. Но это тоже выход, который положит конец суду. Возможно, учитывая пропагандистский характер судебного процесса, они начнут колебаться, опасаясь реакции своего начальства. А этого колебания, каким бы мимолетным оно ни оказалось, будет достаточно для меня, чтобы взять старт.

Я не знал, что предприму, когда достигну пустой улицы, но это было неважно. Важно то, что после более чем 100 дней заточения я получал шанс бежать.

Я напряг ноги и слегка подался вперед.

На мое плечо легла тяжелая рука охранника. Пора возвращаться.

В начале второго заседания, открывшегося в 4 часа дня, Руденко возобновил допрос. Теперь он сосредоточил свое внимание на моих разведывательных полетах вдоль границ.

Если бы меня судил американский суд, с американским адвокатом, такая манера ведения дела была бы немедленно опротестована как пристрастная, поскольку эти вопросы не имели никакого отношения к обвинению.

Однако Гринев ничего не сказал. Он не сделал ни одного возражения. Он также был символом, его присутствие лишь создавало видимость наличия у меня защитника. Что же касается его роли в моей защите, то он с успехом мог бы оставаться и дома.

Затем Руденко перешел на расспросы о том, что я делал раньше в Пешаваре, Гибелынтадте, Висбадене и Будё. Он пытался что-то выстроить из этого, но что, я не мог догадаться. Вдруг совершенно неожиданно он заявил, что в данный момент вопросов больше не имеет.

Наступила очередь Гринева.

Когда мои родители консультировались у него перед судом, с ними был Карл Макейфи, юрист, контора которого находилась над обувной мастерской моего отца в Нортоне, штат Виргиния. Макейфи привез с собой фотографии дома моих родителей в Паунде, чтобы показать нищету окружающего района, и этим неожиданно снискал расположение суда. Выдвинув эти фотографии в качестве вещественных доказательств, Гринева начал свое выступление с утверждения, что я вышел из рабочей семьи; что мои родители бедны, а мой отец не капиталист, он не использовал наемный труд в своей обувной мастерской, а делал всю работу сам; что деньги, предложенные мне ЦРУ, были суммой, какой я никогда не получал, и дали мне возможность расплатиться с долгами и жить в относительном достатке впервые за всю жизнь. Дальнейший его рассказ выявил, что я не занимался политикой, никогда не участвовал в выборах в США, знаю очень мало о Советском Союзе и притом только то, что пишут в американской прессе.

Я понимал, к чему он клонит. Это был не лучший способ вести мою защиту, но другого не существовало; нравился он мне или нет, я вынужден был его принять.

Во время наших коротких встреч, предшествовавших суду, я настоял на том, чтобы в мою защиту были включены некоторые моменты. Хотя Гринева, казалось, придавал им меньше значения, чем я, он, тем не менее, теперь перешел к ним.

— Был ли полет 1 мая вашим единственным полетом над территорией СССР?

— Да, это был единственный полет.

— Вас консультировали относительно программы шпионских полетов над Советским Союзом?

— Нет, мне ничего не известно о такой программе.

— Вас ознакомили со специальной аппаратурой на борту самолета?

— Нет, я никогда не видел специального оборудования -ни когда его ставили, ни когда снимали. Это никогда не делалось в моем присутствии. Я знал о специальном оборудовании лишь настолько, насколько было нужно, чтобы следовать указаниям на моей карте.

— Знали ли вы о результатах ваших разведывательных полетов?

— Мне никогда не сообщали о результатах моих заданий, и я не знал, как работает оборудование, за исключением того, что показывали сигнальные лампочки в моей кабине.

На допросах я говорил, что немного колебался, когда пришло время возобновить мой контракт с ЦРУ. Я не назвал причин, которые были полностью личными, а позволил своим следователям предположить, что мне эта работа казалась слишком нервной и изнурительной.

Теперь Гринева спросил меня:

— Вы сожалеете, что возобновили контракт?

— Ну, причины трудно объяснить.

— Почему вы теперь сожалеете?

— Видите ли, положение, в котором я сейчас нахожусь, не слишком хорошее.

С тех пор, как я здесь, я не так много слышал о событиях, происходящих в мире. Но я понял, что прямым следствием моего полета явился срыв совещания в верхах и визита президента Эйзенхауэра. Это, как я полагаю, увеличило международную напряженность, и я искренне раскаиваюсь, что причастен в какой-то мере к этому.

Одно за другим Гринев воссоздавал смягчающие обстоятельства.

— Вы оказали сопротивление при задержании или думали о сопротивлении?

— Нет.

— Каково ваше нынешнее отношение к работе в ЦРУ и понимаете ли вы теперь опасность такого полета?

— Теперь я понял гораздо больше, чем прежде. Сначала я колебался, возобновлять ли мне контракт. Я не хотел его подписывать. Если бы я имел работу, то отказался бы его подписать, поскольку тогда я уже знал некоторые обстоятельства, связанные с моим полетом, не все, разумеется. Но, как видно из сказанного ранее, я глубоко раскаиваюсь, что причастен к нему.

Защитник Гринев: — У меня больше нет вопросов на сегодня.

Председательствующий: — Суд прерывает свою работу до 10 часов утра следующего дня, 18 августа.

Как хорошо сыгравшаяся команда, мой так называемый защитник и судья договорились, что этот вопрос станет последним. Теперь в газетах можно будет прочитать о первом дне судебного процесса: Пауэрс "ГЛУБОКО РАСКАИВАЕТСЯ".

Под конец первого дня суда я через Гринева передал несколько слов моей семье.

Я просил сказать Барбаре, что с нетерпением жду окончания процесса, так как после этого мы сможем увидеться с ней; поблагодарил родителей за носовые платки — подарок ко дню рождения; посмеялся над галстуком-бабочкой отца, увиденным на нем впервые; умолял мать не приходить на второй день суда, а остаться в гостинице и отдохнуть.

На следующее утро, когда конвой ввел меня в зал заседаний, я заметил, что моей матери нет. Ее отсутствие взволновало меня, хотя я сам просил ее об этом. Может, она действительно больна, но мне об этом не сказали? Однако на ее месте я увидел свою сестру Джессику. Я не знал, что она тоже приехала в Москву. Я понял, что, если сестра здесь, с мамой все в порядке. Иначе Джессика осталась бы с ней. Я

понимал, что ее присутствие поможет моим родителям легче перенести испытание, она сумеет шуткой вывести их из удрученного состояния.

Эти переживания отвлекали, а мне сейчас необходимо было сконцентрировать мысли на собственной судьбе.

Заседание началось ровно в 10 часов утра. Полдюжины вопросов задал Гринев. Затем его сменил Руденко.

На этот раз было совершенно ясно, что он пытается установить.

— Когда 1 мая вы вылетели из Пешавара, над территорией каких стран вы пролетали?

— Над Пакистаном, недолго — не знаю, насколько я углубился; над Афганистаном и над Советским Союзом.

— Другими словами, вы нарушили воздушное пространство Афганистана?

— Если на это не было разрешения властей, тогда да.

— Афганские власти не давали вам такого разрешения?

— Лично мне они такого разрешения не давали.

— Ваше командование ничего насчет этого не говорило?

— Нет.

— Следовательно, вы нарушили суверенитет нейтрального государства Афганистан?

— Если наше подразделение не имело такого разрешения, тогда да.

— Но разве ваше подразделение получало когда-нибудь разрешение совершать полеты вдоль границ Советского Союза?

— Не имею понятия.

И ни одного возражения со стороны Гринева, хотя такое освещение моих показаний заслуживало осуждения.

Во время первых допросов я полагал, что упоминание о разведывательных полетах вдоль границ безопасно для меня. Считая, что в них нет ничего противозаконного, я даже делал на них упор, чтобы отвлечь внимание от придуманной мной истории о своем "единственном" перелете. Теперь я понял, что это была ошибка. Если государства, над которыми я летал, не давали разрешения на эти полеты, значит, мои действия были также незаконными. Таким образом, я отвечал не только за одно, впервые совершенное преступление, но оказывался виновным в ряде преступлений, совершенных ранее.

Последующий диалог выглядел достаточно нелепо и вызвал у наблюдателей смех. Но он важен для характеристики того, как Руденко вел дело.

— А разве ваше подразделение получало когда-нибудь разрешение совершать полеты над территорией Советского Союза?

— Полагаю, что нет.

— Вы полагаете. А не можете ли вы ответить нам более определенно?

— Будь такое разрешение получено, оно бы касалось высшего руководства, и я бы все равно о нем ничего не знал.

— Если бы такое разрешение было, вы бы наверняка не сидели сегодня на скамье подсудимых.

— Вот поэтому-то я и полагаю, что такого разрешения не было.

В очередной раз получив подтверждение, что я летел на

высоте 68 тысяч футов, Руденко спросил: "Именно на этой высоте вас сбила советская ракета?"

— Именно на этой высоте я был чем-то сбит.

— Вы сказали, сбиты "чем-то"?

— Не имею представления о том, что это было. Я не видел этого.

— Но это случилось на названной высоте?

— Да.

Был зачитан доклад майора Воронова, который, как сказали, командовал расчетом, обслуживавшим ракетно-пусковую установку. Как явствовало из этого доклада, "когда самолет вошел в зону поражения на высоте более 20 тысяч метров, по нему была выпущена одна ракета, взрыв которой уничтожил цель".

Мы с Руденко поспорили по вопросу о моей радиосвязи: он утверждал, что я не воспользовался ею из-за страха быть обнаруженным, я же — что из-за ограниченности радиуса ее действия.

Затем взяли за мои маршрутные карты. Запасные курсы через Финляндию, Швецию и Норвегию привлекли особое внимание.

При упоминании Будё для меня наступил один из немногих приятных моментов — разговор о "черном флаге".

— Перед вашим вылетом 1 мая 1960 года полковник Шелтон дал вам сверток черной материи. Каково было ее назначение?

— Не знаю. Я уже находился в самолете, когда получил ее от полковника Шелтона. Он приказал передать мне этот кусок черной материи представителям подразделения "10-10", которые должны были встретить меня в Будё.

— В случае успешного перелета над Советским Союзом?

— Тогда он считал, что перелет будет успешным.

— Это был пункт вашего назначения и вас должны были встречать представители подразделения "10-10"?

— Да.

— И вы должны были вручить им этот кусок черной материи, который дал вам Шелтон перед началом полета над территорией Советского Союза?

— Да.

— Другими словами, эта материя служила чем-то вроде пароля?

— Не имею понятия.

— А что вы сами думаете по этому поводу?

До сих пор я подавлял в себе искушение поставить Руденко в неловкое положение, зная, что это может обернуться против меня. Но он сам дал мне повод.

— Не думаю, чтобы мне нужен был пароль: сам самолет доказывал, кто я такой.

— Сам самолет и сам Пауэрс. Но зачем же тогда этот кусок материи?

— Не знаю. Я получил относительно него единственное указание.

Явно раздосадованный Руденко сказал: "Давайте оставим этот вопрос".

Этот, казалось бы, незначительный момент стал для меня поворотным пунктом.

Почувствовав, что в моих силах время от времени выводить Руденко из себя, я теперь мог не только обороняться.

Руденко стал выяснять вопрос о дубликатах карт.

Как я уже говорил ранее, на случай вынужденной посадки мне был дан комплект карт, по которым я мог добраться до границы СССР. Первоначально на них стояли грифы "секретно" и "ВВС США", но затем их предусмотрительно вырезали ножницами. Однако кто-то сунул мне в самолет второй такой же комплект с неуничтоженными грифами. Типичная служебная погрешность. Но Руденко не был способен понять это. Ему требовалось дать всему свое объяснение.

— Все абсолютно ясно, подсудимый Пауэре. Эти две карты с вырезанными грифами имелись в вашем распоряжении и, как вы говорите, должны были помочь вам выбраться из Советского Союза, но две другие карты, которые вы должны были уничтожить по приказу ваших хозяев, находились в самолете.

Нелепость подобного объяснения, казалось, не приходила ему в голову. Получалось, что я взял с собой дополнительный комплект карт просто для того, чтобы их уничтожить.

Теперь мы подошли к вопросу о часах и золотых монетах.

— Все эти вещи предназначались для подкупа советских людей?

— Они должны были помочь мне любым путем выбраться из Советского Союза.

— Я спрашиваю, для подкупа?

— Если бы мне представилась такая возможность, я бы прибегнул к подкупу. Если бы я смог купить на эти деньги еду, я купил бы ее, так как мне пришлось бы проделать путь в 1400 миль. Другими словами, деньги и другие ценности предназначались для того, чтобы любым путем помочь мне.

— Но вы, разумеется, поняли, что деньгами нельзя купить советских людей. Первые же советские граждане, которых вы встретили, разоружили вас и передали властям.

— Я не пытался подкупить их.

У Руденко больше не было вопросов. Но мне еще предстояло давать показания. Теперь наступила очередь председательствующего. Так я набирался знаний о процедуре советского судебного разбирательства, без которых отлично мог бы обойтись.

Председательствующий Борисоглебский:

— Подсудимый Пауэрс, в чем состояла главная цель вашего полета 1 мая?

— Как мне сказали, я должен был лететь по определенному курсу и включать и выключать аппаратуру в соответствии с пометками на карте.

— Для чего?

— Я бы предположил, что это делалось с разведывательной целью.

В опубликованной стенограмме заседания второй вопрос Борисоглебского отсутствовал, а мой ответ был изменен следующим образом: "Как мне сказали, я должен был лететь по определенному курсу и включать и выключать аппаратуру в соответствии с пометками на карте. Разумно предположить, что это делалось с разведывательной целью".

— Вчера вы дали показания в суде о том, что полковника Шелтона особенно интересовали ракетно-пусковые площадки.

— Да, он как-то показывал на карте одно место, где, возможно, находилась ракетно-пусковая площадка.

— Правильно ли будет сказать, что главной целью вашего полета 1 мая явилось обнаружение и нанесение на карту всех ракетно-пусковых площадок?

— Я могу сообщить только мое личное мнение по этому вопросу. Уверен, что специалисты, которые изучали мои фотопленки, знали, что именно интересовало людей, пославших меня. Но лично я считаю, что советские ракеты интересуют не только нас, но и весь мир. И я полагаю, что подобный полет мог иметь в виду их поиск, как мне кажется. Но я повторяю, что не знаю, а только выражаю свое собственное мнение.

Как я уже упоминал ранее, космодром Тюра-Там не являлся главной целью именно этого перелета над территорией СССР. Он оказался включенным в мою программу только потому, что я должен был пролетать поблизости от него. Однако во время допросов я делал упор именно на него, надеясь, что русские сконцентрируют свое внимание больше на этом, чем на главных целях моего полета.

— Подсудимый Пауэрс, вы сознавали, что, вторгаясь в воздушное пространство Советского Союза, покушаетесь на суверенитет СССР?

— Да.

— Почему же вы согласились?

— Мне приказали это сделать.

— Как вы теперь считаете, какую службу, хорошую или плохую, вы сослужили вашей стране?

— Я бы сказал, очень плохую службу.

— Не приходило ли вам на ум, что, нарушая границы Советского Союза, вы могли сорвать совещание в верхах?

— Когда я получал инструкции, всякие мысли о совещании в верхах были мне далеки. Я просто не думал об этом.

— А не приходило ли вам в голову, что такой полет мог вызвать военный конфликт?

— Об этом должны были думать те, кто меня посылал. Мое дело — выполнять приказы. Я считаю, что принимать подобные решения не моя обязанность.

— Но вы сожалеете, что совершили этот полет?

Гринев предупреждал меня, что такой вопрос будет задан.

Но я ждал его от самого Гринева или от Руденко, но никак не от председательствующего. Если раньше я еще мог сомневаться в том, что все они действуют как единая группа, то теперь с сомнениями было покончено.

— Да, очень.

Я не добавил, что сожалею лишь потому, что полет закончился неудачей.

К делу приступил другой заседатель, генерал-майор авиации Захаров. Как и следовало ожидать, его вопросы касались моей летной подготовки, подробностей задания, аппаратуры и т.д. За исключением вопросов об устройстве для создания помех радиолокационным станциям перехвата (мне удалось доказать, что это устройство предназначалось для ракет класса "воздух — воздух"), ни один из них не был трудным. Большинство последующих вопросов принадлежало генерал-майору артиллерии Воробьеву. Он пытался заставить меня признаться, что я знаком со специальным оборудованием, но это ему не удалось.

Интересно отметить, как были согласованы и распределены все вопросы. Что упускал Руденко, то вставлял Гринев или кто-нибудь из заседателей.

Наконец мне разрешили сесть. В общей сложности, считая предыдущий день, я простоял на ногах около шести часов.

Чувствуя себя очень неловко в костюмах и галстуках, явно нервничая перед такой большой аудиторией, четверо работников совхоза (позже они были награждены за проявленный героизм) сообщили подробности моего "задержания".

Они чего-то не договаривали в своих показаниях, но что именно, я понял лишь когда закончил говорить последний из них: никто из четверых не упомянул о втором парашюте, который мы видели.

Почему?

Раньше я думал, что парашют был каким-то образом связан с ракетой. Теперь у меня возникло подозрение, не сбили ли советские ракетчики вместе с "У-2" один из своих самолетов.

Когда меня спросили, есть ли у меня вопросы к свидетелям, я сказал: "Я хочу выразить благодарность за ту помощь, которую мне оказали в тот день все эти люди. Мне впервые представилась возможность поблагодарить их. И я рад поблагодарить их".

Поскольку "добровольная сдача в плен" считается смягчающим обстоятельством, мне хотелось ясно показать, что я не оказывал при задержании сопротивления и не питал к этим людям никаких враждебных чувств.

Теперь пришла очередь комиссии "свидетелей-экспертов", каждая группа которых занималась расследованием определенной части вещественных доказательств.

Первая группа, изучив различные документы, найденные при мне и в самолете, сделала вывод, что "пилот Фрэнсис Пауэре служит в рядах военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки".

Гринев не возражал. Однако теперь я и не ждал от него возражений.

Вторая группа получила задание обследовать обломки самолета и установить, имелись ли на нем опознавательные знаки. Они пришли к выводу, что таких знаков нет и никогда не было.

Но я-то знал истинное положение. Получив возможность задать вопрос представителю группы, я спросил, могли ли опознавательные знаки быть нанесены на поверхность окраски самолета, а затем смыты. Председательствующий признал такую возможность, но тем не менее дал ясно понять, что он принял первоначальное свидетельство. Я решил, что настаивать бесполезно.

Другие свидетели после долгого изучения специального оборудования — фотокамер, проявленной пленки, радиоаппаратуры, магнитофонов и т. д. — сделали вывод, что оно использовалось для разведывательных целей и что задачей полета являлся шпионаж.

Затем наступил обеденный перерыв. На этот раз я остался в окружении охраны. Они явно чувствовали, что я готов удрать, и были полны решимости не дать мне такого шанса.

Когда в 4 часа 30 минут началось второе заседание, я понял, почему еще раньше Руденко задавал вопросы о пистолете.

Свидетель-эксперт, подполковник инженерных войск, заявил: "Пистолет предназначен для бесшумной стрельбы в людей при нападении и обороне".

Теперь меня пытались представить как потенциального убийцу, хотя мое оружие было только 22-го калибра.

Я сказал, что пистолет был дан мне только для охоты, с этой целью я его и взял.

Председательствующий: —Подсудимый Пауэре, вы знаете, что на высоте 68 тысяч футов трудно охотиться на дичь?

— Да, знаю. Я должен был его использовать только в случае вынужденной посадки.

Другие эксперты изучали взрывной механизм. И здесь не обошлось без намеков.

"Были обнаружены элементы схемы дистанционного управления... Предохранитель может быть механически связан с любой частью самолета, которая отделяется, когда пилот покидает самолет: например, с системой катапультирования".

Короче говоря, подразумевалось, что если бы я воспользовался катапультирой, то взорвался бы вместе с самолетом.

Поскольку элементы системы дистанционного управления отсутствовали (подозреваю, что, скорее всего, они просто не были представлены в качестве вещественного доказательства), у меня не было никакой возможности доказать обратное.

Когда дело дошло до обсуждения вопроса о булавке с ядом, было заявлено, что ее "нашли в том месте, где упал самолет, пилотируемый Пауэрсом". Очевидно, они не хотели признаться в том, что ее пропустили во время трех обысков, а обнаружили лишь после того, как я был доставлен в Свердловск.

Прекрасно зная, какое впечатление это произведет на аудиторию, они максимально использовали эту булавку в пропагандистских целях. Эксперт показал на суде: "Иглой, извлеченной из этой булавки, подопытной собаке был сделан подкожный укол в верхнюю часть левой задней ноги. Через минуту после укола собака повалилась на бок, при этом наблюдались резкие дыхательные движения грудной клетки, сопровождавшиеся хрипом, цианоз языка и видимой части слизистой оболочки. Через 90 секунд после укола дыхание полностью прекратилось. Три минуты спустя после укола сердце остановилось и наступила смерть".

Не удовлетворившись этой ужасной сценой, эксперт перешел к описанию аналогичных опытов с белой мышью и наконец сделал вывод: "Учитывая необычайно высокую токсичность и характер воздействия этого яда на животных, а также сравнительно большую его дозу на острие иглы, можно считать, что если человеку сделать укол такой иглой, отравление и смерть наступят так же быстро, как и у животных".

Так прошел еще день работы суда.

После окончания заседания Гринев провел со мной беседу. Ему не понравился ход суда. Почему, спрашивал он, я не сумел отмежеваться от реакционных милитаристов, которые планируют подобные полеты, хотя для этого у меня были большие возможности?

У меня был соблазн ответить, что и он не сумел отмежеваться от обвинения, но я просто выслушал его.

Завтра — последний день суда. После обвинительной речи Руденко и выступления защитника, сказал Гринев, мне представится последняя возможность обратиться к суду перед вынесением приговора. Если я хочу получить наказание мягче, чем смертный приговор, необходимо внести три изменения в мое последнее слово.

Заявления о том, что я сожалею о своих действиях, будет недостаточно. Я должен сказать, что "глубоко раскаиваюсь и сожалею".

Я должен заявить, что не испытываю никаких враждебных чувств к советскому правительству.

И в заключение я должен сказать, что "глубоко сожалею и лично отрекаюсь от агрессивных замыслов Соединенных Штатов, направленных на развязывание войны".

Я согласился на первую поправку, принял в несколько измененном виде вторую и полностью отверг третью.

Хорошо, я добавлю, что "глубоко раскаиваюсь и сожалею", хотя и против своей воли. Что же касается того, что я не испытываю враждебных чувств к советскому правительству, то я не могу с этим согласиться. Я бы желал сказать, что не испытываю враждебных чувств к русскому народу.

Однако поносить свою страну я не намерен. В каких бы выражениях это мне ни предлагалось. Я этого не скажу. Будь что будет, но это мое окончательное решение.

Мы разработали другой вариант, но у меня сложилось впечатление, что Гринев еще вернется к своим попыткам заставить меня поносить Соединенные Штаты.

Я оказался прав.

Первые же фразы, произнесенные Руденко, задали тон всему его выступлению: "Товарищи судьи! Я приступаю к обвинительной речи на данном судебном процессе с полным сознанием его огромного значения. Настоящий судебный процесс над американским летчиком-шпионом Пауэрсом разоблачает преступления, совершенные не только лично подсудимым Пауэрсом, но и до конца вскрывает преступные агрессивные действия правящих кругов США—истинных вдохновителей и организаторов чудовищных преступлений, направленных против мира и безопасности народов".

И далее: "Советские люди, строящие коммунистическое общество, заняты мирным созидательным трудом и ненавидят войну". Правящие круги Соединенных Штатов "упорно противодействуют мероприятиям по всеобщему разоружению и уничтожению ракетно-ядерного оружия".

"Пауэре стал штатным летчиком-шпионом, готовым совершить любое преступление во имя интересов американской военщины, состоящей на службе монополистического капитала". "Вот она, звериная, человеконенавистническая мораль господина Даллеса и компании, ставящая ни во что, в угоду доллару, этому "желтому дьяволу", жизнь человека". "Если бы задания, полученные Пауэрсом, не были преступными, хозяева не снабдили бы его смертоносной булавкой".

В начале речи Руденко меня поразили два момента. Прежде всего слова о том, что в мае президент Эйзенхауэр дал заверения, что "шпионские полеты американских самолетов в воздушном пространстве Советского Союза будут прекращены".

Но Руденко немедленно осудил Эйзенхауэра за то, что тот нарушил свое обещание.

Действительно ли полеты над территорией СССР прекращены или нет?

И еще одно короткое, но взволновавшее меня сообщение. После изложения истории с самолетом "У-2" Руденко сказал: "Огромная волна возмущения прокатилась по всему миру, когда стало известно о новых коварных действиях руководящих деятелей США, пославших 1 июля 1960 года военный бомбардировщик-разведчик "РБ-47" в преступный провокационный полет в пределы Советского Союза".

Это объясняло, почему вскоре после 1 июля меня снова стали допрашивать о полетах "РБ-47". Ясно, что имел место еще один "инцидент", но насколько он был серьезным? Руденко не сообщил никаких подробностей.

"Подсудимый Пауэре, преступления которого так щедро оплачивала американская разведка, — не простой шпион, а особый и тщательно вымуштрованный преступник... Вот истинный облик подсудимого Пауэрса. И если бы его хозяева попытались разжечь новую мировую войну, именно пауэрсы, вскормленные и воспитанные ими в условиях так называемого свободного мира, были бы готовы первыми сбросить на мирную землю атомные и водородные бомбы, как это сделали подобные же пауэрсы, сбросившие первые атомные бомбы на мирных жителей беззащитных городов Хиросимы и Нагасаки".

Итак, меня обвиняли даже в этом. Я слушал, и мое сердце сжималось при мысли о том, что я, пусть частично, дал ему повод для подобных разглагольствований. Однако по мере того, как он продолжал (часы показывали, что он говорил уже больше двух часов), не только излагая дело, но и преувеличивая, утрируя, искажая факты, обличая "американских агрессоров", этих "новоиспеченных подражателей Гитлеру", я начал думать, не зашел ли он слишком далеко, доводя советскую пропаганду до такой крайности, что она может вызвать обратную реакцию.

В зале наступила тишина. Руденко заканчивал выступление:

"Час, когда преступник услышит приговор суда, близок.

Пусть ваш приговор послужит строгим предупреждением всем тем, кто проводит агрессивную политику, преступно попирает общепризнанные нормы международного права и суверенитет государств, провозглашает своей государственной политикой политику "холодной войны" и шпионажа. Пусть этот приговор явится также строгим предупреждением всем прочим пауэрсам, которые по указке своих хозяев попытались бы подорвать дело мира, покуситься на честь, достоинство и неприкосновенность великого Советского Союза.

Товарищи судьи! Поддерживая в полном объеме государственное обвинение по делу Пауэрса, в соответствии со статьей 2 Закона Союза ССР "Об уголовной ответственности за государственные преступления", я имею все основания просить суд применить в отношении подсудимого Пауэрса исключительную меру наказания..."

Я был прав. Они решили наказать меня в назидание другим.

"...Но, учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого Пауэрса перед советским судом в совершенном преступлении, я не настаиваю на применении к нему смертной казни и прошу суд приговорить подсудимого Пауэрса к пятнадцати годам лишения свободы".

Моей первой реакцией было чувство безудержной радости. Будто бы я задыхался и вдруг смог глубоко вздохнуть. Меня не расстреляют!

Я взглянул на свою семью. В их ложе поднялась суматоха, но за осветительной аппаратурой и толпой репортеров я не видел, что там происходит. Выслушав приговор, мой отец вскочил и сердито прокричал: "Да предложи мне пятнадцать лет такой жизни — я бы лучше предпочел смерть!"

Комендант суда объявил тридцатиминутный перерыв.

После перерыва Гринев начал защитительную речь.

Вначале я подумал, что ослышался.

"Не буду скрывать от вас того исключительно трудного, небывало сложного положения, в котором находится в этом деле защитник. Ведь подсудимый Пауэрс обвиняется в тяжком преступлении — во вторжении в воздушное пространство Советского Союза с целью сбора шпионских сведений и производства аэрофотосъемки промышленных и оборонных объектов, а также сборе других данных разведывательного характера... Волею Конституции Советского Союза, которая обеспечивает каждому обвиняемому, независимо от тяжести совершенного преступления, право на защиту, наш гражданский и профессиональный долг —помочь в осуществлении права тем обвиняемым, которые пожелали этим правом воспользоваться".

Он оправдывался в том, что вынужден защищать меня!

Далее он заметил, что "у защиты нет спора ни по фактам вменяемых Пауэрсу обвинений, ни по той оценке преступления, которая дана ему государственным обвинителем".

Пауэре виновен в том, в чем его обвиняют, подчеркнул он, и мне стало ясно, на чем он собирается строить свою защиту: "Я буду прав, если скажу, что дело Пауэрса имеет международное значение, поскольку на скамье подсудимых помимо Пауэрса, одного из исполнителей вероломного и агрессивного акта против Советского Союза, должны сидеть и незримо присутствовать здесь, на скамье подсудимых, его хозяева: Центральное разведывательное управление во главе с Алленом Даллесом и американская военщина, а вместе с ними и все те темные, агрессивные силы, которые стремятся к развязыванию новой мировой войны".

Пауэрс, заявил он, был лишь "мелкой сошкой"; пусть непосредственным исполнителем, но не основным виновником.

Я отказался поносить Соединенные Штаты. Гринев делал это за меня.

Я еле скрывал отвращение. Одно я решил твердо: когда суд завершится, я так или иначе дам понять, что не имею к этому никакого отношения.

Существуют также смягчающие вину обстоятельства, перечислял Гринев: бедность семьи Пауэрса; "массовая безработица в Соединенных Штатах Америки"; "Пауэре, как и любой другой в Америке, воспитывался на поклонении "всесильному доллару"; "под влиянием этой морали Пауэрс жил в заблуждении, что деньги не пахнут..."

К смягчающим вину обстоятельствам он добавил следующее: Пауэрс еще молод, ему только что исполнился 31 год; когда он подписывал свой контракт с Центральным разведывательным управлением, он не знал истинной цели своего будущего задания; отравленный ложью американской прессы, он был дезинформирован о жизни в СССР.

На основании этих соображений Гринев просил суд смягчить приговор и "применить к Пауэрсу более мягкую меру наказания, чем та, которую требовал государственный обвинитель".

"Ваш приговор, — сказал он в заключение, — будет еще одним из многочисленных примеров гуманности советского суда и явится резкой противоположностью тому отношению к человеку, которое имеется у хозяев Пауэрса, — Центрального разведывательного управления, правящих реакционных сил Соединенных Штатов Америки, пославших его на верную смерть и желавших ему смерти".

Гринев окончил речь. Теперь оставались только мое последнее слово и приговор.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вам предоставляется последнее слово.

Я встал лицом к судьям. Свет от телевизионных камер был настолько ярок, что я с трудом разбирал текст своего заявления. Однако я так часто перечитывал его, что помнил все слова. Часть из них я произносил против воли, но некоторые были глубоко мною прочувствованы. Я мог только надеяться, что, читая их, американцы сумеют отличить одно от другого.

"Вы сейчас прослушали все относящиеся к делу доказательства, и вам предстоит решить, каким будет мое наказание. Я сознаю, что совершил тяжкое преступление и заслужил за него наказание. Я прошу суд взвесить все доказательства и принять во внимание не только тот факт, что я совершил преступление, но также и обстоятельства, побудившие меня к этому. Я также прошу суд принять во внимание тот факт, что никакая секретная информация не достигла своего назначения. Все эти сведения оказались в руках советских властей. Я сознаю, что русские люди считают меня врагом. Я могу понять это.

Но я хотел бы подчеркнуть тот факт, что лично я не питаю и никогда не питал никакой вражды к русским людям. Я обращаюсь к суду с просьбой судить меня не как врага, а как человека, который не является личным врагом русских людей, человека, который никогда еще не представлял перед судом ни по каким обвинениям и который глубоко осознал свою вину, сожалеет о ней и глубоко раскаивается. Благодарю вас.

Председательствующий: Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Было 12 часов 50 минут. Меня сразу же повели обедать, но я не мог есть. Мысль о том, что после оглашения приговора я увижусь со своей семьей, придавала мне силы смотреть в будущее. Но гнев на Гринева не покидал меня. Он подавлял то чувство облегчения, которое я должен был бы испытывать, узнав, что не умру.

Гринева всеми силами старался сделать из моего процесса политическое дело. Гринева свободно допускал то, чего не смог доказать Руденко. Гринева пренебрегал моими показаниями, но не смог вытянуть из меня так называемое признание о том, что мне было приказано убить себя. Игнорируя это, Гринева заявил, что я получил такой приказ, как если бы это был установленный факт.

Он пошел еще дальше, прозрачно намекая на то, будто ЦРУ знало, что меня собьют и надеялось таким образом подготовить почву для срыва совещания в верхах. В качестве доказательств он приводил заявления, каких я никогда не делал, вырывая фразы из контекста допросов, что придавало сказанному мной совершенно иной смысл. Так, однажды я заметил, что, когда я вернусь в Соединенные Штаты, меня, возможно, и там будут судить за разглашение подробностей моего контракта с ЦРУ. На самом деле я так не думал и сказал это для того, чтобы придать больше правдоподобия своим колебаниям при ответах. При этом я добавил: "Но это меня мало волнует, ибо похоже на то, что я не вернусь домой". Под этим подразумевалась моя уверенность в том, что меня расстреляют.

Гринева преподнес это так, словно я намеревался остаться в Советском Союзе.

Но хуже всего было то, что, выступая от моего лица, Гринева представил дело таким образом, что он нападает на Соединенные Штаты с моего ведома и что я согласен с этими нападками.

Однако теперь я получу возможность говорить. Я увижусь со своей семьей, и мои близкие сообщат прессе, что я полностью отмежевываюсь от моего "защитника" и от его обвинений.

Не следует ли мне пойти еще дальше и попытаться передать им устно мое сообщение для Управления?

Я надеялся, что нас оставят одних, но все-таки сомневался в этом. Я сумел вставить в свои показания на процессе значительную часть тех сведений, которые хотел бы передать Управлению. Как бы тщательно я ни подбирал слова, такое сообщение поставило бы мою семью под угрозу. Я решил этого не делать.

Мое возмущение Гриневым имело один положительный результат: оно помогло мне скоротать время. В 5 часов 30 минут

вечера, четыре часа 40 минут спустя после того, как судьи удалились на совещание, меня снова пригласили в зал суда.

Пока я стоял, ухватившись за деревянные перила, расположенные по обе стороны скамьи подсудимых, председательствующий зачитывал приговор. Это был длинный, очень длинный документ, и я даже заподозрил, что он был написан заранее, а не за те несколько часов, пока судьи совещались. Тот факт, что его распространили уже напечатанным среди корреспондентов немедленно после закрытия заседания суда, пожалуй, подтверждает это. Снова были перечислены обвинения, из чего стало очевидно, что судьи не только полностью согласны с заключениями обвинителя, включая показания "экспертов", но в ряде случаев пошли еще дальше Руденко. Например, они заявили, будто "последующие события подтвердили, что агрессивное вторжение самолета-разведчика "У-2" в воздушное пространство Союза ССР 1 мая было преднамеренно подготовлено реакционными кругами Соединенных Штатов Америки, чтобы сорвать парижское совещание в верхах, не допустить смягчения международной напряженности, оживить одряхлевшую и ненавистную всем народам политику "холодной войны".

Я был виновен не только в шпионаже, но и во всем этом.

Так вместе со мной на скамье подсудимых оказались Соединенные Штаты Америки.

Судья заканчивал свою речь. Это чувствовалось по его тону и передавалось аудитории. Все замерли.

"Заслушав все свидетельские показания и изучив все вещественные доказательства, — сказал судья, — Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР считает установленным, что подсудимый Пауэрс в течение длительного времени являлся активным секретным агентом Центрального разведывательного управления США, непосредственно выполнявшим шпионские задания этого управления против Советского Союза, а 1 мая 1960 года с ведома правительства Соединенных Штатов Америки на специально снаряженном военном разведывательном самолете "У-2" вторгся в воздушное пространство Союза ССР и с помощью особой радиотехнической и фотографической аппаратуры собрал сведения стратегического значения, составляющие государственную и военную тайну Советского государства, чем совершил тяжкое преступление, предусмотренное статьей 2 Закона Союза ССР "Об уголовной ответственности за государственные преступления".

Фоторепортеры придвинулись ближе. Я был полон решимости не выдать своих чувств, каким бы ни оказался приговор. Но мои пальцы еще крепче сжали поручни барьера.

"Вместе с тем, — продолжал судья, — оценивая все обстоятельства данного дела, по внутреннему убеждению в их взаимосвязи, учитывая чистосердечное признание Пауэрсом своей виновности и его искреннее раскаяние в содеянном, исходя из принципов социалистического гуманизма, руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Пауэрса Фрэнсиса Гарри на основании статьи 2 Закона Союза ССР "Об уголовной ответственности за государственные преступления" лишить свободы на десять лет..."

Я не слышал остального. Я искал глазами своих близких, но в смятении не мог разглядеть их. Присутствующие в зале стоя аплодировали. Потому ли, что приговор им показался достаточно суровым или, наоборот, гуманным? Не знаю.

Лишь когда меня вывели из зала суда, я вдруг осознал всю тяжесть приговора.

Десять долгих лет!

В комнате, куда меня ввели, уже находились мои мать, отец, сестра Джессика, Барбара и ее мать. Я не мог справиться с собой. Увидев их, я не выдержал и зарыдал. Все они тоже плакали.

Мои надежды на встречу наедине оказались слишком оптимистичными. Кроме четырех охранников, двух переводчиков и врача в первые несколько минут здесь присутствовало полдюжины советских фоторепортеров.

Посередине комнаты стоял накрытый стол: бутерброды, икра, свежие фрукты, содовая вода, чай. Никто из нас не притронулся к еде. Мы только смотрели друг на друга. Три

с половиной месяца мы ждали этого момента, боялись, что он может не наступить, и все же обдумывали слова, которые скажем при встрече. Теперь же, когда наступила эта минута, мы забыли обо всем. То продолжительное молчание, то вдруг все начинали говорить разом. Я и не знал, что так сильно соскучился по южному говору, пока не услышал их всех пятерых.

Большей частью это был обычный, ничего не значащий домашний разговор, но я уже давно так не разговаривал. Семейные новости. Приветы от сестер, племянниц и племянников. Рассказ о том, как наша собака Эк привыкает к Милледжвилу. Обсуждения: продавать ли машину? арендовать или покупать дом? переправлять ли мебель из Турции?

С того момента, как Руденко заявил, что не будет требовать смертной казни, я ожидал максимального срока 15 лет.

Теперь я узнал конец моего приговора, который я не расслышал в зале суда: десять лет с отбыванием первых трех лет в тюрьме. Это означало, объяснил переводчик, что после трехлетнего тюремного заключения меня могут направить в какой-нибудь исправительно-трудовой лагерь, расположенный в глубине России. По особому разрешению моя жена могла бы поселиться неподалеку и навещать меня "время от времени". Один американский юрист сказал моему отцу, что я имею право просить о переводе в трудовой лагерь после того, как отсижу в тюрьме полсрока. Срок отбытия наказания засчитывался с момента моего задержания, следовательно, я уже отсидел больше трех с половиной месяцев. Конечно, были испробованы и другие возможности облегчить мою участь. Мои родственники обращались и к Л. И. Брежневу, и к Н. С. Хрущеву, пытались встретиться с последним, но он в то время отдыхал на Черном море.

Мы как драгоценность лелеяли малейшую надежду, которую давал нам текст приговора. Но слова "десять лет" нависли дамокловым мечом.

Мы пытались строить планы, но слишком многое оставалось еще не ясным. Барбара хотела остаться в Москве и устроиться на работу в американское посольство.

Я был против: не было никакой уверенности, что ей разрешат свидания со мной; кроме того, скоро меня должны перевести в тюрьму, постоянное место моего заключения, расположенную за пределами Москвы, но когда и куда, мне не сказали.

Я узнал еще кое-какие новости. 1 июля где-то над Баренцевым морем русские сбили "РБ-47". Советский Союз заявил, что самолет нарушил границу; Соединенные Штаты утверждали, что граница не

нарушалась. Пилот был убит; двое других оставшихся в живых членов экипажа, капитаны Фримэн В. Олмстед и Джон Р.Маккоун, были задержаны русскими.

Я не знал ни одного из этих людей, но понимал, каково им было обоим.

Мама дала мне Новый завет. Один из охранников забрал его. "Книгу нужно осмотреть", - объяснил переводчик. Барбара принесла дневник, о чем я просил ее в одном из своих писем. Его тоже взяли. Интересно, чего опасались мои охранники: то ли они думали, что в вещах спрятаны письма, то ли считали, что члены моей собственной семьи намереваются подсунуть мне отраву?

Заметив, что я без часов, отец предложил мне свои. "Нет, - сказал я. - Видимо, мне не разрешат их носить, а, если и разрешат, я все буду смотреть и смотреть на время".

Мою маму взволновало, что я похудел. Меня же беспокоило ее здоровье. Все говорило о том, что они невероятно измотаны, особенно Барбара. Ее лицо опухло, будто она беспрерывно плакала или - мне не хотелось об этом думать — сильно пила.

Трения между Барбарой и моими родителями были очевидны, хотя их причина оставалась для меня загадкой. Я решил, что если мне разрешат их снова повидать (а переводчик сказал, что это возможно), я постараюсь устроить так, чтобы они пришли ко мне поодиночке.

Переводчик предупредил нас, что положенный нам час почти истек.

Я сказал родным, что у меня есть сообщение для прессы. Обвинения Гринева в адрес Соединенных Штатов - неожиданный удар для меня. Я ничего не знал о тех аргументах,

которые он использовал, пока не услышал их в суде. Я полностью отмежевываюсь от этих заявлений и от него самого. Что же касается его слов о том, что я могу остаться в Советском Союзе, то я с радостью уеду из России тотчас же, как мне позволят это сделать. Я американец и я горжусь этим.

Наш час истек. Охранники увели меня.

Вечером мне вернули Новый завет и дневник, который я вел уже пять лет. Эти вещи мне понадобятся, пока я буду отсиживать свой срок.

Я боялся, что, начав писать, дам волю зажатым в кулак чувствам. Моя первая запись получилась нарочито краткой:

"19 августа 1960 года. Последний день суда. Десять лет. Виделся один час с женой и родителями".

Вторые похороны Сталина

Вниманию читателей предлагается фрагмент из книги воспоминаний генерал-полковника Н.С. Захарова "Сквозь годы" (Тула, изд. "Гриф и К", 2003); ее автор был первым заместителем председателя КГБ при СМ СССР, начальником 9-го Управления КГБ (охрана правительства) в тот же период, когда АМ.Гуськов возглавлял 3-е управление КГБ при СМ СССР. Описываемое автором событие, очевидцем которого он был лично, не имело непосредственного отношения к служебной деятельности А.М. Тем не менее, это было знаковое событие и для того времени, и для сегодняшнего дня, ибо касалось памяти человека, с именем которого связывают триумф и трагедию нашей страны, нашего народа, отечественных органов государственной безопасности...

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ СЪЕЗД КПСС проходил в Кремле с 17 по 31 октября 1961 года в только что отстроенном Дворце Съездов. Я был избран делегатом от Московской партийной организации и имел право решающего голоса. Казалось, страна оправилась от шока, вызванного разоблачения-

ми преступлений сталинизма. В целом, критике культа личности внимание уделялось, но активность ораторов была уже не такой яркой, как несколько лет назад. Да и на ряде следственных материалов, касающихся расследования преступлений тех лет, вновь появился гриф "секретно". Даже в высоких общественных кругах боязнь неожиданно оказаться за решеткой притупилась, но не исчезла. Стране необходимо было преодолеть страх возвращения к прошлому.

Вопрос о перезахоронении Сталина поднимался неоднократно. Видимо, поэтому на съезде и готовилось решение о выносе саркофага Сталина из Мавзолея и перезахоронении его тела у Кремлевской стены. Как полное и окончательное прощание с "отцом народов" и его эпохой.

Мы с комендантом Кремля генерал-лейтенантом Андреем Яковлевичем Ведениным о готовящемся решении узнали раньше принятого на съезде постановления. В начале работы последнего дня партийного форума нас пригласил в комнату президиума Н.С. Хрущев и сказал: "Прошу иметь в виду, что сегодня, вероятно, состоится решение съезда партии о перезахоронении Сталина".

"Место обозначено. Комендант Мавзолея знает, где рыть могилу, - добавил Никита Сергеевич. - Решением Политбюро ЦК КПСС создана комиссия из пяти человек во главе со Шверником: Мжаванадзе - секретарь ЦК компартии Грузии; Джавахишвили - председатель Совета Министров Грузии; Шелепин - министр; Демичев - секретарь Московского обкома партии и Дыгай - председатель Моссовета. Дальнейшие инструкции вы получите от товарища Шверника. Обратитесь к нему. Необходимо, чтобы перезахоронение прошло без шума, работу надо закончить сегодня вечером".

Далее нас собрал Шверник и подсказал, как тайно организовать перезахоронение. Поскольку 7 ноября предстоял парад на Красной площади, то под предлогом репетиции парада ее следовало оцепить, чтобы туда никто не проник.

После совещания со Шверником необходимо было отдать поручения по выполнению секретного распоряжения. Общий контроль за ходом работ был поручен моему заместителю - генералу Чекалову. Командиру отдельного полка специального назначения комендатуры Московского Кремля Коневу было приказано в столярной мастерской сделать из хорошей сухой древесины гроб по размерам, которые имеются у коменданта Мавзолея Машкова.

Гроб сделали в тот же день. Древесину обтянули черным и красным крепом, так что выглядел он очень неплохо и даже богато. От комендатуры Кремля к 18 часам было выделено шесть солдат для рытья могилы и восемь офицеров для того, чтобы выносить саркофаг из Мавзолея в лабораторию, а уж потом гроб с телом установить в могилу. Ввиду особой деликатности поручения я попросил генерала А.Я. Веденина подобрать людей надежных, проверенных и ранее хорошо себя зарекомендовавших. Веденин, в прошлом командир стрелковой дивизии, был старый служака и прекрасно знал, как ему подобрать людей. Всех отобранных тщательно проинструктировали и предупредили о неразглашении поручаемой им работы. Нашлось дело и для начальника хозяйственного отдела 9-го Управления полковника Тарасова. Для маскировки ему было поручено закрыть фанерой правую и левую стороны за Мавзолеем, чтобы место работы не просматривалось со стороны.

В то же время в мастерской Арсенала художник Савинов изготовил широкую белую ленту с буквами "ЛЕНИН". Ею надо было закрыть на Мавзолее надпись "Ленин-Сталин", пока не сделали постоянную надпись из мрамора.

Председателю Моссовета Дыгаю было поручено подготовить десять бетонных плит. Одиннадцатая плита была мраморной с лаконичной надписью "СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ 1879-1953", ею должны были закрыть могилу.

В 18.00 проходы на Красную площадь были закрыты, после чего солдаты принялись рыть могилу...

Я присутствовал в зале съезда, когда в конце рабочего заседания на трибуну поднялся 1-й секретарь Ленинградского обкома партии Спиридонов и после краткого выступления внес предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея. Председательствовал Н.С. Хрущев: "Вопрос серьезный, его надо проголосовать. Нет возражений?" "Нет", - раздаются голоса. "Тогда я

ставлю на голосование. Кто за предложение, внесенное товарищем Спиридоновым, прошу поднять руки. Хорошо, — произнес Хрущев. — Кто против? Нет! Кто воздержался? Тоже нет. Предложение принято единогласно". В зале съезда установилась тишина, как будто делегаты ждали еще чего-то. Хрущев оборвал затянувшуюся паузу и, сказав несколько слов о перезахоронении, объявил работу съезда законченной.

Но единодушие делегатов было кажущимся. Сразу после голосования член комиссии Мжаванадзе сел в самолет и поспешно улетел в Грузию. Поэтому участия в перезахоронении он не принимал.

А на Красной площади активно шли приготовления. Подвезли бетонные плиты, которыми обложили яму, а затем обшили ее изнутри фанерой. Работа была выполнена очень аккуратно.

Шверник меня предупредил, что комиссия приедет к 21.00. Шелепин и Демичев приезжали заранее и интересовались ходом работ. Чувствовалось нетерпение и желание поскорее закончить эту неприятную процедуру.

Когда все члены комиссии, кроме Мжаванадзе, в 21 час прибыли в Мавзолей, Сталин в форме генералиссимуса еще лежал на постаменте в саркофаге. Восемь офицеров взяли саркофаг и понесли его вниз, в подвал под Мавзолеем, где размещается лаборатория. Кроме членов комиссии здесь же находились научные сотрудники, которые до этого наблюдали за состоянием бальзамирования Сталина. Но в этой ситуации их знания и опыт были уже бесполезны. С саркофага сняли стекло, и офицеры аккуратно переложили тело Сталина в гроб.

Помню, заметил, что даже на бальзамированном лице Сталина все равно прорисовывались оспинки...

Никто не приказывал Сталина раздевать. Не только мундир генералиссимуса, но и вообще никакой одежды на нем не трогали. Единственное, Шверник приказал снять с мундира Золотую Звезду Героя Социалистического Труда (другую свою награду — Звезду Героя Советского Союза Сталин никогда не носил, поэтому в саркофаге ее не было). Еще председатель комиссии распорядился заменить золотые пуговицы мундира на латунные. Все это выполнил комендант Мавзолея Машков. Снятую награду и пуговицы он передал в специальную охранную комнату, где хранились награды всех захороненных у Кремлевской стены.

Но вот драматическая ситуация начала приближаться к развязке. Когда гроб с телом Сталина накрывали крышкой, Шверник и Джавахишвили зарыдали. Потом гроб подняли, и все двинулись к выходу. Расчувствовавшегося Шверника поддерживал телохранитель, за ним шел Джавахишвили. Плакали только двое.

В обитую фанерой могилу офицеры осторожно опустили гроб. Кто-то бросил пядь земли, как полагается, по-христиански. Могилу зарыли. Сверху положили ту самую плиту из белого мрамора. Потом она еще долго накрывала могилу, пока не поставили бюст.

Захоронив Сталина, мы со всей комиссией вернулись в Кремль, где Шверник дал подписать акт о перезахоронении Сталина. Потом я вместе с офицерами и научными работниками лаборатории вернулся в Мавзолей. Нужно было еще поставить саркофаг Ленина на центральное место, туда, где он стоял до траурных событий марта 1953 года, когда по соседству был установлен саркофаг Сталина.

Тем временем у Кремлевской стены демонтировали маскировочный экран из фанеры, ограждавший Мавзолей по сторонам, произвели уборку. К утру было такое ощущение, что ночью ничего не произошло, а Сталин всегда покоился у Кремлевской стены.

Для делегатов съезда в тот вечер давали оперу.

В 1817 году император Александр I решил убрать в Кремле храм потому, что находился он прямо на Ивановской площади и мешал проведению военного парада в честь пребывания в Москве прусского короля Фридриха Вильгельма III. После обращения к преосвященному Августину, митрополиту московскому, и неоднократных отказов в просьбе, все же было дано распоряжение: приступить к ломке собора по наступлению ночи, а к утру не только сломать, но и очистить и выровнять место. Как полагал митрополит: "Я знаю Москву: начни ломать обыкновенным образом, толков не оберешься. Надо удивить неожиданностью, и все замолчат". Голстунский собор, действительно, исчез в одну ночь. Много лет спустя в одну ночь был захоронен символ эпохи, тело Сталина было предано земле.

Как знать, понадобится ли этот опыт в третий раз?!

Встреча с «Янгом» в Арбатском переулке

Поскольку основное содержание шпионской деятельности О. Пеньковского составляли сбор и передача противнику военных секретов страны "особой важности", пресечением этой деятельности (а также нейтрализацией причиненного ею ущерба) занимался и Третий главк КГБ при СМ СССР, который в тот период возглавлялся А.М. Гуськовым. Материал об агенте "Янге" ("Йоге", "Герое") приводится по совместному изданию ФСБ РФ и Московского городского объединения архивов "ЛУБЯНКА 2. Из истории отечественной контрразведки" (М., 1999. С. 272 - 283).

Ниточка знаменитого шпионского дела, имевшего громкий резонанс в СССР и за рубежом в 60-х годах, попала в руки контрразведчиков морозным январским днем 1962 года. Было ли это счастливой случайностью для людей с Лубянки? Нет. Весь предшествующий ход событий показывал, что разоблачение иностранного агента было лишь делом времени.

Еще осенью шестьдесят первого года наружная разведка зафиксировала, что супруга второго секретаря английского посольства Анна Чизхолм с завидным постоянством и регулярно посещает в одно и то же время магазины на Арбате. Для наблюдения за ее действиями и вообще за четой Чизхолмов у

сотрудников КГБ были достаточно веские основания, так как они были известны советской спецслужбе во время пребывания в Западном Берлине.

В 1954-1956 годах Родрик Чизхолм являлся сотрудником резидентуры СПС и «засветил» себя перед советской военной контрразведкой активной работой среди советских граждан, особенно военнослужащих. Имелись данные, что помощь в разведработе ему оказывает жена — Анна Чизхолм.

В июне 1955 года Р. Чизхолма срочно отозвали из Западного Берлина, скорее всего по причине провала его коллеги по английской разведке.

Обоснованно считая, что Р. Чизхолм направлен в СССР для ведения разведывательной работы с позиций посольской резидентуры, контрразведка КГБ начала его активное изучение.

Сразу же стали поступать данные, свидетельствующие о его стремлении к установлению и расширению контактов с советскими гражданами, их подробных расспросах и политической обработке. Наружное наблюдение за Чизхолмом и его супругой фиксировало действия, похожие на проведение разведывательных операций, а также неоднократные попытки выявить слежку и уйти от нее.

30 декабря 1961 года оперативный сотрудник, осуществлявший наблюдение за Анной Чизхолм, отметил, что в 16.10 она вошла в подъезд дома по Малому Сухаревскому переулку. Спустя 20 — 30 секунд Чизхолм вышла из подъезда и направилась в сторону Цветного бульвара. Но интуиция подсказала сотруднику, что необходимо все же задержаться. И он не ошибся.

С промежутком еще в 30 секунд из того же подъезда вышел неизвестный мужчина, остановился и в течение нескольких минут смотрел в сторону уходящей Чизхолм, а затем вновь вошел в подъезд.

В 16.35 он вышел из подъезда и, профессионально проверяясь от возможной слежки, направился в сторону Цветного бульвара. Перейдя бульвар, он вошел в проходной двор, где оторвался от наблюдения. В тот же день по описанию сотрудника был составлен словесный портрет неизвестного и передан в бригады наружного наблюдения.

19 января 1962 года Анна Чизхолм, заходя, как обычно, в магазин на Арбате, дошла до Арбатского переулка и, посмотрев на часы, в 13.00 вошла в подъезд дома № 4. Вслед за ней в подъезд вошел мужчина, по приметам похожий на неизвестного, оторвавшегося от наружного наблюдения 30 декабря.

С интервалом в 30 — 40 секунд из подъезда вышла сначала Чизхолм, а затем — неизвестный, который направился в сторону Арбата.

Путешествуя около получаса по улицам города и усиленно проверяясь на предмет возможной слежки, мужчина пришел на улицу Горького (ныне—Тверская) в здание Госкомитета СМ СССР по координации научно-исследовательских работ (ГК по КНИР).

После окончания рабочего дня он вышел из здания Госкомитета, общественным транспортом приехал на набережную Максима Горького и вошел в жилой дом № 36.

Неизвестный оказался 43-летним полковником Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии Олегом Владимировичем Пеньковским.

Перед контрразведкой встала задача разобраться, появляется ли Пеньковский в местах, где бывает Анна Чизхолм, случайно и, если нет, какой характер носят его контакты с англичанкой?

Параллельно с наблюдением за Анной Чизхолм велось и изучение личности Пеньковского, анализировалась его деятельность в аппарате ГРУ и ГК по КНИР.

Составить психологический портрет проверяемого чекистам помогли люди, его знавшие, которые отмечали, что он человек умный, обладает организаторскими способностями, но в то же время тщеславен и честолюбив. Многие его поступки диктовались стремлением быть замеченным начальством, найти высокопоставленного покровителя и сделать карьеру. Добиваясь поставленной цели, он мог заискивать и лгать. В его биографии оказалось немало неприглядных фактов.

Карьере Пеньковского отчасти способствовала его женитьба на дочери известного генерала. Хотя тесть, наблюдая не очень благополучную семейную жизнь дочери и понимая порочность натуры зятя, не предпринимал реальных усилий к его продвижению по служебной лестнице, сам же Пеньковский широко афишировал свои родственные узы, прежде всего, для решения меркантильных вопросов.

Друзья и коллеги подчеркивали, что Пеньковский бывает болтлив, двуличен, может солгать даже по незначительному поводу, способен быстро заводить знакомства и сближаться с людьми. Его окружение было очень пестрым: от маршала до продавца магазина, а увлечения сводились к посещению ресторанов и любовным похождениям. Так, на манер бывших московских кутил и купчиков он пил шампанское из тупельки одной из своих «подружек».

В процессе изучения также было установлено, что Пеньковский проявляет постоянный интерес к информации, в том числе и закрытой, которая не требовалась ему по роду исполняемых служебных обязанностей. Не остался незамеченным и тот факт, что, работая с секретной литературой в отдельном помещении, он закрывается на замок.

В конце марта Пеньковский в числе других сотрудников ГК по КНИР получил приглашение на прием в английское посольство. Так как на этом мероприятии находились супруги Чизхолм, не исключалась возможность кратковременного контакта между ними.

Не случайно сразу после приема в посольстве Чизхолм прекратила регулярные поездки в район Арбата.

Вся полученная информация не давала еще оснований утверждать, что Пеньковский поддерживает с англичанами преступную связь, и требовала более тщательной проверки. Помимо осуществления оперативных действий были приняты меры, затрудняющие доступ подозреваемого к секретным материалам, сужен круг сотрудников ГК по КНИР, посещающих официальные приемы в иностранных представительствах. Пеньковский под благовидным предлогом был лишен поездок за границу.

Квартиру Пеньковского оборудовали техникой слухового контроля, а с противоположного берега Москвы-реки велось визуальное наблюдение с применением специальной телескопической кинофототехники и приборов ночного видения. Результаты не заставили себя долго ждать. Эффект был потрясающим.

В один из вечеров слуховой контроль зафиксировал работу в квартире транзисторного приемника, передававшего сигналы при помощи азбуки Морзе. Пост визуального наблюдения сообщал одновременно, что Пеньковский, сидя за столом рядом с транзистором, что-то быстро записывает. Анализ сигналов азбуки Морзе и данных радиоперехвата позволил сделать вывод, что они принадлежат франкфуртскому радиоцентру американской разведки и проводятся для неизвестного агента с октября 1961 года в промежутке с 0 до 0.30 часов. В зависимости от времени года изменяется их частота. Пост

визуального контроля докладывал также, что в один из приходов домой в обеденное время Пеньковский производил на подоконнике манипуляции, напоминающие фотографирование. Как было установлено, в этот день он посещал специальную библиотеку ГРУ и брал секретные сборники. Получив в очередной раз сообщение, что Пеньковский направляется из ГРУ на такси домой, по прибытии его на квартиру удалось сфотографировать все его действия по пересъемке материалов, полученных в библиотеке.

Сомнений в сотрудничестве Пеньковского с иностранной разведкой практически не оставалось. Контрразведчики одновременно отработывали версию, что, прекратив встречаться с А. Чизхолм в городе, он, по всей видимости, мог контактировать с ней на официальных приемах или передавать информацию через тайник. Изучалась другая версия: или существует еще один неизвестный канал связи, или же английская разведка, практиковавшая личные встречи с Пеньковским, в ближайшее время все же постарается установить с ним контакт. Важно было своевременно зафиксировать очередной ее ход.

Из контактов Пеньковского рассматривалась связь с английской разведкой через коммерсанта Грэвилла Винна, с которым он встречался по служебным делам. В конце концов, была получена информация, что в начале июня Винн собирается быть в Москве. Узнав о приезде Винна в Москву, контрразведка приготовилась к «встрече» по всем правилам необходимых в таких случаях оперативных мероприятий.

В столице СССР Винн под контролем контрразведки провел несколько конспиративных встреч с Пеньковским в ресторанах и в гостинице «Украина». На одной из них Пеньковский высказал недоумение, почему вместо иностранной валюты, которая могла ему понадобиться в случае бегства за границу, прислали советские рубли. Он выражал обеспокоенность своей судьбой, а Винн успокаивал его, ссылаясь на помощь «друзей» из английского посольства. Из содержания бесед было ясно, что через три-четыре недели в английском посольстве произойдет смена дипломатов и придет новый человек, который продолжит работу с Пеньковским.

Контрразведчикам предстояло точно установить место хранения шпионского снаряжения, инструктивных писем, шифровальных блокнотов и попытаться провести задержание Пеньковского с поличным во время операции по связи.

Утром 6 июля Пеньковский приехал для проводов Винна в аэропорт. Подошел к нему не сразу, а только тогда, когда внимательно осмотрелся и убедился, что англичанин прибыл без «сопровождения». Винну бросился в глаза жалкий вид и угнетенное состояние Пеньковского. Когда сели на скамейку к зале ожидания, Винн поинтересовался, что все-таки вчера случилось. Пеньковский ответил, что, как ему показалось, он видел слежку за Винном.

Далее он рассказал, что в ГК по КНИР один из ответственных сотрудников выразил недоумение по поводу частых приездов Винна в Союз, которые не имеют никаких практических результатов. Пеньковский в связи с этим просил Винна пока воздержаться от командировок в Москву. Разговор между ними вновь зашел о том, чем занимался Пеньковский, сотрудничая с английской разведкой. Он рассуждал о своей роли и выражал уверенность, что действует в интересах сближения позиций Запада и СССР. Несколько раз он возвращался к теме перехода на нелегальное положение и бегства из страны.

Проводив Винна, Пеньковский, как он полагал, сделал довольно хитрым ход: вышел на известного ему сотрудника КГБ и сообщил, что обнаружил за коммерсантом слежку. При этом обиженным тоном

выразил недоумение, почему его не поставили в известность и не попросили о помощи, если англичанин действительно представляет оперативный интерес для органов безопасности. Сотрудник ответил, что ему об этом ничего не известно. При этом он высказал предположение, что КГБ, возможно, установил наблюдение за Винном как за подозрительным иностранцем. Доверительный тон и дружеское расположение сотрудника КГБ, как казалось, несколько успокоили Пеньковского.

И все-таки он находился в нервном состоянии, поэтому чекисты не исключали, что он может перейти на нелегальное положение. Были приняты меры, которые сводили осуществление такого замысла к минимуму.

Поскольку в середине июня супруги Чизхолм выехали из Советского Союза, контакты с агентом Пеньковским, как показали дальнейшие события, стали поддерживаться новыми разведчиками американцем Роднеем Карлсоном и англичанином Гервеем Кауэллом, работавшими под «крышами» своих посольств в Москве.

С Карлсоном Пеньковский познакомился еще в июне на одном из приемов в американском посольстве. Их контакт был зафиксирован, но контрразведка не соотнесла его напрямую со шпионской деятельностью Пеньковского, так как до сих пор были выявлены его преступные связи только с англичанами.

Для того чтобы снизить настороженность, Пеньковскому не воспрепятствовали присутствовать на приеме в американском посольстве, устроенном по случаю пребывания в СССР делегации табачных фирм США. Учитывая, что англичан на приеме не было, "присмотр" за Пеньковским не был плотным. Как потом установили, именно тогда он смог конспиративно обменяться с Карлсоном разведывательными материалами. Произошло это в туалетной комнате. Среди переданных Пеньковскому материалов находилось инструктивное письмо, в котором говорилось, что в случае отъезда Карлсона из Союза в контакт с ним вступит жена Г'. Кауэлла Памелла. При встрече он получил паспорт на имя Бутова для перехода на нелегальное положение, если ситуация будет угрожающей.

Побывав на нескольких приемах и проводя успешно операции по связи с американцами, Пеньковский отчасти успокоился и продолжал сбор разведывательных материалов.

В конце июля - начале августа служба слухового контроля зафиксировала прием Пеньковским односторонних радиопередач разведцентра. Пост визуального контроля докладывал несколько раз, что он выдвигал ящик письменного стола и доставал какие-то предметы из глубины проема.

Через несколько дней с помощью специальной наружной фотокамеры было установлено, что в тайнике, оборудованном в письменном столе, Пеньковский хранит фотоаппараты "Минокс", шифровальные блокноты, записи радиосигналов и другие шпионские атрибуты. Было принято решение максимально затруднить его связи с иностранной разведкой. Осуществлению плана неожиданно помогла болезнь Пеньковского.

В августе своим знакомым и сослуживцам он стал жаловаться на недомогание, вызванное обострившимся кожным заболеванием. В поликлинике, куда он обратился за медицинской помощью, ему было настоятельно рекомендовано пройти специальный курс обследования и лечения. Пеньковский воспользовался врачебным советом и лег в госпиталь, где находился под постоянным наблюдением.

С учетом того, что практически все обстоятельства, связанные со шпионской деятельностью Пеньковского, были выявлены, а его переход на нелегальное положение стал реальностью (после выхода из госпиталя он поставил свою подпись в соответствующей графе фиктивного паспорта на имя

Бутова), 22 октября 1962 года руководство КГБ приняло окончательное решение о его негласном задержании.

Конспиративность ареста была обеспечена с помощью сотрудника КГБ,, которого хорошо знал Пеньковский. «Случайно» встретившись у входа в Госкомитет, оба остановились у проезжей части, рядом с автомобилем, дверь которого открылась, и из него окликнули Пеньковского. Он наклонился, чтобы рассмотреть обращавшегося... и моментально оказался в машине, уже увозившей его в здание на Лубянке.

Сослуживцам Пеньковского сказали, что он повторно лег на обследование в госпиталь. Его родственники, по просьбе КГБ, должны были отвечать так же.

Сразу после задержания на квартире Пеньковского был проведен обыск и изъято все, что имело отношение к его сотрудничеству с иностранными разведками.

С первых же минут пребывания в КГБ Пеньковский начал давать показания следователю о своей шпионской деятельности. Он написал покаянное письмо на имя руководства Комитета госбезопасности, прося о возможности искупить вину и оказать помощь в разоблачении работавших с ним сотрудников английской и американской разведок.

На основе полученной от Пеньковского информации были разработаны планы захвата с поличным в ходе тайниковой операции американских разведчиков, действовавших под прикрытием посольской резидентуры, а также ареста связника СИС Г. Винна.

На одном из допросов Пеньковский показал, что в Москве, в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице американской разведкой подобрано место для тайника: контейнер в виде спичечной коробки, обернутый зеленой бумагой под цвет стен подъезда, который прикрепляется к отопительной батарее при помощи проволоочки. Тайник предполагалось использовать для экстренной связи. Сигналами вызова разведчиков к тайнику служила метка в виде черного круга, которую нужно было поставить на осветительном столбе № 35 напротив дома № 18 по Кутузовскому проспекту, со стороны проезжей части, и звонки по двум номерам телефонов.

Для проведения операции по захвату с поличным были осуществлены необходимые подготовительные мероприятия. Место тайника оборудовали сигнализацией, которая срабатывала при изъятии контейнера и подавала сигнал группе захвата. В соседнем подъезде, в помещении обувного магазина, установили фотовизуальную технику, которая позволяла произвести съемку разведчика при входе в подъезд, при приближении к тайнику и при изъятии контейнера. На Кутузовском проспекте, у дома № 18, были оборудованы закрытые посты для наблюдения за «снятием» метки. Одновременно по дипломатическим каналам, а также на уровне руководителей органов госбезопасности и прокуратур СССР и ВНР была достигнута договоренность о задержании на территории Венгрии Г. Винна.

В Москве события развивались со стремительной быстротой.

Хроника выглядела так:

2 ноября в 5.10 сотрудник КГБ, загримированный под Пеньковского, поставил метку на столбе № 35 у дома № 18 по Кутузовскому проспекту.

В 5.20 был заложен тайник в доме № 5/6 по Пушкинской улице.

В 8.50 сотрудником КГБ был дважды набран номер телефона, установленного в квартире помощника военно-воздушного атташе при американском посольстве Дэвисона, и дважды трубка клалась на рычаг. Таким же образом были произведены звонки в квартиру офицера безопасности посольства США Монтгомери.

После этого технической службой КГБ были зафиксированы несколько условных разговоров между Монтгомери и Дэвисоном.

В 9.20 пост наружного наблюдения у дома № 18 отметил, что мимо столба медленно проехал на своей автомашине помощник военно-воздушного атташе Дэвисон. Поставив машину, он дважды прошел мимо столба, после чего уехал в посольство.

В 15.15 один из постов наружного наблюдения зафиксировал прибытие на автомашине в проезд Художественного театра секретаря посольства США Джермена и секретаря-архивиста Джэкоба. Джермен вошел в магазин «Политическая книга», а Джэкоб, повернув за угол, направился к подъезду дома № 5/6 по Пушкинской улице. Группа захвата, располагавшаяся в автофургоне, приготовилась к задержанию...

В подъезде все действия Джэкоба были зафиксированы на фотопленку и задокументированы в присутствии понятых. После задержания его доставили в отделение милиции, где был составлен акт, и в присутствии сотрудника МИД СССР передали советнику посольства США Дэвису.

О проведенной операции было сообщено оперативной группе, выехавшей в Венгрию. Второго ноября венгерские власти задержали Винна в Будапеште, где он находился с передвижной выставкой, и в соответствии с соглашением о правовой помощи выдали советской стороне.

Буквально с первого же допроса Винн признал себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 65 УК РСФСР "Шпионаж", и начал давать показания.

В ходе следствия по делу Пеньковского были установлены причины его предательства, детали вербовки и работы на иностранные разведки. Выяснилось, что после отвода кандидатуры Пеньковского в качестве военного атташе в Индии в октябре 1960 года он принял окончательное решение обратиться к американской разведке с предложением своих услуг.

Тогда же Пеньковский подготовил на пишущей машинке письмо правительству США, в котором высказал желание оказывать помощь американской разведке и просил заинтересованных лиц выйти с ним на связь. «Можете не сомневаться, что я отдам все силы, знания и жизнь, выполняя свой новый долг», — писал он в своем послании, переданном в посольство США в Москве через встреченных на улице американских туристов.

Очевидно, в разведке США, проанализировав письмо, не восприняли его всерьез, подозревая в нем "руку КГБ". Поэтому на связь с ним никто не вышел.

В ноябре 1960 года Пеньковский был направлен на работу в ГК по КНИР. Перед ним открылась перспектива установления официальных контактов с иностранцами. И он с удвоенной энергией стал искать выход на одну из западных разведок.

Такой случай вскоре представился. В декабре Пеньковский знакомится с английским коммерсантом Грэвиллом Винном, который прибыл в Москву в составе делегации из 12 человек для посещения предприятий и чтения лекций. Пеньковский, работавший с делегацией, стал присматриваться и изучать Винна, продумывая вопрос об установлении через него связи с английской разведкой.

В начале апреля 1961 года Винн вновь прибыл в Москву для обсуждения в Министерстве внешней торговли и Торговой палате вопроса о продаже Советскому Союзу оборудования.

Во время встречи в номере гостиницы Пеньковский сообщил ему, что является офицером ГРУ, рассказал свою биографию и попросил передать в английское посольство его письмо с предложением о сотрудничестве. Далее он сказал, что с аналогичным письмом в конце 1960 года обращался к американцам, но оно осталось без ответа. Вместе с письмом Пеньковский просил передать от него пакет влиятельным людям в Англии.

Выслушав просьбу, Винн обещал подумать и постараться помочь. На этом они и расстались. Через день Винн, предварительно посоветовавшись с английским послом, вновь встретился с Пеньковским в ресторане и дал согласие выполнить его просьбу о передаче письма. Затем он задал несколько уточняющих вопросов о работе и информационных возможностях Пеньковского. Тот ответил, что располагает доступом к секретным сведениям и уже готовит для передачи англичанам сообщения о советских ракетах, о секретном военном уставе и по другим, представляющим разведывательный интерес, проблемах.

Винн выслушал и попросил изложить все сказанное письменно. Затем Пеньковский передал Винну письмо для английской разведки и показал ему пропуск в Генштаб, на котором он сфотографирован в военной форме.

В тот же вечер дома Пеньковский, выполняя просьбу Винна, напечатал свою автобиографию, а также письменно изложил свои возможности по сбору разведывательной информации. Утром, перед отлетом Винна из Москвы, он вручил ему отпечатанный текст.

Так начиналась шпионская карьера англо-американского агента «Янга». Протекала она весьма бурно. Пеньковский торопился изо всех сил зарекомендовать себя перед новыми «друзьями».

"Я не считаю себя просто одним из ваших агентов, - говорил он на одной из первых конспиративных встреч с представителями западных разведок во время его служебной командировки в апреле 1961 года в Лондон. - Нет, я ваш гражданин, ваш солдат. Я перешел к вам не для того, чтобы заниматься мелочами... Поверьте. Я считаю, что обладаю настолько необычными и особыми возможностями для разведработы, имея доступ к секретной информации, что смогу доказать это борьбой на переднем крае своей Королеве и Президенту".

Присутствовавшие на встрече сотрудники СПС и ЦРУ отмечали, что Пеньковский говорил очень эмоционально. Его распирало самолюбование, бахвальство и стремление убедить в своей незаменимости. При этом, оценивая свои возможности на случай войны, Пеньковский прямо заявлял собеседникам: "Готов принять любое задание: взорву в Москве, что смогу. Выполню любое поручение".

Но от него ждали не таких подвигов. Главным оружием «Янга» стал миниатюрный фотоаппарат «Минокс», которым его снабдили в Англии.

Поняв натуру Пеньковского, его новые зарубежные «друзья» сделали ему приятное. Во время очередной командировки в Великобританию летом 1961 года на конспиративной квартире представители СИС и ЦРУ сказали Пеньковскому, что для него подготовлены две военные формы: полковника английских и полковника американских вооруженных сил.

Пеньковский оживился и проявил неподдельный интерес, изъявив желание сфотографироваться и в той и в другой форме. Это было незамедлительно сделано. Разведчики не скупились на обещания, гарантируя агенту в случае его приезда на Запад любое гражданство английское или американское, а также соответствующую должность в спецслужбе. «Янга» подбодрили, сказали, что сам глава ЦРУ знает о нем очень подробно и высоко ценит.

Находясь в Лондоне, Пеньковский позволил себе немного расслабиться. По его просьбе Винн организовал ему посещение ночных клубов и сопутствующие этому мероприятию развлечения.

Возвратившись в Москву, Пеньковский с удвоенной энергией продолжил сбор шпионской информации. Для этого он брал в спецбиблиотеке ГРУ и фотографировал документы, пытался собирать представляющие интерес для разведки сведения среди своих знакомых, офицеров Советской Армии. Некоторые документы на непродолжительное время отвозил домой, быстро переснимал и сразу же возвращал назад.

Пытаясь сохранить «Янга» даже в случае его провала, на очередной встрече с ним в Париже в сентябре 1961 года американские разведчики подробно обсудили варианты его возможного перехода на нелегальное положение и ухода за границу. Для этого предполагалось изготовить несколько фальшивых паспортов и других документов для перехода границы, прислать Пеньковскому подробные инструкции, необходимые штампы, оружие и иностранную валюту.

Рассматривалось несколько вариантов: на иностранном судне из какого-либо порта на Дальнем Востоке; на подводной лодке, которая подобрала бы Пеньковского с лодки в открытом море; добраться до Берлина и перейти в Западный сектор. Но осуществить эти планы помешала советская контрразведка...

В процессе следствия преступная деятельность Пеньковского и Винна была полностью доказана.

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР 11 мая 1963 года приговорила О.В. Пеньковского к высшей мере наказания, Г.М. Винна — к восьми годам лишения свободы.

В 1964 году последний был обменян на известного советского разведчика Конона Молодого. В соответствии с частным определением суда и протестом МИД СССР посольствам США в Великобритании были выдворены из страны сотрудники американского посольства Х. Монтгомери, А. Дэвисон, В. Джонс, Р. Джэкоб, Р. Карлсон и их английские коллеги: Р. Чизхолм, Г. Кауэлл, А. Чизхолм, П. Кауэлл, Д. Варлей, Ф. Стюарт, А. Рауселл.

Пеньковский (версии разоблачения)

Публикуется по изданию: Борис Анин "Радиоэлектронный шпионаж"

(М., Изд. "Центрополиграф", 2000. С. 173-175)¹.

3 мая 1963 года в Москве открылся судебный процесс над полковником ГРУ Олегом Владимировичем Пеньковским. Через неделю суд вынес ему приговор: Пеньковского признали виновным в измене

Родине и приговорили к расстрелу, он был лишен воинского звания, всех орденов и медалей, его личная собственность подлежала конфискации. Газеты "Правда" и "Известия" сообщили о том, что один морально разложившийся алкоголик, военный офицер, предал свое Отечество, став шпионом ЦРУ.

Опекуны Пеньковского из ЦРУ, напротив, одарили своего подопечного посмертным признанием, в котором ему отказали в родной стране. По их мнению, Пеньковский в самые плодотворные годы жизни внес весомый вклад в урегулирование мировых кризисов, связанных с возможностью применения ядерного оружия.

Несмотря на заокеанское признание особой миротворческой роли Пеньковского, даже в период гласности никто в СССР не поспешил публично поблагодарить его за спасение от угрозы ядерной войны. Даже наоборот. В 1990 году КГБ обнародовал перечень самых важных материалов, переданных Пеньковским в ЦРУ. Из этого перечня явствовало, что Пеньковский сыграл крайне незначительную роль в снижении остроты противостояния двух супердержав в начале 60-х годов. Какое значение для отражения возможной ядерной атаки СССР на США могло иметь знание американцами правил организации связи и кодов, которые использовались ГРУ в Турции в 1955 — 1956 годах?

И не считать же содержание телефонного справочника Кремля сведениями стратегической важности для США!

В ответ на просьбу ЦРУ собрать и зафиксировать любую информацию по советским линиям связи, криптоанализу, криптографии и кадровым методам в этой сфере Пеньковский составил описание особенностей систем правительственной связи СССР в начале 60-х годов. Тогда таких систем в Советском Союзе было две.

Одна называлась ВЧ и соединяла подземным кабелем кабинеты в Кремле со всеми городами страны, в которых находились ответственные партийные работники.

Другая именовалась "кремлевкой". Это была исключительно московская телефонная сеть связи, охватывавшая все правительственные офисы столицы. Разновидностью "кремлевки" являлась "вертушка", которая напрямую связывала высших государственных чиновников с Кремлем. По "вертушке" соединяли сразу же, как только на одном ее конце абонент поднимал трубку. Соединиться с "кремлевкой" по городскому номеру было невозможно. Распределением телефонов, подключавшихся к системам правительственной связи, ведал Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), руководящий орган единственной в СССР правящей партии.

И это было все, что знал Пеньковский про организацию секретной связи в СССР. Так же обстояло дело и с другими сведениями, которые, согласно составленному в КГБ перечню, Пеньковский передал в ЦРУ.

СССР и США разошлись не только в оценке важности информации, поставлявшейся Пеньковским на Запад. Не удалось также получить вразумительный ответ на вопрос о том, как КГБ разоблачил Пеньковского. Вызвано это было тем, что и во время, и непосредственно после окончания "холодной войны" споры относительно скрытых фактов и побудительных мотивов в деятельности спецслужб и их агентов составляли суть не прекращавшейся тайной борьбы между КГБ и его западными оппонентами. Обе стороны традиционно стремились доказать превосходство и утвердить контроль друг над другом путем трактовки фактов своей истории в благоприятном для себя свете.

В 1990 году официальный представитель КГБ выступил с заявлением. Из него следовало, что на след предателя КГБ вывел Чарльз Родерик Чизхолм, который прибыл в Москву в июне 1960 года, чтобы занять должность второго секретаря английского посольства. В КГБ было известно, что он и его жена являются матерыми шпионами. Наружное наблюдение за миссис Чизхолм и привело к Пеньковскому.

Согласно другой версии советская радиоразведка перехватила и дешифровала послание, направленное в американское посольство в Москве, в котором фамилия Пеньковского особо была подчеркнута в связи с необходимостью немедленной выдачи ему визы для поездки на ярмарку в Сиэтл весной 1962 года.

Возможно, что разоблачил Пеньковского советский агент в АНБ2 Джек Данлеп. Дело в том, что за пределами ЦРУ к отчетам Пеньковского были допущены очень немногие. Помимо директора АНБ, доступ к ним имели еще примерно двадцать сотрудников этого агентства. После обыска в доме Данлепа было найдено несколько не самых секретных документов, при-

писываемых "надежному советскому источнику". Их автором являлся Пеньковский. И хотя эти документы вряд ли могли напрямую привести к опознанию Пеньковского, они, вероятно, послужили для КГБ сигналом о том, что в советские военные круги проник предатель.

Еще одна версия основывалась на предположении, что Пеньковского выдал другой советский агент — подполковник Уильям Валлен, руководивший шифровальным отделом в Комитете начальников штабов министерства обороны США. Он тоже имел доступ к материалам, получаемым от Пеньковского, и мог значительно сократить время, которое требовалось КГБ, чтобы выделить Пеньковского в качестве главного подозреваемого.

Наконец, возможным источником разоблачения Пеньковского был назван еще один агент КГБ - Роберт Ли Джонсон, американский сержант, служивший в центре фельдъегерской связи в аэропорту Орли недалеко от Парижа. Поскольку информация Пеньковского передавалась старшему военному командному составу США в Западной Европе, вполне вероятно, что она могла попасть в руки Джонсона. И в этом случае Пеньковский не назывался прямо, но упоминался как старший советский офицер, что побудило КГБ бросить все силы на его поиски. Проникновение Джонсона в хранилище секретных отправок центра фельдъегерской связи совпало по времени со слежкой за миссис Чизхолм в Москве.

После ареста О.Пеньковского из ГРУ и КГБ было уволено около 300 сотрудников. Среди них есть весьма именитые, как, например, А.И.Серов. 2 февраля 1963 г. решением Президиума ЦК КПСС он был смещен с должностей начальника ГРУ и зам. начальника Генштаба ВС СССР, а также разжалован до генерал-майора и лишен высокого звания Герой Советского Союза. Эта же кампания, видимо, не миновала и А.М. Гуськова, снятого с поста начальника 3-го главка КГБ...

1Б.Анин — бывший ответственный сотрудник 8-го Главного управления КГБ, подполковник - ред.

2Агентство национальной безопасности США - ред.

Операция "Анадырь"

Под кодовым названием "Анадырь" в строжайшей тайне была осуществлена беспрецедентная операция. Своими воспоминаниями о событиях, чуть не ввергших мир в ядерную войну, делится непосредственный их участник контр-адмирал в отставке Александр Михайлович Тихонов.

Ж-л ФСБ РФ "Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки" № 1, 1993. С. 47-49

Сейчас те дни вспоминаются мне как очень страшный юношеский сон со счастливым концом. А начались они для меня совершенно неожиданно.

В начале лета 1962 года я находился в составе оперативной группы, прилетевшей из Владивостока на Камчатку для проверки контрразведывательной работы на Камчатской военной флотилии. Командировка подходила к концу, и я уже подумывал о том, как вернусь домой и со всей семьей отправлюсь в отпуск.

В один из дней, когда наш катер бороздил воды Авачинской бухты, с берегового поста службы наблюдения и связи последовала команда немедленно явиться в штаб Камчатской военно-морской базы. В то время я был заместителем начальника военной контрразведки Тихоокеанского флота и Тихоокеанского пограничного округа.

В штабе меня ожидала телеграмма следующего содержания: "Срочно вылетайте в Москву без заезда во Владивосток".

Прибыв в Москву, я был сразу принят тогдашним председателем КГБ Семичастным, который сообщил о моем назначении начальником контрразведки группы войск, отбывающей на Кубу. И добавил: "Ситуация там сложная, и поскольку вы участвовали в десантных операциях при обороне Одессы, Севастополя и Кавказа, вам, как говорится, и карты в руки".

Начальник контрразведки Вооруженных сил генерал-майор Гуськов А. М. поручил мне совместно со штабом группы войск срочно разработать и представить для утверждения необходимые рекомендации по комплектованию и транспортировке войск, боевой техники для последующей отправки на Кубу.

Операции было дано кодовое название "Анадырь".

О всех важнейших событиях, касающихся этой операции, я должен был докладывать непосредственно руководителю военной контрразведки страны генералу Гуськову, избравшему себе позывной "Флорин". Мне был присвоен псевдоним "Соснин". По легенде я являлся капитаном-наставником рыболовного флота. Не зря же до военной службы я окончил в Ростове-на-Дону гражданское мореходное училище имени Седова.

Вот так я был включен в подготовку и проведение операции "Анадырь". В ночь с 13 на 14 июля 1962 года на теплоходе "Латвия" я отбыл на Кубу.

Что знал я об этой маленькой островной стране? Не так уж и много. Газеты и радио каждый день сообщали об экономической блокаде Кубы, об обстрелах побережья с моря и бомбежках с воздуха, о поджогах плантаций сахарного тростника. В 1960 году в Гаванском порту был взорван французский транспорт "Ля Кубр". В апреле 1961 года в заливе Кочинос предпринята попытка захвата плацдарма на побережье Кубы...

Поражение наемников под Плая-Хирон поставило вопрос о прямом вторжении США. С этой целью начались крупные учения, в которых участвовало более 180 кораблей и 100 тысяч личного состава, конечная цель которых была свержение некоего диктатора по имени Ортсак. Если прочесть это слово наоборот, получится Кастро.

В сложившейся ситуации правительство Кубы обратилось к Советскому Союзу за помощью...

С первых же дней нашего пребывания на Кубе у нас наладились тесные взаимоотношения с кубинскими органами государственной безопасности.

Совместная работа принесла первые плоды: служба зафиксировала выход в эфир агентурного передатчика в особом режиме, когда выход в эфир осуществлялся буквально на мгновение, как бы выстреливался. У кубинцев радиоконтрразведывательной службы еще не было. Удалось запеленговать агентурный радиопередатчик и захватить с поличным резидента ЦРУ Клемента Инклана.

У него были изъяты сверхбыстродействующий радиопередатчик, автоматический шифратор новейшей модификации, средства тайнописи, два пистолета системы "браунинг", фотоаппарат "Минокс", фальшивые документы, авторучка-пистолет и 14 тысяч золотых песо. По вопроснику для сбора шпионской информации можно было представить, что в круг интересов американских спецслужб входило все. В частности, предлагалось выяснить, "что означают крупные и мелкие клетки на рубашках советских военных инструкторов и может ли персонал бронетанковых частей носить рубашки того же цвета и рисунка, что и военные инструкторы.

Действительно ли, что состав носит спортивные рубашки в более мелкую клетку, чем солдаты?"

Была раскрыта и крупная нелегальная подрывная организация, которая именовалась "Дивизией Нарцисса Лопеса". Вся Куба была поделена ею на семь зон. Во главе каждой зоны стоял резидент.

В ходе операции по ликвидации "Дивизии Нарцисса Лопеса" было захвачено 237 членов этой организации, из них 4 майора, 17 капитанов, 7 первых лейтенантов. Выявлено девять складов оружия, большие суммы долларов и золотых песо.

Этой операцией был нанесен существенный удар по шпионажу на всей территории Кубы...

Тем временем через всю нашу страну осуществлялась переброска войск к портовым городам.

Использовались все меры маскировки. Военнослужащие в штатской одежде. Погрузка в эшелоны техники легендировалась учениями по отработке погрузочно-разгрузочных работ и взаимодействия с железнодорожным и морским транспортом. Военские эшелоны на узловых станциях не останавливались. Остановки производились на разъездах и полустанках. Вся система управления войсками осуществлялась устными распоряжениями, в крайнем случае — шифровками.

Название операции "Анадырь" наводило на мысль о Севере. Для подтверждения этой легенды на некоторых судах

команде выдавались лыжи, печки, полушубки. Никто не знал, куда идут суда. Капитанам и начальникам эшелонов выдавалось три пакета — №№ 1,2,3. На первом пакете была надпись "Вскрыть после оставления территориальных вод СССР". На двух других никаких надписей не было. В пакете № 1 говорилось: пакет № 2 вскрыть после прохода Босфора и Дарданелл. В пакете № 2 предписывалось вскрыть пакет № 3 после прохода Гибралтара. В пакете № 3 содержался приказ: "Следовать на Кубу". Во

время перехода через моря и океаны при приближении самолетов личный состав укрывался в трюмах судов.

Скрытность передвижения войск обеспечивалась и на Кубе. Все суда, прибывавшие на остров, встречались штабными группами еще на рейде, а иногда и на подходах к Кубе. Из-за сложной оперативной обстановки судам приходилось менять порты назначения.

Оружие поступало под видом народнохозяйственных грузов, так как на Кубе в это время велись поиски нефти, железа, никеля, фосфатов нашими специалистами. Ввозили сельскохозяйственную технику, специалистов-механизаторов и многое другое. И военные как бы вклинивались в эти перевозки.

В тех случаях, когда невозможно было скрыть вооружение из-за его размеров и конфигурации, скажем, ракеты Р-12, самолеты, вертолеты, по договоренности с кубинской стороной наши военнослужащие переодевались в кубинскую военную форму. А в газетах сообщалось, что в данном районе проходят учения.

Чтобы не выдать себя, на переходах запрещались всякие разговоры. Разreshалось давать лишь две команды на испанском языке: "Аде-ланте!" - "Вперед!" и "Паре эль кочо" - "Остановить машины".

Шли только ночами. Места дневных стоянок выбирались с учетом возможности укрытия от визуальной разведки. После ухода колонны уничтожались всякие демаскирующие предметы.

Все эти меры обеспечили скрытность нашего передвижения. Лишь 14 октября 1962 года воздушной разведкой США впервые была обнаружена одна из ракетных установок в районе Сан-Кристобаль (провинция Пинар дель Рио). К этому времени 42 ракетных комплекса с дальностью действия стратегических ракет до двух тысяч километров уже стояли на своих позициях. А от Кубы до штата Флорида США расстояние всего около 180 километров.

За месяц до этого в ответ на требование президента директор ЦРУ Джон Маккоун докладывал: "После всестороннего обсуждения и исследования американская разведка пришла к заключению, что Советский Союз не намерен превращать Кубу в стратегическую базу... Так как знает, что риск репрессивных мер со стороны США слишком велик".

Согласно этой оценке Куба, охваченная со всех сторон американскими военными кораблями и самолетами, не располагая оружием, способным остановить американскую агрессию, находится в беспомощном положении в центре этого кольца.

Реальная действительность, однако, разрушила эту иллюзию. Крепко тогда досталось спецслужбам и от правительства, и от разгневанных американцев. Газета "Вашингтон пост" называла сотрудников ЦРУ "группой псевдоинтеллигентов", "неудавшимися академиками", "дипломатами-выскачками", "лицами, делающими карьеру на подрывной деятельности, всюду сующими свой нос..." Такую жесткую оценку сотрудникам ЦРУ средства массовой информации США давали за то, что они не смогли вовремя раскрыть операцию по переброске советских войск на Кубу.

Дата 14 октября стала началом самого крупного ядерного кризиса XX века.

С военно-морской базы США Гуантанамо, расположенной на Кубе, срочно эвакуировались семьи американских военнослужащих, на ней возводились фортификационные сооружения, количество самолетов было доведено до 120, гарнизон увеличен вдвое, возросло количество танков, зурсов,

другого вооружения, были дополнительно открыты траншеи полного профиля, создано 28 километров минных полей и проволочных заграждений.

Командующий группой советских войск на Кубе генерал армии Плиев И.А. в свою очередь срочно провел расширенное

заседание военного совета, на котором приказал все воинские части и соединения привести в полную боевую готовность. Завершая военный совет, генерал сказал: "Если противником не будет применено ядерное оружие, будем воевать обычным оружием. Нам отступать некуда, мы далеко от Родины, боезапасов хватит на пять-шесть недель. Разобьют группу войск — будем воевать в составе дивизии, разобьют дивизию — будем воевать в составе полка, разобьют полк — уйдем в горы..."

Самыми драматичными днями Карибского кризиса стали 14, 16, 22 и 27 октября. 16 октября президент США Джон Кеннеди сформировал специальный штаб при совете национальной безопасности.

"Ястребы" из этого штаба настаивали на немедленном вторжении на Кубу. Последовало даже предложение нанести ядерный удар по острову. Однако президент Джон Кеннеди и министр обороны Макнамара стояли на более умеренных позициях. Было решено ограничиться пока жесткой блокадой. Но несмотря на блокаду, наши транспортные корабли "Юрий Гагарин" и "Комилес" в эти дни прибыли на Кубу. В книге Р. Кеннеди "13 дней" так описан этот эпизод: "Между транспортом "Ю. Гагарин" и "Комилес" шла советская подводная лодка... Мы хотели пустить на их задержание крейсер, но в связи с увеличивающейся опасностью послали авианосец с вертолетами противолодочной обороны". Благополучно прошел через рубеж блокады и наш транспорт "Бухарест", хотя мимо проносились бомбардировщики США с подвешенными ядерными бомбами.

Блокада таила непредсказуемые последствия. Из-за халатности, неисправности материальной части, из-за низкой организации управления или по какой-либо иной причине могла быть сброшена ядерная бомба. В результате мир мог оказаться ввергнутым в катастрофу. Против блокады Кубы выступил Советский Союз, ведь объявление блокады означало начало войны. Дж. Кеннеди в ответ на советское возражение заявил, что будет твердо стоять на своих позициях, повторил угрозу применить оружие, если советские ракеты не будут вывезены с острова.

22 октября Д. Кеннеди, выступая по радио и телевидению с обращением к народу, сказал, что в связи с обнаружением на Кубе советских стратегических ракет он полон решимости применить оружие, если СССР не вывезет их в ближайшее время.

Выступление президента произвело ошеломляющее впечатление. Подогрели ситуацию сообщения американских газет о радиусе действия ракет и что в случае их применения в США будет уничтожено более 80 миллионов человек. Началась паника. Американцы ринулись кто на север страны, кто за Кордильеры, а кто и вообще решил на время покинуть США. Панамский канал стал работать только в одну сторону, пропускающая суда из Атлантики в Тихий океан.

22 октября Фидель Кастро отдал приказ бойцам кубинских вооруженных сил по боевой тревоге занять свои места на позициях.

Мир затаил дыхание.

США вели интенсивную круглосуточную разведку. Самолеты "У-2" и "Р-24" барражировали над Кубой так низко, что были видны летчики. За кромкой территориальных вод, а они здесь всего три мили,

сновали сторожевые корабли и корабли радиотехнического дозора "Оксфорд" и "Сержант Мюллер". Обстановка накалялась, все говорило о скором начале боевых действий.

И вот наступило 27 октября. Это была суббота. Американцы называли ее "черной". На главном командном пункте группы советских войск командующий ПВО генерал С. Н. Гречко и заместитель командующего генерал Л. С. Гарбуз. К ним поступает доклад от командира дивизии ПВО полковника Г. А. Воронкова о подлете к острову американского самолета. Генералы Гречко и Гарбуз принимают решение сбить самолет.

Стремительно набирая высоту, ушли ракеты в кубинское небо. А вскоре на командный пункт поступило донесение, что на высоте 20 тысяч метров цель поражена. Обломки самолета упали в районе Антилии, провинция Ориента. Для президента Кеннеди уничтожение американского самолета стало доказательством решимости русских стоять до конца даже с риском

применения американцами ядерного оружия. На самом деле так оно и было.

Наступила зловещая тишина: никаких военных действий, никаких полетов. И в этой и без того сложной обстановке, когда все натянуто, как струна, американский самолет "У-2" нарушил воздушное пространство Советского Союза в районе Кольского полуострова. Министр обороны США Макнамара оценил эту обстановку одной фразой: "Это война".

Возникла трагическая ситуация. Две сверхдержавы встали лицом к лицу с "взведенными курками". В этот момент они четко и ясно осознали, что, нажав на "спусковой крючок" (в данном случае на кнопку), обе страны превратятся в пепел, погибнет и все живое на земле.

Президент Дж. Кеннеди, почувствовав приближение войны к порогу США, поручил своему брату министру юстиции Роберту Кеннеди срочно связаться с послом СССР в США Добрыниным, чтобы тот сообщил советскому правительству, что президент США берет на себя джентльменское обязательство не нападать на Кубу взамен на демонтаж и вывоз с острова советских ракет. Предложение было принято.

Группе советских войск был дан приказ прекратить всякие военные действия, но в то же время находиться в полной боевой готовности. Теперь все вопросы предстояло решить политикам.

Когда Фидель Кастро узнал о достигнутом согласии без консультаций с ним, он был возмущен. К тому же американцы потребовали инспекции при демонтаже и погрузке ракет на суда. Фидель Кастро категорически запретил проведение инспекции не только на территории Кубы, но и в ее территориальных водах. США пришлось согласиться с этим.

В ходе переговоров была достигнута договоренность, что мы вывезем с Кубы стратегические ракеты, самолеты Ил-28 и торпедные катера, оставив на острове лишь оборонительное оружие. Американская сторона взяла на себя обязательство не нападать на Кубу и вывести свои аналогичные ракеты из Турции, Италии и ФРГ.

Так завершился Карибский кризис, во время которого люди Земли, может быть, впервые по-настоящему ощутили испепеляющее дыхание ядерной войны. И надеюсь, в последний.

Смена председателя...

По свидетельству супруги А.М.Гуськова, сам он считал, что его снятие с должности начальника 3-го главка КГБ при СМ СССР было вызвано не какими-либо просчетами в работе, а необъективным

отношением к нему со стороны Н.А.Шелепи-на, которое сложилось еще в начале 50-х. Иначе говоря, так как председатель КГБ В.Е.Семичастный был "человеком Шелепи-на" ("о чем в КГБ знали все"), он просто выполнил волю последнего. Тем не менее, и на новом посту - во главе ОО Московского военного округа - А.М. подчинялся напрямую Семичастному, пока его не сменил Ю.В.Андропов, с которым у А.М. сложились самые добрые человеческие и деловые отношения. Таким образом, несомненно, не только для А.М., но и для многих сотрудников Комитета смена его председателя стала знаменательным событием...

Версия генерала В.Е.Семичастного

Публикуется по изданию - журнал ФСБ РФ "Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки" № 1-2, 1998. С. 47-49 (подготовка к печати А.Д.Витковского).

"Бегство кремлевской вдовы"

В 1996 году исполнилось 70 лет дочери И. Сталина Светлане Иосифовне Аллилуевой. Но до сего времени особенно много слухов и сплетен связано с ее побегом из Советского Союза в 1967 году. В крутой замес реальных фактов и досужих вымыслов вплетаются изощренное коварство КГБ, наивность беглянки, глупость членов Политбюро ЦК

КПСС, иезуитская хитрость ЦРУ и даже отставка председателя КГБ при СМ СССР в 1961-1967 годах В. Семичастного. О том, как на самом деле раскручивалась тугая спираль событий тех дней, рассказывает их непосредственный участник Владимир Ефимович Семичастный.

Человеком Светлана была, мягко говоря, оригинальным. К середине шестидесятых она уже дважды побывала замужем. От первого мужа Григория Морозова у нее родился сын Иосиф — назвали в честь деда; от второго — Юрия Жданова — дочь Катя. Благодаря распоряжению Совета Министров СССР №5423р от 21 марта 1953 года об оказании материальных услуг осиротевшей дочери Сталина она не бедствовала. Насколько я помню, Светлана имела персональную пенсию в 300 рублей и по 100 рублей на каждого ребенка. По тем временам, когда зарплата простого инженера составляла всего 75 - 90 рублей, это были большие деньги, тем более что младшая Катя часто гостила у бабушки Зинаиды Александровны Ждановой. Втроем Аллилуевы занимали большую пятикомнатную квартиру в "Доме на набережной" (ул. Серафимовича, 2), бесплатно пользовались правительственной дачей в поселке Жуковка и государственной машиной "по вызову".

В Политиздате, где Светлана подрабатывала, занимаясь переводами, она познакомилась с индусом Раджем Баджеш Сингхом. Он был членом индийской компартии и тоже работал в издательстве. Трудно сказать, что она нашла в этом человеке (лысый, худой и нескладный, с жиденькой козлиной бородкой, к тому же сильно больной, его постоянно мучил удушливый кашель). Впрочем, он был из непростой семьи — его дядя занимал пост министра в правительстве Д. Неру.

Вскоре после знакомства Светланы с Сингхом нам стало известно, что они подали документы в загс и готовятся к свадьбе. Что нам оставалось делать? Сами понимаете, подобного рода браки творятся не на небесах, а в коридорах власти.

Волевым порядком, не согласовывая свои действия с «молодоженами», мы забираем документы из загса и докладываем ситуацию А. Косыгину — он всегда питал добрые чувства к Светлане и в сложных житейских проблемах был ее постоянным и добрым опекуном. Алексей Николаевич встретился с «невестой» и объяснил ей, что кроме очередного скандала из этой затеи ничего не получится. Ведь Сингх имеет законную семью в Индии и, судя по всему, не собирается порывать с нею. А после хрущевских разоблачений культа личности эта свадьба неминуемо обернется еще одним ушатом грязи на имя Сталина. К тому же и Светлана, и Сингх уже далеко не дети и вполне могут устроить свою личную жизнь без официальных церемоний - Политбюро ЦК будет смотреть на это сквозь пальцы.

Так оно и вышло. Сингх переехал к Светлане, и она фактически не только стала гражданской женой, но и содержала своего сожителя, поскольку всю зарплату он отправлял семье в Индию, иногда и сам выезжая на родину. Ситуация устраивала всех, кроме сына Иосифа.

Хотя он и был медиком, но терпеть не мог смрада индийских благовоний и снадобий, которыми вскоре пропахла вся квартира.

Однако случилось то, что и должно было случиться.

31 октября 1966 года Сингх умирает. Его тело кремируют в Москве, а Светлана пишет письмо Л.И.Брежневу с просьбой о временном выезде в Индию, встречается с А. Косыгиным и убеждает его в том, что должна поехать на родину мужа и выполнить индуистский обряд - развеять его прах над священными водами Ганга.

Не знаю, что за дебаты состоялись в Кремле, но проходили они без каких-либо согласований со мной. Я лишь получил решение Политбюро ЦК от 4 ноября "Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светланы. Поручить тов. Семичаст- ному выделить двух работников для поездки с ней в Индию. Тов. Бенедиктову оказать помощь во время пребывания в Индии".

В общем-то никаких особенных опасений в связи с поездкой не возникало, тем более что уже была назначена дата свадьбы Иосифа, и мать имела твердое намерение за несколько дней до бракосочетания вернуться в Москву для участия в семейном торжестве. Кое-какие сомнения возникали по поводу "Двадцати писем к другу".

Светлана уже завершила работу над рукописью и мы имели копию всех этих "двадцати писем". Ничего особо криминального в них не было - немного грязи по поводу репрессивной политики отца, благодарность Хрущеву и Косыгину за то, что после смерти Сталина ей сохранили многие льготы и привилегии, воспоминания о встрече с Василием после его выхода из Владимирской тюрьмы и другие эпизоды семейной жизни. Естественно, что в СССР она не смогла бы их напечатать. Опубликовать на Западе тоже, видимо, не решалась. Побоялась она и везти рукопись с собой в Индию. Нам стало точно известно, что при отъезде "писем" у нее не было. Скорее всего эти материалы были заранее переправлены с помощью дочери посла Индии в СССР господина Кауля.

Выполняя решение ЦК, я откомандировываю вместе со Светланой в Индию двух наших сотрудников - мужчину и женщину для сопровождения, обеспечения охраны и недопущения возможных провокаций со стороны противника.

В то время послом СССР в Индии был Иван Александрович Бенедиктов (при Сталине он работал министром сельского хозяйства), а нашим резидентом в Дели - Радомир Георгиевич Богданов. Это

прекрасные люди, великолепные специалисты. И. Бенедиктов всегда питал наилучшие чувства к Сталину, поэтому постарался устроить его дочь с возможно большим комфортом.

В Дели ее поселили в маленькой, но уютной гостинице при посольстве, где она и прожила почти месяц. Индуистская традиция развеивания праха была соблюдена, но домой Светлана не торопилась. Более того, позвонив в Москву, она попросила сына отложить свадьбу, а сама поехала в индийскую деревню, где когда-то жил ее муж. Там она провела еще месяц без какой-либо нашей охраны. А из Москвы ее доставал звонками сын.

Действительно, ситуация с переносом свадьбы становилась довольно пикантной, а праздновать такое событие без матери - не в традициях семьи. Тем не менее, Светлана уговорила сына еще на одну отсрочку, а сама вернулась из деревни в Дели.

Наконец, дата возвращения — 6 марта 1967 года — была определена, и даже куплен билет до Москвы.

Накануне - в годовщину смерти своего отца - Светлана была в посольстве и встречалась с И. Бенедиктовым. Посол (правда, без согласования с нами) вернул Светлане паспорт, который хранил в своем сейфе, и стал готовиться к ее отъезду.

Светлана тоже как будто собиралась в дорогу: устроила стирку, развесила в комнате белье, стала собирать вещи. По предварительной договоренности в это же время с прощальным визитом к ней пришла ее приятельница по Москве — дочь посла Индии в СССР — и стала ждать ее у ворот посольства. Ждет полчаса, час, а Светланы все нет и нет. Тут уж и наша охрана забеспокоилась. Заглянули в комнату - белье висит, все на месте, казалось, что и сама хозяйка где-то тут. Лишь когда тревожная информация дошла до резидента, отважились на осмотр всей комнаты. Светланы уже и след простыл — калитка американского посольства рядом (всего 40-50 метров), туда она и прошмыгнула. Один из охранников рассказал, что видел Светлану. С небольшим чемоданчиком в руках она направлялась к выходу, сказав мимоходом, что должна встретиться с дочерью индийского посла. Охранник, естественно, не обратил на это никакого внимания, такие встречи с посетителями у посольских ворот были постоянными.

В эту же ночь из американского посольства Светлана была тайно переправлена в аэропорт Дели, а оттуда — в Швейцарию, где и попросила политического убежища. Швейцарцы отказали, боясь осложнения дипломатических отношений с СССР. Светлана выехала в Италию, но и там получила отказ в убежище. Несколько раз она звонила в Москву и разговаривала с сыном. Оказавшись из-за ее поступка в двусмысленном положении, Иосиф довольно в резких тонах высказал матери все, что думал по поводу ее побега, и отказал ей в разговоре с Катей.

Вскоре беглянка оказалась на американской военной базе в ФРГ, а оттуда была переброшена в США, где власти удовлетворили ее просьбу о политическом убежище.

Нам же оставалось принять необходимые контрмеры, чтобы локализовать попытки спецслужб использовать бегство С. Аллилуевой в целях компрометации СССР. Это был год полувекового юбилея Октябрьской революции, и мы не хотели, чтобы праздник был хоть чем-то омрачен. Больше всего мы боялись, что, получив рукопись "двадцати писем", американцы нашпигуют их махровым антисоветским содержанием, порочащим все наши достижения и идеалы, и за подписью дочери Сталина растиражируют этот пасквиль по всему миру. По своим каналам мы решили упредить американцев и опубликовать подлинный текст "писем" в "Штерне" или "Шпигеле". А чтобы избавить себя от возможных неприятных сюрпризов, довели до сведения мировой общественности, что оригинал рукописи хранится

в швейцарском банке. Против этой идеи был только Н.Подгорный. Он воспринял наши предложения как обливание себя собственной грязью.

Через два месяца, 18 мая, когда вся история стала уже понемногу забываться, состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС. Работа подходила к концу - остались лишь члены, кандидаты, секретари ЦК - и я собирался уходить, но тут Л.И.Брежнев поднимается и говорит: "Владимир Ефимович, вы задержитесь, есть еще один дополнительный вопрос. Мы, то есть я, Подгорный и Косыгин, к нам еще Суслов присоединился, вносим предложение освободить товарища Семичастного от занимаемой должности. Он уже давно работает, претензий к нему никаких нет, обвинений тем более, но, чтобы приблизить Комитет госбезопасности к ЦК, мы рекомендуем на эту должность Андропова".

- Что значит приблизить?! — взорвался я. — Я ведь член ЦК. Если есть какие ошибки, давайте создадим комиссию, расследуем...

- Нет, ну что вы, Владимир Ефимович, никаких претензий, — стушевался Брежнев.

Дебаты и прения по моему вопросу ему были явно не нужны. Тут посыпались реплики с мест. Итог подвел Мжаванадзе: "Ну кто-то же должен ответить за Аллилуеву".

- Вот, пусть и отвечает тот, кто разрешил этот выезд, — огрызнулся я.

Тогда со своего места поднялся А. Косыгин и рассказал всю предысторию. К его чести, рассказал все как было, ничего не забыв и не утаив. Вспомнили даже о моей прошлогодней записке в ЦК КПСС, где я информировал о подходах английских и американских спецслужб к Светлане Аллилуевой, когда она еще проживала в Москве.

И тем не менее, решение состоялось.

На следующий день я уже сдавал дела.

А история Светланы продолжалась.

В 1970 году она в очередной раз вышла замуж - теперь за американского архитектора Уильямса Весли Питерса. Вскоре родилась дочь Ольга. А потом были финансовые затруднения мужа, на покрытие которых ушел весь авторский гонорар Светланы за издание трех ее книг: «Двадцать писем к другу», «Только один год», «Далекая музыка», и, как следствие, - развод и переезд в 1982 году в Англию.

В ноябре 1984 года вместе с младшей дочерью Светлана возвращается в Москву, увы, ненадолго. До недавнего времени она жила в маленькой квартирке на западном побережье Англии на скромную — 65 фунтов в неделю пенсию, которую из милости выплачивает английское правительство пожилым неимущим людям. По последним сведениям, Светлана Иосифовна Аллилуева-Сталина — теперь Лана Питерс — получила монашеский постриг и уединенно живет в одном из монастырей Италии.

Версия генерала В.И.Алидина "Закулисная борьба... за обладание властью"

Публикуется по изданию - В.И.Алидин "Государственная безопасность и время (1951-1986)" (М., Изд. "Изографус". Изд. 2-е. 2001. С. 189).

Запомнился день, когда Юрий Владимирович принимал дела (кстати, председателем он проработал пятнадцать лет).

Был полдень лета 1967 года. Позвонили из приемной председателя КГБ и попросили срочно прибыть к нему. Путь недолгий — несколько этажей и коридоров здания на Лубянке. В приемной я встретил других начальников главков и управлений. Через несколько минут появились члены Политбюро: секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко, председатель Комитета партийного контроля ЦК КПСС Август Янович Пельше, а также секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов, Юрий Владимирович Андропов и председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Пригласили всех нас пройти в кабинет.

За стол председателя сел А.П.Кириленко, рядом с ним разместились А.Я.Пельше, И.В.Капитонов и Ю.В.Андропов. В.Е.- Семичастный стоял сбоку у стола.

Мы сели на стоявшие в кабинете стулья. По порядку размещения руководителей мы без слов поняли, что произошло.

А.П.Кириленко, взяв в руки документ, сообщил о состоявшемся постановлении Политбюро ЦК и Правительства, согласно которому председателем КГБ при СМ СССР назначен Юрий Владимирович Андропов. В.Е.Семичастный от должности председателя КГБ освобожден в связи с утверждением его первым заместителем председателя Совета Министров Украины.

Как всегда в таких случаях, А.П.Кириленко объяснил принятие этого решения необходимостью укрепления руководства органами государственной безопасности. Разъяснять нам причину освобождения Семичастного с ключевой государственной должности особой нужды не было. Истинная причина крылась в той закулисной борьбе, которую вели бывшие комсомольские функционеры за обладание властью (Семичастный... был одним из основных участников этой группы1).

Заканчивая свое сообщение, А.П. Кириленко попросил собравшихся оказать всяческую помощь Юрию Владимировичу, чтобы он мог быстрее освоиться в новом для него деле. Затем он пригласил Андропова занять председательское место и приступить к исполнению своих обязанностей.

Юрий Владимирович, помнится мне, был в тот момент очень краток. Призвав нас к дружной работе, он как-то буднично пообещал в ближайшие дни лично познакомиться с каждым из руководителей и с теми проблемами, которые стоят перед возглавляемыми ими подразделениями. Больше никто слова не взял, и на этом представление нового руководителя КГБ завершилось.

Заговор или террорист-одиночка?

Вниманию читателей предлагается фрагмент из книги воспоминаний генерал-полковника В.И. Алидина "Государственная безопасность и время. (1951 — 1986)" (М., Изд. "Изографус". 2-е изд. 2001. С. 200-202), бывшего начальником 7-го управления КГБ, а затем управления КГБ по Москве и Московской области. В.И. Алидин был сослуживцем А.М. Гуськова. Описываемый им инцидент с мл. лейтенантом САВ. Ильиным непосредственно коснулся и А.М., которому пришлось как начальнику Особого отдела КГБ по Московскому военному округу проводить в связи со случившимся тщательную проверку работы вверенных ему оперативных подразделений на предмет их готовности к решительной борьбе с возможной угрозой терроризма и диверсий./b>

В начале 1969 года в Москве произошел опасный инцидент. 22 января у Боровицкой башни Кремля некто В.Ильин, младший лейтенант Советской Армии, решился на гнусное преступление. Укрыв во время дежурства в части, расположенной недалеко от Ленинграда, где он проходил службу, два пистолета с боеприпасом, он выехал в Москву и у своего уяди, работавшего в милиции, "позаимствовал" милицмейскую форму. Переодевшись, он пришел в Кремль и встал у входа в Оружейную палату.

Раньше на этом месте всегда находился постовой милиционер, следивший за порядком около музея. Но в этот день он был снят с поста, и появление Ильина не вызвало тревоги у сотрудников безопасности.

Свой террористический акт Ильин приурочил к приезду в Кремль советских космонавтов Шаталова, Воынова, Елисеева и Хрунова после совершенного ими совместного космического полета. Машина с космонавтами шла второй. Когда она въехала в Кремль, Ильин, полагая, что в ней едут советские руководители, и в частности Л.И.Брежнев, выхватил из карманов два пистолета и начал стрелять по машине, тяжело ранив водителя, старшего сержанта Илью Ефимовича Жаркова, который вскоре скончался.

В этой машине находилось, помимо шофера, четверо космонавтов - Береговой, Леонов, Николаев, Терешкова и сотрудник безопасности офицер Романенко. Все они, к счастью, не пострадали. После первых выстрелов террориста схватил сотрудник безопасности, разоружил и обезвредил. Его завели в помещение Оружейной палаты, обыскали, переодели в гражданское пальто, снятое с плеч одного из сотрудников безопасности, и водворили в Лефортовскую тюрьму.

Через некоторое время меня пригласил к себе Ю.В. Андропов и после короткого обмена мнениями о случившемся сказал, что во главе группы комитета мне предстоит выехать в Ленинград и провести необходимые оперативно-следственные мероприятия. Вместе со мной выехал заместитель начальника следственного управления генерал-майор Николай Федорович Жуков, несколько следователей и оперативных работников.

Утром 29 января мы уже были в Ленинграде.

Разместившись в здании Ленинградского управления КГБ, без промедления приступили к работе. Естественно, начальник управления КГБ по Ленинградской области генерал-майор Василий Тимофеевич Шумилов и начальник особого отдела Ленинградского военного округа генерал-майор Даниил Павлович Носырев переживали случившееся, так как обязаны были выявить и обезвредить террориста еще на стадии подготовки к покушению.

Мы составили план работы оперативной группы, распределили силы оперативных работников и разработали конкретные оперативные мероприятия по следственному делу. Главная задача состояла в том, чтобы как можно быстрее выявить, не имеем ли мы дело с группой террористов, а если такая имеется, то срочно обнаружить ее состав и нейтрализовать. В случае, если действовал террорист-одиночка, предстояло выяснить личность покушавшегося и установить мотивы совершенного им преступления.

Привлеченные к расследованию сотрудники каждый день отчитывались перед старшими групп о проделанной работе. Ежедневно в восемнадцать часов у меня в кабинете собирались Н.Ф.Жуков, В.Т.Шумилов, Д.П.Носырев, руководители групп. Мы анализировали собранную информацию, намечали дальнейшие шаги расследования.

О проводимой работе я ежедневно информировал Ю.В. Андропова по ВЧ и посылал в Москву краткие письменные сообщения. Контактывровал я и с начальником Следственного управления КГБ генерал-

майором юстиции А.Ф.Волковым. Оперативно-следственные мероприятия продолжались в Ленинграде около месяца. За это время я лишь дважды выезжал в Москву для личного доклада Ю.В.Андропову.

Ленинградские товарищи позаботились о нас и постарались создать все необходимые бытовые условия. Мы с Н.Ф.Жуковым жили на Каменном острове в коттедже, принадлежавшем областному управлению КГБ, там же завтракали и ужинали. В рабочие дни я вместе с В.Т.Шумиловым обедал в столовой обкома партии.

Первого секретаря обкома партии Василия Сергеевича Толстикова я посетил сразу же по прибытии в Ленинград, проинформировав его о цели приезда оперативно-следственной группы КГБ. Мы договорились, что о результатах проведенной работы доложим ему после завершения расследования. С В.С.Толстиковым у меня сложились хорошие отношения. Он чем мог помогал нам, заботился о том, чтобы мы хорошо чувствовали себя в Ленинграде...

Оперативно-следственная группа в Ленинграде успешно завершила свою работу, проведя многочисленные оперативные и следственные мероприятия. После допроса многочисленных свидетелей удалось установить, что Ильин — террорист-одиночка, к тому же следствие и документы, обнаруженные при обыске у

него на квартире, говорили о его психическом заболевании. В дальнейшем это подтвердила судебно-медицинская экспертиза, проведенная в Москве. Ильина решением суда направили на содержание и лечение в психиатрическую больницу закрытого типа в Казань. Следствие подтвердило его потенциальную опасность для общества - в воинской части украл оружие и боеприпасы, совершил террористический акт, смертельно ранив сержанта И.Е.Жаркова.

О результатах следствия по делу Ильина и решении суда большинство газет опубликовало сообщения; была дана информация и по телевидению.

После нас в Ленинграде побывала инспекторская группа КГБ, которая проверила состояние работы управления, выявила недостатки и промахи, определила меры по их устранению. Начальника управления генерал-майора В.Т.Шумилова освободили от должности и перевели на другую работу.

"Комсомольская атака" на КГБ

По свидетельству самого А.М.Гуськова, у него не сложились продуктивные отношения с председателем КГБ при СМ СССР Н.А.Шелепиным, что, по словам А.М., стало "крупным препятствием на моем пути. В связи с этим обстоятельством, а также, учитывая тот факт, что Шелепин возглавлял КГБ в период работы АМ. начальником 3-го управления, мы не можем оставить без внимания противоречивую фигуру этого человека.

Публикуется по изданию - В.И.Алидин "Государственная безопасность и время (1951 - 1986)" (М., Изд. "Изографус". Изд. 2-е. 2001. С. 189).

(25 декабря 1958 года) председателем КГБ при СМ СССР по настоянию Хрущева стал заведующий отделом ЦК КПСС, только что пришедший в ЦК с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, Александр Николаевич Шелепин.

Известно, что комсомольские организации занимались лишь работой с молодежью и не были напрямую ответственными за другие сферы государственной деятельности. Естественно, что А.Н.Шелепин принес в органы государственной безопасности больше вреда, чем пользы. Он уже в ту пору просчитывал время вперед и не собирался долго засиживаться в органах госбезопасности, рассматривая новую должность как трамплин для продвижения к более высокой власти.

Он выдвинул идею (и практически ее осуществил) по изменению структуры госбезопасности. Ликвидировали Четвертое (розыскное) управление, Пятое (по борьбе с антисоветизмом) и Шестое (транспортное). Их на правах отделов передали во Второе главное управление.

В 1959 году я был утвержден начальником Седьмого управления КГБ. В этом же году нам передали родственные службы из пяти оперативных подразделений комитета. Седьмое управление теперь насчитывало несколько тысяч оперативных работников с полностью самостоятельным финансовым, материальным, транспортным хозяйством.

Подверглись реорганизации и другие подразделения. Были упразднены несколько учебных заведений вместе со штатом, а само Управление учебных заведений преобразовано в отдел в составе Управления кадров. Ликвидировано медицинское управление и Управление снабжения и вооружений. Их функции переданы в Хозяйственное управление КГБ. В народное хозяйство ушло немало зданий, санаториев, первоклассных совхозов и т.д. Штаты КГБ сократили на десять-двенадцать процентов.

Рабочая обстановка в Комитете госбезопасности в этот период была нарушена.

Все подразделения занялись структурными и штатными изменениями. Об оперативной работе заботились мало. Надо сказать откровенно, под руководством А.Н.Шелепина в комитете дров наломали немало. Все разрушенное пришлось в последующие годы восстанавливать с большим трудом.

Правда, в период пребывания А.Н.Шелепина на этом посту мы провели значительную работу по очистке кадров госбезопасности от лиц, ранее замешанных в нарушении законности и правопорядка. Одновременно началось выдвижение на руководящую работу новых лиц из числа профессиональных работников, зарекомендовавших себя хорошими оперативниками и организаторами. В этот период начальником Первого главного управления (внешняя разведка) стал генерал-лейтенант Александр Михайлович Сахаровский, видный работник внешней разведки. Начальником Второго главного управления (контрразведка) назначили высококвалифицированного работника, контрразведчика Олега Михайловича Грибанова. Начальником Третьего главного управления стал генерал-лейтенант Н.А.Фадейкин¹, также хорошо знавший разведывательную и контрразведывательную работу.

Четвертое, Пятое и Шестое управления в процессе организационных мероприятий ликвидировали. Начальником Восьмого управления (шифровальное и дешифровальное направление) стал генерал Серафим Николаевич Лялин, а на Девятое назначен полковник Владимир Яковлевич Чекалов, бывший руководящий комсомольский работник. Начальником следственного отдела утвердили генерал-майора Николая Федоровича Чистякова, пришедшего с руководящей работы из военной прокуратуры страны и имевшего большой опыт следственной работы. Начальником Управления кадров стал полковник Петр Иванович Васильев, ранее ответственный комсомольский работник...

Первыми заместителями председателя КГБ были назначены генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин и Николай Степанович Захаров (с 3.12.1961 г. - ред.), кадровые работники госбезопасности; одним из заместителей председателя КГБ стал полковник Вадим Степанович Тикун, с его прежним послужным списком читатель уже знаком; заместителем председателя Комитета госбезопасности по

кадрам стал полковник Ардальон Николаевич Малыгин, работавший ранее ответственным работником КПК при ЦК КПСС.

Руководящий состав Комитета госбезопасности, таким образом, почти полностью обновился. В своей основе это были подготовленные руководящие работники, способные обеспечить работу аппарата государственной безопасности.

А.Н.Шелепин взял линию на выдвижение в руководство Комитетом госбезопасности многих бывших комсомольских работников. Из этой плеяды считаю необходимым выделить лишь некоторых: В.С.Тикунова, ставшего вскоре министром охраны общественного порядка РСФСР; В.Т.Шумилова, начальника Ленинградского управления госбезопасности, пришедшего с должности первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ; О.Тутченко, начальника Ростовского управления КГБ, работавшего ранее первым секретарем Ростовского обкома ВЛКСМ; Т.И.Васильева — начальника Управления кадров КГБ и некоторых других, проявивших себя настоящими руководителями чекистских коллективов...

Как известно, А.Н.Шелепин возглавлял комитет недолго, менее трех лет. Но своими действиями по реорганизации аппарата и сокращению штатов он способствовал росту своей популярности, и в 1960 году его избрали секретарем ЦК КПСС. Вскоре Шелепина утвердили и заместителем Председателя Совета Министров СССР. Была попытка создать в стране единый контрольный аппарат партии и государства. Как известно, этот очередной эксперимент того времени успехом не увенчался.

Председателем Комитета государственной безопасности в 1960 году назначили Владимира Ефимовича Семичастного, работавшего в течение двух лет до этого вторым секретарем ЦК партии Азербайджана. Его назначение сотрудниками аппарата государственной безопасности было встречено без энтузиазма, более того, с недоумением, так как необходимого опыта работы для замещения должности такого ранга он не имел. Это очередное кадровое решение Н.С.Хрущева в комитете восприняли как продолжающееся недоброжелательное отношение к органам.

С "талантом интригана"

Фрагмент воспоминаний ("Перетягивание каната") руководящего сотрудника ПГУ КГБ, генерал-лейтенанта С.А.Кондрашева публикуется по изданию: Дж.Бейли, С.Кондрашев, Д.Мерфи. "Поле битвы - Берлин" (М., Изд. "ЭКСМО". 2002. С. 347-351).

Ульбрихт² избавился от оппонентов в партии, зато его друг Коротков³ столкнулся с угрозой своему положению в Карлсхорсте⁴. Поводом для этого послужил уже знакомый вопрос: до какой степени КГБ может полагаться на восточногерманские специальные службы? Особенно сильно это проявилось в противостоянии Короткова и Александра Шелепина, руководителя комсомола, которого Хрущев в декабре 1958 года назначил вместо Серова председателем КГБ. История смерти Короткова и яростной борьбы между его аппаратом в Карлсхорсте и Шелепиным якобы из-за отношений с МФС так и не была рассказана. Речь идет о 1959 — 1961 годах, когда положение в Берлине достигло кризиса, результатом чего стало возведение Берлинской стены. Как и в 1953 году во время бериевского междуцарствия, склоки в руководстве ослабили аппарат КГБ в Карлсхорсте в самый критический момент.

В конце 1958 года председатель КГБ Серов был назначен руководителем Главного разведывательного управления, военной разведки, то есть понижен. Причиной этого, как позднее заявило руководство КГБ, была необходимость усиления ГРУ после разоблачения агента ЦРУ Попова, который служил в стратегической оперативной группе ГРУ в Карлсхорсте. Но не это являлось настоящей причиной.

Назначение Шелепина, инициированное Политбюро, не преследовало также цель убрать образ сталиниста, прилипший к Серову, или направить КГБ на более решительную "стратегическую, политическую, экономическую и идеологическую борьбу с силами капитала", хотя, конечно же, не без этого. В глазах многих главной причиной смещения Серова была уверенность Хрущева в том, что Серов знает слишком много секретов.

Многие сотрудники КГБ были недовольны стремлением Шелепина убрать из КГБ людей, заподозренных в связях с Серовым, и они не могли согласиться с его явным стремлением использовать службу в качестве трамплина для удовлетворения собственных честолюбивых планов. Они опасались, что его план вовлечения КГБ непосредственно в "политическую борьбу" будет означать возвращение к сталинскому прошлому, когда служба была втянута в борьбу сил в руководстве за власть в стране. Шелепина не любили еще и за то, что он сократил количество домов отдыха и санаториев, принадлежавших КГБ, уменьшил заработную плату и другие льготы сотрудникам. Хотя многие признавали, что Шелепин улучшил организацию внутренней контрразведки, почти все сокрушались о том, что интересы службы подчинены интересам партийного руководства, когда обнаружилось, как много ключевых постов было отдано партийным и комсомольским работникам, лично подобранным Шелепиным.

У Шелепина был неоспоримый талант интригана.

Первым делом он предпринял все возможное, чтобы избавить КГБ от влияния Короткова, чрезмерная прямолинейность которого оказалась Шелепину не по вкусу. Однако, будучи шефом в Карлсхорсте, он (Коротков - ред.) занимал ключевой пост в КГБ. Шелепину помог Александр Михайлович Сахаровский, заместитель председателя КГБ и начальник Первого главного управления, тоже не испытывавший большой любви к Короткову, - оба они сдерживали свою неприязнь на публике, но на самом деле недолюбливали друг друга.

Едва Шелепин занял свой пост, как поползли слухи о привилегиях, которыми Коротков наслаждается в Карлсхорсте благодаря своим отношениям с Серовым.

Шелепин потребовал от Короткова докладной записки о положении дел в аппарате в Карлсхорсте. Бюрократическое перетягивание каната, ставшее результатом усилий Сахаровского - получить злополучный доклад, приоткрыло кое-что не только в отношении Короткова, но и во взаимодействии аппарата в Карлсхорсте с восточногерманским MfS.

Давя на Короткова, Шелепин не забыл дать указание контрразведке КГБ наблюдать за деятельностью германского отдела в Москве, за работой аппарата в Карлсхорсте и за самим Коротковым, включая все его контакты с друзьями и коллегами. Однако, несмотря на все предпринятые меры, доклад так и не был представлен.

Поскольку срок приближался, Сахаровский вызвал Леонида Сиомончука — в то время начальника германского отдела - и приказал ему написать доклад. Тот отказался, напомнив Сахаровскому, что

аппарат в Карлсхорсте состоит из отделов, подчиненных соответствующим управлениям и структурам в Москве.

Ответ Сиомончука дает возможность взглянуть на бюрократическую реальность отношений между Карлсхорстом и Москвой: "Как я могу писать доклад о деятельности всего аппарата, который подчинен непосредственно председателю, когда я знаю только то, что происходит в германском направлении? Мне ничего не известно об операциях в отношении главного противника - Соединенных Штатов, о контрразведке, о советской колонии, о нелегалах и т. д. Почему бы вашему заместителю не созвать всех начальников управлений и отделов и не сказать им, что надо написать?" Последнее было сделано, но остальные начальники протестовали аналогичным образом: они не могут писать подобный доклад, сидя в Москве. Один только Короткое знает все детали операций в его регионе. Алексей Крохин, шеф управления нелегалов, заявил, что Короткое получил указания по нелегальной линии из центра, "но почему он должен что-то нам объяснять?". Это была нормальная реакция, так как Короткое имел большой опыт работы с нелегалами. Иван Фадейкин, возглавлявший Тринадцатый отдел, но до того долго работавший в Карлсхорсте, предложил вызвать Короткова по спецсвязи и спросить у него обо всем, что нужно. Сиомончук позвонил, описал ситуацию, и Коротков ответил, что прилетит в Москву доклад в понедельник.

В понедельник тоже ничего не изменилось, правда, Коротков заявил, что сам приедет в Москву и доложит обо всем лично. Требовался доклад, который бы устроил Шелепина, и Сиомончук составил проект, дополненный Сахаровским. По существу, в нем утверждалось, что за последний год улучшилась работа с немецкими "друзьями" и повысился уровень получаемой информации.

Проект был передан Шелепину лично Коротковым на встрече, где присутствовали также высшие офицеры Первого главного управления. Шелепин резко критиковал Короткова, указывая на то, что тот должен не только работать с немцами, но и заниматься делами своего аппарата. "Если так, то я собираю чемодан и уезжаю", — ответил Коротков. Шелепин отреагировал назначением новой комиссии для проверки положения дел в Карлсхорсте.

Когда комиссия представила наконец дополненный доклад, Шелепин, обсуждая его с Коротковым, высказал свои прежние претензии, чем, собственно, и было вызвано создание комиссии: "Обратите больше внимания на руководство аппаратом, на работу со своими сотрудниками и координируйте эту работу с военной контрразведкой. В конце концов, у нас там армия, и мы должны заботиться о ее безопасности. Вы должны использовать свою территорию для нашей разведывательной работы, а не полагаться на немецких "друзей". Мы должны иметь собственные источники"...

Коротков вернулся в Берлин, но 27 июня 1961 года вновь был вызван в Москву для консультаций в ЦК КПСС. После переговоров Коротков... позвонил Серову. В тот же день два старых друга пошли в спортивный комплекс КГБ на малом стадионе "Динамо", что на Петровке, где они играли в теннис. Там у Короткова случился сердечный приступ и он умер.

Слово Шелепину

На проходившем в октябре 1961 г. XXII съезде КПСС председатель КГБ при СМ СССР А. Н. Шелепин выступил с речью, где в частности заявил:

"Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов...

Вся деятельность органов КГБ проходит теперь под неослабным контролем партии и правительства, строится на полном доверии к советскому человеку, на уважении его прав и достоинства". И далее: "Органы государственной безопасности — это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом враги — Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова...

Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа"⁷.

(Н.С.Хрущев оценил рвение своего назначенца. На состоявшемся 31 октября 1961 г. первом после съезда Пленуме ЦК КПСС А.Н.Шелепин был избран секретарем ЦК КПСС. В связи с этим он оставил пост председателя КГБ при СМ СССР, перейдя на партийную работу. Вслед за ним 9 ноября 1961 г. ушел на работу в ЦК КПСС и начальник его секретариата В.М.Беляков. И хотя формально Шелепин был освобожден от должности в КГБ Указом Президиума Верховного Совета СССР только 13 ноября, уже с 5 ноября 1961 г., в соответствии с указанием ЦК КПСС, исполнение обязанностей председателя КГБ при СМ СССР было возложено на первого заместителя председателя КГБ П.И.Ивашутина.)

1В действительности начальником бывшего 3-го Главка КГБ, пониженного при Н.А.Шелепине в статусе до управления, 12.06.1959 г. стал генерал-майор А.М.Гуськов, Н.А.Фадейкин был назначен его первым замом; сменил же Гуськова на посту начальника 3-го Управления Фадейкин позднее - 19 февраля 1963 года.

2Ульбрихт, Вальтер (1893-1973)-с 1953 первый секретарь ЦК СЕПГ, с 1960 председатель Госсовета ГДР.

3Коротков А.М. (1909-1961) - генерал-майор, в 1953- 1954-нач. ПГУ МВД-КГБ при СМ СССР, с 1954-зам. нач. ПГУ КГБ при СМ СССР, с 1957-руководитель аппарата КГБ при МГБ ГДР.

4Представительство КГБ в ГДР.

5Ministerium fuer Staatsicherheit - MfS; Министерство госбезопасности - МГБ ГДР.

6Бывший нач. 5-го Управления КГБ, генерал армии ф.д. Бобков также критикует Н.А.Шелепина за то, что тот "заменил ветеранов юными и неопытными партийными карьеристами и предпринял множество плохо продуманных организационных перестановок". Однако главной претензией к Шелепину была его постоянная готовность использовать службу в интересах собственной карьеры. - См.: Бобков Ф. "КГБ и власть" (М., Изд. "Ветеран МП". 1995. С. 173-184).

7XXII съезд КПСС (Стенографический отчет)". М., 1961. Т. 2. С. 406-407.

Сведения о деятельности советской контрразведки (за 1957, 1967 гг.) из секретных отчетов председателей КГБ при СМ СССР в ЦК и Политбюро ЦК КПСС.

"Пойманы... десятки шпионов"

Из Записки А.И.Серова в ЦК КПСС о работе КГБ при СМ СССР от июня 1957 г. Публикуется по изданию: "ЛУБЯНКА. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991". Справочник. Составители: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. Сер. "Россия. XX век. Документы". М., Изд. "Материк". 2003. С. 690 - 691).

(...) За последние три года органами госбезопасности при активной помощи советского народа были пойманы на советской территории десятки шпионов, проникших нелегальным путем (морем, воздухом, через сухопутные границы), у которых были изъяты радиостанции, оружие, фотоаппараты, средства тайнописи, яды, фиктивные документы и значительные суммы советских денег и иностранной валюты.

По изъятым у этих шпионов документам и по их личным показаниям, а также по материалам, полученным нами из других источников, видно, что разведки капиталистических государств всеми силами стремятся добывать сведения о наших вооруженных силах, о новой технике и достижениях советской науки, пытаются проникнуть в важные промышленные центры страны и объекты оборонного значения и атомной промышленности.

Наряду с заброской специально обученной агентуры на территорию Советского Союза, вражеские разведки принимают активные меры к сбору разведывательных данных через своих разведчиков, прибывающих в СССР под видом дипломатов, туристов и членов различных делегаций.

В этих целях они используют не только поездки по стране, но и новейшую технику, рассчитанную на добычу секретных данных большой государственной важности.

С тем, чтобы сорвать разведывательные планы противника, органы госбезопасности принимают необходимые меры к пресечению шпионской деятельности вражеских разведчиков, а также к выдворению из пределов СССР дипломатов-разведчиков.

Органами госбезопасности у американских разведчиков с дипломатическими паспортами была изъята специальная аппаратура, с помощью которой они пытались заполучить данные о системе противовоздушной обороны крупнейших городов нашей страны, и эти "дипломаты" были выдворены из Советского Союза.

Организуя подрывную работу против Советского Союза, американская разведка рассчитывает на использование отдельных вражеских элементов внутри нашей страны и создание с их помощью антисоветского подполья.

Органы госбезопасности за последние три года вскрыли ряд антисоветских групп, проводивших подрывную работу и поддерживавших связь с некоторыми иностранными посольствами в Москве.

В условиях обострения международной обстановки и разгула реакции в странах империализма, оживления антинародной деятельности контрреволюционных элементов в некоторых странах народной демократии, капиталистические разведки усилили враждебную деятельность против Советского Союза, широко используя в этих целях все имеющиеся у них возможности, в том числе и разного рода шпионско-эмигрантские центры.

Под воздействием международной реакции жалкие остатки антисоветских элементов в нашей стране кое-где пытаются поднять голову, используя в своих гнусных целях имеющиеся еще трудности и

недостатки, возводят клевету на политику партии и правительства, распространяют провокационные слухи.

Имеющиеся в органах госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что разведки империалистических государств, наряду с усилением шпионско-диверсионной деятельности, развернули бешеную пропаганду против основ политического строя в СССР и странах народной демократии.

Враждебные действия и враждебная пропаганда разведок капиталистических государств вызвали надежду на восстановление капиталистического строя у скрытых врагов социализма, которые после венгерских событий несколько оживились и активизировали свою деятельность.

Особую активность проявляют бывшие участники троцкистско-националистических и других враждебных организаций, а также отдельные антисоветские элементы, которые ведут работу против партии, используя в этих целях неустойчивых и политически незрелых лиц из числа рабочих, интеллигенции, молодежи, призывая их к борьбе против советской власти.

Оживлению антисоветской деятельности после венгерских событий в значительной мере способствовали враждебные элементы из числа лиц, возвратившихся из мест заключения, отбывавших наказание за контрреволюционные преступления. Эти лица пытаются группировать вокруг себя политически неустойчивых граждан с целью привлечения их к враждебной подрывной работе.

Органы госбезопасности с помощью партийных, комсомольских и профсоюзных организаций бдительно следят за происками враждебных элементов и, в соответствии с законами советской власти, своевременно пресекают их преступные действия (...).

(РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 58 - 68. Копия).

"Сфотографированы... отчеты военных атташе и другие материалы"

Из доклада Ю.В.Андропова Л.И.Брежневу № 1025-а/ов "О результатах работы Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органов на местах за

1967 год" от 6 мая 1968 г. Публикуется по изданию: "ЛУБЯНКА. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917- 1991". Справочник. Составители: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. Сер. "Россия. XX век. Документы". М., изд. "Матенрик". 2003. С. 716-717).

(...) Главное внимание в деле повышения уровня контрразведывательной работы внутри страны уделялось дальнейшему совершенствованию ее с таким расчетом, чтобы она обеспечивала более эффективную борьбу с военным, экономическим и политическим шпионажем.

Практически выполняя эту задачу, контрразведывательные аппараты направляли свои усилия на проведение мероприятий по агентурному проникновению в разведки и другие специальные службы империалистических государств.

В течение 1967 года осуществлялись с этой целью подставы вражеским разведкам 31 агента органов КГБ, из которых 12 попали в поле зрения специальных служб противника и тщательно изучаются ими, что создает предпосылки для завершения этих агентурных позиций в зарубежных центрах,

планирующих и осуществляющих идеологические диверсии, а также в антисоветских, националистических и религиозных организациях. В их руководящие органы внедрено 7 агентов.

В целях перехвата и контроля каналов проникновения противника в нашу страну продолжалась работа по обеспечению успешного осуществления оперативных игр.

В настоящее время ведется 9 таких игр, в том числе 4 с разведкой США, а также 8 игр с центром НТС и 2 — с закордонными центрами украинских националистов.

В результате проведения этих мероприятий удалось выявить устремления вражеских разведок к отдельным районам Советского Союза, в частности к Дальнему Востоку, Прибалтике, пограничным районам Украины, а также к ряду предприятий и научно-исследовательских институтов, получить данные о некоторых способах связи разведок противника с агентурой, выявить конкретных разведчиков, проводящих враждебную работу против СССР, а также передать противнику выгодную нам информацию и дезинформацию, в том числе по вопросам оперативной деятельности.

Более успешному выполнению задач по проникновению в спецслужбы противника способствовали также мероприятия по вербовке иностранцев. В 1967 году среди них завербовано 47 агентов, из которых 8 являются дипломатами.

Контрразведывательной службой осуществлялись специальные мероприятия, в результате которых сфотографированы 54 документа послов стран-участниц НАТО, годовые отчеты некоторых посольств, отчеты военных атташе и другие секретные материалы по политическим, военно-экономическим, оперативным и другим вопросам. Наряду с этим в 11 посольствах капиталистических стран обработаны шифры и коды, что позволит дешифровать их переписку.

Среди сотрудников дипломатических представительств и приезжающих в СССР туристов, коммерсантов, членов различных делегаций (в 1967 году их насчитывалось свыше 250 тысяч чел.) установлено более 270 иностранцев, заподозренных в причастности к специальным службам противника. За разведывательную деятельность, проведение акций идеологических диверсий, контрабанду, незаконную валютную деятельность и нарушение норм поведения выдворено из СССР 108 и привлечено к уголовной ответственности 11 иностранцев.

Аппаратами военной контрразведки КГБ совместно с органами безопасности ГДР разоблачено 17 агентов западных разведок, проводивших шпионскую работу против Группы советских войск в Германии.

В ходе осуществления контрразведывательных мероприятий в отношении вражеских разведчиков-дипломатов и других иностранцев, подозреваемых в принадлежности к спецслужбам противника, среди их преступных связей выявлен и разоблачен ряд советских граждан, установивших контакты с ними в целях передачи секретной информации. В числе таких лиц, привлеченных к уголовной ответственности, — старший экономист научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР Салов, старший инженер Всесоюзного объединения "Станкоимпорт" МВТ СССР Серегин, техник особо важного объекта Министерства среднего машиностроения Малышев.

Организуя более эффективную борьбу с военным и экономическим шпионажем, контрразведывательные аппараты КГБ принимали меры к усилению режима секретности, дальнейшему совершенствованию защиты гос. секретов от радиотехнических и воздушно-космических средств разведки противника и пресечению его попыток использовать в разведывательных целях расширение научно-технического обмена между СССР и капиталистическими странами.

Органы военной контрразведки КГБ проделали значительную работу по маскировке ракетных стартов, складов ядерного оружия и других объектов от космической разведки противника, выявлению и предупреждению нарушений в скрытом управлении войсками и использовании средств связи, а также по контрразведывательному обеспечению войсковых учений и маневров, перевозок военной техники (...).

Составной частью работы органов военной контрразведки КГБ по обеспечению боевой готовности Советских Вооруженных Сил являлись мероприятия по предупреждению акций идеологической диверсии в частях и подразделениях армии и флота, своевременному пресечению каналов проникновения буржуазной идеологии. В 1967 году было предотвращено 456 попыток распространения среди военнослужащих рукописей, зарубежных журналов и других изданий антисоветского и политически вредного содержания, а также 80 попыток создания в войсках различных групп враждебной направленности.

В комплексе мер, принятых в интересах более успешного решения контрразведывательных задач, важное место занимали мероприятия по укреплению агентурного аппарата. В 1967 году органами КГБ было завербовано 24952 агента, что составляет около 75% всего агентурного аппарата, численность которого с учетом исключенной из него агентуры в течение года существенно не изменилась. Наряду с этим совершенствовались формы и методы использования наружного наблюдения и оперативной техники. Особое внимание при этом обращалось на разработку новейших образцов специальной техники и обеспечение ими подразделений разведки и контрразведки. Работа в этом направлении ведется с учетом того, что усиление борьбы с противником, оснащенным на уровне последних достижений науки и техники, требует более широкого применения в чекистской работе современных технических средств, а следовательно, коренного улучшения технической вооруженности органов КГБ, в связи с чем значительно возрастают материальные затраты на эти цели.

Характеризуя состояние оперативных учетов органов КГБ, следует отметить, что в количественном отношении они продолжали сокращаться, хотя и в незначительной степени. По данным на 1 января с. г., контрразведывательными аппаратами КГБ ведется разработка 1068 чел., разыскивается 2293 чел., осуществляется наблюдение за 6747 чел.

В 1967 году органами КГБ привлечено к уголовной ответственности 738 чел., из них 263 чел. за особо опасные и 475 — за иные государственные преступления. В числе привлеченных к уголовной ответственности — 3 чел., совершивших диверсии, 121 чел. являются предателями и карателями периода немецко-фашистской оккупации, 34 чел. обвинялись в измене Родине и покушении на измену, 96 чел. — в антисоветской агитации и пропаганде, 227 чел. — в нелегальном переходе границы, 100 чел. — в хищениях государственного и общественного имущества в крупных размерах и взяточничестве, 148 чел. — в контрабанде и нарушении правил о валютных операциях; один иностранец и один советский гражданин арестованы за шпионаж.

В отчетном году Комитетом госбезопасности принят ряд действенных мер к укреплению законности в работе органов госбезопасности. Расследование уголовных дел проводилось в соответствии с нормами процессуального законодательства. По делам органов КГБ в 1967 году проведено 13 судебных процессов с участием широкой общественности [...].

(РГАНИ. Ф. 89. Оп. 51. Д. 3. Л. 1-14. Копия).

Комментарии

Глава 1. Возмужание

КАЛИНИН Михаил Иванович (07(19).11.1875, дер. Верхняя Троица Корчевского уезда Тверской губернии - 03.06.1946, г. Москва). Родился в крестьянской семье. Русский. Член Коммунистической партии с 1898 г. Образование начальное: в 1889 г. окончил четырехклассную сельскую школу. В 1893 г. начал работать в Петербурге учеником токаря на заводе "Старый арсенал", а с 1896 г. токарем на Путиловском заводе. В июле 1899 г. арестован и в апреле 1900 г. выслан в Тбилиси, где работал токарем в Главных железнодорожных мастерских. В августе 1900 г. арестован за революционную деятельность и в марте 1901 г. выслан в Ревель (ныне Таллин), где стал работать токарем на заводе "Вольта". В 1902 г. организовал марксистский кружок и подпольную типографию, был активным агентом "Искры". В январе 1903 г. арестован и заключен в петербургскую тюрьму "Кресты". В июле 1903 г. вновь выслан в Ревель. Активный участник революции 1905-1907 гг. в Петербурге. В 1905 г. возглавил большевистскую организацию Путиловского завода. В 1906 г. являлся членом Петербургского комитета РСДРП. В 1908-1910 гг. работал в Москве монтером на Лубянской электростанции и Миусской трамвайной подстанции, вел активную партийную работу. Участвовал в создании газеты "Правда". В 1911-1912 гг. лекальщик на оружейном заводе в Петербурге. В 1913-1915 гг. работал на заводе "Айваз" в Петербурге, продолжая партийную работу. Подвергался арестам в 1904, 1910 и 1916 гг. Приговоренный к высылке в Восточную Сибирь, в конце 1916 г. скрылся в подполье. Активно участвовал в Февральской революции 1917 г., был членом Петербургского комитета большевиков, его представителем в бюро ЦК РСДРП (б), членом редакции "Правды". Делегат VI съезда РСДРП (б). В сентябре 1917 г. избран гласным Петроградской городской думы и председателем управы Лесновско-Удельнинского района. После Октябрьской революции избран городским головой Петрограда. С декабря 1917 г. член коллегии Наркомата продовольствия РСФСР. С 1918 г. работал комиссаром городских хозяйств Союза коммун Северной области и Петроградской трудовой коммуны. С марта 1919 г. председатель ВЦИК, а с 30 декабря 1922 г. одновременно один из председателей ЦИК СССР. С 15 января 1938 по 15 марта 1946 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С марта 1946 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦИК СССР 1-7-го созывов. Депутат Верховного Совета СССР 1-2-го созывов. Член ЦК ВКП (б) с 1919 г. (кандидат в члены ЦК 1912-1917 гг.). Член Политбюро ЦК ВКП (б) с 01.01.1926 г. (кандидат в члены Политбюро с 25.03.1919 г.). Член Оргбюро ЦК 29.11.1919-29.03.1920 и 02.06.1924 - 18.12.1925 (кандидат в члены Оргбюро 16.03.1921 - 02.06.1924). Герой Социалистического Труда (1944). Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени. Похоронен на Красной площади в Москве.

ОСИПЕНКО Полина Денисовна (1907 - 1939) - советская летчица, Герой Советского Союза (1938). Член ВКП(б) с 1932. Установила 5 международных женских рекордов. В сентябре 1938 совершила - вместе с В.С.Гризадубовой и М.М.Расковой - беспосадочный перелет по маршруту Москва - Дальний Восток (р-н Комсомольска-на-Аму-ре). Погибла при исполнении служебных обязанностей. Именем О. названы улицы, населенные пункты, школы и пр. в СССР.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (10(22). 11. 1893, дер. Кабаны Чернобыльского уезда Киевской губернии - 25.07.1991, г. Москва). Родился в крестьянской семье. Еврей. Член Коммунистической партии в 1911-1961 гг. Образование низшее: самоучка.

С мая 1917 г., находясь на службе в царской армии, руководил Саратовской военной большевистской организацией. С июля 1918 г. председатель Нижегородского губкома РКП(б) и председатель Нижегородского губисполкома. В 1919-1920 гг. в Красной Армии на Южном фронте. С 1920 г. председатель Воронежского губисполкома, член Туркбюро ЦК РКП(б), народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции Туркменской Советской Республики, председатель Ташкентского городского Совета депутатов. С 1921 г. на профсоюзной работе. С 1922 г. заведующий отделом ЦК РКП(б). В июне 1924 - апреле 1925 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В апреле 1925 - июле 1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. В июле 1928 - марте 1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно в апреле 1930 - марте 1935 гг. первый секретарь Московского областного комитета ВКП(б) и в феврале 1931 -январе 1934 гг. первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б). В 1933 г. заведующий отделом ЦК ВКП(б). В феврале 1935 - августе 1937 гг. народный комиссар путей сообщения СССР. В августе 1937 - январе 1939 гг. народный комиссар тяжелой промышленности СССР. Одновременно в апреле 1938 - марте 1942 гг. народный комиссар путей сообщения СССР. В августе 1938 - мае 1944 и в декабре 1944 - марте 1946 гг. заместитель Председателя СНК СССР. Одновременно в январе-октябре 1939 гг. народный комиссар топливной промышленности СССР. В октябре 1939 - июле 1940 гг. народный комиссар нефтяной промышленности СССР. В феврале 1942 - сентябре 1945 гг. член Государственного комитета обороны СССР. В июле-сентябре 1942 гг. член военного совета Северо-Кавказского фронта. В декабре 1942 - феврале 1943 гг. член военного совета Закавказского фронта. В феврале 1943 - декабре 1944 гг. народный комиссар путей сообщения СССР. В марте 1946 - марте 1947 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР и одновременно министр промышленности строительных материалов СССР. В марте-декабре 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) Украины. В декабре 1947 - марте 1953 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно в январе 1948 - октябре 1952 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению народного хозяйства. В марте 1953 - июне 1957 гг. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно в мае 1955 - июне 1956 гг. председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. В сентябре 1956 - мае 1957 гг. министр промышленности строительных материалов СССР. С 1957 г. директор Уральского калийного комбината. С 1961 г. на пенсии.

Член ЦИК СССР 1-7 созывов. Депутат Верховного Совета СССР 1-4 созывов. Член ЦК КПСС в 1924-1957 гг. (кандидат с 1923 г.; член Комиссии партийного контроля в 1934-1939 гг.). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС 13. 07. 1930 - 29. 06. 1957 (кандидат с 23. 07. 1926). Член Оргбюро ЦК ВКП(б) 02. 06. 1924 - 18. 12.1925 и 12.07.1928 - 18.03.1946. Секретарь ЦК ВКП(б) 02.06.1924 -30.04.1925 и 12.07.1928-10.03.1939. Герой Социалистического Труда (1943). Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Глава 2. Литва

СМЕТОНА Антанас (1874-1944) - один из политических руководителей литовской буржуазии. В 1917 г. - председатель "Литовского совета" ("Летувос тарибас"); в этом статусе активно сотрудничал с немецкими оккупантами. В 1919-1920 гг. - первый президент буржуазной Литвы. С 1924 г. - лидер "таутинин- ков" ("националистов") — партии крупной литовской буржуазии. В 1926 г., совершив военный переворот, возглавил фашистский режим в Литве, вновь стал президентом. Дважды (в ноябре 1939 г., и в феврале 1940 г.) направлял в Берлин начальника департамента ГБ МВД Литвы А.Повилайтиса с секретной миссией, целью которой было добиться согласия Германии об установлении военного протектората над Литвой. Гитлер обещал помочь, но в итоге отказался от своего решения. 15.06.1940 бежал сначала в нацистскую Германию, а оттуда в Бразилию. В июле 1940 г. литовский парламент принял решение об установлении в республике советской власти. Ни в так называемое Временное правительство Литвы,

созданное "Фронтом литовских активистов" (ФЛА) в Каунасе на следующий день после нападения Германии на СССР, ни в формируемый самими оккупантами "совет доверенных лиц" по Литве С. даже не пригласили.

СНЕЧКУС Антанас Юозович (1902/1903-1974) - советский партийный и государственный деятель. Герой Социалистического Труда (1973). Член ВКП(б) с 1920 г. В буржуазной Литве возглавлял большевистское подполье. В 1927-1930 гг. - секретарь ЦК КП Литвы (КПЛ). Работал в Отделе международных связей (затем в Службе связей) ИККИ. В 1936-1939 и с 1940 г. - первый секретарь ЦК КПЛ. В 1941-1944 - начальник штаба партизанского движения Литвы. В 1945-1946 - главнокомандующий советскими войсками в Литве. С 1941 г. - кандидат в члены ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР; с 1952 - член ЦК ВКП(б).

КРОСТИНИС В., МИЛЬВИДАС А., КАЗЛАУСКАС К. - члены Компартии и правительства Литовской ССР, образованной 21 июля 1940 г. (с 03.08.1940 - в составе СССР).

"Совгум" ("Sovgum") - служба государственной безопасности МВД буржуазной Литвы, ее шефом был полковник А.Повилайтис (личный друг и конфидент А.Сметоны).

"КУЛЬТУРФЕРБАНД" ("Kulturverband") - аффилированная структура нацистской "Заграничной организации" (Auslandsorganization - АО), во главе которой стоял гауляйтер Эрнст Вильгельм Боле. Помимо "Kulturverband" в Литве (а также в других республиках Прибалтики) действовал целый ряд обществ, клубов и частных лиц, вполне легально занимавшихся прогерманской и профашистской пропагандой. На территории Прибалтики, главным образом в Латвии, активно проводили прогитлеровскую агитацию такие общества, как "Немецко-балтийский трудовой центр", "Немецко-балтийское народное объединение", "Орден балтийского братства", "Союз молодежи" ("Jugendverband"), которые объединяли главным образом прибалтийских немцев и, по свидетельствам современников, фактически являлись прибалтийским филиалом национал-социалистической партии. Все эти организации непосредственно контролировались "Великогерманским балтийским союзом" в Кенигсберге. Там были даже открыты курсы для подготовки активистов "Союза" в качестве нацистских агитаторов, которых часто возили на экскурсии в рейх "для знакомства с национал-социализмом". Руководил этим союзом Альфред Розенберг, будущий министр по делам оккупированных восточных территорий и главный идеолог Гитлера.

ПАЛЕЦКИС Юстас Игнович (1899, г. Тельшяй Ковенской губернии (ныне Литва) - 26.01.1980, г. Вильнюс). Литовец. Член Коммунистической партии с 1940 г. Образование незаконченное высшее: окончил в 1927 г. два курса гуманитарного факультета Каунасского университета. С 1916 г. рассыльный, писарь паспортного отдела 1-го полицейского участка г. Риги. В 1917 г. конторщик военно-гидротехнического участка в г. Риге. С 1917 г. плотник в немецком оккупационном железнодорожном отряде в г. Шяуляе. В 1919 г. переводчик редакции газеты "Дарбининку кова" ("Борьба рабочих") в Риге. С 1919 г. секретарь, переводчик литовской военной миссии в Латвии и одновременно в 1920-1923 гг. заведующий отделом телеграфного агентства "Эльта" при посольстве Литвы в Латвии, г. Рига. С 1923 г. учитель 1-й литовской начальной школы в Риге. С 1926 г. директор Литовского телеграфного агентства, г.Каунас. В 1927-1939 гг. корреспондент рижской газеты "Яунакас Зиняс", одновременно сотрудник, член редакции, редактор

газет и журналов "Няуяс Жодис", "Лайко жодис", "Лайкас", "Лиетувос жи-ниос" и других в Каунасе. В 1939 г. политический заключенный в концентрационном лагере в местечке Димитрава Кретингского уезда Литвы. С 1939 г. в ссылке вначале в Риге, затем в г. Ионшпкис Кедайнского уезда Литвы. 17 июня 1940 г. принял полномочия от и.о. президента Литвы А. К. Меркиса, подавшего в отставку. С июля 1940 г. - премьер-министр, исполняющий обязанности Президента Литовского народного правительства. С августа 1940 г. Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР. С августа 1966 г. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР. С августа 1970 г. персональный пенсионер союзного значения. Депутат Верховного Совета СССР 1-8-го созывов. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952-1971 гг. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени. Автор книг: "СССР нашими глазами" (1933), "Книга путешествий" (1969), сборников стихов и книги мемуаров "В двух мирах" (1974). Похоронен в Вильнюсе.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (23.01(04.02).1881, с. Верхнее Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, ныне в черте г. Лисичанска Луганской области, - 02. 12. 1969, г. Москва). Родился в семье рабочего-железнодорожника. Русский. Член Коммунистической партии с 1903 г. Образование начальное: в 1895 г. окончил сельскую земскую школу. С 1896 г. работал на Юрьевском металлургическом заводе (ст. Алчевская). С 1903 г. в Луганске на паровозостроительном заводе Гартмана. В 1904 г. член Луганского большевистского комитета. В 1905 г. председатель Луганского Совета, руководил стачкой рабочих, созданием боевых дружин. В 1908-1917 гг. вел подпольную работу в Баку, Петербурге, Царицыне. Неоднократно подвергался арестам, отбывал ссылку. После Февральской революции 1917 г. член Петроградского Совета. С марта

1917 г. председатель Луганского Совета и городской Думы. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). В ноябре 1917 г. был комиссаром Петроградского военнореволюционного комитета (по градоначальству), участвовал в создании ВЧК. В январе 1918 г. председатель Чрезвычайной комиссии по охране Петрограда. В начале марта 1918 г. организатор и командир 1-го Луганского социалистического отряда, оборонявшего Харьков от германо-австрийских войск. С апреля 1918 г. один из организаторов и командующий 5-й армией. В июле - начале августа 1918 г. командовал группой войск при обороне Царицына. В августе-сентябре 1918 г. член военного совета Северо-Кавказского военного округа, в сентябре - октябре помощник командующего и член реввоенсовета Южного фронта, в октябре - декабре командующий 10-й армией. С ноября 1918 г. член Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. С января 1919 г. нарком внутренних дел УССР. Делегат VIII съезда РКП(б), примыкал к "военной оппозиции". В мае - июне 1919 г. руководил разгромом мятежа на юге Украины под руководством Н. А. Григорьева. В июне-июле 1919 г. командующий 14-й армией и командующий внутренним Украинским фронтом. Один из организаторов и в ноябре 1919 - мае 1921 гг. член реввоенсовета 1-й Конной армии. В марте 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В 1921-1924 гг. член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. С 1924 г. командующий войсками Московского военного округа, член РВС СССР. С января 1925 г. заместитель, а в июне 1925 - июне 1934 гг. нарком по военным и морским делам СССР и председатель РВС СССР. В июне 1934 - мае 1940 г. нарком обороны СССР. В мае 1940 - марте 1946 г. заместитель Председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР (до мая 1941 г.). В 1941-1944 гг. член Государственного комитета обороны и Ставки Верховного Главнокомандования; главнокомандующий войсками Северо-Западного направления (10 июля - 31 августа 1941 г.). В сентябре 1941 г. командующий Ленинградским фронтом. В январе 1943 г. координировал действия войск Ленинградского и Волховского фронтов при прорыве

блокады Ленинграда. В декабре 1943 г. в Отдельной Приморской армии разрабатывал план операции по освобождению Крыма. В 1945-1947 гг. председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии. С марта 1946 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР. В марте 1953 - мае 1960 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1960 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦИК СССР 1-7-го созывов. Депутат Верховного Совета СССР 1-7-го созывов. Член ЦК КПСС в 1921-1961 гг. и с 1966 г. Член Политбюро (Президиума) ЦК 01.01.1926-16.07.1960. Член Оргбюро ЦК 02.06.1924-18.12.1925. Дважды Герой Советского Союза (1956,1968), Герой Социалистического Труда (1960). Награжден восемью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, Красного Знамени Узбекской ССР, Красного Знамени Таджикской ССР, Красного Знамени РСФСР, почетным оружием с изображением Государственного герба СССР. Маршал Советского Союза (1935). Похоронен на Красной площади в Москве.

ДЕПОРТАЦИЯ отдельных категорий граждан из Литвы в 1940 - 1941 гг. - В мае и июне 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления об "очистке" республик Советской Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии от "антисоветского, уголовного и социальноопасного элемента". Аресту и выселению подлежали активные члены контрреволюционных партий и участники антисоветских националистических, белогвардейских организаций; крупные чиновники буржуазного государственного аппарата; сотрудники карательных органов; бывшие офицеры польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы; крупные помещики, фабриканты, торговцы и члены их семей; лица, прибывшие из Германии по репатриации; немцы, подозревавшиеся в связях с иностранными разведками; уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью. Перечисленные категории лиц на основании постановлений местных органов НКВД арестовывались и направлялись в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на 20 лет, а члены семей выселялись в отдаленные местности Советского Союза на 20 лет. Имущество конфисковывалось. Всего из западных областей СССР в предвоенный и послевоенный периоды было выселено 618 084 человек, из них 49 107 арестовано. В том числе из Литвы -108 034 человек, 11 308 арестовано (1941 г. -15 851,1948 г. - 39 766, 1949 г. - 29 180, 1950-52 гг. - 22 804). Действия органов НКВД по депортации из Литвы являлись чрезвычайной мерой и обуславливались сложившейся внешней и внутривнутриполитической обстановкой, деятельностью агентуры вражеских разведок и значительным количеством лиц, выступавших против Советской власти, вплоть до совершения террористических актов в отношении партийного и советского актива, а в послевоенный период и вооруженными выступлениями националистических бандформирований (в 1941-1950 гг. в республиках Прибалтики бандформированиями совершено 3426 вооруженных нападений; убито советских активистов - 5155 человек; органами государственной безопасности ликвидировано 878 вооруженных банд).

Вместе с тем в процессе осуществления мер по выселению из Литвы имели место факты грубых нарушений советской законности: необоснованные аресты ряда граждан, огульный подход в оценке их социальной опасности, репрессии против членов их семей (включая женщин, стариков и детей), присвоение чужого имущества и т.д.

В 1988 г. ЦК КП Литвы, Латвии и Эстонии направили в Политбюро ЦК КПСС предложение о единовременной реабилитации всех граждан этих республик, которые подверглись в 1941-1950 гг. депортации и другим видам репрессий. В свою очередь Политбюро обратилось в КГБ СССР за консультацией по данному вопросу. 23.09.1988, в результате проведенного "тщательного анализа

архивных материалов", возглавлявший тогда КГБ В.М.Чебриков направил в Политбюро ЦК КПСС секретную записку (№ 16441-4), в которой, в частности, делалось следующее заключение: "Что касается предложения ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии о признании неправомерными решений союзных инстанций о выселениях в 40-50-х годах, то одновременная реабилитация всех категорий выселенных была бы неоправданной, поскольку значительное число лиц, подвергшихся выселению, активно боролось против Советской власти". Об ознакомлении с запиской на ее первой странице расписались члены Политбюро и Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930-1940-х и начала 1950-х годов ("вкруговую"): М. Горбачев, А. Яковлев, Л. Зайков, Н. Слюньков, В. Медведев, В. Никонов, Н. Рыжков, Е. Лигачев, Б. Пуго, Г. Смирнов, А. Лукьянов, Г. Разумовский, Э. Шеварднадзе и В. Крючков САрхив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 108. Д. 526. Л. 4 -8).

РЕПАТРИАЦИЯ немцев из Литвы и литовцев из Германии в 1940- 1941 гг. проводилась на основе протокола, являвшегося секретным приложением к советско-германскому договору (пакту Молотова-Риббентропа) от 23.08.1939, и дополнительных соглашений 1940 г. Как правило, репатриированные из Германии литовцы сразу по прибытии в СССР арестовывались органами НКВД и направлялись в тюрьмы и лагеря как "немецкие шпионы и диверсанты". Соответственно, абсолютное большинство литовских немцев, отправлявшихся в Германию, являлись агентами НКВД и Коминтерна; многие из них по прибытии в рейх были также арестованы гестапо. Следует отметить, что в рамках мер по репатриации в конце 1939 - начале 1940 гг. в Германию были отправлены десятки ранее арестованных НКВД немцев-коминтерновцев, членов КПГ и ВКП(б) (часть из них была расстреляна в СССР), несмотря на то что эти люди были хорошо известны нацистским спецслужбам. Фактически это был "дружеский жест" Сталина в адрес Гитлера. Как известно, в 1943 г. Сталин вообще распустил Коминтерн.

МОЛОТОВ Вячеслав Михайлович (09.03.1890-08.11.1986). Настоящая фамилия Скрябин. Русский. Родился в с. Кукарка Вятской губернии в семье приказчика. В 1902 г. поступил в 1-е Казанское реальное училище. В 1906 г. вступил в РСДРП, тогда же принял партийный псевдоним Молотов. Вел нелегальную работу среди учащихся средних учебных заведений Казани, входил в общегородской руководящий центр, объединявший революционные кружки в учебных заведениях города. В апреле 1909 г. был арестован и в июне выслан на 2 года в Вологодскую губернию. В 1910-1911 гг., находясь в ссылке под надзором полиции, вел подпольную пропагандистскую работу среди ж.-д. рабочих Вологды, восстановил разгромленную к тому времени местную организацию большевиков. В 1911 г. приехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. В Петербурге вел активную политическую работу среди студенчества и рабочих Выборгского района. В 1912 г. работал в редакции легальной большевистской газеты "Звезда", являлся членом редколлегии и ответственным секретарем редакции газеты "Правда", членом Петербургского комитета РСДРП(б). Вел активную переписку с В. И. Лениным, оказывал помощь большевистской фракции 4-й Государственной Думы. За революционную деятельность в 1913-1914 гг. неоднократно подвергался арестам. В 1914 г. направлен в Москву для восстановления работы разгромленной там парторганизации. В 1915 г. арестован и выслан на 3 года в с. Манзурка Иркутской губернии. В мае 1916 г. бежал из ссылки, по предложению В. И. Ленина был кооптирован в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б), которое возглавил после Февральской революции 1917 г. В 1917 г. вошел в состав Петросовета. Являлся делегатом Апрельской конференции и VI съезда РСДРП (б). Участник Октябрьской революции в Петрограде, член ВРК. После победы революции - один

из руководителей Петросовета. С 1918 г.- председатель СНХ Северного района, руководил национализацией банков, предприятий промышленности и транспорта, налаживанием управления производством. С лета 1919 г. В. М. Молотов - уполномоченный ЦК РКП(б) и СНК в Поволжье, затем - председатель Нижегородского губисполкома. С сентября 1920 г. - секретарь Донецкого губкома РКП(б), с ноября 1920 г. по 1921 г.- секретарь ЦК КП(б) Украины. С конца 1920 г. кандидат в члены ЦК партии. На X съезде РКП (б) в марте 1921 г. избран членом ЦК (оставался в ЦК до 1957 г.), а на состоявшемся затем Пленуме - кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК РКП(б). С 1924 г. - председатель Комиссии ЦК по работе в деревне. В 1925 г., в период работы XIV съезда партии, вместе с М. П. Томским, С. М. Кировым, К. Е. Ворошиловым, М. И. Калининым и А. А. Андреевым выезжал в Ленинград для "оказания практической помощи ленинградской парторганизации в разгроме зиновьевцев". С июня 1926 г. - член Политбюро (оставался в Политбюро - Президиуме ЦК до 1957 г.) и Оргбюро ЦК ВКП(б), одновременно в 1928-1929 гг. - первый секретарь МК ВКП(б). С августа 1928 г.- член ИККИ. На декабрьском (1930 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) В. М. Молотов был освобожден от должности секретаря ЦК ВКП(б) в связи с утверждением Председателем СНК СССР. С 19 декабря 1930 г. он - Председатель СНК СССР и до 1937 г.- СТО СССР. Одновременно с 1933 г. - председатель Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по ж - д. транспорту. С 3 мая 1939 г.- нарком иностранных дел СССР. С 21 марта 1941 г. председатель Бюро СНК. 6 мая 1941 г. решением майского Пленума ЦК ВКП(б) В. М. Молотов был освобожден от обязанностей Председателя СНК СССР и назначен заместителем Председателя СНК. 22 июня 1941 г., в день нападения Германии на СССР, выступил по радио с обращением к советским гражданам от имени ВКП(б) и Советского правительства. С 23 июня 1941 г. - член Ставки ВК ВС СССР, а с 8 августа - ВГК ВС СССР. С 30 июля 1941 г. по 4 сентября 1945 г. -заместитель Председателя ГКО. В июле 1941 г. по поручению Советского правительства в Москве подписал Соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Великобритании в войне против Германии, в мае 1942 г. в Лондоне - Англо-Советский договор о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. С 1942 г. по 1946 г. - 1-й заместитель Председателя СНК СССР. С августа 1943 г. - председатель Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов. Участвовал в Тегеранской (1943), Ялтинской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях глав стран антигитлеровской коалиции, в других международных совещаниях и переговорах, подписал ряд международных соглашений от имени СССР. С марта 1946 г. В. М. Молотов - заместитель председателя СМ СССР, председатель Коллегии и министр иностранных дел СССР. С 30 мая 1947 г. он также председатель КИ при СМ СССР, объединившего в себе военную и политическую разведки. 3 марта 1949 г. освобожден от должности министра иностранных дел СССР и председателя КИ при СМ СССР с оставлением заместителем Председателя СМ СССР. С февраля 1950 г.- председатель Бюро СМ СССР по транспорту и связи. В день смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 г. В. М. Молотов был утвержден членом Президиума ЦК КПСС, 1-м заместителем Председателя СМ СССР и министром иностранных дел СССР. С 1956 г. — министр Госконтроля СССР. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС выведен из состава ЦК и его Президиума как "член антипартийной группировки, пытавшейся препятствовать разоблачению культа личности Сталина". Снят со всех постов и назначен послом СССР в МНР. В 1960-1961 гг.- заместитель представителя СССР в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене.

С 1962 г. исключен из партии и отправлен на пенсию, проживал в подмосковном поселке Жуковка. В 1984 г. восстановлен в КПСС. Герой Социалистического Труда (1943, "за особые заслуги в области усиления производства танков в трудных условиях военного времени"). Награжден четырьмя орденами Ленина (1940, 1943, 1945, 1950), медалями. Почетный академик АН СССР (1946). 8 ноября 1986 г. скончался в Москве.

Глава 3. В боях за Родину

ДЗЕРЖИНСКИЙ Феликс Эдмундович (1877-1926) - советский партийный и государственный деятель, участник польского и российского революционного движения. Член РСДРП с 1895 г. Один из руководителей революции 1905-1907 гг. (Варшава). В 1907 г. избран членом ЦК РСДРП. 10 лет провел в царских тюрьмах и ссылках. В Октябрьскую революцию - член партийного Военно-революционного центра в Петрограде. С 1917 г. - член ЦК РСДРП(б) - РКП(б) - ВКП(б). С 1917 г. - председатель ВЧК (с 1922 - ГПУ, ОГПУ) и нарком внутренних дел в 1919-1923 гг.; одновременно с 1921 - нарком путей сообщения, с 1924 г. - председатель ВСНХ СССР. С 1921 г. - председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, член Оргбюро ЦК партии, а с 1924 г. - кандидат, член Политбюро ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

ГАРНИЧ Николай Федорович - в 1941 командир 269-й стрелковой дивизии 13-й армии, действовавшей на Брянском фронте. Генерал-майор.

ЗОРИН Дмитрий Афанасьевич, дивизионный комиссар 269-й стрелковой дивизии 13-й армии, действовавшей на Брянском фронте.

ГУДЕРИАН Хайнц Вильгельм (1888—1954), генерал-полковник германской армии (1940), военный теоретик. Наряду с де Голлем и Фуллером считался родоначальником моторизованных способов ведения войны. Родился 17 июня 1888 г. в Кульме (ныне Хелмно, Польша). Окончил военное училище (1907) и военную академию (1914). Во время 1-й мировой войны находился на штабных должностях, после войны - в рейхсвере, с 1922 г. - в автомобильных войсках. В 1935-1938 гг. командир танковой дивизии и армейского корпуса. Во время аншлюса Австрии командовал только что созданным 16-м корпусом, совершавшим бросок на Вену, во время которого по крайней мере треть танков застряла в пути. В 1939 г. танковые подразделения Гудериана участвовали во вторжении в Польшу, успешно осуществив тактику блицкрига, чем заслужили восхищение Гитлера. В своих книгах «Внимание - танки!» и «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск» (1937) отводил главную роль в исходе современной войны массированному применению танков. В начале 1940 г. командовал танковым корпусом во Франции, с июня 1940 г. командующий 2-й танковой группой (с октября 1941-го - 2-й танковой армией). В декабре 1941 г. за поражение под Москвой был снят с должности и отчислен в резерв.

С марта 1943 г. был генерал-инспектором танковых войск. Участники июльского заговора 1944 г. несколько раз безуспешно пытались привлечь его на свою сторону. После неудачного покушения на фюрера Гудериан вместе с Кейтелем и Рундшtedтом по приказу Гитлера расследовал дела армейских офицеров, оказавшихся причастными к заговору. Их лишали воинского звания и передавали в руки народного трибунала, что означало верную смерть. В награду за верность Гитлер назначил Гудериана в июле 1944 гг. начальником генерального штаба сухопутных войск, на этом посту он пробыл до марта 1945 гг. В конце войны предпринял несколько робких попыток убедить Риббентропа, Геринга и Гиммлера в необходимости прекратить боевые действия в отношении союзников; от подобных рекомендаций Гитлеру он воздержался. Был взят в плен американцами, но вскоре освобожден. В 1950-х гг. выступал за восстановление довоенных границ и военной мощи Германии как оплота в борьбе против коммунизма. Умер в Швангау, Бавария, 15.05.1954.

ЛАЗЬКО Б.С. - комдив 307-й стрелковой дивизии 13-й армии, действовавшей на Брянском фронте, полковник.

МОСКАЛЕНКО Кирилл Семенович (1902-1985) - дважды Герой Советского Союза (1943, 1978). В Красной Армии с 1920. В июне 1941 - генерал-майор артиллерии. В ходе войны командовал 1-й противотанковой артиллерийской бригадой, 15-м стрелковым и 6-м кавалерийским корпусами, конно-механизированной группой Юго-Западного фронта, затем - зам. командующего 6-й армией (1941-1942), командующий 38-й (март-июль 1942, октябрь 1943 - май 1945), 1-й танковой (июль-август 1942), 1-й гвардейской (август-октябрь 1942) и 40-й (октябрь 1942 - октябрь 1943) армиями. Войска под командованием М. сражались в Московской, Сталинградской и Курской битвах, участвовали в освобождении Левобережной и Правобережной Украины, Польши и Чехословакии. После войны - на командных должностях. Маршал Советского Союза.

Глава 4. На Северном Кавказе

НИКОЛЬСКИЙ Николай Петрович (1902-1972) - в 1941 г. - нач. Управления погранвойск НКВД Молдавского округа, начальник охраны войскового тыла Южного фронта, затем командовал Грозненской стрелковой дивизией НКВД. С марта 1949 г. находился на руководящей работе в Управлении конвойных войск МВД СССР. Генерал-майор.

ПАПЕН Франц фон (1879-1969) - политический деятель Германии, дипломат. Родился 29 декабря 1879 в Верле (Вестфалия) в семье крупного землевладельца. До Первой мировой войны был офицером Генштаба. В 1913-1915 гг. - военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. В 1921-1932 гг. депутат прусского ландтага от католической партии «Центра»; примыкал к ее крайне правому крылу. В июле-ноябре 1932 г. возглавлял правительство, способствовавшее усилению позиций нацистов в Германии. Принимал активное участие в установлении в январе 1933 г. нацистской диктатуры и вошел в первый кабинет Гитлера в качестве вице-канцлера. В июле 1934-марте 1938 гг. посол в Австрии; содействовал осуществлению аншлюса. Будучи в 1939-1944 гг. послом в Турции, фон Папен стремился вовлечь ее в число союзников Германии. В апреле 1945 г. был арестован в Руре военной администрацией 9-й армии США. В 1946 г. предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге, но был оправдан. Однако в феврале 1947 г. вновь предстал перед комиссией по денацификации и приговорен к 8 месяцам тюрьмы как главный военный преступник. Умер 2 мая 1969 г. в Оберзасбахе, Баден.

ЧЕРЧИЛЛЬ Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) - государственный и политический деятель Великобритании, лидер Консервативной партии, премьер-министр в 1940-1945 гг. Родился 30 ноября 1874 г. в Блениме, близ Вудстока, Оксфордшир, потомок герцогов Мальборо. Образование получил в привилегированной школе Харроу и в военной кавалерийской школе. В 1896-1898 гг. служил в Индии. Во время англо-бурской войны 1899-1902 гг. был военным корреспондентом в Южной Африке. В 1900 г. избран в парламент от Консервативной партии. В 1904 г. по карьеристским соображениям перешел в Либеральную партию. В 1906-1908 гг. - заместитель министра колоний, в 1908-1910 гг. - министр торговли, в 1910-1911 гг. - министр внутренних дел. В 1911 г. стал военно-морским министром. В 1917-

1918 гг. - министр военного снабжения в кабинете Ллойд Джорджа. В 1919-1921 гг. - военный министр и министр авиации. В 1920-х гг. вернулся в Консервативную партию, а с 1924 г. стал ее депутатом в парламенте. В 1924-1929 гг. - министр финансов в кабинете Болдуина. В 1930-е гг. активно выступал против внешнеполитического курса Болдуина - Чемберлена на умиротворение нацистов, считая его недальновидным и крайне рискованным. После вступления Великобритании во 2-ю мировую войну в сентябре 1939 г. назначен военно-морским министром. В мае 1940 г., после отставки Чемберлена, стал премьер-министром коалиционного правительства и занялся перестройкой всей жизни страны для ведения войны с Германией. Подписал соглашение с СССР о совместных действиях против нацистской Германии (июль 1941) и договор о союзе в войне против Германии (май 1942). Принимал участие в Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской (1945) конференциях. В июле 1945 г., после поражения консерваторов на парламентских выборах, правительство Ч. ушло в отставку. В 1951-1955 гг. вновь занимал пост премьер-министра, затем, выйдя в отставку, отошел от политической деятельности. Автор ряда книг историко-мемуарного жанра; лауреат Нобелевской премии по литературе (1953). Умер 24 января 1965 г. в Лондоне.

ИСРАИЛОВ Хасан (он же - Терлоев) - родился в 1903 (по другим данным в 1910 г. в селе Нашхой Галанчожского района Чечни в семье крупного скотовладельца. Его дед - Цоцаров Хациг - один из наибов Шамиля, отец - Садуллаев Исраил - абрек, приемный брат Зелим-хана, убит при грабеже Кизлярского казначейского банка. Сам И. арестовывался четыре раза: первый - в 1931 г. (приговорен к 10 годам тюрьмы), затем - в 1932 г. (приговорен к смертной казни), бежит. Тем не менее в 1929 г. (до ареста) вступил в ВКП(б). В 1933 г. добровольно сдался властям, обещая честно работать на советскую власть. Тогда же восстановлен в партии, работает корреспондентом; направлен на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) в Москву, где входит с антисоветскую писательскую группу А. Авторханова, устанавливает связь с представителями подпольного так называемого Паритетного комитета в Грузии, организует вооруженную банду. После окончания университета возвращается в Грозный и ведет борьбу против ВКП(б), местного - Чечено-Ингушского областного комитета партии (начав с того, что в 1939 г. прислал в Чечено-Ингушский обком свое заявление о "ложности советского политического курса" и начале им "народной освободительной войны" на Кавказе). Был вновь арестован, сослан в Сибирь. Бежал. Мигрируя по Кавказу, организовывал теракты, саботаж, развал колхозов. Одновременно формирует единую "Особую партию кавказских братьев" (ОПКБ) с подпольными филиалами в Грузии, Азербайджане, Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и других местах Северного Кавказа (организационно создание партии оформлено на нелегальном собрании в г. Орджоникидзе, ныне Владикавказ, 28.01.1942). Цель - отделение от СССР и создание "панисламистской федеративной Республики Кавказ под протекторатом Германии". В феврале 1940 г. руководил восстанием, охватившим селения Галанчож, Саясан, Чаберлой и часть Шатоевского района Чечни. Основу бандформирований во главе с И. составили дезертиры из РККА и местные криминальные элементы. К 1941 г. в рядах организации И. (ОПКБ) состояло свыше 5000 горцев, ими было организовано, помимо Грозного, Гудермеса и Малгобека, 5 повстанческих округов, в которых проживало до 25 000 сторонников ОПКБ. С началом войны И. сразу установил связь с немецким командованием и Абвером. Осенью 1941 г. боевики И. организовали еще одно крупное вооруженное восстание в Шатойском районе Чечни. Приблизительно тогда же его партия была официально переименована в Национал-социалистическую партию кавказских братьев; во главе ее был поставлен Исполнительный комитет Чечено-Горской национал-социалистической партии (ЧГНСП). 10.11.1941 нарком внутренних дел ЧИ АССР Албагачиев направил И. тайное послание, в котором извещал, что

является идейным сторонником повстанцев и вскоре готов к ним присоединиться. В феврале 1942 г. вспыхнуло очередное восстание в Шатое (Советское) и Итум-Кале под руководством Майербека Шерипова (см. ниже), во время которого произошло объединение отрядов И. и Ш., организация совместного военного штаба и повстанческого правительства. 28.01.1942 И. стал главным секретарем Исполкома ЧГНСП. В 1943 г. с помощью немцев создает фашистскую военизированную организацию "Кавказские орлы" (полное название - "Добровольческая армия кавказских орлов-гитлеристов" - ДАКО). После разгрома немецкого наступления на Северном Кавказе, И. долгое время скрывался в горах (в частности, в пещере горы Бачи-Чу в Итум-Калинском районе). 01.12.1944 он пишет письмо начальнику ОББ НКВД СССР В. А. Дроздову (и, возможно, Сталину), где просит простить "грехи" и предлагает сотрудничество. Тем не менее, его не простили, и 28-29.12.1944, по "личному заданию т. Берия", И. был убит в ходе операции, проводимой органами ББ НКВД в горной Чечне.

ШЕРИПОВ Майербек Джемалдинович (1905-07.11.1942)-младший брат знаменитого командира "Чеченской Красной Армии" Асланбека Шерипова. Член ВКП(б). В 1938 г. арестован за антисоветскую пропаганду, в 1939 г. выпущен на свободу за недоказанностью вины. Бывший советский работник: председатель Леснормсовета ЧИ АССР, прокурор ЧИ АССР. До знакомства с Х.Исраиловым был связан с националистической организацией "Кавказ" (с 1920-х контролировалась турецкой и германской разведками), а позднее и с так называемым Северокавказским национальным комитетом (СНК) - национально-политическим объединением пантюркистской направленности, созданным в 1942 г. на базе "Кавказа" в Турции по прямой инициативе Абвера для активизации разведывательно-подрывной деятельности против СССР (лидеры: Мамед Котиев, Ибрагим Гейдаров, Мурад и др.; в Хасавюртовском районе Дагестана - ученый-арабист Шахгирей Алиев, а также Адильгирей Отмишев, Магомед Ахмедов, Ага Джабраилов и др.). Цель СНК - создание федеративного кавказского государства под протекторатом Турции. С момента организации восстания в Шатое и Итум-Кале - правая рука Исраилова, нач. единого штаба бандформирований, член "повстанческого горского правительства". В июне 1942 г. последнее выпустило листовки с воззванием "к народам Кавказа", в котором содержался призыв к горцам оказывать немцам гостеприимство, так как они "несут независимость Кавказу". В этот период на стороне "повстанцев" сражалось около 18 ООО человек. Наиболее крупные выступления объединенных бандгрупп под руководством Ш.: вооруженный налет на райцентр Химой (17.08.1942), блокада райцентра Итум-Кале (20.08.1942). Ш. был убит в результате проведения спецоперации НКВД 07.11.1942.

ГУБЕ Осман (он же - Саиднуров) - полковник Абвера, аварец по национальности, родился в Буйнакском районе Дагестана, служил в Дагестанском полку Кавказской туземной дивизии. В 1919 г. присоединился к армии генерала А.И.Деникина, в 1921 г. эмигрировал из Грузии в Трапезунд, а затем в Стамбул. До 1937 г. проживал в Турции под фамилией Губе, в 1938 г. был выдворен в Германию, где его приметили абверовцы. В случае успеха немецкого наступления на Кавказе Губе-Саиднурову отводилась роль начальника политической милиции. 25 августа 1942 г. он десантировался с группой немецких командос (9 человек) на территорию Чечни, недалеко от села Бережки Галашкинского района. Помимо дестабилизации советского тыла основной задачей немецких диверсантов (среди которых имелись не только немцы, но и чеченцы, ингуши, осетины, калмыки, русские) был захват нефтеперегонных заводов и нефтепровода в районе Грозного. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как рота охраны объектов расстреляла диверсантов в воздухе в момент десантирования. Потери абверовцев составили

до 60% личного состава. Помощь и укрытие Г. и его люди получили от чеченских бандитов. Тем не менее в ночь на 12 января 1943 г. в районе села Акки-Юрт Г. был пойман сотрудниками НКВД.

РЕККЕРТ - унтерофицер Абвера. В августе 1942 г. был заброшен в Чечню во главе диверсионной группы. Установив связь с бандой Р.Сахабова (убит в октябре 1943 г.), он при содействии религиозных авторитетов завербовал до 400 человек и, снабдив их немецким оружием, сброшенным с самолетов, сумел поднять ряд аулов Веденского и Чеберлоевского районов. Однако благодаря принятым оперативно-войсковым мерам это вооруженное выступление было ликвидировано, Реккерт убит, а примкнувший к нему командир другой диверсионной группы Дзугаев арестован. При этом следует заметить, что еще одному командиру группы диверсантов, заброшенных в Чечню практически одновременно с Реккертом и Губе, обер-лейтенанту Ланге, удалось выйти к передовой и пересечь линию фронта. За это его проводники-чеченцы Алаутдин Хамчиев и Абдурахман Бельтоев были награждены "Железными Крестами" и вскоре переброшены обратно для подготовки вооруженного выступления.

АБВЕР - Немецкая военная разведывательная и контрразведывательная служба Абвер (в переводе на русский язык "отпор", "защита", "оборона") организована в 1919 г. на правах отдела военного министерства Германии и официально значилась как контрразведывательный орган рейхсвера. В 1938 г., в связи с переходом фашистской Германии к открытой подготовке агрессивной войны, была произведена реорганизация Абвера, на базе которого создается управление "Абвер-заграница" при штабе Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКБ). Перед новым управлением ставится задача по организации широкомасштабной разведывательной и подрывной работы против стран - потенциальных объектов нападения, особенно против СССР. В соответствии с этой задачей в управлении "Абвер - заграница" создаются функциональные отделы со следующими целями: Абвер-1 - сбор разведывательной информации об иностранных армиях и флотах, подготовка агентов-радиостов, радиоперехват, изготовление документов прикрытия и оперативной техники (руководители: с 1936 по 1943 гг. - полковник Ганс Пиккенброк, с 1943 г. до середины 1944 г. - полковник Г. Ганзен; Абвер- 2 - подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника, разработка и изготовление средств террора и диверсий, диверсионных и террористических актов, организация "национальных легионов", создание из немцев, проживающих на территориях стран-противников, спецформирований для захвата стратегически важных объектов (руководители: с 1940 г. по 1943 г. - полковник Эрвин фон Лахузен, с 1943 г. - полковник Фрайгаг фон Лоринхофен). В распоряжении "Абвер-2" находились специальные воинские формирования: дивизия "Бранденбург-800" и полк "Курфюрст"; АБВЕР-3 - контрразведывательная работа в вооруженных силах фашистской Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждениях и на объектах оборонного значения (руководители: с 1938 по 1943 г. генерал-лейтенант Франц Бентивеньи, с 1943 г. полковник Гайнрих); Иностранный отдел "Аусланд" - изучение экономики, внешней и внутренней политики иностранных государств на основе сведений, получаемых от военных атташе, МИДа и других официальных учреждений за границей. Разработка вопросов взаимодействия германской армии с армиями других стран. Изучение международной печати и радиовещания (руководитель - адмирал Леопольд Бюркнер); Центральный отдел - комплектование кадрами, обеспечение материальными и финансовыми средствами, разработка мобилизационных планов органов Абвера на военное время (руководители: до 1943 г. - генерал-майор Ганс Остер, с 1943 г. - полковник Шрадер). Практическую разведывательную,

контрразведывательную и диверсионную работу проводили периферийные органы Абвера-Абверштелле (АСТ), имевшиеся при каждом военном округе ("Абверштелле-Берлин", "Абверштелле-Кенигсберг"). Они подчинялись соответствующим отделам управления "Абвер-заграница" и согласовывали свою работу с отделами 1 Ц (разведотделами) штабов военных округов, передавая им разведывательные данные о сопредельных с округом странах. В годы войны Абверштелле были созданы в странах-сателлитах Германии ("Абверштелле-Вена", "Абверштелле-Бухарест", "Абверштелле-София"), а также на оккупированной территории при командующих оккупационными войсками тыловых округов ("Абверштелле-Краков" и др.). В оккупированных областях Советского Союза были организованы четыре территориальных органа Абвера: "Абверштелле-Остланд", "Абверштелле-Украина", "Абверштелле-Юг Украины", "Абверштелле-Крым". Они выявляли агентуру советской разведки и контрразведки, а также лиц, враждебно относившихся к фашистской Германии, вели борьбу с партизанским движением и подготавливали своих агентов для фронтовых команд Абвера. В занятых вермахтом крупных городах, имевших важное стратегическое и промышленное значение, таких как Таллин, Ковно, Минск, Киев и Днепропетровск, дислоцировались местные отделения контрразведки - Абвернебенштелле (АНСТ), а в небольших городах, расположенных недалеко от границы и удобных для заброски агентуры, располагались их филиалы - Аусенштелле. В крупных гарнизонах, укрепрайонах и отдельных промышленных центрах действовали представители АСТ и АНСТ - абверофицеры, занимавшиеся контрразведывательной работой среди населения, в воинских частях и на промышленных предприятиях. В 1937 г. Абвер, действовавший под прикрытием германских дипломатических представительств, создал в ряде стран свои разведывательные подразделения - Кригсорганизацион (КО). Они функционировали в нейтральных странах и странах-сателлитах Германии, с территории которых вели разведывательную работу против явных и вероятных противников Германии. КО были созданы в Финляндии ("Бюро Целлариуса"), Болгарии ("Бюро доктора Делиуса"), Швеции, Румынии, Венгрии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии. В июне 1941 г. для ведения разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза был создан специальный орган Управления "Абвер-заграница" на советско-германском фронте, условно именовавшийся "штаб "Ваяли"". Штаб "Валли" подчинялся соответствующим отделам управления "Абвер-заграница" и отделу по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта, докладывая им о результатах разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. Начальником штаба "Валли" являлся подполковник Гейнц Шмалышиегер (псевдонимы - Директор Геллер, Инженер Доцлер, Директор Гельмрайх, Директор Шмидт), который одновременно возглавлял контрразведывательный отдел "Валли-3". В соответствии со структурой центрального аппарата управления "Абвер-заграница" штаб "Валли" имел в своем составе следующие подразделения. Отдел "Валли-1" - руководство военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В подчинении "Валли-1" находились разведывательные команды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведанных в лагерях военнопленных. Отдел "Валли-2" - руководство абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной Армии. ОТДЕЛ "ВАЛЛИ-3" - руководство всей контрразведывательной деятельностью подчиненных ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанским движением и антифашистским подпольем на оккупированной территории СССР, в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов (подробнее см.: "СМЕРШ". Исторические очерки и архивные документы. ФСБ РФ. Изд-во Главархива Москвы. М., 2003. С. 113 - 136).

АРУТЮНОВ - комдив 131-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского ВО, полковник.

НАЙДОРФ - гауптман (капитан), зам. начальника разведшколы штаба "Валли 3" Абвера в Борисове (Польша)

РУХАДЗЕ Николай Максимович (1905-1955) - один из руководителей органов государственной безопасности. В 1939-1941 гг. - нач. следственной части НКВД Грузинской ССР, начальник Особого отдела НКВД Закавказского фронта, нач. управления контрразведки ЗакВО. В 1948- 1952 гг. - министр госбезопасности Грузинской ССР. Генерал-лейтенант. В 1952 г. арестован. Находясь в Лефортовской тюрьме, неоднократно в письменной форме умолял министра госбезопасности С.Д.Игнатьева спасти его и его семью, но в 1955 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР был расстрелян.

КАЗАНЦЕВ - заместитель начальника УОО ЗакВО Н.М.Рухадзе по Тбилиси, полковник.

ЗИМИН Павел Михайлович - командующий Грозненским особым оборонительным районом (с 1943), генерал-майор.

Операция НКВД "ГОРЫ" - 60 лет назад, 23 февраля 1944 г., в соответствии с январским постановлением ГКО о ликвидации Чечено-Ингушской АССР началась масштабная операция НКВД "Горы" - по депортации чеченцев и ингушей с исконно занимаемых ими земель на Северном Кавказе в Казахскую и Киргизскую ССР; в операции были задействованы крупные армейские части, внутренние войска НКВД, а также до 10 тысяч партактивистов из числа дагестанцев, осетин и русских; особенно скорбно памятен день 27 февраля, когда, по приказу комиссара ГБ 3-го ранга М.М.Гвишиани были заживо сожжены 700 мирных жителей селения Хайбах Илатьинского района; всего с 23 по 29 февраля было выселено и погружено в железнодорожные вагоны 478 479 чеченцев и ингушей (многие из них не доехали до места назначения и умерли по дороге); руководил операцией лично Л.П.Берия и почти ежедневно докладывал из Грозного Сталину о ее ходе.

СЕРОВ Иван Александрович. Родился 13 августа 1905 года в деревне Афимская Вологодской губернии в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1926 г. В 1939 году окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, в органах МВД с 1939 г. 1939-1941 гг. - Народный комиссар внутренних дел УССР. 1941-1945 гг. - первый заместитель Наркома (министра) государственной безопасности, затем - заместитель Наркома внутренних дел СССР. 1947-1953 гг. - первый заместитель министра внутренних дел СССР. 1954-1958 гг. - председатель Комитета государственной безопасности при СМ СССР. Генерал армии. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1963 г. за потерю политической бдительности лишен звания Героя Советского Союза и ордена Ленина. Уволен в запас в звании генерал-майора. Умер в 1990 г.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (17(29).03.1899 - 23.12.1953). Родился в селении Мерхеули Сухумского района Абхазской АССР в семье бедного крестьянина. Грузин. Член Коммунистической партии с марта

1917 г. Образование среднее: в 1919 г. окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище по специальности архитектор-строитель. В 1918 г. председатель подпольной Бакинской партийной организации. В 1920 г. на нелегальной партийной работе в Грузии. Был арестован меньшевиками и находился в Кутаисской тюрьме, откуда этапом выслан в Азербайджан. В Баку сначала работал в ЦК КП(б) Азербайджана, затем назначен начальником секретно-оперативной части ЧК Азербайджана. С 1921 г. заместитель председателя ЧК Азербайджана. С осени 1922 г. начальник оперативно-секретной части - заместитель председателя ЧК Грузии и одновременно начальник особого отдела Закавказской армии. С августа 1924 г. начальник секретно-оперативной части полномочного представителя ОГПУ в ЗСФСР. С 1927 г. председатель ГПУ Грузии и заместитель председателя ГПУ ЗСФСР. С 1929 г. председатель Закавказского и Грузинского ГПУ, полномочный представитель ОГПУ в ЗСФСР. В ноябре 1931 г. избран первым секретарем ЦК КП(б) Грузии и вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). С 1932 г. первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и Тбилисского горкома партии. С августа 1938 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР - начальник Главного управления государственной безопасности СССР. В 1938-1945 гг. народный комиссар внутренних дел СССР. Одновременно в феврале 1941 г. - марте 1953 г. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (с марта 1946 г. - Совета Министров) СССР. С июня 1941 г. член, с мая 1944 г. заместитель председателя Государственного комитета обороны СССР. С августа 1945 г. председатель специального комитета при ГКО (с сентября 1945 г. - при СНК СССР, с марта 1946 г. - при Совете Министров СССР), руководил всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана. С марта 1953 г. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и одновременно министр внутренних дел СССР. 26 июня 1953 г. арестован и снят со всех постов как враг советского народа. Член ЦИК СССР 7-го созыва. Депутат Верховного Совета СССР 1-3-го созывов. Член ЦК КПСС в 1934-1953 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС 18.03.1946-26.06.1953 (кандидат с 22.03.1939). Герой Социалистического Труда (1943). Награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Суворова 1-й степени. Лауреат Государственной премии СССР (1949). Маршал Советского Союза (1945). Генеральный комиссар государственной безопасности СССР (1941). 23 декабря 1953 г. приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР по ст. 58-1 "б", 58-8, 58-13, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания с лишением воинского звания и наград. Не реабилитирован.

БУЛЫГА Александр Евстафьевич - командир 8-й особой дивизии войск НКВД Северо-Кавказского ВО (1941-1943), начальник погранвойск Азербайджанского округа (1950-е), полковник.

ОДИНОКОВ Александр Иванович - начальник ОО Северо-Кавказского ВО, полковник.

СМИРНОВ Владимир Иванович (1895-1972) - с 1944 г. по 23.04.1947 г. - начальник ОКР "СМЕРШ" НКВД - МВД СССР. Генерал-майор.

Глава 5. В действующей армии

ЛАВРИНЕНКОВ Владимир Дмитриевич (1919-1988). Дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). В Красной Армии с 1940 г. Окончил военно-авиационное училище (1941). В ходе войны - летчик-инструктор в Черниговской авиашколе, с осени 1942 г. командир звена, эскадрильи, а в 1944-1945 гг. - 9-

го гвардейского истребителя, авиаполка на Западном, Воронежском, Сталинградском, Южном, 3-м и 1-м Белорусском фронтах. Совершил 448 боевых вылетов, сбил лично 35 и в группе 11 самолетов противника. В августе 1943 г., расстреляв в воздушном бою боеприпасы, таранил вражеский самолет, сам выбросился с парашютом. В бессознательном состоянии схвачен гитлеровцами. Совершил побег, 3 месяца воевал на Украине в партизанском отряде им. В.И.Чапаева, затем возвратился в свой полк. В 1943 г. - майор авиации. После войны - командир авиадивизии, затем на ответственных должностях в Войсках ПВО.

СМИРНОВ Юрий Васильевич (1925-1944). В РККА с 1943 г., гвардии младший сержант 77-го гвардейского стрелкового полка. 24.06.1944 участвовал в танковом десанте в тыл врага, прорывавшем оборону противника на оршанском направлении. Тяжело раненным захвачен в плен. После пыток гитлеровцы, не добившись сведений, 25 июня распяли его на стене штабного блиндажа, исколов тело штыками. Герой Советского Союза (1944).

ЛЮБЫЙ Иван Семенович (1904-1963). С 8.03.1939 - нач. Главного военно-строительного управления (ГВСУ) НКВД СССР (с 1941 - ВСО); в 1942 г. - нач. управления войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности; с 1943 г. - командующий войсками охраны 3-го Белорусского фронта, затем - командир Особого дорожно-строительного корпуса МВД СССР; 12.03.1948 назначен нач. ГУШОСДОР МВД СССР; с 14.04.1950 - нач. Енисейстроя МВД СССР. Генерал-лейтенант.

НИКОЛАЕВ Владимир Васильевич - начальник политотдела 3-го Белорусского фронта, полковник.

ГРЕКОВ Кирилл Александрович - начальник штаба 3-го Белорусского фронта, полковник.

Управление военной контрразведки "Смерш" 3-го Белорусского фронта. Нач. управления - генерал-лейтенант ЗЕЛЕНИН Павел Васильевич (бывший нач. УКР "Смерш" Западного фронта), с августа 1945 г. - нач. УКР "СМЕРШ" Группы советских войск в Германии, в 1948 г. уволен в запас. По штатному расписанию, утвержденному И.В.Сталиным 29.04.1943 в УКР фронта входило четыре отдела: 1-й (штаб и управления фронта), 2-й (контрразведывательная работа в тылу, борьба с агентурой противника, работа среди военнопленных, фильтрация), 3-й (руководство работой подчиненных органов, борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок, антисоветскими элементами, изменниками, а также с воинскими преступлениями) и 4-й (следственный). Кроме того, в составе управления были отдел кадров, секретариат, комендатура и отделение учета.

МЮЛЛЕР Винцент - генерал-лейтенант, командир корпуса, с 30.06 по 07.07.1944 исполняющий обязанности командующего 4-й армии вермахта (входившей в состав группы армий "Центр"); в этой должности сменил как нач. штаба попавшего 30 июня в авиакатастрофу генерала пехоты Курта фон Типпельскирха; во время боев в окружении потери 4-й армии вермахта составили более 130 000 человек, а сам М. попал в советский плен; в плену активно участвовал в работе антифашистского комитета "Свободная Германия"; освобожден в 1948 г. и отправлен в Восточную Германию; с 1949 г. - начальник казарменной полиции ГДР; автор книги мемуаров "Я нашел истинную Родину" ("Ich fand das wahre Vaterland", Берлин, 1963).

ТРАУТ Ханс Эмиль Юлиус Людвиг Карл (25.01.1895, Сааргунд, провинция Эльзас, - 09.12.1974, Западная Германия). Профессиональный военный, генерал-лейтенант (1943); на Восточном фронте командовал 78-й пехотной дивизией, преобразованной в июне 1943 г. в 78-ю штурмовую дивизию, в июле 1944 г. введенную в состав 27-го армейского корпуса 4-й армии группы армий "Центр", базирующегося в Белоруссии (со штабом в г. Орше). Тогда же, в июле 1944 г., 78-я штурмовая дивизия была полностью уничтожена, а сам Т. попал в советский плен под Минском; 04.11.1947 осужден военным трибуналом Белорусского ВО на 25 лет лагерей; в 1955 г. без снятия судимости, по договоренности между правительствами СССР и ФРГ, отправлен на родину.

РАЗВЕДШКОЛА АБВЕРА "НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ", майор ГЕРДТ, - структурное подразделение (Abwehrnebenstelle) разведцентра "Abwehrstelle Koenigsberg", созданного после Первой мировой войны на основе кайзеровской спецслужбы "Nachrichtendienst" под названием "Abwehrstelle Ostpreussen" с целью ведения разведдеятельности против СССР, в 1933 г. был переименован. Имел ряд филиалов: "Инстербрук", "Летцен", "Эльбинг", "Варшава" и др. Начальники центра: майор фон Данванц (до 09.1939), полковник Кип (сентябрь 1939 - март 1942), полковник Нонци (март 1942 - май 1945).

"ВУЛЬФСАНЦЕ" ("ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО") - ставка Гитлера под Растенбургом в Восточной Пруссии в конце Второй мировой войны; представляла собой систему хорошо укрепленных подземных железобетонных бункеров, окруженных стеной, находящейся под высоким напряжением, а также несколькими рядами колючей проволоки, пулеметными вышками и КПП. 20 июля 1944 г. здесь во время совещания на фюрера совершено покушение (нач. штаба Резервной армии полковник фон Штауффенберг привел в действие мощное взрывное устройство), после чего по приказу Гитлера в Германии было казнено более 5000 участников июльского заговора и сочувствующих им.

"ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ" ("ГРОСС ДОЙЧЛАНД") - элитная моторизованная дивизия (не путать с танковой дивизией Ваффен СС "Дойчланд", вскоре - в 1939 г. - переименованной в "Дас Райх"!) сформирована в марте 1942 г. на базе развертывания пехотного полка "Великая Германия", с мая 1942 г. - на Восточном фронте. 13.12.1944 был создан танковый корпус "Великая Германия", в который вошли моторизованная дивизия "Великая Германия" и моторизованная дивизия "Бранденбург". В период описываемых событий дивизией командовал генерал танковых войск барон Хассо фон Мантейфель, назначенный на эту должность Гитлером 31.01.1944.

"БАСТИОН" - войсковая операция, разработанная советским Верховным командованием и командованием 3-го Белорусского фронта (маршал Советского Союза А.М.Василевский), ее главная цель - овладение Кенигсбергским укрепрайоном. Площадь последнего составляла 200 кв. км, на которых в виде 3 концентрически сходящихся кругообразных линий обороны располагалось 15 мощных фортов, множество дотов, противотанковых и залитых водой рвов, а также минных полей. Гарнизон самого города-крепости Кенигсберг насчитывал 130 000 солдат и офицеров. 29 января 1945 г. укрепрайон был окружен войсками 3-го Белорусского фронта. Для выяснения схемы укреплений и детальной рекогносцировки в глубь района было заброшено более 20 советских разведгрупп (группы "Кросс",

"Вол" и др.), большая часть которых погибла. Наступлению предшествовал четырехдневный непрерывный артобстрел немецких позиций из 5 тысяч крупнокалиберных орудий и минометов. Назначенный на 5.04.1945 штурм пришлось отложить из-за сильного тумана на сутки. Штурм начался в 12.00 (время "Ч") 6 апреля, а уже 9-го числа начальник Кенигсбергского гарнизона (с марта 1945) генерал пехоты Отто Лаш подписал документ о безоговорочной капитуляции. Комендантом оккупированного города назначен генерал-майор Михаил Смирнов.

Глава 6. Схватка с "Лесными братьями"

ПАНЕВЕЖСКИЙ УЕЗД - расположен на северо-востоке Литвы. В описываемый период (1945) там наибольшую опасность представляла вооруженная националистическая группировка, именовавшая себя "Литовская армия свободы" (ЛЛА), возглавляемая так называемым Жемайтниским штабом (то есть штабом народного ополчения). Организация возникла в 1943 г. на основе сотрудничества с гитлеровским вермахтом. В 1944 г. 60 ее активистов были направлены для обучения в немецких разведшколах и последующей заброски в советский тыл с диверсионно-террористическими заданиями. В основном их обучение проходило в "Абверштелле-Кенигсберг" и в учебном разведцентре под Бломбергом в Восточной Пруссии (ныне г. Быдгощ, Польша). Только в январе 1945 г. на территорию Паневежского уезда Абвером было заброшено 5 групп парашютистов-диверсантов, общей численностью 32 человека, которые были снабжены оружием, взрывчаткой, коротковолновыми портативными рациями. ЛЛА не была связана с "Комитетом освобождения Литвы" (ВЛИК), претендовавшим на роль главного координатора и руководителя националистического сопротивления в республике, и не придерживалась его тактики "пассивного сопротивления" советским властям.

"ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ" - самоназвание участников националистического подполья в Литве в послевоенный период. Подполье возникло еще во время немецкой оккупации в 1943-1944 гг. В 1945 г. оно включало в себя целый ряд групп и вооруженных формирований, в основном представляемых такими организациями, как "Железный волк" ("Железинис Вилкас"), "Фронт литовских активистов" (ФЛА), "Верховный (или Главный) комитет освобождения Литвы" (литовская аббревиатура - ВЛИК), руководимый проф. С. Кайрисом, "Совет освобождения Литвы" (ЛИТ), организации "Кестусис" (во главе с собственным верховным штабом), "Атжалинас" (молодежная организация), а также ЛТК - "Литовский территориальный корпус" (или "Легион Плехавичуса) и "Армия обороны отечества", она же "Жемайтйская армия обороны" (ТАР). В этот же период (лето- осень 1945) силами активистов названных организаций в республике начали формироваться отдельные районы активного сопротивления, называемые повстанческими областями (например, Тауруская, Диджайско-Каунасская) и повстанческими районами (например, Пьетуйский). Летом 1946 г. руководителями националистического подполья принято решение об образовании единого - главного штаба вооруженных сил повстанческого движения (литовская аббревиатура ВГПШ) с центром в Вильнюсе, который вступил в тесное сотрудничество с созданным ранее литовской интеллигенцией "Объединенным демократическим движением сопротивления" (БДПС) (в 1949 г. реорганизовано в "Движение борцов за независимость Литвы" - КЛЛС).

Следует отметить, что в 1952 г., когда сопротивление "лесных братьев" в основном было сломлено, потери с обеих сражающихся сторон (со стороны повстанческих формирований и со стороны советских органов госбезопасности) были приблизительно равны, составляя около 25 000 человек с каждой. По

сравнению с потерями на Западной Украине, отмеченными за то же время, эта цифра выглядит весьма скромно.

Глава 7. Вехи послевоенных лет

АНТОНЕСКУ Йон Георг (02.06.1882 -01.06.1946) - румынский государственный и военный деятель, маршал Румынии (21.08.1941). Сын капитана, крупного землевладельца. Образование получил в военном училище и военном колледже во Франции. Участвовал в подавлении крестьянского восстания 1907 г. Во время Балканской войны в 1913 г. нач. оперативного отдела штаба кавалерийской дивизии. В 1914 г. командир эскадрона кавалерийской школы. Участник 1-й мировой войны и военной интервенции против Венгерской Советской Республики (1919). Занимал высокие посты в румынской армии. С 1923 г. военный атташе в Париже, с 1926 г. - в Лондоне. В это время женился на француженке еврейского происхождения (позже развелся). В 1926 г. - нач. кавалерийской школы, в 1927 г. и 1931 гг. - Высшей военной школы. В 1928 г. секретарь Министерства национальной обороны, затем командовал полком, бригадой. В 1933 г. назначен нач. Генштаба румынской армии, с 1934 г. - командир дивизии, с 1937 г. - министр обороны. Опасаясь роста влияния А., король Кароль II в середине 1938 г. отдал приказ об аресте генерала, но вскоре он был освобожден. После ряда непопулярных действий (передачи Бессарабии и Северной Буковины СССР, территориальных уступок Болгарии и Венгрии) Кароль II оказался в полной изоляции. В июле 1940 г. А. направил ему письмо с протестом против возвращения СССР Бессарабии и был посажен под домашний арест. Под давлением правящих кругов король был вынужден назначить 05.09.1940 А. главой т.н. "национального легионерского правительства", в состав которого вошли не только военные сторонники А., но и представители фашистского движения "Железная гвардия". На следующий день А. потребовал от короля отречься от престола в пользу сына Михая I. В сентябре 1940 г. в Румынию прибыла германская военная миссия, а в Плоешти для охраны нефтяных разработок были направлены части 13-й мотопехотной и 16-й танковой германских дивизий. 23.11.1940 А. подписал протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту, при этом сделал заявление, в котором указал на "органическую и естественную связь" между легионерами, НСДАП и итальянскими фашистами. Затем провел переговоры с генерал-фельдмаршалом Кейтелем относительно реорганизации и повышения боеспособности румынской армии. А. отменил действие конституции, усилил репрессии против оппозиции (к сентябрю 1940 г. в Румынии было создано 35 концлагерей). Румыния была объявлена "национал-легионерским государством", а ее правящей партией - "Железная гвардия". Уже в конце октября 1940 г. был вынужден принимать меры к обузданию развернутого "Железной гвардией" террора, причем его отношения с лидером румынских фашистов Х. Симой постепенно обострились. Во время возникшего в конце ноября 1940 г. кризиса предпринял попытку удалить легионеров из правительства, но по просьбе Гитлера отказался от своего намерения. 30.11.1940 г. объявил о роспуске легионерской полиции. На встрече с Гитлером в Берлине 14.01.1941 г. заручился его поддержкой в борьбе с "Железной гвардией". 20.01.1941 "Железная гвардия", считавшая, что Германия ее поддержит, подняла мятеж, однако Гитлер сделал ставку на А., и тот 22 января подавил выступление, разогнал "Железную гвардию", выгнав всех железнгвардейцев с ответственных должностей, и создал правительство из своих сторонников. Одновременно А. был провозглашен руководителем государства - "кондуктором" и верховным главнокомандующим румынской армии. Установил в стране режим личной власти, основой которой была армия (полностью поддерживавшая А.). По требованию Германии организовал депортацию около 40 тыс. румынских евреев в германские концлагеря. Позже санкционировал аресты евреев на присоединенной к Румынии советской территории (Одесса и т.д.). В течение 1941 г. на территории Румынии была создана германская группировка из 11-й германской, 3-й и 4-й румынских армий, предназначенная для войны против СССР.

На стороне Германии вступил 22.06.1941г. в войну против СССР, румынские войска (перешедшие в наступление 01.07.1941г.) в тактическом отношении были подчинены командованию группы армий "Юг", хотя под командованием А. и была сформирована группа армий "Антонеску" из румынских и немецких войск. В состав группы армий вошли 3-я и 4-я армии, а также II корпус генерала Мачичи и 11-я пехотная дивизия. До середины августа 1941 г. румынские войска действовал и на территории Бессарабии и Северной Буковины. 06.08.1941 г. А. награжден германским Рыцарским крестом Железного креста. В 1941-1942 гг. одновременно возглавлял Военное министерство. Летом 1942 г. А. провел мобилизацию дополнительных контингентов резервистов для Восточного фронта. Однако потери были настолько велики, что в сентябре 1942 г. А. был вынужден провести новую мобилизацию. Огромные потери румын под Сталинградом (было разбито 18 из 22 румынских дивизий; с начала войны до весны 1943 румынская армия потеряла более 500 тыс. чел.) вынудили А. начать мероприятия по подготовке выхода Румынии из войны. Тем не менее, 12-13.04.1943 г. Гитлер на состоявшейся личной встрече удовлетворил все экономические требования А. 24.03.1944 г. Красная Армия вступила на территорию Румынии. В августе 1944 г. советские войска в ходе Яссо-Кишиневской операции нанесли тяжелое поражение германо-румынским войскам, в Румынии началось восстание. 23.08.1944 г. А. был вызван Михаем I во дворец, где король потребовал от него немедленного заключения перемирия с Красной Армией. А. отказался, предложив закрепиться на линии Фокшаны-Нэмолоаэ-Галац, заявив при этом, что о перемирии необходимо предупредить своего союзника - Германию за 15 дней. После этого А. был арестован майором Антоном Думитреску, а 24 августа 1944 г. Румыния объявила о своем выходе из войны. После этого А. был отправлен в СССР. После войны передан румынскому коммунистическому правительству. 17.05.1946 г. приговорен румынским судом в Бухаресте к смертной казни. Расстрелян. В начале 1990 г. А. был реабилитирован румынским судом.

ПАВЕЛИЧ Анте (14.07.1889 г., Брадина - 28.12.1959 г., Мадрид, Испания), хорватский политический деятель, лидер усташей. Получил высшее юридическое образование, доктор права. Практикующий адвокат. В 1915-1919 гг. секретарь Хорватской партии права. В 1919 г. вступил в националистическую организацию "Молодая Хорватия", выступавшую за независимость Хорватии с присоединением к ней Боснии и Далмации. В 1919-1927 гг. - депутат Загребского магистрата, с 1927 г. депутат Народной скупщины Югославии; выступил в скупщине с требованием предоставления Хорватии автономии. Один из наиболее радикальных лидеров Хорватской крестьянской партии, настаивавших на создании независимого хорватского государства. В 1928 г. начал формирование нелегальной полувоенной организации "Хорватский домобран". 07.01.1929 г. объявил о преобразовании домобрана в Усташскую хорватскую революционную организацию, а 20 января бежал в Австрию. В совместной декларации с фашистскими организациями Венгрии и Болгарии в апреле 1929 г. заявил о необходимости свержения белградского режима, после чего обвинен в государственной измене и приговорен в Югославии к смертной казни. В 1932 г. взял курс на организацию восстания в Хорватии. В 1932 г. переехал в Риеку (Италия), откуда руководил деятельностью усташей. Пользовался покровительством Муссолини. Под псевдонимом Хаджия был комендантом усташско-го лагеря в Борегано (близ Брешии), где готовил террористов для совершения политических убийств. Организатор убийства в Марселе короля Югославии Александра I (1934). После чего был арестован в Италии, а усташские лагеря были временно распущены. Правительство Югославии 26.08.1939 г. подписало протокол о предоставлении широкой автономии Хорватии. После оккупации Югославии немецкими войсками 10.04.1941 г. было провозглашено создание Независимого Государства Хорватии (Nezavisna Drzava Hrvatska - NDH; НГХ), а находившийся во Флоренции П. объявлен "поглавником" (руководителем) НГХ. 15 апреля прибыл в

Загреб, где 16-го числа сформировал правительство НГХ, став одновременно его председателем и министром иностранных дел. Первым законом, принятым в НГХ, стал закон о гражданстве 30.04.1941 г., затем приняты законы, в соответствии с которыми все граждане-неарийцы (к арийцам были причислены и хорваты) объявлены вне закона, только ариец мог стать гражданином НГХ, остальные считались "принадлежащими государству". В тот же день приняты законы о расовой принадлежности и о защите арийской крови и чести хорватского народа, запрещающие межнациональные браки. В НГХ широко применялись этнические чистки, сопровождавшиеся массовым уничтожением сербов. 15.06.1941 г. Хорватия присоединилась к Тройственному, а 26 июня того же года - к Антикоминтерновскому пакту. 14.12.1941 г. П. объявил войну Великобритании и США. В сентябре 1942 г. посетил Германию, где получил разрешение Гитлера на дальнейшее усиление режима личной власти. После разгрома германских войск бежал в 1945 г. в Австрию. В том же году югославским народным судом заочно приговорен к смертной казни. Скрывался в Италии, Аргентине, Испании. 10.04.1957 г. в Ломас-дель-Паломаре на него было совершено покушение. П. был тяжело ранен и через два года скончался.

КОНФЛИКТ Тито со Сталиным. Имеется в виду резкое ухудшение в конце марта 1948 г. отношений между КП Югославии и Коминформом - Информационным бюро коммунистических и рабочих партий (создано по инициативе Сталина в сентябре 1947 г. с целью координации со стороны Москвы деятельности зарубежных компартий), приведшее к исключению КПЮ из Коминформа. После разрыва отношений с Москвой, выступая в Скупщине в ноябре 1948 г., Тито заявил об "империалистической политике СССР в отношении малых народов", по его приказу тысячи "инфорбюровцев" в Югославии были арестованы и направлены на каторжные работы на острова Гргур и Голый (Голы оток) близ г. Сеня в Северной Адриатике. В свою очередь, Сталин планировал физическое устранение Тито; исполнителем акции, осуществить которую помешала лишь смерть вождя в 1953 г., был назначен советский разведчик, участник покушения на Л.Д.Троцкого в 1940 - И.Р.Григулевич (см.: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1830- 1950 годы. М., "ОЛМА-ПРЕСС". 1999. С. 528 - 533).

ТИТО Йосиф Броз (1892-1980), псевдонимы: Вальтер, Георгиевич, Загорац, Старый, - партийный и государственный деятель Югославии. В 1915 г. оказался в плену в России, в Югославию вернулся в сентябре 1920 г., вступил в Компартию Югославии. В 1928 г. секретарь партийного комитета в Загребе. В 1928 г. осужден на 5 лет заключения. Освобожден в 1934 г., тогда же избран членом ЦК и политбюро ЦК КП Югославии. В 1935-1936 гг. работал в Балканском лендерсекретариате ИККИ. Участвовал в работе VII конгресса Коминтерна. В конце 1936 г. вернулся в Югославию, в 1937 г. возглавил КПЮ. Участвовал в формировании интербригад в Испании. В 1940 г. избран генеральным секретарем ЦК КПЮ. В 1941-1945 гг. верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ). Маршал (1943). В 1943-1945 гг. председатель Национального комитета освобождения Югославии. В 1944-1946 гг. председатель временного правительства, министр обороны, главнокомандующий. В 1946-1953 гг. председатель Совета министров ФНРЮ. С ноября 1952 г. генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии. В 1953- 1963 гг. председатель Союзного исполнительного веча Федеративной Народной Республики Югославия. С января 1953 г. президент ФНРЮ.- Трижды Народный Герой Югославии (1942, 1972, 1977).

ДЖИЛАС (DJILAS) Милован (р. 1911), псевдонимы: Джидо, Митрие и др.- партийный и государственный деятель Югославии, черногорец; секретарь ЦК КПЮ, член Политбюро ЦК КПЮ, входил в состав руководящей четверки ЦК (Тито, Джилас, Кардель, Ранкович), которая фактически осуществляла функции верховной власти в Югославии в первые послевоенные годы; председатель Скупщины и вице-президент ФНРЮ; в разгар советско-югославского кризиса поддержал Тито и открыто заявил, что "работа на разведслужбу СССР несовместима с пребыванием в партии"; 16 января 1954 г. подвергся резкой критике на III Пленуме ЦК Союза коммунистов Югославии за свои "ревизионистские" статьи в газете "Борба", журнале "Новая мысль" и др. изданиях, что привело уже 17.01.1954 к его отстранению от власти (несмотря на публичное покаяние), а к концу 1956 г. к первому из двух арестов; после семилетнего (по совокупному сроку) заключения эмигрировал в США.

"ДАЛЬСТРОЙ" НКВД СССР (г. Магадан). Район деятельности "Дальстроля" в октябре 1932 г. выделен в самостоятельную территорию, входившую в Дальневосточный край.

17 декабря 1933 г. приказом ОГПУ № 00395 образован отдел ОГПУ по обслуживанию "Дальстроля" с правами оперативного сектора, подчиненного Полномочному представительству (ПП) ОГПУ по Дальневосточному краю; с июля 1934 г. преобразован в отдел НКВД по "Дальстрою"; с 1939 г. преобразован в Управление НКВД по "Дальстрою". Во время пребывания автора книги в Магадане начальником Управления был Окунев Павел Игнатьевич, генерал-майор (09.07.1945), в 1956 лишенный звания "как дискредитировавший себя за время работы в органах" (Постановление СМ СССР Ms 1204 - 617).

НИКИШОВ Иван Федорович (1894 г., с.Варкино Балыклейского района Вологодской обл. - 05.08.1958 г.). Родился в семье крестьянина. Русский. В КП с 10.19. Кандидат в члены ЦКВКП(б) (XVIII съезд). Депутат Верховного Совета СССР 1-2-го созывов. Герой Соц. Труда 20.01.44. Образование: сельская школа. Работал в своем хозяйстве; пастух, батрак у кулаков в 1907-1914 гг.; береговой рабочий, Царицын. В армии: рядовой, унтер-офицер, фельдфебель с января 1915 по 1918 г.; член полкового ревкома в 1917 г. В РККА: ком. роты ударной Харьковской группы в 1918 г.; ком. роты 1-го Царицынского полка 10 армии в 1918-1919 гг.; ком. 39-го запасного батальона в 1919-1920 гг.; участник подавления восстаний казаков на Урале и имама Гоцинского в Дагестане; комбат, пом. ком. полка в 1921-1923 гг.; ком. 6-го Кавказского полка 2-й стр. дивизии в 1923-1924 гг. В органах ОГПУ-НКВД-МВД: ком. 1-го погран. батальона, Азербайджан в 1924-1925; нач. 41-го Нахичеванского погран. отряда ОГПУ с 22.07.1926 по 12.1927; курсант Высшей пограншколы ОГПУ СССР 1928-1929; нач. 41-го Нахичеванского погран. отряда ОГПУ 31.08.1929-1933; ком. ж.-д. бригады 1933-04.1934; нач. войск ОГПУ ПП ОГПУ Центр.-Черноземной обл. 04.1934-10.07.1934; нач. У ВО УНКВД Центр.-Черноземной обл. 10.07.1934-03.1937; нач. погран. и внутр. войск НКВД АзербССР 03.1937-13.02.1938; нач. Упр. погран. и внутр. войск УНКВД Ленинградской обл. 13.02.1938-29.11.1938; нач. УНКВД Хабаровского края 29.11.1938-11.10.1939; нач. ГУСДС (Главного управления строительства Дальнего Севера) НКВД - МВД СССР 11.10.1939 - 24.12.1948. Уполномоченный НКВД - МВД СССР по "Дальстрою" 12.07.1943-24.12.1948. С декабря.1948 года в отставке. Генерал-лейтенант (09.07.1945). Награжден орденами: Красного Знамени (14.02.1936); четырьмя - Ленина (26.04.1940; 17.01.1943; 20.01.1944; 21.02.1945); Трудового Красного Знамени (11.01.1941), медалью "Серп и Молот" (20.01.1944), орденом Красного Знамени (03.11.1944, а также орденами - Кутузова 1-й степени (24.02.1945), Трудового Красного Знамени ЗСФСР (№ 98), Трудового Красного Знамени АзербССР (№ 12), знаком "Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)" (№ 628).

КРУГЛОВ Сергей Никифорович. Родился в 1907 г. в деревне Устье Тверской губернии в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1928 г. В 1931-1934 г - студент Московского института имени Карла Либкнехта, а затем студент Московского института востоковедения. В 1935- 1937 г. - слушатель института Красной профессуры. С 1938 г. в органах НКВД СССР. С 1945 г. - заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР. С марта 1953 г. по март 1954 г. - министр внутренних дел СССР (объединенных МВД и МГБ в единое МВД СССР). Генерал-полковник. 31 января 1956 г. от должности освобожден. Умер в 1977 г.

ОБРУЧНИКОВ Борис Павлович (1905, Сызрань - 1988) - один из руководителей органов госбезопасности, генерал-лейтенант (09.07.1945). В 1928 г. вступил в ВКП(б). В 1936 г. переведен в НКВД и 07.07.1936 г. назначен помощником нач. отделения Особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. С 23.4.1937 г. - зам. нач. 4-го, с 21.10.1937 г. -5-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ, нач. 6-го отделения 2-го (оперативного) отдела ГУГБ. С 3.8.1939 г. - зам. нач. 5-го отделения Главного экономического управления НКВД СССР. С 25.02.1941 г. - зам. наркома внутренних дел СССР по кадрам и нач. отдела кадров НКВД. С 29.01.1947 г. - нач. Управления кадров МВД СССР. В разное время также курировал Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, Особую инспекцию. С 05.07.1952 г. - зам. министра государственной безопасности СССР. После смерти И.В. Сталина О. как доверенный человек Л.П. Берии, был назначен 12.03.1953 г. начальником Управления кадров нового МВД. После падения Берии 03.07.1953 г. потерял свой пост, а 05.03.1954 г. уволен из органов "как дискредитировавший себя". 03.01.1955 г. лишен воинского звания.

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (26.12.1901(08.01.1902), г. Оренбург - 14.01.1988 г., г. Москва). Родился в семье служащего. Русский. Член Коммунистической партии в 1920-1961 гг. Образование среднее. Активный участник гражданской войны - политработник эскадрона, полка, бригады, политического управления на Восточном и Туркестанском фронтах. В 1921-1925 гг. студент Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана. С 1925 г. в центральном аппарате ВКП(б). С 1930 г. заведующий отделом Московского городского комитета ВКП(б). В 1934-1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В марте 1939 г. - мае 1946 г. секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно в 1939-1946 гг. начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В 1941-1945 гг. член ГКО СССР. В апреле 1944 - марте 1946 г. заместитель Председателя СНК СССР. В августе 1946 г. - марте 1953 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно в мае 1946 г. - мае 1947 г. председатель Специального комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР, в июле 1948 г. - марте 1953 г. секретарь ЦК ВКП(б) (с октября 1952 г. КПСС). В марте 1953 - феврале 1955 г. Председатель Совета Министров СССР. В феврале 1955 - июне 1957 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр электростанций СССР. С 1957 г. директор Усть-Каменогорской ГЭС, а затем Экибастузской ТЭЦ. С 1961 г. на пенсии. Депутат Верховного Совета СССР 1-4 созывов. Член ЦК КПСС в 1939-1957 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК 18.03.1946 - 29.06. 1957 (кандидат 21.02.1941 - 18.03.1946). Член Оргбюро ЦК 22. 03. 1939 - 05.10.1952. Секретарь ЦК 22.03.1939 - 06.05.1946 и 01.07.1948 -14.03.1953. Герой Социалистического Труда (1943). Похоронен в Москве.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (03.04.1894 - по уточненным данным, село Калиновка Дмитриевского уезда Курской губернии -11.09.1971, Москва), партийный и государственный деятель. Герой Советского Союза (1964). Трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1957, 1961), генерал-лейтенант (1943). Сын крестьянина. Образование получил на рабфаке Донецкого индустриального института (1925) и в Промакадемии имени И.В. Сталина (1930). В 1908 г. семья Х. переехала в Донбасс. С 1912 г. работал слесарем на заводах и шахтах Донбасса. В 1917-1919 гг. председатель Комитета бедноты в Калиновке. Участник Гражданской войны, политработник в частях 1-й Конной армии. В 1918 г. вступил в РКП(б). В 1920 г. на хозяйственной работе в Донбассе и Киеве. В 1924-1926 гг. - секретарь Петровско-Марьинского райкома ВКП(б) В 1926-1928 гг. - зав. организационным отделом Сталинского окружкома партии, с 1928 г. заместитель зав. орготделом ЦК КП(б) Украины. Во время учебы в Промакадемии активно выступал против "правого уклона", возглавил "правовверных коммунистов", и в 1930 г. избран секретарем парткома. Учился одновременно с женой И.В. Сталина Н. Аллилуевой, которая обратила на Х. внимание мужа. С января 1931 г. - секретарь Бауманского, с июля 1931 г. - Краснопресненского райкома ВКП(б) (Москва). С января 1932 г. - 2-й секретарь, с января 1934 г. - 1-й секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б). С 1934 г. член ЦК ВКП(б). В 1937 - 1966 гг. депутат Верховного Совета СССР, а в 1938-1946 гг. и 1950-1958 гг. - член его Президиума. Под руководством Х. в Москве прошли массовые аресты руководящего звена парторганизации. В речи на Московской партконференции 23.05.1937 г. заявил: "Рабочий класс и все трудящиеся нашей страны добились великих побед социализма благодаря мудрости, благодаря зоркости, неиссякаемой энергии великого продолжателя дела Ленина, вождя народов СССР, друга трудящихся всего мира - товарища Сталина!.. Однако нельзя успокаиваться - враг еще не добит окончательно". В январе 1938 г. назначен и.о. 1-го секретаря ЦК КП(б) Украины. В 1938 г. руководил массовыми чистками на Украине, хотя основная их волна пришлась на 1936- 1937 гг. В июне 1938 г. утвержден в должности, а в 1944-1947 гг. одновременно являлся пред. СНК УССР. С 14.01.1938 г. - кандидат в члены, а с 22.03.1939 - член Политбюро (с 1952 г. - Президиума) ЦК партии. Во время Великой Отечественной войны был членом военных советов различных фронтов, в том числе, на юге (с маршалом С.К. Тимошенко). В марте 1947 г. снят с постов на Украине, но в декабре 1947 г. вновь занял пост 1-го секретаря Украинской компартии. С декабря 1949 г. - секретарь ЦК ВКП(б) и 1-й секретарь Московского комитета ВКП(б). После XIX съезда партии по предложению Сталина в составе Президиума создана "руководящая пятерка", куда вошел и Х. После смерти Сталина, при "разделе" наследства, ему было отдано руководство партаппаратом, причем 1-м секретарем ЦК КПСС он стал лишь в сентябре 1953 г. Объединившись с Г.М. Маленковым, В.М.Молотовым и Г.К. Жуковым, осуществил арест Л.П.Берии и после этого занял главенствующее положение в стране. Начал процесс разоблачения культа личности Сталина, провел массовые реабилитации жертв режима. С февраля 1956 г. Х. также возглавил Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В июне 1957 г. совершена первая попытка сместить Х. группой "сталинистов" - Маленковым, Молотовым, Кагановичем и другими, но Х., при поддержке Жукова и КГБ, одержал победу. Одновременно с 27.03.1958 г. - председатель Совета Министров СССР В 1964 г. против Х. сложился заговор высшего руководства партии, во главе которого встали Л.И.Брежнев и А.Н.Шелепин. 14.10. 1964 г. когда Х. не было в Москве, Пленум ЦК КПСС освободил его от обязанностей 1-го секретаря ЦК и вывел из состава Президиума, а на следующий день Х. был снят с поста председателя Совмина и уволен на пенсию. В составе ЦК он оставался до следующего съезда (1966). Был женат 1-м браком на Ефросинии Ивановне Писаревой (умерла в 1919 от тифа); 2-м браком - на Нине Петровне Кухарчук (1900-1984). Погребен на Новодевичьем кладбище (Москва).

АБАКУМОВ Виктор Семенович. Родился 11 апреля 1908 г. в Москве в семье рабочего. Член ВКП(б) с 1930 года. С 1932 года в органах НКВД. С 1941 г. - заместитель наркома НКВД. В 1941-1943 гг. - начальник Управления особых отделов НКВД СССР, а с 1943 года - начальник Главного управления контрразведки "Смерш" НКО.

В 1946-1951 г. - Министр государственной безопасности СССР. 18 июля 1951 года арестован и выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР в открытом заседании приговорен к высшей мере наказания. В декабре 1954 г. приговор приведен в исполнение.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич (18.11.1903, село Теплое Чернского уезда Тульской губернии - 01.10.1950), партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1943), доктор экономических наук (1943), лауреат Сталинской премии (1948). Сын служащего лесной конторы. Образование получил в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова (1926) и Институте красной профессуры (1931). Член РКП(б) с августа 1919 г. В 1919-1920 гг. - секретарь комсомола Чернского укома, в 1920-1921 гг. зав. отделом и редактор газеты "Юный коммунар" (Тула). С 1924 г. - на партерботе. В 1924-1926 гг. - зав. агитпропом Енакиевского райкома, в 1926-1927 гг. секретарь парткома Енакиевского металлургического завода, в 1927-1928 гг. зам. зав. агитпропом Артемьевского окружкома. В 1931-1934 гг. преподавал в Экономическом институте красной профессуры. Одновременно в 1932-1934 гг. на руководящих постах в ЦКК ВКП(б) - Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции СССР: старший инспектор, руководитель группы планирования и учета. С февраля 1934 г. руководитель группы планирования и учета Комиссии советского контроля (КСК) при СНК СССР. В 1934 -1939 гг. - член КСК (в мае 1938 - марте 1939 г. член бюро КСК). В феврале-марте 1935 г. - уполномоченный КСК в г. Сталине (ныне Донецк). После убийства С.М.Кирова и последовавшей за этим чистки партийно-хозяйственных кадров в 1935 г. переведен в Ленинград, где был назначен председателем городского комитета по планированию. Одновременно в июне-ноябре 1937 г. - зам. пред. Ленинградского горсиполкома. Тогда же, в ноябре, переведен в Москву на пост заместителя пред. Государственной плановой комиссии при СНК СССР, а в январе 1938 г., после ареста своего начальника В.И. Межлаука, возглавил Госплан СССР. Одновременно с апреля 1939 г. по март 1941 г. - зам. пред. СНК СССР. В марте 1939 г. избран членом ЦК ВКП(б), а 21.02.1941 г. введен кандидатом в члены в состав Политбюро ЦК.

По предложению В. в последние предвоенные годы был резко увеличен объем капитальных вложений в оборонную промышленность на востоке СССР. 10.03.1941 г. В. стал единственным 1-м зам. пред. СНК СССР, а после того как с началом Великой Отечественной войны председателем СНК стал И.В. Сталин, В. остался его главным помощником по руководству хозяйством страны. Лишь в 1942 г. была создана вторая должность 1-го зам. пред. СНК (ее занял В.М. Молотов). В феврале 1942 г. - сентябре 1945 г. входил в состав Государственного комитета обороны. Одновременно с декабря 1942 г. по январь 1948 г. являлся председателем Госплана при СНК (Совете министров) СССР. При В. Госплан превратился в один из важнейших, если не самых важных, органов управления народным хозяйством. В марте 1946 г. с созданием Совета Министров СССР В. остался в его составе в должности зам. председателя. В 1946 г. избран депутатом Верховного Совета СССР. 26.02.1947 г. переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК. Одновременно с января 1948 г. являлся пред. Государственного планового комитета СССР. Автор книги "Военная экономика СССР в годы Отечественной войны" (М., 1947). В 1949 г. органы ГБ начали организацию крупнейшей серии политических процессов в послевоенный период - так называемого "Ленинградского дела". В. должен был стать ключевой фигурой фальсифицированного МГБ "заговора" по свержению советской власти и отделению России от СССР (столицу нового государства якобы

планировалось перенести в Ленинград). 07.03.1949 г. В. был выведен из Политбюро. 27.10.1949 г. арестован. Всего по "Ленинградскому делу" были репрессированы более 2000 партработников, многие из которых занимали высокие посты, среди них М.И. Родионов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин и другие. В марте 1949 г. В. был снят с государственных постов и выведен из состава Политбюро ЦК, а в сентябре 1949 г. - из состава ЦК ВКП(б). 27.10.1949 г. его арестовали. Суд признал В. виновным и 01.10.1950 г. приговорил к смертной казни через расстрел. Были также репрессированы его брат А.А. Вознесенский и сестра М.А. Вознесенская, занимавшая пост секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б) в Ленинграде. В 1954 г. реабилитирован, в 1988 г. восстановлен в партии.

КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович (07.02.1905, Боровичи Новгородской губернии - 01.10.1950), партийный деятель, генерал-лейтенант (1943). Сын рабочего. С 1922 г. - рабочий-сортировщик лесопильного завода. В 1924-1932 гг. - секретарь Ореховского волостного комитета комсомола, инструктор, зав. отделом, секретарь Боровичского и Маловишерского уездных комитетов РКСМ, зав. отделом Нижегородского окружного комитета и секретарь Чудовского райкома ВЛКСМ. В 1925 г. вступил в ВКП(б). С 1932 г. - инструктор Ленинградского горкома ВКП(б), 2-й секретарь Смольнинского, 1-й секретарь Дзержинского райкомов партии (Ленинград). Сделал быструю карьеру в период массовых чисток партактива в 1936-1938 гг. Креатура И.В. Сталина, который выдвигал его как верного сталиниста взамен уничтоженных кадров. С августа 1937 - зав. отделом, с сентября 2-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1939 г. - член ЦК ВКП(б). Одновременно в 1939-1946 гг. - член Военного совета Балтийского флота, кроме того входил в Военные советы Северного (июнь-август 1941) и Ленинградского (сентябрь 1941 - декабрь 1942, март 1943 - май 1945) фронтов, 2-й ударной армии (декабрь 1942 - март 1943). Ближайший помощник А.А. Жданова. Главный организатор обороны города, в числе других представителей высшего партсостава несет свою долю ответственности за то, что Ленинград абсолютно не был готов к блокаде, что стало причиной гибели почти половины его населения. С января 1945 г. - 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 18.03.1946 г. - секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК и начальник Управления кадров ЦК. Считался одним из самых перспективных в новом поколении партработников, многие рассматривали его как возможного преемника Сталина. Пользовался популярностью в партии. На Пленуме 28.01.1949 г. освобожден от обязанностей секретаря и в феврале 1949 г. назначен секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), которое существовало лишь на бумаге. 07.03.1949 г. выведен из состава Оргбюро. 13.08.1949 г. арестован в кабинете Г.М. Маленкова. Стал ключевой фигурой, вместе с Н.А. Вознесенским, в "Ленинградском деле". 01.10.1950 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1954 г. реабилитирован, в 1988 г. восстановлен в партии. Его дочь Алла (1928-1957) вышла замуж за сына А.И. Микояна.

ПОПКОВ Петр Сергеевич (23.01.1903, село Колисеево Владимирской губернии - 01.10.1950), партийный деятель. Сын рабочего. Образование получил в Ленинградском институте инженеров коммунального хозяйства (1937). В 1917-1925 гг. - столяр на заводе "Красный строитель". С сентября 1925 г. - в ВКП(б). С 1925 г. - секретарь Владимирского волостного комитета ВЛКСМ. В 1926-1928 - зав. столярной мастерской Владимирского горкомхоза. Выдвинулся в ходе массовых арестов партийно-хозяйственного аппарата в 1937-1938 г. В 1937 г. - зав. научно-исследовательским сектором и секретарь парткома Ленинградского института инженеров коммунального хозяйства. С ноября 1937 г. - председатель Ленинского райисполкома (Ленинград). С июля 1938 г. - 1-й зам. пред., с 1939 г. - пред. исполкома Ленсовета. С 1939

г. - кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1941 возглавлял работу по эвакуации населения, переоборудованию заводов для выпуска продукции для армии, по продовольственному снабжению города. Был председателем Чрезвычайной противоэпидемической комиссии. С мая 1943 г. - член Комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах. С марта 1946 г. - 1-й секретарь Ленинградских горкома и обкома ВКП(б). С 1946 г. - депутат Верховного Совета СССР. 15.02.1949 г. снят с поста с объявлением ему строгого выговора. В марте 1949 г. командирован в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). 13.08.1949 г. арестован в кабинете Г.М. Маленкова; один из главных фигурантов "Ленинградского дела". 01.10.1950 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1954 г. реабилитирован, в 1987 г. восстановлен в партии.

Глава 8. "Волга. Волга..."

СМИРНОВ Дмитрий Григорьевич - первый секретарь Горьковского обкома партии.

Глава 9. Горячий воздух Азербайджана

ГРОМОВ Григорий Петрович - заведующий отделом административных органов ЦК.

ФРОЛОВ Василий Александрович - заведующий сектором административного отдела ЦК.

ПЕТУШКОВ Владимир Петрович (1910 - 1974) - заместитель заведующего сектором административного отдела ЦК, затем - с 09.07.1953 г. - член Коллегии и начальник Управления кадров МВД СССР, с весны 1954 г. - зам. Министра внутренних дел СССР; 02.09.1957 г. (на основании постановления Президиума ЦК КПСС от 20.12.1956 г. о сокращении 3 должностей заместителей министра внутренних дел СССР и приказа по МВД СССР от 26.12.1956) освобожден от обязанности зам. министра внутренних дел СССР "в связи с переходом на другую работу"; 03.09.1957 назначен 1-м зам. министра внутренних дел РСФСР. Полковник. Умер 14.04.1974 г.

ГОРБЕНКО Иван Иванович (1903 - 1985). С декабря 1951 г. - нач. УМВД по Горьковской области, затем - нач. УВД Каменского облисполкома, с 27.08.1957 г. - нач. 1-го (учетно-архивного) спецотдела МВД СССР. Генерал-майор.

КОМАРОВСКИЙ Александр Николаевич (1906 - 1973). С конца 1945 г. - нач. Главпромстроя МВД СССР; приказом МВД СССР № 0751 от 01.11.1949 г. назначен нач. II-го Главного управления МВД СССР (управление лагерей по строительству заводов искусственного жидкого топлива, нефтеперерабатывающих заводов и других объектов нефтяной промышленности, 03.06.-1950 г. введено в состав Главпромстроя МВД СССР, а 08.10.1951 г. преобразовано в самостоятельное управление лагерей - Главспецнефестрой МВД СССР); 21.11.1951 г. освобожден от должности нач. Главпромстроя МВД СССР и назначен на пост нач. Главспецнефестроя МВД СССР; постановлением СМ СССР № 3180 от 9.06.1952 г. вновь назначен нач. Главпромстроя МВД СССР и членом Коллегии МВД СССР (до осени 1955 г.); одновременно с 1952 г. являлся нач. строительства комплекса Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова на Ленинских горах и других высотных зданий в Москве. Генерал-майор инженерно-технической службы.

СУСЛОВ Михаил Андреевич (08.11.1902, село Шаховское Хвалынского уезда Саратовской губернии - 26.1.1982, Москва) - партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда (1962, 1972). Сын крестьянина. Образование получил на Пречистенском рабфаке (1924), в Московском институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова (1928) и Экономическом институте красной профессуры (1929). В 1918-1920 гг. работал в комитете бедноты, участвовал в реквизициях продовольствия в уезде. В феврале 1920 г. вступил в комсомол, в 1921 г. - в РКП(б). С 1929 г. преподавал политэкономия в Московском университете и Промакадемии. В 1931-1936 гг. работал в аппарате Рабоче-крестьянской инспекции, в 1934-1936 гг. - в Комиссии советского контроля. Участвовал в "чистках" (1933-1934) на Урале и в Черниговской области. Сделал карьеру на разоблачении троцкизма, а позже зиновьевского и других "уклонов" (в том числе "правого" - Н.И. Бухарин, А.И. Рыков) в партии. Всегда был ревностным приверженцем сталинской политики. В 1937-1939 гг. зав. отделом, секретарь Ростовского обкома ВКП(б). В 1939-1947 гг. член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). В 1939-1944 гг. 1-й секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б). С 1941 г. член ЦК ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР. Во время Великой Отечественной войны одновременно был членом Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, с 1942 г. нач. краевого штаба подконтрольного НКВД партизанского движения. После освобождения края провел чистку и аресты "пособников" - тех, кто оставался на оккупированной территории и не вступал в партизанские отряды. Участвовал в проведении депортации карачаевцев (ноябрь 1943). С конца 1944 г. председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР с чрезвычайными полномочиями. Один из главных организаторов репрессий против "литовских националистов и пособников фашизма" и массовой их отправки в Сибирь. В 1946 г. переведен в аппарат ЦК. С 1947 г. секретарь ЦК и зав. отделом агитации и пропаганды ЦК. Одновременно в 1949-1950 гг. главный редактор "Правды". В 1950-1954 гг. член Президиума Верховного Совета СССР. С 16.10.1952 г. член Президиума ЦК КПСС. После смерти И.В. Сталина выведен из состава Президиума. С 1955 г. бессменный член Президиума (с 1966 г. - Политбюро) ЦК КПСС. В конце октября 1956 г. вместе с А.И. Микояном выезжал в Будапешт, где вел "переговоры" с Имре Надем и фактически инициировал окончательное решение руководства СССР "о ликвидации контрреволюционного мятежа" в Венгрии. Один из самых влиятельных деятелей в период правления Н.С. Хрущева. На московском октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1964 г., утвердившем отставку Н.С. Хрущева, выступил с основным докладом, содержащим резкую критику многочисленных перегибов и ошибок бывшего главы партии и советского правительства. При Л.И. Брежневем курировал идеологию, стал главным человеком, определявшим политику КПСС. Считался "серым кардиналом" СССР. В конце 1969 г. не поддержал почти полностью подготовленный проект реабилитации И.В. Сталина. В 1970-е г. дистанцировался от всех внутривнутрипартийных группировок, сохраняя высокий статус "главного идеолога страны", позволявший претендовать на ключевую роль в ее высшем руководстве.

ЛУКШИН Василий Андреевич (1912 - 1967) - зам. зав. Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК ВКП(б); с 25.03.1954 по 01.08.1958 - зам. председателя КГБ при СМ СССР, одновременно с 27.03.1954 по 16.03.1961 - нач. 8-го (шифровально- дешифровального) Главного управления КГБ при СМ СССР. Генерал-майор (31.05.1954). Погиб "при исполнении служебных обязанностей" в мае 1967 г..

ДЕДОВ А.Л. (1913- 1961). В 1946 - 1947 гг. - секретарь Минского обкома партии, в 1951 - 1952 гг. - зав. транспортным отделом ЦК ВКП(б), в 1953 - 1954 гг. - зам. зав. административным и торгово-

экономическим отделом ЦК ВКП(б) - КПСС, в 1954 -1955 гг. - зав. административным отделом ЦК КПСС, с 1955 г. - министр государственного контроля РСФСР (на закрытом Пленуме ЦК в 1955 г. секретарь Алтайского крайкома К.Пысин назвал его "некомпетентным министром", "сподвижником Г.М. Маленкова").

ЕМЕЛЬЯНОВ Степан Федорович (1902 -?) - генерал-майор (1945). С февраля 1939 г. - народный комиссар внутренних дел Азербайджанской ССР, с февраля 1941 г. - нарком госбезопасности Азербайджанской ССР, с августа 1941 г. - заместитель наркома внутренних дел Азербайджанской ССР. С июля 1942 г. - заместитель наркома внутренних дел и начальник 4-го отдела НКВД Азербайджанской ССР, с мая 1943 г. - нарком госбезопасности Азербайджанской ССР. С января 1947 г. - министр госбезопасности Азербайджанской ССР. С марта 1953 г. - министр внутренних дел Азербайджанской ССР. В июле 1953 г. освобожден от должности, в январе 1954 г. уволен в запас по фактам, дискредитирующим звание начсостава МВД. В апреле 1954 г. арестован. 26 апреля 1956 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 63-2 и 73 УК Азербайджанской ССР к 25 годам лишения свободы. Освобожден 10 июня 1970 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1970 г. о помиловании. Не реабилитирован.

ЯКУБОВ Мир Теймир Мир Алипер оглы (1904-?) - генерал- лейтенант (1945). С марта 1938 г. - 3-й секретарь ЦК КП (б) Азербайджана. С марта 1941 г. - нарком внутренних дел Азербайджанской ССР. С марта 1946 г. по июнь 1950 г. - министр внутренних дел Азербайджанской ССР. С июня 1950 г. - 2-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, с апреля

1952 г. - 1-й секретарь Бакинского обкома КП(б) Азербайджана, с апреля

1953 г. по февраль 1954 г. - 1-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. В 1954- 1956 гг. - директор Хазмасского консервного завода, в 1957 г. - инженер проектно-сметной группы "Азпродстрой". 28 августа 1956 г. ЦК КП (б) Азербайджана исключил его из рядов КПСС "как активного багировско- го пособника, проводившего преступную антипартийную и антигосударственную деятельность и грубо нарушавшего социалистическую законность". Решением КПК при ЦК КПСС от 28 марта 1957 г. подтверждено решение ЦК КП(б) Азербайджана об исключении Якубова М. Т. из членов КПСС "за грубое нарушение социалистической законности и активное содействие преступной деятельности Багирова и его банды".

БАГИРОВ Мир Джафар Аббасович (1896-1956) - советский партийный и государственный деятель. В 1921-1927 гг. - председатель ЧК, затем нарком внутренних дел и одновременно заместитель председателя СНК Азербайджанской ССР, в 1927-1929 гг. - начальник Закавказского управления водного хозяйства, председатель правления Закавказского сельхозсоюза, в 1929-1930 гг. - председатель Азербайджанского ГПУ. В 1930-1932 гг. - слушатель курсов марксизма- ленинизма при ЦИК СССР. В 1932-1933 гг. - председатель СНК Азербайджанской ССР. В 1933-1953 гг. - первый секретарь ЦК КП Азербайджана, одновременно в апреле-июле 1953 г. - председатель Совмина Азербайджанской ССР. Одновременно в марте-июле 1953 г. - кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. С октября 1953 г. - заместитель начальника объединения "Куйбышнефть" Министерства нефтяной промышленности СССР. В марте 1954 г. арестован и в мае 1956 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

КУЛИЕВ Теймур Имам Кули оглы (1896 -?) - С октября 1934 г. - председатель спецколлегии Верховного суда Азербайджанской ССР, с октября 1936 г. - председатель Верховного суда Азербайджанской ССР. С ноября 1937 г. - Председатель СНК Азербайджанской ССР. С марта 1946 г. - Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР, с апреля 1953 г. - заместитель Председателя СМ Азербайджанской ССР. С июля 1953 г. по март 1956 г. - Председатель СМ Азербайджанской ССР. В 1954-1956 гг. - директор виноградарского совхоза в Кировабаде. Решением ЦК КП Азербайджана от 28 августа 1956 г. исключен из членов КПСС "за грубые нарушения социализма и активное содействие преступлениям Багирова и его банды". Постановлением ЦК КП при ЦК КПСС от 28 марта 1957 г. это решение подтверждено.

ГЕЙДАРОВ - председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

АТАКИШИЕВ Ага Салим Ибрагимович - с марта по июль 1953 г. заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР, генерал-майор.

КУЛИЕВ Нури Гасанович - заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР, полковник.

ПИШЕВАРИ (Сеид) Мир-Джафар (он же - Джавад-заде Джафар) - политический деятель Северного Ирана, бывший член ЦК Ирана, член Коминтерна, в 1936 г. приговорен к длительному тюремному заключению, амнистирован в 1941 г.; председатель Демократической партии Азербайджана ("Фергее демократе Азербайджан" - ФДА), воззвание о создании которой опубликовал в Тегеране в сентябре 1945. С одной стороны, деятельность ФДА, поддержанной советскими спецслужбами, разворачивалась в условиях заметной в послевоенное время активизации азербайджанской националистической эмиграции - туранистов (сторонников идеи "Большого Азербайджана", или "Турана") и мусаватистов (членов пантюркистской партии "Мусават", созданной в 1911 г.) и отличалась от них своей открыто просоветской ориентацией. Достаточно сказать, что одним из центральных пунктов упомянутого воззвания был лозунг: "Да здравствует Мир-Джафар Багиров - отец единого Азербайджана!" (деление Азербайджана на две неравные территориальные части, южную - большую и северную - меньшую, было официально закреплено Туркманчайским мирным договором 1918 г. между Россией и Персией). С другой стороны, главным политическим конкурентом ФДА была также откровенно просоветская и поддерживаемая Москвой и Баку партия "Туде" ("Массы"), лидер - Реза Радманеш. 12.12.1945 П. провозгласил в Тебризе (Северо-Восточный Иран) создание Азербайджанской республики, а сам стал главой "национального правительства Азербайджана (Южного)". Республика просуществовала всего 11 месяцев и была разгромлена шахскими войсками в декабре 1946 г. П. погиб в Баку в августе 1947 в результате автомобильной катастрофы, которая, судя по ряду косвенных данных, могла быть организована органами МВД Азербайджана. В настоящее время является "культовым героем" сформированного в начале 1990-х гг. Движения национального пробуждения Южного Азербайджана.

ПИТОВРАНОВ Евгений Петрович (20.03.1915 - 12.1999). Генерал-лейтенант (1956). Русский. Родился в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии в семье сельских учителей. С сентября 1930 г.

работал учеником токаря, а с февраля 1933 г. - секретарем комитета ВЛКСМ ФЗУ Рязано-Уральской ж.-д. С сентября 1933 г. - токарь паровозоремонтного завода в Саратове, с марта 1934 г. - секретарь комитета ВЛКСМ ст. Саратов Рязано-Уральской ж.-д. В сентябре 1934 г. поступил в Московский электромеханический институт инженеров транспорта. В 1937 г. вступил в ВКП(б). Окончил 4 курса института, после чего 5 ноября 1938 г. был направлен ЦК ВКП(б) на работу в органы госбезопасности. С ноября 1938 г. лейтенант госбезопасности Е.П. Питовранов работал оперуполномоченным 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, однако спустя месяц был направлен в распоряжение УНКВД по Горьковской области. С декабря 1938 г. - врид начальника 3-го отдела УГБ, с февраля 1939 г. - начальник 1-го Отдела ЭКУ, с июня 1939 г. - начальник 2-го отдела ЭКУ. С мая 1940 г. - заместитель начальника, с 26 февраля 1941 г. - начальник, а с 23 августа 1941 г. - снова заместитель начальника УНКВД по Горьковской области. В декабре 1942 г. Е.П. Питовранова переводят в Кировскую область начальником УНКВД, а с мая 1943 г. - УНКГБ. С марта 1944 г. он - начальник УНКГБ по Куйбышевской области, с 10 февраля 1945 г. - нарком, а с 14 марта 1946 г. - министр госбезопасности Узбекской ССР. С 15 июня 1946 г. Е.П. Питовранов - заместитель начальника, а с 7 сентября 1946 г. - начальник ВГУ МГБ СССР. С 3 января 1951 г. - заместитель министра и член Коллегии МГБ СССР. 28 октября 1951 г. арестован по "делу Абакумова". Обвинялся в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в "сионистском заговоре в МГБ". До ноября 1952 г. находился под следствием. Из камеры направил И.В. Сталину письмо со своими предложениями по улучшению работы разведки. В ноябре 1952 г. по указанию И.В. Сталина выпущен на свободу и откомандирован в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. С 20 ноября 1952 г. - член Комиссии ЦК КПСС по организации ГРУ МГБ. С 5 января 1953 г. - начальник 1-го управления по разведке за границей, создаваемого ГРУ МГБ СССР. С 17 марта 1953 г. - заместитель начальника ВГУ, а с 21 мая 1953 г. - 1-й заместитель начальника ПГУ МВД СССР. В июле 1953 г. Е.П. Питовранова направляют в Германию. С 16 июля 1953 г. - уполномоченный МВД СССР в Германии. С 10 мая 1954 г. - заместитель Верховного комиссара СССР в Германии, с 18 мая 1954 г. - начальник Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре. С декабря 1955 г. - старший советник КГБ при МГБ ГДР. После возвращения в СССР с 23 марта 1957 г. Е.П. Питовранов - начальник 4-го управления и член Коллегии КГБ при СМ СССР. С 20 февраля 1960 г. находится в распоряжении Управления кадров КГБ, 5 марта 1960 г. получает назначение на должность начальника аппарата представительства КГБ при СМ СССР при внешней разведке КНР.

В феврале 1961 г. был отозван в распоряжение Управления кадров КГБ. С 27 февраля 1962 г. - начальник и председатель Совета Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского. 29 мая 1964 г. 49-летний Е. П. Питовранов заочно окончил ВПШ при ЦК КПСС.

14 декабря 1965 г. решением ЦК КПСС Е. П. Питовранов был освобожден от работы в КГБ и 1 февраля 1966 г. уволен в запас по сокращению штатов. С марта 1966 г. работал заместителем председателя, а позднее - председателем президиума Торгово-промышленной палаты СССР, затем вышел на пенсию. В 1969-1973, при содействии Ю.В. Андропова, создает "Фирму" - по сути самостоятельную разведслужбу, действующую по линии и под прикрытием внешних торгово-экономических связей (с 1975 г. преобразована в отдел ПГУ КГБ). Награжден двумя орденами Красного Знамени (1943, 1954), орденом Трудового Красного Знамени (1941), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (1946, 1948), тремя орденами Красной Звезды (1943, 1946, 1954), орденом "Знак Почета" (1942), медалями, знаком "Почетный сотрудник госбезопасности" (1957). Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

КЕРИМОВ - заместитель министра госбезопасности Азербайджанской ССР по следственной работе, затем начальник Управления МГБ города Баку, полковник.

КАСУМОВ Эйюб - начальник Кировабадского отдела МГБ АзербССР, полковник .

АЛИЕВ Ашраф (и его жена) - "пикантное" дело. Речь идет о брате президента АН Азербайджанской ССР Мусы Мирзоевича Алиева и его супруге, которые по указанию Багирова были арестованы и по огульным обвинениям приговорены к высшей мере наказания; позднее оба реабилитированы - посмертно.

МУСТАФАЕВ Имам Дашдамирович - 1-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана (с декабря 1953), до этого - при Багирове - 3-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, снят с должности в 1956 г.

САМЕДОВ Виталий - 2-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана (с декабря 1953).

ИСКЕНДЕРОВ Мамед Абдулович - 3-й секретарь ЦК КП(б) Азербайджана (с декабря 1953).

АЛИ-ЗАДЕ Мамед Алиевич - с 1954 г. заместитель председателя КГБ Азербайджанской ССР; в 1960-е гг. - председатель КГБ Нахичеванской АССР в составе Азербайджанской ССР, затем в течение пяти лет - в центральном аппарате КГБ СССР, министр внутренних дел Азербайджанской ССР, генерал-майор.

МАМЕДОВ Айваз Абдурахманович - с 1954 г. нач. управления КГБ Азербайджанской ССР; в 1960-е гг. - председатель КГБ Азербайджанской ССР, генерал-майор.

МАМЕДОВ Гамбай Алескеревич. Проработал в аппарате КГБ Азербайджана 16 лет, в последние годы - нач. следственного управления КГБ Азербайджанской ССР; в 1960-е гг. - прокурор республики (до Заманова), депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР; генерал-майор; в декабре 1978 г. выступил на IX сессии ВС Азербайджанской ССР с обличительными материалами на тогдашнее руководство республики; буквально через несколько дней лишен депутатского мандата, воинского звания, исключен из партии, против М. было возбуждено следствие, в ходе которого с М. были сняты почти все предъявленные ему обвинения (129!).

ЗАМАНОВ Абас Тагиевич - с 1954 г. зам. председателя КГБ Азербайджанской ССР, с 1964 - председатель КГБ Нахичеванской АССР в составе Азербайджанской ССР; в 1970-е гг. - Прокурор республики, генерал-майор.

АЛИЕВ Гейдар Алиевич (10.05.1923 г. Нахичевань - 2004). Родился в семье рабочего. Азербайджанец. Член Коммунистической партии с марта 1945 г. Образование высшее: в 1957 г. окончил исторический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. В 1939-1941 гг. студент

архитектурного факультета Азербайджанского индустриального института им. Мешади Азизбекова в Баку. С 1941 г. работал в архивном управлении НКВД Нахичеванской АССР. В 1943-1944 гг. заведующий отделом СНК Нахичеванской АССР. С мая 1944 г. в органах государственной безопасности Нахичеванской АССР. В 1949-1950 гг. слушатель школы переподготовки руководящего оперативного состава МГБ СССР. С 1950 г. работал в МГБ Азербайджанской ССР и КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР на руководящих должностях. С 1964 г. заместитель председателя, а с 1967 г. председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров Азербайджанской ССР. С июля 1969 г. первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С ноября 1982 г. первый заместитель председателя Совета Министров СССР. С октября 1987 г. персональный пенсионер союзного значения. С 1990 г. председатель Верховного Совета Нахичеванской АССР. С июня 1993 г. председатель Верховного Совета Азербайджанской Республики. С октября 1993 г. Президент Азербайджанской Республики.

Депутат Верховного Совета СССР 8-11-го созывов. Член ЦК в 1971-1989 гг. Член Политбюро ЦК 22.11.1982 - 21.10.1987 (кандидат 05.03.1976 - 22.11.1982). Дважды Герой Социалистического Труда (1979, 1983). Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красной Звезды. Генерал-майор.

ЭФЕНДИЕВ Сами Багиевич - в 1960-е гг. заместитель Гусейнова И.Г. - начальника 1-го управления КГБ Азербайджанской ССР.

САМЕДОВ Гаджи Айдамирович - один из руководящих сотрудников органов госбезопасности Азербайджанской ССР, с 1954 - нач. отдела кадров, в 1960-е гг. - зам. пред. КГБ АзербССР.

ГУСЕЙНОВ Иль Гусейн - с 1954 г. нач. отдела, в 1960-е гг. - нач. 1-го управления, затем с 1969 г. - председатель КГБ Азербайджанской ССР.

ХАЛЫКОВ - в 1950-е гг. - секретарь парткома КГБ Азербайджанской ССР.

МАРКАРЯН А.Н. - заместитель министра госбезопасности Азербайджанской ССР. (С.Ф.Емельянова)

ГРИГОРЯН А.А. (1899 - ?) - с 21.05.1946 г. нач. автотранспортного сектора МВД СССР, с 10.04.1950 по 1953 г. - нач. Автотранспортного отдела МВД СССР, затем - заместитель министра госбезопасности Азербайджанской ССР. (С.Ф.Емельянова).

БОРЩЕВ Тимофей Михайлович (1901, урочище Кусары Кубинского уезда Бакинской губ.,- 16.05.1956). Родился в семье черно- рабочего-мясника. Еврей. В КП с 12.1918. Закончил 3 класса городского училища в Тифлисе (до 1913). В органах ВЧК-ОГПУ- НКВД-НКГБ-МГБ-МВД: 05.1920 - 06.1920 - зав. технической лабораторией Владикавказской областной ЧК; 07.1920-09.1920 - пом. уполномоченного, следователь Азербайджанской ЧК; 09.1920 - 06.1922 - уполномоченный политбюро ЧК Кубинского уезда; 06.1922 -

10.1922 - продналогинспектор Кубинского УИК; 01.1923 - 06.1923 - уполномоченный информпункта Азербайджанской ЧК, г. Куба; 06.1923 - 11.1923 - нач. политбюро ЧК Балсабского района; 11.1923 - 1924 - инструктор коллегии Азербайджанской ЧК; секретарь СОЧ, 1924- 1925 - секретарь коллегии Азербайджанской ЧК; 1925-1927 - уполномоченный Азербайджанской ЧК-ГПУ Азербайджанской ССР; 1927- 1929 - ст. уполномоченный восточного отдела ГПУ Азербайджанской ССР; 1929 - 21.10.1930 - ст. уполномоченный (на правах нач. отд.) восточного отд. ГПУ Азербайджанской ССР; 21.10.1930 - март 1931 гг. - нач. восточного отд. ГПУ Азербайджанской ССР; март 1931 - май 1933 гг. - зам. нач. СПО ГПУ Азербайджанской ССР; май 1933 - апрель 1935 гг. - нач. Гянджинского горотдела ГПУ-НКВД; апрель 1935 - 04.12.1935 - нач. Кировабадского горотдела НКВД; 04.12.1935 - 08.01.1937 - пом. нач. УНКВД Азербайджанской ССР; 08.01.1937 - 17.11.1937 - нач. 3-го отд. УГБ НКВД Азербайджанской ССР; 17.11.1937 - 10.07.1938 - зам. наркома внутренних дел Азербайджанской ССР; 10.07.1938 - 26.02.1941 - нарком внутренних дел Туркменской ССР; 26.02.1941 -31.07.1941 - зам. нач. 2-го управления НКГБ СССР; 31.07.1941 - 07.05.1943 - нач. УНКВД Свердловской обл.; 07.05.1943 - 03.04.1948 - нач. УНКГБ-УМГБ Свердловской обл.; апрель 1948 - август 1948 гг. - в распоряжении управления кадров МГБ СССР.

С августа по ноябрь 1948 не работал, проживая в Кисловодске и Баку, ноябрь 1948 - февраль 1952 гг. - зам. председателя Бакинского горисполкома, февраль 1952 - май 1952 гг. - пом. секретаря ЦК КП(б) Азербайджана; май 1952 - апрель 1953 гг.- зам. зав. отд. адм. органов ЦК КП(б) Азербайджана. С апреля по июль 1953 г. работал начальником У МВД Азербайджанской железной дороги. Уволен из МВД СССР по служебному несоответствию 18.07.1953. С июля 1953 г. - пенсионер МВД. Арестован 25.01.1955; приговорен ВКВС СССР 26.04.1956 по ст. 62-2, 73 УК АзербССР к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован. Лишен звания генерал-лейтенанта 23.11.1954 постановлением СМ СССР № 2349-1118сс "как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала".

ГРИГОРЬЕВ Петр Иванович. До марта 1954 г. зам. зав. сектором органов МВД отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС; 13.03.1954 г. постановлением Совета Министров назначен заместителем председателя КГБ по кадрам; начальник управления кадров КГБ; освобожден от должности 06.07.1959 (31.08.1954 его сменил бывший зам. зав. отделом административных органов ЦК КПСС В.С.Тикунов). Генерал-майор (31.05.1954).

ГРОМОВ Евгений Иванович - в 1953~- 1954 гг. заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС.

ДРОЗДОВ Георгий Тихонович - в 1953 - 1954 гг. заместитель заведующего административным отделом ЦК КПСС.

ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918-1994). Родился 18 августа 1918 г. в городе Воронеже. В 1936 г. поступил в Институт истории, философии и литературы имени Г.Чернышевского. Член ВКП(б) с 1940 г.. С 1939 г. на комсомольской работе. В 1952 - 1958 гг. - Первый секретарь ЦК ВЛКСМ. С 25.12.1958 по 13.11.1961 - председатель Комитета государственной безопасности при СМ СССР. Умер в 1994 г.

Глава 10. На верхних "этажах" оперработы

ИВАШУТИН Петр Иванович (05(18).09.1909, г. Брест-04.06.2002, Москва). Русский. Генерал армии (23.02.1971). Герой Советского Союза (21.02.1985). В Красной Армии с 1931 г. Член компартии с 1930 г. Окончил военную школу летчиков (1933), Военно-воздушную академию им. проф. Н. Е. Жуковского (1937-1939). Рабочий по ремонту пути, на механическом заводе в г. Иваново (1926- 1931), инструктор-летчик 107-й авиабригады Московского военного округа (декабрь 1933 - январь 1937), командир корабля (декабрь 1937 - 1939). С 1939 г. в военной контрразведке. Участник советско-финляндской войны 1939- 1940. Начальник особого отдела 23-го стрелкового корпуса.

Участник Великой Отечественной войны. Начальник особого отдела 47-й армии, Юго-Западного, 1-го Украинского (1944), 3-го Украинского (1944 - июль 1945) фронтов, Южной группы войск (июль 1945-ноябрь 1947), ГСВГ (10.11.1947 - 18.11.1949).

Начальник Управления контрразведки Ленинградского ВО (ноябрь 1949 - январь 1952), заместитель начальника 3-го Главного управления МГБ СССР (январь-август 1952), министр госбезопасности Украинской ССР (1952-1953), заместитель председателя КГБ при СМ СССР с 1954 г., одновременно начальник 5-го управления КГБ (контрразведка в оборонной промышленности), 1-й заместитель председателя КГБ СССР (1956-1963).

Начальник ГРУ Генерального Штаба - заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (март 1963 - июнь 1987). Под руководством И. ГРУ последовательно и целеустремленно проводило в жизнь комплексную программу по совершенствованию организационной структуры военной разведки, внедрению новейших технических средств, обеспечивающих качественное выполнение заданий военно-политического руководства страны. В Группе генеральных инспекторов МО СССР (1987-1992). Депутат Верховного Совета СССР 3, 7- 10-го созывов. Награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" 3-й ст., тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й ст., двумя орденами Кутузова 2-й ст., Отечественной войны 1-й ст., орденом Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями, иностранными орденами и медалями. Похоронен на Троекуровском кладбище.

НЕРУ Джавахарлал (1889-1964) - премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индии с 1947. Сподвижник М.К.Ганди в борьбе за национальное освобождение, один из лидеров Индийского национального конгресса. В колониальной Индии (до 1947) преследовался британскими властями, провел в тюрьмах свыше 10 лет. Вошел в историю как "строитель новой Индии". Под руководством Н. правительство Индии провело крупные меры по ликвидации отсталости страны. В области внешней политики оно проводило курс "позитивного нейтралитета". Н. выступал за всемерное развитие дружбы между Индией и Советским Союзом.

У-НУ (1907-1995) - в 1947-1958 гг. - президент бирманской Антифашистской лиги народной свободы, в 1958-1960 гг. - глава "Чистой лиги", а в 1960-1962 гг. - Союзной. В 1948-1956, 1957-1958 и 1960-1962 - премьер-министр Бирмы. В 1969 г. возглавил антиправительственную эмиграцию. В 1973 г. стал буддийским монахом.

СУКАРНО (1901-1970) - в 1945-1967 гг. - президент Республики Индонезии. Один из основателей Национальной партии Индонезии (1927) и затем ее председатель. В 1929-1931 и 1933-1942 гг. - в тюрьме

и ссылке за участие в борьбе против голландского колониального господства в Индонезии. Один из инициаторов созыва Бандунгской конференции в 1955 г. Лауреат Международной Ленинской премии (1960).

ПЕХЛЕВИ Мохаммед Реза - сын и преемник основателя шахской династии Реза-шаха Пехлеви, правившего в Иране с 1925 г. и отрекшегося от престола в пользу М. в октябре 1941 г., свергнут в ходе народной исламской революции в 1979 г.

ГРОТЕВОЛЬ Отто (1894-1964) - видный деятель германского и международного коммунистического движения. В 1912 г. вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1945 избран председателем Центрального правления, с 1946 г. - член секретариата Центрального правления СДПГ. Один из основателей и в 1946 г. - 1954 гг. - один из сопредседателей СЕПГ, с 1949 г. - член Политбюро ЦК СЕПГ, премьер-министр ГДР.

МИКОЯН Анастас Иванович (13(25). 11.1895, с. Саванн Тифлисской губернии - 21.10.1978, г. Москва). Родился в крестьянской семье. Армянин. Член Коммунистической партии с 1915 г. Образование среднее: окончил в 1916 г. духовную семинарию в Тифлисе, учился на первом курсе Эчмиадзинской духовной академии. Вступив в РСДРП, вел партийную работу в Тифлисе, Эчмиадзине, сотрудничал в социал-демократической печати. После Февральской революции 1917 г. организатор Эчмиадзинского Совета, затем пропагандист в Тбилиси, Баку, член Тифлисского комитета партии. С октября 1917 г. член президиума Бакинского комитета большевиков; редактировал газету "Социал-демократ" (на армянском языке), позже "Известия Бакинского Совета". В марте 1918 г. участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа мусаватистов, был ранен. Летом 1918 г. комиссар 3-й бригады РККА. С июля 1918 г. председатель Бакинского подпольного горкома партии. 15 сентября 1918 г. освободил из тюрьмы бакинских комиссаров, вместе с которыми отбыл из Баку, но в Красноводске был арестован эсерами и английскими интервентами и лишь случайно с несколькими товарищами избежал расстрела. В феврале 1919 г. по требованию бакинских рабочих освобожден из тюрьмы и выслан из Закаспия в Баку. С марта 1919 г. председатель Бакинского бюро Кавказского краевого комитета РКП(б). В октябре 1919 г. - январе 1920 г. в Москве. В январе 1920 г. выехал в Баку с передовым отрядом бронепоездов 11-й армии как уполномоченный РВС 11-й армии, 28 апреля 1920 г. прибыл в Баку. В июне-октябре 1920 г. председатель Азербайджанского совета профсоюзов. С октября 1920 г. заведующий агитпропотделом, член бюро, секретарь Нижегородского губкома РКП(б). В 1922-1924 гг. секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в Ростове-на-Дону. В 1924-1926 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. В августе 1926 г. - ноябре 1930 г. народный комиссар внутренней и внешней торговли СССР. В ноябре 1930 г. - июле 1934 г. народный комиссар снабжения СССР. В июле 1934 г. - январе 1938 г. народный комиссар пищевой промышленности СССР. В июле 1937 г. - марте 1946 г. заместитель Председателя СНК СССР, одновременно в ноябре 1938 г. - марте 1946 г. народный комиссар внешней торговли СССР. Во время Великой Отечественной войны в 1941 г. председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения РККА, член Совета по эвакуации, председатель Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия. В 1941-1942 гг. председатель Комитета по разгрузке транзитных грузов, в 1942 г. член Комиссии по эвакуации. В феврале 1942 - сентябре 1945 г. член ГКО. В 1943-1946 гг. член Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации. В марте 1946 г. - марте 1953 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно в марте 1946 г. - марте 1949 г. министр внешней торговли СССР,

а в марте-августе 1953 г. министр внутренней и внешней торговли СССР. В апреле 1954 - феврале 1955 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно в августе 1953 - январе 1955 г., министр торговли СССР. В феврале 1955 г. - июле 1964 г. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1957-1958 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР. В июле 1964 г. - декабре 1965 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1965 г. член Президиума Верховного Совета СССР. С июня 1974 г. персональный пенсионер союзного значения.

Член ЦИК СССР 1-7-го созывов. Депутат Верховного Совета СССР 1-8-го созывов. Член ЦК КПСС в 1923-1976 гг. (кандидат в 1922-1923 гг.). Член Политбюро (Президиума) ЦК 01.02.1935- 29.03.1966 (кандидат 23.07.1926-01.02.1935). Герой Социалистического Труда (1943). Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени (1928). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ЦЕДЕНБАЛ Юмжагийн (1916-1991) - деятель Монгольской народно-революционной партии (МНРП) и международного коммунистического движения. Член МНРП с 1939 г. Генеральный секретарь ЦК МНРП в 1940-1954 и 1981-1984 гг. В 1958-1981 гг. - 1-й секретарь ЦК МНРП. В 1952-1974 гг. - председатель Совета Министров МНР. В 1974-1984 гг. - Председатель Президиума Великого народного хурала МНР. Герой Труда МНР (1961). Герой МНР (1966). Маршал МНР (1979). В 1990 г. исключен из партии.

ХОРТИ Миклош (1868 - 1957) - диктатор, глава фашистского режима - регент Королевства Венгрии в 1920-1944 гг. Участник подавления Которского восстания в 1918 г., разгрома Венгерской Советской Республики в 1919 г. В 1941 г. присоединился к гитлеровскому пакту и вверг страну в войну против СССР. 15 октября 1944 г. передал власть лидеру фашистской партии "скрещенных стрел" ("никлашистов") Ф.Салаши и выехал за границу. Конрадмирал (1918).

НАДЬ Ференц - с декабря 1944 г. по май 1947 г. - премьер-министр Венгрии; в 1947 г. обвинен коммунистами в подготовке "антиреспубликанского заговора", смещен с должности и был вынужден эмигрировать из страны.

ВАРГА Бела - в 1946 - 1947 гг. - Председатель Национального собрания Венгрии.

МАЛЕТЕР Пал - министр обороны Венгрии в правительстве Имре Надя, один из руководителей Революционного совета (не подчиненного правительству) в венгерской армии; член венгерской делегации на переговорах с советским командованием о выводе советских войск из Венгрии 03-04.11.1956; генерал-полковник. 15.06.1958 на закрытом судебном заседании М., а также Имре Надю и его ближайшим сподвижникам - М.Гимешу и И.Си-лади вынесен смертный приговор, на следующий день приведенный в исполнение.

БЕТИН Иван Иосифович (1907-1989) - 08.09.1954 назначен начальником 5-го Управления КГБ (вместо назначенного зам. председателя КГБ при СМ СССР П.И. Ивашутина); член группы семи представителей

руководства КГБ в Венгрии в 1956 г.; постановлением СМ СССР от 05.02.1960 5-е Управление было упразднено, а его функции и кадровый состав переданы во 2-е Главное управление КГБ. Генерал-майор.

МАМСУРОВ Хаджи Джиорович - командующий (совместно с генерал-лейтенантом А.Х.Бабаджаняном) частями 38-й армии, введенной в Венгрию в 1956 году, генерал-лейтенант.

КОРОТКОВ Александр Михайлович (22.11.1909 - 27.06.1961). Генерал-майор (1956). Русский. Родился в Москве. Вскоре после рождения его отец, работавший до революции в Русско-Азиатском банке, ушел из семьи, забрав старшего сына, и мать воспитывала К. и дочь одна. После окончания 9 классов средней школы в 1927 г. работал подручным у электромонтера. Свободное от работы время проводил на стадионе "Динамо" на Петровке. Там он и встретился с Вениамином Герсоном, бывшим секретарем Ф. Э. Дзержинского, обратившим внимание на незаурядные физические качества А. Короткова во время футбольного матча. В октябре 1928 г. по личной рекомендации В. Л. Герсона принят на работу в Комендатуру АХУ ОГПУ монтером по лифтам и лифтером. Однако уже в декабре 1928 г. был переведен в ИНО ОГПУ, где работал делопроизводителем, а затем старшим делопроизводителем. С января 1930 г. - помощник оперуполномоченного, а затем оперуполномоченный 2-го, 7-го, а затем снова 2-го отделений ИНО ОГПУ. Весной 1932 г. прошел краткосрочную оперативную и языковую подготовку. В 1933 г. направлен на нелегальную разведработу в Париж через Австрию и Швейцарию в составе оперативной группы "Экспресс", возглавляемой Л.Л.Никольским (А. М. Орловым). Задачей группы была разработка Второго бюро (разведка) французского Генерального штаба, проведение вербовок в его важнейших подразделениях.

Выдавая себя за австрийца чешского происхождения Районецкого, поступил в Сорбонну на курс антропологии. Одновременно начал учебу в школе радиоинженеров. В университете пытался завербовать студента, работавшего фотографом во Втором бюро, однако этот контакт попал в поле зрения французской контрразведки. Чтобы избежать провала, был временно вывезен в Германию, а оттуда в СССР. С 1935 г. - уполномоченный резерва отдела кадров, затем оперуполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД СССР. В апреле 1936 г. под именем Владимира Петровича Коротких и прикрытием должности представителя Наркомтяжпрома при торгпредстве СССР в Германии направлен в долгосрочную командировку в Берлин. На месте принял на связь ряд ценных агентов. В декабре 1937 г. получил задание выехать во Францию для нелегальной работы (должен был возглавить группу, созданную для ликвидации ряда предателей). В марте 1938 г. возглавляемая К. группа ликвидировала предателя Г. Агабекова (Жулик), в июле того же года - секретаря международного объединения троцкистов Р. Клемента. В 1938 г. отозван в Москву и переведен в резерв назначения. В 1939 г. уволен из органов НКВД. Однако после письма на имя Л.П.Берии был восстановлен на службе в разведке: с апреля 1939 г. - старший уполномоченный, а с мая 1939 г. - заместитель начальника 1-го (немецкого) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД. В этом же году был принят в члены ВКП(б). В конце 1939 г. выехал в загранкомандировку в Данию и Норвегию под прикрытием должности дипкурьера НКВД. В июле 1940 г. был направлен на месяц в Германию под прикрытием должности стениста по обслуживанию советских выставок в Кенигсберге и Лейпциге для восстановления связи с особо ценными источниками, работа с которыми была законсервирована в 1936-1938 гг. В конце августа 1940 г. он вновь возвращается в Берлин, на этот раз в качестве заместителя резидента легальной резидентуры под прикрытием должности 3-го секретаря полпредства СССР в Германии. Там он активизировал восстановленные связи, в частности с Вилли Леманом (Брайтенбах), установил личные контакты с руководителями

антифашистского подполья Харро Шульце-Бойзенем (Старшина), Адамом Кукхофом (Старик), Куртом Шумахером (Тенор). От этих антифашистов резидентура получала наиболее ценную информацию о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. В первые дни войны, когда здание советского полпредства в Берлине было блокировано гестапо, К., рискуя жизнью, сумел несколько раз выехать в город для проведения встреч с агентурой, постановки задач и передачи радиостанции для связи с центром и питания к радиостанции. Вскоре в числе интернированных сотрудников полпредства СССР в Германии он вернулся в Москву. С августа 1941 г. - зам. нач., а с октября 1941 г. - нач. 1-го отдела (разведка в Германии и на оккупированных ею территориях) 1-го управления НКВД / НКГБ СССР. Координировал операции по организации связи с агентурой, руководил подготовкой агентов-нелегалов и их выводом на территорию противника. В 1943-1944 гг. выезжал в Тегеран и дважды в Афганистан для выполнения специальных заданий по ликвидации германской агентуры в этих странах, действуя под фамилией полковника Михайлова. С 20.10.1945 г. по 19.01.1946 г. находился в Берлине в качестве резидента объединенной резидентуры внешней разведки в Германии и заместителя политического советника при Главноначальствующем СВАГ. С мая 1946 г. - нач. управления "1-Б" (нелегальная разведка) и зам. нач. ПГУ МГБ СССР. С 29.07.1947 г. - нач. 4-го Управления (нелегальная разведка) КИ при СМ СССР, с 19.05.1949 одновременно член КИ. С 09.09.1950 - зам. нач. Бюро № 1 МГБ СССР по разведке и диверсиям за границей. С ноября 1952 г. - зам. нач. ПГУ МГБ СССР и нач. управления "С" (нелегальная разведка). С марта 1953 г. - зам. нач., с 28.05.1953 - и.о. начальника ВГУ МВД СССР. С 17.07.1953 - нач. отдела НР ВГУ. С марта 1954 г. - и.о. начальника Спецуправления (НР), врио заместителя начальника ПГУ. С 6.09.1955 - нач. Спецуправления и зам. нач. ПГУ КГБ при СМ СССР. В ноябре 1956 г. направлен в Венгрию в качестве заместителя руководителя опергруппы КГБ И.А. Серова. Участвовал в оперативно-чекистских мероприятиях по подавлению венгерского восстания, задержании активных повстанцев и изъятии оружия у населения, а также в захвате и вывозе в Румынию бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя. С 23.03.1957 - уполномоченный КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР, действовал под прикрытием должности советника Посольства СССР в ГДР. Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, знаком "Почетный сотрудник органов госбезопасности", чехословацким орденом "Боевой крест 1939 г.", югославским орденом "Партизанская звезда" 1-й степени (1946), орденом ГДР "За заслуги перед Отечеством" в золоте (1958), государственными наградами Польши. В середине июня 1961 г. срочно вызван в Москву. 27 июня на теннисном корте Московского комплекса "Динамо" во время игры с начальником ГРУ ГШ И.А. Серовым скончался от разрыва аорты. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ГРИБАНОВ Олег Михайлович (1915 - ?). 12.04.1956 назначен начальником 2-го Главка (контрразведка) КГБ при СМ СССР (вместо П.В.Федотова). Постановлением СМ СССР от 16.09.1959 включен в числе 11 руководителей центрального аппарата в состав Коллегии КГБ. Другим постановлением СМ от 5 февраля 1960 "О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении их штатной численности" возглавляемому им управлению были переданы кадры и функции упраздненных 4-го, 5-го и 6-го управлений. 3 июня 1964 г. освобожден от обязанностей члена Коллегии и начальника 2-го главного управления КГБ постановлением СМ СССР № 485 от 03.06.1964, 6 июня его сменил зам. пред. КГБ С.Г.Банников. Генерал-лейтенант.

СЛАДКЕВИЧ Моисей Иосифович. Родился в 1906 г. в местечке Яковичи Суражского уезда Витебской области. В 1923-1926 гг. - курсант Кавалерийской школы РККА. В 1926-1930 гг. - ком. взвода, в 1930-1931 гг. - ком. эскадрона 51-го кав.полка, с 1931 г.- ком. эскадрона 12-го кав.полка войск ОГПУ. В 1932-1936 гг.- курсовой командир, командир-руководитель тактики 2-й школы погранохраны войск ОГПУ - НКВД. В 1936-1939 гг.- слушатель военной Академии им. М.В.Фрунзе. С 08.03.1939 - нач. штаба Главного управления войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. С марта 1941 г.- зам. нач. Главного управления войск НКВД по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности. С августа 1941 г. - зам. нач. ГУВВ НКВД СССР. С 1942 г.- зам. нач. Управления внутренних войск НКВД по охране железных дорог. С октября 1944 г. - зам. нач. (фактически - и.о.) ВВ НКВД - МГБ СССР. С 17.08.1949 - нач. Управления ВВ МГБ СССР в Германии. С 19.03.1953 - нач. штаба внутренней охраны и зам. нач. Главного управления внутренней охраны МВД СССР. С августа 1953 г. освобожден от должности и назначен главой кафедры Военного института МВД СССР, где проработал до 1960 г. В 1956 г. выезжал в Венгрию в составе "группы семи" представителей руководства КГБ. В 1960 г. вышел в запас. Генерал-лейтенант (1944).

ЗЫРЯНОВ Павел Иванович (1907-1992) - третий заместитель начальника 3-го Управления КГБ, с ноября 1956 г. - начальник Главного управления погранвойск КГБ при СМ СССР, с 01.04.1957 - член КГБ при СМ СССР; с 16.09.1959 по 15.12.1972 - член Коллегии КГБ при СМ СССР. Генерал-майор.

КАЛЛИСТОВ Н.Д. - в начале 1958 г. назначен и.о. начальника Следственного управления КГБ при СМ СССР (07.07.1958 в этой должности его сменил Н.Ф.Чистяков); член группы семи представителей руководства КГБ в Венгрии в 1956 г. Генерал-майор.

КАДАР Янош (1912), деятель венгерского и международного коммунистического движения, трижды Герой Социалистического Труда ВНР (1962,1972,1982), Герой Советского Союза (1964), первый секретарь ЦК ВСРП с 1957 г. С 1931 г. - член КП Венгрии (КПВ). С 1942 г. - член ЦК, а с 1943 г. - секретарь ЦК КПВ. Один из организаторов движения Сопротивления в Венгрии. С 1945 - член Политбюро ЦК, в 1940-1948 гг. - зам. генерального секретаря ЦК КПВ; в 1948-1950 гг. - зам. генерального секретаря Венгерской партии трудящихся (ВПТ). С июля 1956 г. - член Политбюро (с согласия Микояна, Суслова и Хрущева) и секретарь ЦК ВПТ, затем в 1956-1957 гг. - председатель временного ЦК ВСРП. 04.11.1956 К. и члены венгерской делегации на "переговорах" в Текеле о выводе советских войск из Венгрии были арестованы председателем КГБ И.А.Серовым и доставлены на самолете в Москву. Уже 07.11.1956 К. прибыл как глава венгерского правительства в Будапешт и публично принес присягу.

В 1956-1958 гг. - председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. В 1958 - 1961 гг. - государственный министр, а в 1961-1965 гг. - председатель Совета Министров ВНР. С 1965 г. - член Президиума ВНР. Лауреат Международной Ленинской премии (1977).

КОШУТ Лайош (1802-1894) - лидер движения венгерского народа за независимость в период революции 1848-1849 гг. в Венгрии. С сентября 1848 г. - глава Комитета защиты родины, преобразованного в октябре того же года в правительство; в мае - августе 1849 г. - верховный правитель. Инициатор создания в июле 1848 г. венгерской национальной армии, а также - издания в апреле 1849 г. Декларации независимости,

объявившей о низложении правления династии Габсбургов. 11 августа 1849 г. передал власть А.Гергею и отправился в эмиграцию, был близок с А.И.Герценом.

ЛЕОНОВ Дмитрий Сергеевич (1899 - 1981) - член Военного совета Ленинградского военного округа, затем постановлением СМ СССР № 1692-666с от 08.07.1953 назначен начальником 3-го Управления (военная контрразведка) МВД СССР, с 13.03.1954 по 11.06.1959 - член Комитета госбезопасности при СМ СССР. Генерал-лейтенант.

ОСТРЯКОВ Сергей Захарович - второй заместитель начальника 3-го Управления КГБ при СМ СССР. Генерал-майор.

Глава 11. "Холодные" шестидесятые. Страницы истории.

СЕМИЧАСТНЫЙ Владимир Ефимович (1924-2001). Родился 15 января 1924 г. в селе Григорьевна Днепропетровской области. Член ВКП(б) с 1944 г. 1941-1942 гг. - студент Днепропетровского химико-технологического института. Трудовую деятельность начал с 1941 г. Долгие годы был на комсомольской и партийной работе. 1961-1967 гг. - председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Генерал-полковник. Умер в 2001 году.

АНДРОПОВ Юрий Владимирович. Родился 2(15) июня 1914 г. на станции Нагутная Ставропольского края. Член ВКП(б) с 1939 г. Образование высшее. Учился в Петрозаводском университете. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1936 г. на комсомольской и партийной работе. В 1954-1957 гг. - посол СССР в Венгрии. С ноября 1962 г. - секретарь ЦК КПСС. С мая 1967 г. по май 1982 г. - председатель КГБ СССР. Генерал армии. С 21.06.1967 - кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, с 27.04.1973 - член Политбюро ЦК КПСС, с 12.11.1982 - Генеральный секретарь ЦК КПСС, глава Советского государства. Умер 9 февраля 1984 г.

СВЕТЛИЧНЫЙ Михаил Петрович (р. 1915) - генерал-лейтенант, член Коллегии КГБ при СМ СССР с 09.08.1962 по 18.10.1967, нач. УКГБ по Москве и Московской области с 09.01.1962 по октябрь 1967.

ЛЯЛИН Серафим Николаевич (1908 - февраль 1978) - генерал-лейтенант (09.12.1964), уроженец Тулы, член партии с 1929 г. ; в 1937 г. окончил Ленинградский механический институт; с 1939 г. - парторг ЦК ВКП(б) на Тульском патронном заводе; с сентября 1941 г. - директор этого завода в Туле, затем на Урале и вновь в Туле; с декабря 1944 г. - секретарь, а с 1948 г. - 2-й секретарь Тульского обкома; с 23.08.1951 - зам. нач. 2-го Главка МГБ СССР; 01.08.1958 - 21.08.1959 - зам. пред КГБ при СМ СССР; 25.08.1959 - 16.03.1961 - нач. ОТУ КГБ при СМ СССР; 16.03.1961 - 18.10.1967 - нач. 8-го Главного управления КГБ при СМ СССР; с 18.10.1967 - нач. УКГБ по Москве и Московской обл.; с 07.01.1971 - нач. УОО КГБ ГСВГ; с августа 1973 г. на пенсии.

ФАДЕЙКИН Иван Анисимович (1917-1979) - генерал-лейтенант, в 1939 окончил Куйбышевский институт журналистики; в том же году по партмобилизации призван в РККА. В годы ВОВ находился в действующей армии, занимал должность комиссара, командира полка, нач. штаба дивизии; трижды ранен. После войны - на ответственной работе в Министерстве обороны. В 1949 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В том же году переведен на работу во внешнюю разведку. Закончил высшую разведшколу Комитета информации, затем работал в центральном аппарате разведки. С 1950 по 1954 г. в зарубежной командировке в Берлине (начальник отдела внешней разведки, а затем заместитель начальника инспекции по вопросам безопасности при верховном комиссаре СССР в Германии). Принимал личное участие в разработке и ликвидации крупных агентурных групп спецслужб США, Англии и ФРГ на территории ГДР. В 1954 г. работал начальником отдела. С 1961 являлся заместителем, а с 19.02.1963 начальником Третьего управления КГБ СССР; освобожден от должности 23.02.1966 г. В 1966 году - уполномоченный КГБ в Германии, потом работал представителем КГБ при МВД ГДР. В 1974 году - в Москве, работал в центральном аппарате разведки. В 1978 году выезжал в служебную командировку по линии разведки в Иран. Награжден орденами Октябрьской Революции, четырьмя - Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды. Удостоен нагрудного знака "Почетный сотрудник госбезопасности".

ЦИНЕВ Георгий Карпович (1907-1996) - генерал армии (13.12.1978), Герой Социалистического Труда (1977), уроженец Екатеринослава (Днепропетровск), член партии с 1932 г. Окончил Днепропетровский металлургический институт в 1934 г.; Военную академию Генштаба Вооруженных сил СССР в 1953 г. С 1922 г. - рабочий, с 1925 г. - бригадир на Днепропетровском з-де им. Петровского; с 1934 г. - мастер, инженер, и. о. нач. цеха на з-де им. К. Либкнехта в Днепропетровске; с 1939 г. - на партийной работе: зав. металлургическим отделом Днепропетровского горкома; 1939-1941 гг. - первый секретарь Ленинского райкома, секретарь по кадрам Днепропетровского горкома КП(б)У; в мае-июле 1941 г. - 3-й секретарь Днепропетровского горкома КП(б)У; с июля 1941 г. - в действующей армии на руководящей политической работе: комиссар полка, комиссар штаба оперативной группы, зам. нач. политуправления Калининского фронта, нач. политотдела 4-й ударной, 57-й армий 3-го Украинского фронта; с октября 1945 г. - нач. экономического отдела, а с апреля 1946 г. - пом. военного комиссара Советской части Союзнической Комиссии в Австрии; 28.08.1950-28.07.1951 - зам. Верховного комиссара в Австрии от СССР; 21.09.53-24.06.58 - нач. ОО МВД-КГБ ГСВГ; с 24.06.1958 - нач. Военного института КГБ при СМ СССР; с 24.10.1960 - нач. спец. управления в 3-м управлении КГБ при СМ СССР; с марта 1961 г. - зам. нач. 3-го управления КГБ при СМ СССР; с 23.02.1966 - нач. 3-го управления КГБ при СМ СССР; с 24.05.1967 - член Коллегии КГБ при СМ СССР; с 24.07.1967 - нач. 2-го главного управления КГБ при СМ СССР; 28.07.1970 - 25.01.1982 - зам. пред. КГБ при СМ СССР - КГБ СССР; 25.01.1982-01.12.1985 - первый зам. пред. КГБ СССР; с 1986 г. - в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

ЦВИГУН Семен Кузьмич (1917-19.01.1982) - генерал армии (13.12.1978), Герой Социалистического Труда (27.09.1977), уроженец с. Стратиевка Чечельницкого района Винницкой обл., член партии с 1940 г. Окончил исторический факультет Одесского педагогического института в 1937 г. В 1937-1938 гг. - учитель истории, в 1938-1939 гг. - директор средней школы в г. Кодыма Одесской обл.; с ноября 1939 г. - в органах государственной безопасности, сотрудник УГБ НКВД Молдавии; в июле 1941 г. - январе 1942 г. - сотрудник ОО НКВД Южного фронта; в январе - марте 1942 г. - сотрудник УНКВД Смоленской обл. в г. Юхнове; с 1 апреля 1942 г. - опер. уполн. 4-го управления НКВД СССР; в ноябре 1942 г. - марте 1943 г. -

зам. нач. ОО 387-й стр. див. 2-й гв. армии Сталинградского фронта; в марте 1943 г. - сотрудник, с февраля 1944 г. - начальник розыскного отд. ОКР "СМЕРШ" Южно-Уральского ВО; с ноября 1944 г. - нач. ОКР "СМЕРШ" Тонкого гарнизона Южно-Уральского ВО; с 1946 г. сотрудник МГБ Молдавской ССР; 1949-1951 гг. - зам. нач., нач. 2-го отдела МГБ Молдавской ССР; с 23.10.1951 - зам. министра ГБ Молдавской ССР; с 23.03.53 - зам. министра внутр. дел Молдавской ССР; 03.05.1954-23.08.1955 - зам. пред. КГБ при СМ Молдавской ССР; с 23.08.1955 - первый зам. пред., с 02.04.1957 - председатель КГБ при СМ Тадж. ССР; 20.09.1963-23.05.1967 - председатель КГБ при СМ Азербайджанской ССР; 23.05.1967 - 24.11.1967 - зам. пред. КГБ при СМ СССР; 24.11.1967 - 19.01.1982 - первый зам. пред. КГБ при СМ СССР - КГБ СССР. Покончил жизнь самоубийством.

ФЕДОРЧУК Виталий Васильевич (1918) - генерал армии (17.12.1982), уроженец с. Огневка Ружинского р-на Житомирской обл., член партии с 1940 г. Окончил Киевское войсковое училище им. Калинина в 1938 г. С 1934 г., по окончании семилетки, инструктор-массовик многотиражной газеты МТС, литературный работник районной газеты в Житомирской обл.; с 1936 - в РККА, участник боев на Халхин-Голе; с 1939 г. - в органах госбезопасности, опер. уполн. ОО НКВД Уральского ВО; с 1941 г. - на фронте, зам. нач. ОО НКВД 82-й мотострелк. див. Западного фронта; с апреля 1942 г. - в ОО НКВД Московского ВО; 1946-1953 гг. - на руководящей работе в системе МГБ СССР; 1954-1955 гг. - зам. нач. ОО КГБ Центральной группы войск; с июля 1955 г. - зам., а с февраля 1958 г. - нач. ОО КГБ Московского ВО; 19.02.63-23.02.66 - зам. нач. УОО КГБ ГСВГ; с 23.02.66 - нач. УОО КГБ ГСВГ; с 15.09.67 - нач. 3-го управления КГБ при СМ СССР; с 15.07.70 - член Коллегии КГБ при СМ СССР; с 16.07.70 - пред. КГБ при СМ УССР; 26.05.82-17.12.82 - председатель КГБ СССР; 17.12.82-24.01.86 - министр внутренних дел СССР; с января 1986 г. - в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

БЕЛОБОРОДОВ Афанасий Павлантьевич (1903-1990), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), генерал армии. В Красной Армии с 1923 г. В июне 1941 г. полковник. В ходе войны с окт. 1941 г. на Зап., Юго-Зап., Калинин., 1-м Прибалт, фронтах; ком. 78-й (с 27 нояб. 1941 г. 9-я гвард.) стрелковой дивизией (1941-42), с окт. 1942 г. - 5-го гвард., а с авг. 1943 г. - 2-го гвард. стрелкового корпуса. С мая 1944 г. команд. 43-й армией, особо отличившейся при прорыве обороны противника в районе Витебска, Полоцка, при форсировании Западной Двины и в боях за Кенигсберг. В августе-сентябре 1945 г. - командовал 1-й Краснознаменной армией, участвовавшей в разгроме японской Квантунской армии. После войны на командных должностях в СА. В 1960-х гг. - командующий Московским военным округом.

Фотографии. Часть 1

Семья А.М. Гуськова: отец - Михаил Родионович, сестры - Анна, Татьяна, А.М. Гуськов, мать - Васса Карповна. 1932 г.

Слева-направо: А.М. Гуськов - начальник ОО 307-й стрелковой дивизии, Д.А. Зорин - комиссар 307-й стрелковой дивизии. Брянский фронт, 1941 г.

*Командование 307-й стрелковой дивизии.
В верхнем ряду в середине – А.М. Гуськов. Май 1942 г.*

*Лейтенант госбезопасности
Р.И. Гуськова. Москва. 1951 г.*

*А.М. Гуськов (с орденом Красной
Звезды). Фронт. 1943 г.*

Сотрудники Особого отдела 307-й стрелковой дивизии. 1942 г.

Подполковник А.М. Гуськов. 3-й Белорусский фронт. 1944 г.

Маршал Советского Союза А.А. Гречко и Н.С. Хрущев. На заднем плане – А.М. Гуськов.

Баку. Во время Первомайской демонстрации. На трибуне справа налево: 1-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР И. Д. Мустафаев, председатель Совмина республики Рагимов, 2-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Самедов, 3-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР Искендеров, член бюро ЦК КП Азербайджанской ССР, председатель КГБ Азербайджана генерал-майор А.М. Гуськов. 1954 г.

А.М. Гуськов вместе с Цеденбалом – первым секретарем ЦК Монгольской народной партии, председателем Народного Хурала Монголии. Баку. 1954 г.

Президент Бирмы У-Ну. Баку. 1955 г.

Удостоверение А.М. Гуськова, депутата Верховного Совета СССР 4-го созыва. 1954 г.

*А.М. Гуськов с сотрудниками центрального аппарата КГБ Азербайджана.
Баку, 1955 г.*

*А.М. Гуськов и председатель Совета министров ГДР Отто Гротеволь с группой специалистов.
Баку, 1956 г.*

А.М. Гуськов и Отто Гротеволь с супругой. Баку, 1956 г.

Секретный циркуляр
ЦК КПСС № Т808/22 от
25.10.1960 г. об учреждении
комиссии по изучению
причин катастрофы на
Байконуре 24.10.1960 г.

Подлежит возврату в течение 24 часов
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

~~СТРОГО СЕКРЕТНО~~
ОСОБАЯ ПАПКА

~~Прислать текст стран. информации~~

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ Т808/22

Т.т. Брежнев, Ковалов.

Выписка из протокола № 308 заседания Президиума ЦК от 25 октября 1960 г.

Вопрос Министерства обороны.

Утвердить Комиссию в составе т.т. Брежнева, Гречко, Устинова, Руднева, Калмыкова, Сербина, Гуськова, Табакова и Телина для расследования причин катастрофы и принятия мер в воинской части 11284.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

ОСОБАЯ ПАПКА
~~СТРОГО СЕКРЕТНО~~
(90)

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
0275
25.10.1960
В. С. ТАБОВ

ЦК КПСС

В соответствии с поручением ЦК КПСС комиссией рассмотрены на месте обстоятельства катастрофы при испытании ракеты Р-16, имевшей место 24 октября 1960 года в НИИП-5 Министерства Обороны СССР.

Выяснением причин катастрофы с участием ведущих специалистов установлено следующее:

Ракета Р-16 с 26 сентября с.г. находилась на полигоне научно-испытательном корпусе. В процессе технической подготовки выявлены отдельные недостатки в аппаратуре управления, в частности, в сети, которая устанавливалась с помощью средств обслуживания полигона. Проведение указанных мероприятий позволит в дальнейшем по испытанию ракеты Р-16.

Л. БРЕЖНЕВ
А. ГРЕЧКО
Л. УСТИНОВ
К. РУДНЕВ
В. КАЛЫКОВ
И. СЕРБИН
А. ГУСКОВ
Г. ТАБОВ
Г. ТЕЛИН

Примечание:

Секретариат ЦК КПСС

Текст телефонограммы
М.К. Янгеля в ЦК КПСС
с места происшествия.
Байконур. 1960 г.

А.М. Гуськов на церемонии прощания с погибшими во время трагедии на Байконуре 24.10.1960 г.

Байконур. Октябрь 1960 г. Члены комиссии ЦК КПСС на траурном митинге (на трибуне Л.И. Брежнев, А.А. Гречко, А.М. Гуськов и другие)

PÉCS MEGYEI JOGÚ VÁROS TANÁCSA
VÉGBENJÁRÓ BIZOTTSÁGÁNAK
ELNÖKSÉLYÉTRE

Pécs város dolgozóin
nérem ajándékozni Gusz-
kov elvtársnak, kit sokan
emlegetnek és minden ki-
csinyes dolgozója minél több
Pécs 1960. jún. 25-én
Dobosy László
Havassy László

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ГОРОД-
СКОГО ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА г.ПЕЧ

Скромный подарок тов.ГУСКОВУ от трудящихся
города Печ, которые так хорошо его помнят и в своих
сердцах сохранили о нём самые лучшие воспоминания.

гор.Печ, 25 июня 1960 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРСОВЕТА
ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА - ПАП Миро

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПОЛИЦИИ - НЕМЕШ Агата

ГАРАНТ Ласло

Благодарственное письмо
А.М. Гуськову председателя
областного исполкома города Печ
(Венгрия) от 25 июня 1960 г.
(на венгерском и русском языках)

Фотография Ю.А. Гагарина с его собственноручной дарственной подписью: "Гуськову Анатолию Михайловичу. 21.04.61 г."

Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский. В первом ряду второй слева - генерал-майор А.М. Гуськов во время встречи с первыми выпускниками Московского высшего командного училища ("Кремлевскими курсантами"). 1962 г.

Встреча с первым в мире космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным после его полета в космос в служебном кабинете начальника военной контрразведки Советского Союза генерал-майора А.М. Гуськова 17 июня 1961 г. Ю.А. Гагарин показывает на глобусе траекторию своего полета.

Служебное удостоверение КГБ СССР № 061 генерал-майора в отставке А.М. Гуськова.

Встреча на одном из военных полигонов в Будапеште во время проведения совещания представителей командования стран – участниц Варшавского договора. 1962 г. Слева направо: Главком объединенных вооруженных сил Варшавского договора, Маршал Советского Союза А.А. Гречко, Главком ВВС, маршал авиации К.А. Вершинин, генерал армии П.И. Батов, маршал И.Х. Баграмян, начальник военной контрразведки СССР генерал-майор А.М. Гуськов.

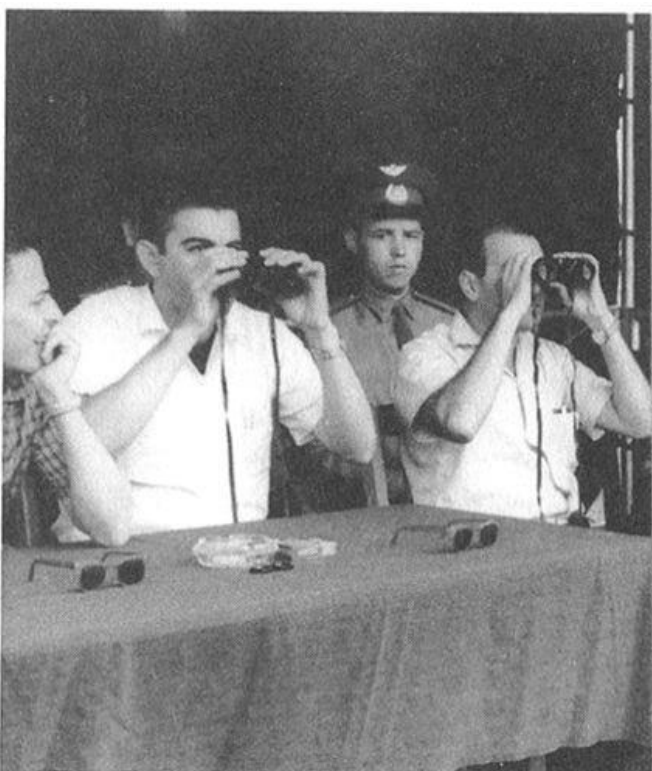
А.М. Гуськов с офицерами кубинских спецслужб. Москва. Июль 1962 г.

А.М. Гуськов с представителями кубинских спецслужб на подмосковном полигоне. Июль 1962 г.

*А.М. Гуськов с представителями кубинских спецслужб в Подмоскowie.
Июль 1962 г.*

*А.М. Гуськов с представителями кубинских спецслужб во время учений на
подмосковном полигоне. Отработка элементов операции "Анадырь".
Июль 1962 г.*

*Маршал Советского Союза Р.И. Малиновский.
На заднем плане – А.М. Гуськов.*

Почетная грамота, выданная генерал-майору А.М. Гуськову "за достигнутые успехи в работе и безупречную службу в органах Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР" председателем КГБ СССР В.Е.Семичастным 02.09.1964 г.

Товарищу Гуськову А.М.

От имени Коллегии Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР горячо и сердечно поздравляю Вас с 60-й годовщиной органов ВЧК-КГБ. Этот славный юбилей отмечается в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменованный принятием новой Конституции СССР.

Созданные В. И. Лениным органы ВЧК-КГБ вписали яркие страницы в историю защиты завоеваний Великого Октября. Высокая оценка деятельности органов государственной безопасности дана XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза.

За время долголетней и плодотворной работы в Комитете государственной безопасности Вы прошли большой и славный путь, отдавая свои силы и знания благородному делу обеспечения безопасности нашей любимой Родины.

Желаю Вам доброго здоровья и большого личного счастья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АНДРОПОВ

Поздравление А.М. Гуськова в связи с 60-й годовщиной образования органов ВЧК – КГБ от имени председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова.

А. М. Гуськов с председателем военного трибунала Московского военного округа Н. И. Соколовым, 1966 г.

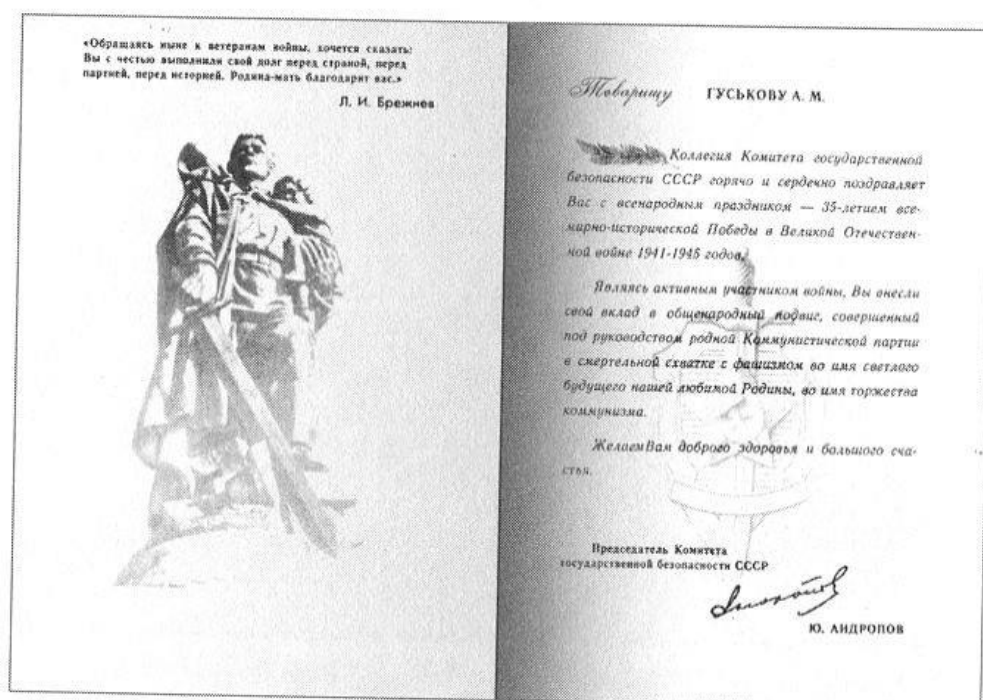
А.М. Гуськов выступает перед слушателями Высшей школы КГБ СССР.

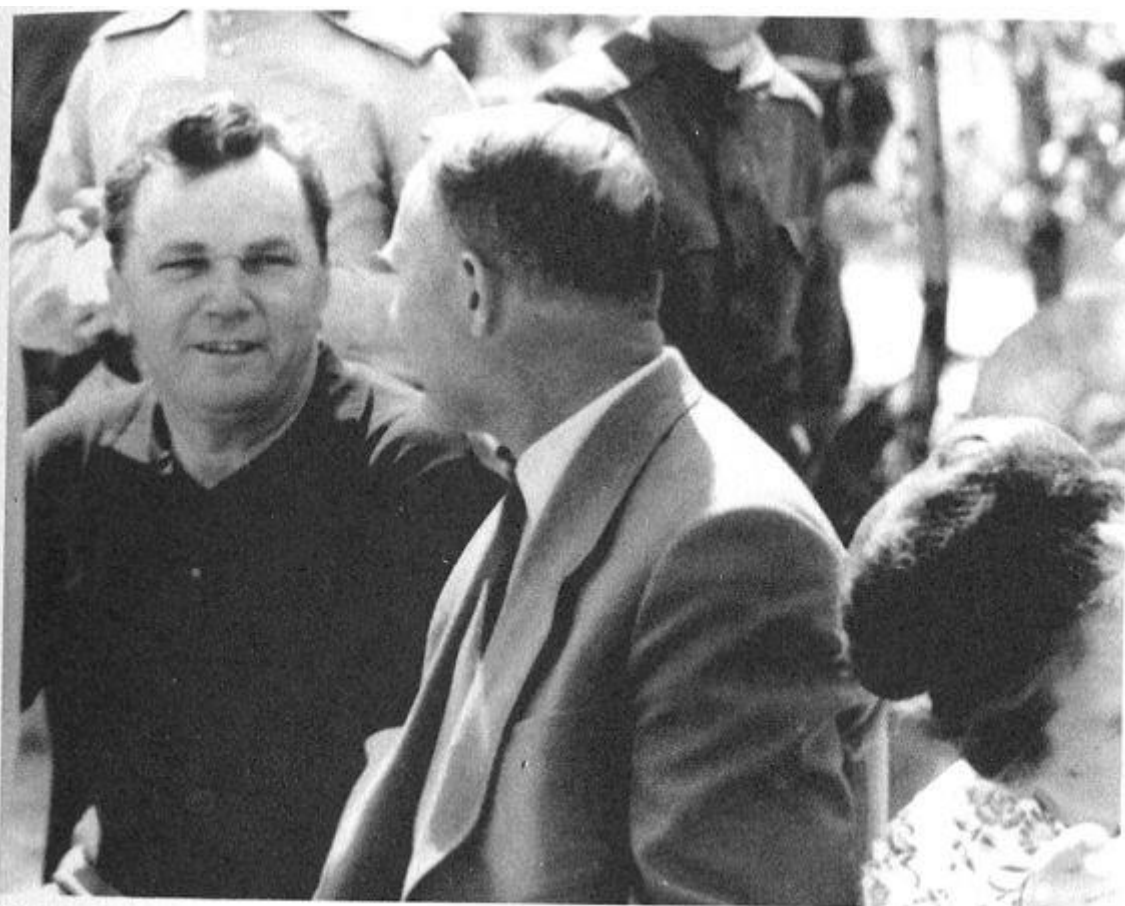
Удостоверение личности генерал-майора А.М. Гуськова – начальника в/ч 14057 (начальника Управления военной контрразведки Московского военного округа) от 12 февраля 1969 г.

*А.М. Гуськов с коллективом сотрудников Особого отдела
Московского военного округа.*

Поздравление А.М. Гуськова с 35-летием Победы в Великой Отечественной войне от имени председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова.

Генерал-майор А.М. Гуськов и генерал-полковник, трижды Герой Советского Союза Иван Николаевич Кожедуб. 1968 г.

Уважаемый Анатолий Михайлович!

В связи с нахождением на лечении я не смог лично поблагодарить за совместную работу в округе Вас и весь коллектив вверенного Вам управления.

Хочу письменно выразить лично Вам, офицерам и служащим управления свою искреннюю признательность за дружную совместную службу и от всей души пожелать дальнейших успехов в работе, самого хорошего здоровья и личного счастья.

С уважением -

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Белобородов
- А. БЕЛОБОРОДОВ

*Личное письмо
Командующего МВО
дважды Героя Советского
Союза, генерала армии
А.П. Белобородова в адрес
А.М. Гуськова. 1970 г.*

А.М. Гуськов в парадном мундире. 1980 г.

А.М. Гуськов. 1983 г.

Анатолий Михайлович и Раиса Ивановна Гуськовы. 1970 г.

Автобиография.

Я, Гуськов Анатолий Михайлович, родился в 1914 году, в селе Лопов (22 августа ст. ст.) в г. Москве, по адресу: Варшавское шоссе, дом 7, корт. 2, кв. 11.

Мои родители: отец - Гуськов Михаил Родионович, 1889 года рождения, и мать - Гуськова Васса Карловна, 1887 года рождения по национальности русские, являвшиеся до Октябрьской революции и после нее - рабочими.

Оба работали на текстильной фабрике, ныне ар. ко. им. М.И. Калинина. Отец с 1907 года и по настоящее время, а мать с 1905 года и до 1942 г., в настоящее время находясь на социальном обеспечении, тем

время с 1924 года.

Я с 1921-22 по 1929 год учился в неполной средней школе, которую окончил в 1928 ^{23 августа 1928} году.

С 1929 г. по 1931 год учился в школе ФЗУ завода "Мосэлектр", по адресу: б. Садовническая ул., д. 52 (ныне ул. Осипенко).

Окончив школу ФЗУ и получив специальность токаря по металлу, я был направлен на работу на этот же завод. Работая на заводе токарем, в 1931 г. поступил на Рабфак при Московском Недражном институте, который успешно окончил к началу 1932 учебного года и был принят студентом технологического факультета Недражного института.

В 1934 году окончил институт и получил специальность инженера-технолога по переработке

Направлен на работу на Бердянский крекинг-завод (г. Осипенко), где был назначен дежурным инженером в основном цехе.

Далее, на этом заводе работал начальником Кренинг-цеха и с конца 1938 года до ухода на работу в органы НКВД, т.е. до августа 1939 года, - главным инженером завода.

С 1934 г. по январь 1939 г. состоял членом ВККСМ. В январе 1939 г. партийной организацией Кренинг-завода избран кандидатом в члены ВККСМ.

С 1 сентября 1939 года был назначен слушателем Высшей школы НКВД СССР (в Москве), по окончании которой непрерывно работал в НКВД. Мной на руководящие должности.

В период Великой Отечественной войны находился все время на фронте. За выполнение специальных заданий командования за период войны награжден 4 орденами и 5-ю медалью Советского Союза.

В феврале 1942 (1942) года, находясь в составе 307 стрелковой дивизии, был избран в члены ВКП(б). За время пребывания в Комсомоле и в партии никаких изменений не имел. Продолжал избираться в Комсомолские и партийные органы.

Так, например, в 1938 году был избран 2-м секретарем Бердянского Райкома ВККСМ, в 1944 году избран членом окружной Партийной Комиссии войск НКВД 3-го Белорусского фронта, в 1949 году - членом Райкома Высшей одиозной школы МВД СССР.

Сведения о моих родственниках.

Я имело двух сестер:

а) старшая - Гускова Анна Михайловна, 1911 года рождения, уроженка г. Москвы, замужняя, по мужу - Каменина.

В настоящее время проживает в Москве по адресу: Малые коски, дом 7, комн. 2

б) младшая - Гускова Татьяна Михайловна 1921 года рождения, незамужняя, проживает совместно с родителями. В настоящее время работает инженером на заводе.

С 1938 по 1949 год я был женат на Гусковой (девичья фамилия Маринцева) Клавдии Павловне, которая в марте сгинула. Она умерла, имея двух сыновей в возрасте 10 и 8 лет, которые проживают со мной.

Из моих родственников никто не судился, не лишался избирательных прав и не проживал за границей, а равно и на оккупированной территории противником в период Великой Отечественной войны.

В настоящее время проживаю по адресу Москва, г-д Мещанская ул., д 12/21, кв. 3.

11 октября 1949г.

Гусков

18 мая

2

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

3

24.8.41г.Авангардные части 47 Танкового корпуса генерала фон-ЛЕЙБЛЬЗЕНА группы генерала ГУДЕРИАНА начали свое наступление в общем направлении на ПО-ЕП,ТРУБ-ЕВСК,завязав с 25.8.41 встречные бои с частями вверенной мне 269 Стрелковой дивизии,входившей тогда в 45 Стр.корпус.

269 с.д. удержала в течении 24-26.8.41.занимаемые ею полевые рубежи,но сосед справа,280 с.д. отошла на заранее подготовленные позиции юго-западного фаса Брянского УР,а сосед слева,282с.д.,была опрокинута и отброшена к Р.Десне.

Управление 45 С.К. было потеряно,т.к.Штаб Корпуса был атакован и разогнан танками противника.

Таким образом,имея обнаженные фланги и коммуникации,находящиеся под угрозой выхода на них подвижных частей противника из района МАГОР,СЕМЕЧКИ,АЛАДЬИНО 269 с.д. была вынуждена обратить серьезное внимание на охрану своего тактического тыла.

Продолжая 27-29.8.41.упорные бои,269с.д.,контратакуя с фронта 63 мото-полк противника в районе СЕМЧ,одновременно оказалась обойденной с левого фланга в направлении ПЛЕСКОВО.

В распоряжении командования 269 с.д.,целиком втянутой в бой,уже не было никаких резервов и на этом направлении были использованы лишь команды тыловых учреждений дивизии,а в основном,взвод Особого отдела дивизии и сотрудники Особого отдела,во главе с начальником Особого отдела 269с.д.,Ст.Лейтенантом Госбезопасности тов.ГУСЬКОВЫМ АНАТОЛИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ.

Выполняя мое задание по наведению порядка в тылу,частям дезорганизованном отдельными подразделениями отступавшей 282с. Начальник Особого отдела 269с.д. Ст.ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ А.М.ГУСЬКОВ лично командовал взводом ОО и группой сотрудников ОО,отражая попытки групп автоматчиков мото-пехоты противника,перехватить пути подвоза и эвакуации 269с.д.

В боевой обстановке,увлекая бойцов и сотрудников ОО своим личным примером,тов.ГУСЬКОВ А.М. удержал до 29.8.41,до подхода нашей 103 Танковой дивизии район ПЛЕСКОВО,обороняя этим самым важнейшую коммуникацию УТ-КОТОВКА.

За проявленную находчивость,инициативу,личное мужество и храбрость в боевой обстановке,непосредственно на линии фронта я считаю б.Начальника Особого отдела 269с.д.,ныне Начальника ОО НКВД третьей отдельной бригады войск НКВД Ст.Лейтенанта Госбезопасности,члена ВКП/б/,т.ГУСЬКОВА А.М.,1914г. рождения,уроженца г.МОСКВЫ,достоинным награждения Правительственной наградой и ходатайствую,о награждении его орденом "Красное Знамя"

Б. КОСЯКОВ, 269 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ,
В ОДНОВРЕМЯ ШТАБА З РЕЗЕРВНОЙ
А. ЛЕВЧЕНКО /ТАРНИН/

*Боевая характеристика в связи с представлением А.М. Гуськова
к ордену Красного Знамени. 1942 г.*